

А.С.ВАСИЛЬЕВ

История Востока

ВЫСШАЯ ШКОЛА

9(3) 2. Научно-образов. 28p
B-19
Л.С.ВАСИЛЬЕВ

История Востока

165541
Издание второе,
исправленное и дополненное

Рекомендовано
Министерством образования
Российской Федерации
в качестве учебника
для студентов вузов

Москва
"Высшая школа"
2001

УДК 931
ББК 63.3(0)31
В 19

Рецензенты:

кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова (зав. кафедрой — директор ИСАА при МГУ, д-р ист. наук, проф. *М.С. Мейер*; д-р ист. наук, проф. *А.В. Меликсетов*)

Васильев Л.С.

В 19 История Востока. В 2 т. Т. 2: Учеб. по спец. «История». — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 2001. — 559 с.

ISBN 5-06-003961-7 (т. 2)

Второй том двухтомника, посвященного истории Азии и Африки с древности и до сегодняшнего дня, касается событий XIX — XX вв., когда колониальный и постколониальный Восток, подвергаясь давлению со стороны западных держав, сопротивляясь и приспосабливаясь, модернизировался и выбирал свой путь развития. В книге обращено внимание на роль религиозно-цивилизационной традиции в процессе поисков путей развития современного Востока. Говорится и о возрастающей роли событий на Востоке для судеб мирового сообщества.

Для студентов вузов, преподавателей школ и колледжей, всех интересующихся историей мировых цивилизаций.

УДК 931
ББК 63.3(0)31

ISBN 5-06-003961-7 (т. 2)
ISBN 5-06-003962-5

© ГУП «Издательство «Высшая школа», 2001

Оригинал-макет данного издания является собственностью издательства «Высшая школа», и его репродуцирование (воспроизведение) любым способом без разрешения издательства запрещено.

Оглавление

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВОСТОК В ПЕРИОД ГОСПОДСТВА КОЛОНИАЛИЗМА (СЕРЕДИНА XIX — СЕРЕДИНА XX В.)

<i>Глава 1. Колониализм на традиционном Востоке</i>	9
Период колониализма на Востоке	9
Истоки колониализма	12
Генезис европейского капитализма и колониализм	14
Колониализм на Востоке	19
Блок первый. Южная и Юго-Восточная Азия	26
<i>Глава 2. Британская Индия</i>	26
Начало трансформации традиционной структуры	28
Сопротивление трансформации	33
Национальный конгресс и борьба за независимость Индии	37
<i>Глава 3. Островной мир юга Азии в период колониализма</i>	42
Голландская Индия (Индонезия)	43
Шри-Ланка (Цейлон)	48
Филиппины	50
<i>Глава 4. Английские и французские колонии в Индокитае</i>	52
Англичане в Бирме	53
Колониальная Малайя	56
Французский Индокитай	59
Сиам (Таиланд)	64
<i>Глава 5. Южная и Юго-Восточная Азия: традиционная структура и колониализм</i>	69
Религии и религиозно-культурные традиции	70
Цивилизационный фундамент и общество	78
Традиционная структура и колониализм	81
Блок второй. Африка	89
<i>Глава 6. Колонизация Африки южнее Сахары</i>	89
Южная Африка	90
Западная и Центральная Африка	98
<i>Глава 7. Колонизация арабской Африки и Эфиопии</i>	105
Марокко	106
Алжир	108
Тунис	110

Ливия	112
Египет	114
Судан	118
Сомали	120
Эфиопия	121
Глава 8. Колониальная Африка: трансформация традиционной структуры	124
Традиционные общества Африки	125
Колониальный промышленный капитал в Тропической Африке	130
Колониализм в арабской Африке	134
Африка и юг Азии как колонии: общность исторических судеб и ее перво- причины	137
Блок третий. Ближний и Средний Восток	139
Глава 9. Османская империя и республиканская Турция	139
Танзимат	139
Зулом и младотурки	142
Кемалистская революция и радикальные преобразования	146
Турция после Кемала	149
Глава 10. Шиитский Иран в XIX — XX вв.	153
Баб и бабиды	153
Иранская революция 1905 — 1911 гг.	155
Иран в борьбе за национальную независимость	158
Экономическое развитие Ирана в 60 — 70-е годы	163
Глава 11. Арабские страны Азии, Кавказ, Средняя Азия и Афганистан	167
Ирак и страны Леванта	167
Арабские государства Аравии	172
Кавказ	177
Средняя Азия	178
Афганистан	180
Глава 12. Мир ислама: традиционная структура и ее трансформация в период колониализма	182
Ислам: религия и общество	184
Соппротивление и приспособление традиционных исламских обществ в период колониализма	189
Блок четвертый. Дальний Восток	198
Глава 13. Китай в середине XIX — середине XX в.	198
Крестьянская война тайпинов	198
Политика самоусиления и попытки реформ	203
Восстание ихэтуаней	207
Сунь Ят-сен и Синьхайская революция	211
Гоминьдан и борьба за единый независимый Китай	214
Японо-китайская война и победа КПК	218
Глава 14. Трансформация и модернизация пореформенной Японии (1868—1945)	220
Реформы и становление основ японского капитализма	221
Агрессивная внешняя политика Японии	225
Япония между Первой и Второй мировыми войнами	226
Япония во Второй мировой войне	228
Корея под гнетом японского колониализма	230
Глава 15. Религиозно-цивилизационный фундамент и особенности развития стран Дальнего Востока	232
Конфуцианство в Китае и XX век	233

Феномен Японии	239
Трансформация Востока в период колониализма (теоретический анализ и сравнительное сопоставление)	246

Глава 16. Колониальный капитал и традиционный Восток	246
Европа и Восток: структурный анализ	246
Колониализм на Востоке	252
Восток после пробуждения (XX в.)	259

Глава 17. Факторы и потенции трансформации	262
Факторы и обстоятельства, влиявшие на процесс трансформации	262
Страны Востока и факторы трансформации	264
Индия и Юго-Восточная Азия: потенции трансформации	268
Потенции мира ислама	271
Потенции трансформации стран дальневосточной цивилизации	274

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ВОСТОК: ПРОЦЕССЫ И ПРОБЛЕМЫ

Глава 1. Африка южнее Сахары после деколонизации	281
Страны Западной Африки	283
Страны Центральной Африки	290
Страны Восточной Африки	295
Страны Южной Африки	302

Глава 2. Африка южнее Сахары: специфика этносоциополитической структуры	309
Отсталость социальной структуры	310
Этнические проблемы и трибализм	312
Трибализм и политическая власть	314
Парламентарная демократия и реалии африканских стран	318
Политика и военные	320
Проблема расизма и поиск самоидентичности	323

Глава 3. Африка южнее Сахары: экономика и ориентация в развитии	325
Ресурсы и экономический потенциал	325
Государство и экономика	328
Социокультурные стандарты и ориентиры	331
Кризис развития и иностранная помощь	333
Стремление к сотрудничеству и компромиссам	338

Глава 4. Арабские страны Африки	340
Страны Магриба: Алжир, Марокко, Мавритания, Тунис, Ливия	341
Египет и Судан	348
Арабская Африка: успехи и неудачи	351

Глава 5. Арабские страны Азии	354
Страны Восточного Средиземноморья	354
Аравийские монархии	361
Арабы Азии и мир арабов сегодня	366
Палестина, Израиль и ближневосточный конфликт	368

Глава 6. Турция, Иран, Афганистан	373
Турция	374
Иран под знаком исламской революции	375
Афганистан	380
Есть ли будущее у исламского фундаментализма?	383

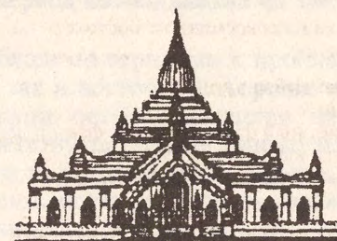
Глава 7. Кавказ, Закавказье и Средняя Азия после распада СССР	386
Россия и Кавказ	387

Закавказье	390
Средняя Азия	397
Проблемы республик постсоветского Востока	408
Глава 8. Южная Азия после деколонизации	413
Реформы и политический курс независимой Индии	414
Проблемы Индии	418
Пакистан и Бангладеш	421
Непал, Бутан, Шри-Ланка	425
Южная Азия и проблемы политической культуры	427
Глава 9. Страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока: социалистические эксперименты	429
Китай, Вьетнам, Северная Корея	430
Конфуцианская традиция и марксистский социализм	444
Монголия, Камбоджа, Лаос и Бирма	446
Социализм в странах буддизма	453
Глава 10. Страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока: путь капиталистического развития	455
Япония	455
Страны, следующие по японскому пути (Южная Корея, Тайвань, Сингапур)	458
Таиланд, Малайзия, Индонезия, Филиппины	462
Глава 11. Восток после деколонизации: наследие колониализма	470
Историческая роль колониализма	470
Колониализм и современные государства Востока	474
Наследие колониализма и Восток	476
Традиционное хозяйство и колониальный капитал: проблемы взаимодействия	480
Государство и экономика на современном Востоке	484
Государство и общество	489
Глава 12. Проблемы развития: выбор пути	496
Эталоны для ориентации	496
Религиозно-цивилизационный фундамент как фактор выбора	499
Условия и обстоятельства выбора пути развития	503
Роль идеологическо-политического поля напряжения	508
Восток на перепутье	510
Глава 13. Пути развития современного Востока. Капитализм или марксистский социализм?	514
Дальний Восток и Юго-Восточная Азия	514
Африка южнее Сахары	518
Исламский Восток	520
Южная Азия	523
Марксистский социализм в России	526
Марксистско-социалистический режим на Востоке	530
Глава 14. Социализм и национализм. Угроза фундаментализма	533
Страны «социалистической ориентации»	534
Немарксистский национальный социализм	536
Угроза фундаментализма	541
Глава 15. Восток сегодня: основные модели и перспективы развития	545
Модель первая, японская	545
Модель вторая, индийская	548
Модель третья, африканская	551
Основные модели и перспективы развития	553
Перспективы Востока и проблемы будущего	556

Часть третья

Восток в период господства колониализма

Середина XIX – середина XX в.

Глава 1

Колониализм на традиционном Востоке

Период колониализма — третий этап истории Востока. Как и оба предыдущих, древность и средневековье, он не был связан с кардинальной ломкой существующей структуры, за исключением, пожалуй, Японии. Но все же этот новый этап — в отличие от средневековья, близость которого к восточной древности вполне очевидна и прослеживается по многим параметрам, — принес Востоку нечто существенно новое, что и побуждает говорить о нем как об отдельном и важном для понимания судеб Востока в целом периоде его истории.

Период колониализма на Востоке

Здесь снова необходимо вернуться к проблеме периодизации истории, как всеобщей, так и восточной. Хорошо известно, что в марксистской историографии особо выделялся период новой истории, формационно соответствующий капитализму и завершающийся в этом его качестве 1917 годом. Существовали, правда, разногласия по поводу того, каким временем следует датировать начало новой истории: то ли французской революцией, то ли английской или даже нидерландской. В любом случае, однако, начало новой истории видели в одной из таких революций. Разумеется, и для истории Европы и даже для всей мировой истории (в которой Европа последние века безусловно лидирует и задает тон) вычленение этапа господства капитализма важно и имеет немалый смысл. Но как при этом быть с Востоком?

Нет слов, всемирная история должна быть всемирной и иметь нечто общее хотя бы при ее периодизации. И когда речь шла о хронологической грани между древностью и средневековьем в начале второй части данной работы, это обстоятельство принималось во внимание, тем более что тогда речь шла об условной грани. Но теперь ситуация несколько иная. Перед нами уже не условный, а действительно новый этап в истории Востока, связанный с проникновением туда колониального капитала вначале преимущественно в торговой, а затем и в промышленной его форме. Совершенно очевидно, что хронологически этот этап, важный для Востока в целом, включая Африку и Латинскую

Америку, не вполне совпадает с хронологическими рамками европейской новой истории. Как же быть?

Легче всего закрыть на это глаза, что обычно и делается в учебных пособиях, а также в специальных работах и энциклопедиях. Раз наступил период новой истории и раз этот период в некотором смысле всеобщий, всемирный, так что же мудрствовать? И история всех стран автоматически делится в соответствии с рамками европейской истории, вне зависимости от того, насколько это соответствует реалиям и динамике исторических событий в той или иной стране и тем более на Востоке в целом. Между тем периодизация как метод интерпретации и даже просто понимания исторических событий тем и ценен, для того и нужен, чтобы увидеть и вычленить определенные закономерности процесса развития. Если же вместо анализа этого процесса идти по пути автоматического пристегивания его к общему ходу событий, то это ничем не отличается от того, чтобы для упрощения понимания считать все древние общества рабовладельческими, а все средневековые — феодальными. Просто и понятно каждому. Но не хватит ли такой простоты?

Вот почему, оставляя в стороне вопросы о периоде новой истории в Европе, о хронологических рамках этого периода и его важности для понимания всемирной истории, стоит поставить перед собой иные: каким временем можно очертить столь важный для истории Востока период господства колониализма, где начало этого периода, чем и почему следует обозначить его конец?

Как уже было показано, начало колониальной торговой экспансии было положено на рубеже XV—XVI вв. В Индии и особенно Индонезии, а также в Африке колониальная экспансия португальцев, испанцев, затем голландцев, англичан и французов ширилась с каждым веком. Понемногу она захватывала и другие районы Востока. Логически рассуждая, именно XVI век по справедливости можно было бы считать началом этапа колониализма. И в какой-то степени это именно так и было. Дело в том, что, хотя колониализм так и не сумел привести к кардинальной ломке структуры стран традиционного Востока и тем более содействовать становлению там капитализма (о Японии разговор особый), он, однако, как уже было упомянуто, принес Востоку нечто существенно новое. Вопрос только в том, как понимать это новое. Что это такое? И с какого именно момента этого существенно нового было достаточно, чтобы вести речь о новом этапе истории Востока?

На этапе торговой экспансии, сопровождавшейся грубыми вторжениями, территориальной аннексией выгодных форпостов, подчинением и даже определенной деформацией хозяйства в некоторых странах (Индия, Индонезия), а также массовым порабощением людей (Африка, частично Индонезия), активному воздействию колониализма подверглись лишь некоторые страны Востока. Кроме того, к кардинальным изменениям и существенной деформации экономики традиционных

восточных обществ этап колониальной торговой экспансии не вел. Целью колонизаторов были вначале лишь восточные редкости, прежде всего пряности, а затем рабы. И хотя платили они за это мало, но все-таки платили. Серебро текло с запада на восток, а не в обратном направлении. То есть перед нами торговля. Пусть неравноправная, подчас неэквивалентная, даже из-под палки, сопровождавшаяся принуждением и насилиями, порабощением людей и т. п., но все же именно торговля.

К торговому обмену Восток привык. Более того, не были для него необычными ни несправедливости, ни насилие, ни даже зверства или массовое порабощение людей либо вторжения злобных иностранцев. Достаточно напомнить о монгольском нашествии, о походах Тимура. Правда, торговый колониализм принес с собой и нечто новое, к чему на Востоке еще далеко не везде привыкли: он принуждал людей к каждодневному тяжелому регулярному труду, сопровождая это принуждение силой оружия и превращая таким образом труд в каторгу, которую долго могли выдерживать лишь немногие (собственно, именно это и вызывало потребность во все новых и новых отрядах обреченных на быструю гибель рабов). Но этого нового было в те времена, о которых идет речь (XVI—XVIII вв.), еще все же недостаточно для того, чтобы говорить о существенно новом, хотя принуждение к труду и было его важным элементом.

Иное дело — XIX век, век колониальной экспансии промышленного капитализма. Картина совершенно иная. Поток фабричных товаров из метрополии стал быстро превращать колонии и зависимые страны Востока в ценные для европейского капитализма рынки сбыта и не менее ценные источники сырья. Рыночные связи теперь устанавливались гораздо более прочно, а по их каналам средства (включая и серебро) текли теперь преимущественно в обратном направлении. Этому сопутствовали разорение традиционного восточного ремесла, упадок торговли, а также крушение привычных норм бытия и сопровождавшие его политические кризисы, ослабление государственной власти и многое другое, с этим связанное. Здесь и следует видеть то существенно новое, что вносило немало изменений в привычные нормы и условия жизни стран и народов Востока. Вот почему целесообразно хронологически начинать период колониализма на Востоке именно с XIX в. Где раньше, где позже, но в целом примерно с XIX в., может быть, даже с середины его.

Естественно и логично, что конец периода колониализма следует видеть именно там, где он вполне отчетливо прослеживается, т. е. в середине XX в., после Второй мировой войны. Для Востока в целом, включая и Африку, концом периода колониализма и потому важнейшим для его истории хронологическим рубежом является именно то время, когда он высвободился от колониальной зависимости, когда страны Востока стали независимыми. Поэтому неудивительно, что в

качестве рамок, которыми следует ограничить новый этап истории Востока в целом, этап колониализма, берутся именно предлагаемые здесь, т. е. середина XIX — середина XX в. Совершенно очевидно, что при всей включенности Востока в мировую историю, особенно в эти XIX—XX вв., предлагаемые рамки более адекватно отвечают реальному историческому процессу, нежели те, которые исторически мало с ним связаны, хотя и имеют всемирно-историческое значение.

Истоки колониализма

Итак, речь пойдет о Востоке в период колониализма. Вроде бы все хорошо знают и понимают, что такое колониализм для Востока. Но обычно редко ставят вопрос о происхождении феномена колониализма как такового и об истоках колониальной экспансии на Востоке. Между тем вопрос стоит того, чтобы уделить ему внимание.

Понятие «колония» (лат. «поселение») возникло в античной древности и использовалось для обозначения поселений, расположенных в стороне от первоначального центра, а то и достаточно далеко от него. В принципе такого рода расселение было хорошо известно земледельцам со времен неолита; более того, именно так и распространялись по ойкумене достижения неолитической революции. Но когда мы говорим о колониях в более узком и специальном смысле этого слова, то речь идет не просто о расселении переселенцев. Остается в стороне даже так называемая внутренняя колонизация, т. е. постепенное освоение пустующих земель в рамках данного региона, будь то средневековая Европа, Россия или Африка. Для нас важно обратить преимущественное внимание на такие поселения, которые были вызваны к жизни потребностями торгово-экономического развития и имели своим результатом создание на чужой территории автономных анклавов, в рамках которых поселенцы-колонисты воссоздавали свойственную им структуру, родственную той, что была в далекой метрополии. Но и это последнее следует считать типичным, потому и необходимо внести уточняющую поправку: колониальная структура обычно отлична от той, которая господствует среди аборигенного населения, причем эту разницу колонисты ревностно блюдут, равно как и традиционные связи с метрополией. Иными словами, речь идет о таких колониях, которые можно считать некими форпостами метрополии на чужой земле, форпостами, с выгодой используемыми с целью наживы, для и во имя процветания населения метрополии (включая и колонистов).

Исторически первыми, с широким размахом реализовавшими практику колонизации, были финикийцы — для них торговля и мореплавание были едва ли не основным занятием. О финикийском феномене специально шла речь в первой части работы, причем особо

отмечалось, что финикийцы в некотором смысле — предтеча, предшественники античных греков. Позже эстафету колонизации финикийцы передали грекам, а те — римлянам. В какой-то степени процессом такого же рода можно считать и эллинизацию Ближнего Востока после походов Александра, хотя характер колонизации в это время был все-таки несколько иным. В средние века колониальные анклавы создавали такие торговые республики, как Венеция или Генуя, а также торговые союзы типа Ганзы. Но существовали ли колонии у стран и народов Востока? И более того, могли ли в принципе создаваться колонии государствами Востока?

Категорически отрицательного ответа дать на эти вопросы нельзя. В принципе восточные купцы вполне могли создавать и создавали на чужих территориях свои анклавы — достаточно напомнить о китайцах в Юго-Восточной Азии и об арабах на восточно-африканском побережье. Но были ли это колонии в полном смысле слова? О китайцах известно немало, об африканских арабах — меньше. Но и в том, и другом случае перед нами все же не замкнутые колониальные анклавы. Что касается китайцев, то они поддерживали связи с Китаем, быть может, во много раз более тесные, нежели, скажем, жители финикийского Карфагена или греческой Ольвии со своими метрополиями. Но при всем том у китайцев вне Китая нигде и никогда не было административно замкнутых поселений типа анклавов — они всегда достаточно гармонично вписывались в местную структуру и лишь веками хранили в ее административных рамках общинные, клановые и иные корпоративные связи.

Что касается арабов в Африке — и не только на побережье, но и в городах Судана, — то, несмотря на явно выраженную именно арабомусульманскую структуру, которую они приносили с собой и по образу которой создавались в Африке первые города, эти города не были арабскими анклавами в полном смысле этого слова. В Судане они становились частью африканских государственных образований, на восточно-африканском побережье они быстро подвергались воздействию со стороны местного населения и в расовом, этническом, даже языковом плане становились образованиями нового типа, не слишком связанными с метрополией. Словом, и в случае с китайскими купцами, и с африканскими арабами не было стоящей за их спинами метрополии как мощной политической силы, на которую колонисты всегда могли бы опереться. Напротив, выселившиеся на чужие земли китайцы и арабы (как и представители иных восточных государств) оказывались как бы отрезанным ломтем. Государства не только не были заинтересованы в официальной их поддержке, но даже вообще как бы игнорировали их. Для этого были свои весомые причины.

Выше уже не раз шла речь о традиционном восточном государстве и восточном социуме. Для восточного государства интересы торговцев, связанных с частнособственнической предпринимательской деятель-

ностью и ориентировавшихся на рынок, всегда были чужды. Взять с купцов пошлины, получить от них взятки — это другое дело. Но заботиться об их процветании вне пределов государства — это уж увольте! Другое дело, когда самому государству выгодно расширить свое влияние на той или иной чужой территории, как то было, скажем, с маскатским Оманом на восточно-африканском побережье (Занзибарский султанат). Но это уже была не колонизация, а в зависимости от обстоятельств завоевание, присоединение, политическое господство. Это же относится и к акциям Альморавидов в Судане, да и ко всем иным политическим событиям, сопровождавшимся вторжением той или иной восточной державы в чужие земли.

Итак, колонизацией в интересующем нас смысле следует считать создание на чужой территории замкнутых административно-автономных анклавов, копировавших метрополию, тесно связанных с ней и опиравшихся на ее действенную и заинтересованную поддержку. Совершенно очевидно, что такого рода анклавов могли создаваться и реально создавались лишь там, где частнособственническая предпринимательская деятельность официально считалась ведущей и активно поощрялась заинтересованным в ее процветании государством. Вот почему колонии торгово-экономического характера создавались (если говорить о колониях в полном смысле слова и принять во внимание все вышесказанное) почти исключительно европейцами — как в античной древности, так и в средние века. Именно такого типа колонии и были тем истоком, на основе которого в XV—XVI вв. сложился колониализм как явление уже несколько иного порядка, отличавшееся иными формами и, главное, иными масштабами. Связь этого колониализма с нарождавшимся европейским капитализмом вполне очевидна.

Генезис европейского капитализма и колониализм

Как уже упоминалось, позднесредневековая Европа после Возрождения структурно была в немалой степени близка к античности, причем развивалась в том же направлении (ориентация на поддержку частнособственнической инициативы) и все более ускоренными темпами. Европа постепенно дефеодализировалась: порожденные феодализмом институты и нормы уходили в прошлое вместе с присущими им мишурой и блеском феодальных властителей, пышностью католического богослужения. На смену всему этому шла все возрастающая когорта представителей так называемого третьего сословия, прежде всего горожан-бюргеров, чья деятельность была ориентирована на рынок и чьи представления о мире опирались на пуританскую строгость протестантизма. И хотя это движение было в XV—XVI вв. еще весьма

слабым и малозаметным, сам факт дефеодализации и выхода на передний план абсолютизма был внешним проявлением именно такого рода процесса. Позднесредневековая Европа медленно, но все ускоряющимися темпами становилась предкапиталистической. Что же было в основе упомянутого процесса и какие факторы ему способствовали?

Процесс генезиса капитализма — явление сложное и многоплановое, и в данной работе анализировать его нет возможности. Можно лишь напомнить, что одним из первоусловий процесса генезиса было то, что Маркс назвал в свое время первоначальным накоплением. Другим и, быть может, даже более важным был изученный М. Вебером пуританский дух протестантской этики, который позволил такие накопления создать. Наряду с этим едва ли не важнейшим фактором успешного хода всего процесса, и в частности первоначального накопления, было то, что имеет самое непосредственное отношение к нашей теме — Великие географические открытия и последовавшая за ними новая, невиданная прежде в истории по масштабам и последствиям волна колонизации неевропейских земель.

Итак, снова колонизация. Как и прежде, в древности и средневековье, она была основана на принципиальных структурных различиях в образе жизни тех, кто колонизовал, и тех, кто был объектом колонизации. Но ровно настолько, насколько пред- и раннекапиталистическая Европа по своей мощи, возможностям и потенциалам превосходила античную (и тем более торговые союзы и республики раннего средневековья), настолько же и новая волна колонизации оказалась мощнее всех прежних. Началось все, как только что упоминалось, с Великих географических открытий, с революции в мореплавании, которая позволила успешно преодолевать океаны.

Транзитная торговля со странами Востока издавна создавала у европейцев заметно преувеличенное представление о сказочных богатствах восточных стран, особенно Индии, откуда шли пряности и раритеты. Транзитная торговля, как известно, стоит дорого, а полунищей Европе платить было практически почти нечем. Это было одним из немаловажных стимулов, подстегивавших европейцев найти новые пути в Индию — пути морские, наиболее простые и дешевые. Поиски новых морских путей сами по себе еще не были проявлением именно капиталистической экспансии. Более того, одним из парадоксов эпохи было то, что страны, ранее и едва ли не более других преуспевшие в сфере колониальных захватов и географических открытий (Португалия и Испания), не только еще не стояли на пороге капитализма, но, напротив, являлись собой достаточно крепкие феодальные монархии. Как известно, накопленное и награбленное португальцами и испанцами богатство не пошло им впров и не было ими использовано в качестве первоначальной основы для быстрого развития капитализма. Здесь есть свои причины, и теория Вебера об этике протестантизма (противопоставленной католической) кое-что в этом смысле объясняет. Однако

свое дело — Великие географические открытия с освоением морских путей в новые страны и континенты — испанцы и особенно португальцы сделали, не говоря уже о том, что они сыграли немалую роль и в подготовке, даже активной реализации новой волны колониализма в небывалых прежде масштабах.

После XVI в. на передний план в уже активно развивавшейся колонизации (имеется в виду не только колониальная торговля, но и освоение чужих земель переселенцами), как и в капиталистическом развитии, вышли другие страны: вначале Голландия, затем Англия и Франция. Именно они наиболее удачно использовали полученные от колониальной активности средства в качестве того самого первоначального базового капитала, который в конечном счете способствовал ускорению и даже радикализации их капиталистического развития. Таким образом, парадокс истории, позволивший сделать первый шаг на пути к новому не тем странам, которые были ближе к этому новому, а другим, оказался исправленным той же историей, пусть век-другой спустя (для того времени это весьма небольшой срок). Однако история остается историей и, естественно, должна восприниматься во всей ее сложной и противоречивой реальности. А сложность и противоречивость эта не только в том, что несомненная связь раннего капитализма и колониализма отнюдь не прямолинейна, но также и в том, что весьма неоднозначен сам привычный для нашего уха феномен колониализма как такового.

Выше не случайно был поставлен вопрос об истоках колониализма и о колонизации в древности, в средние века. Дело в том, что колониализм как феномен обычно воспринимается резко негативно. Между тем именно за счет колонизации ближних окраин, а иногда и дальних заморских территорий шел процесс развития, взаимовлияния культур и т. п., что вносило немалый вклад в развитие человечества. Поэтому необходимо четко определить, что следует понимать под термином «колониализм» и в каком смысле мы будем оперировать этим словом далее.

Колониализм в широком смысле слова — это то важное явление всемирно-исторического значения, о котором только что было упомянуто. Это хозяйственное освоение пустующих либо слабозаселенных земель, оседание на заморских территориях мигрантов, которые приносили с собой привычную для них организацию общества, труда и быта и вступали в весьма непростые взаимоотношения с аборигенным населением, находившимся, как правило, на более низкой ступени развития. Каждая конкретная ситуация, складывающаяся из множества порой едва уловимых компонентов, дает свой результат и создает в том или ином случае уникальное стечение условий и обстоятельств, от которого зависит многое, в том числе дальнейшая судьба колонии и ее населения. Но при всей уникальности конкретных обстоятельств

есть и некоторые общие закономерности, которые позволяют свести феномен колониализма к нескольким основным вариантам.

Один из них — постепенное освоение отдаленных чужих, но пустующих либо слабозаселенных земель поселенцами-колонистами, являющимися собой более или менее компактную общность и составляющими на освоенной ими новой территории подавляющее большинство населения. Аборигены при этом обычно оттесняются на окраинные и худшие земли, где они постепенно вымирают либо истребляются в стычках с колонистами. Так были освоены и заселены Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия. С некоторыми оговорками это можно отнести и к южно-африканским республикам буров. На этих землях со временем возникли, как известно, государственные образования по европейской модели — той самой, что была перенесена в качестве само собой разумеющегося социального генотипа мигрантами, составившими, если не иметь в виду Южную Африку, основу населения (10% примеси негров, потомков привезенных в Северную Америку африканских рабов, в данном случае существенного влияния на процесс в целом не оказали).

Другой вариант — миграция новопоселенцев в районы с значительным местным населением, опирающимся к тому же на весомые собственные традиции цивилизации и государственности. Этот вариант гораздо более сложен и в свою очередь может быть подразделен на различные подварианты. Но, не усложняя типологии, обратим внимание лишь на одну важную деталь — на прочность развитой цивилизационной традиции. В Центральной и Южной Америке такая традиция была, причем многовековая, но она оказалась непрочной и локально ограниченной, что в немалой степени объясняет ту легкость, с которой ее слабые ростки были уничтожены колонизаторами. Если принять к тому же во внимание, что этими колонизаторами были не англичане с их сильными капиталистическими тенденциями и мощным духом пуританского протестантизма, а португальцы и испанцы с преобладавшими среди них феодальными формами отношений и католицизмом, то легко понять, почему латинизация Южной и Центральной Америки привела к иным результатам, нежели колонизация Северной. Другой состав населения (индейцы, огромное количество африканских негров, не слишком большое число переселенцев из Европы и, как результат, преобладание мулатов и метисов), иные традиции, более низкий уровень исходной точки развития и явное преобладание традиционнеевропейского пути развития — как за счет привычного социального генотипа индейцев и негров, так и в немалой степени за счет весомых элементов такого же типа отношений в феодальных традициях переселенцев — привели в конечном счете к тому, что сложившиеся в Латинской Америке формы социальных отношений оказались гибридными. При этом из европейской модели были заимствованы не столько антично-капиталистические частнособственнические тенденции, ори-

ентированные на рыночные связи и стимулирующие инициативу, энергию индивида, защищающие его права (как то было в Северной Америке, а затем в Австралии, Новой Зеландии, у буров), хотя при этом и лишаящие таких прав негров и аборигенов, сколько религиозные и феодальные. Гибрид же европейского феодализма и католицизма с индейскими традиционными формами существования не способствовал энергичным темпам развития, выработке необходимых трудовых навыков и т. п. Иными словами, второй вариант колонизации не вел к быстрому развитию колонии, но все же содержал потенции для некоторого развития, хотя бы за счет наличия пусть небольшой, но все же существовавшей и игравшей свою роль доли европейской частно-предпринимательской традиции, восходившей к антично-капиталистическому типу развития.

Вариант третий — колонизация районов с неблагоприятными для европейцев условиями обитания. В этих нередких случаях местное население, независимо от его численности, было преобладающим. Европейцы оказывались лишь малочисленным вкраплением в него, как то имело место повсюду в Африке, в Индонезии, Океании и кое-где на Азиатском континенте (хотя о развитом Востоке речь впереди). Слабость, а то и почти полное отсутствие политической администрации и государственности здесь помогали колонизаторам легко и с минимальными потерями не только укрепиться на чужих землях в форме системы форпостов, портов, торговых колоний и кварталов, но и взять в свои руки всю местную торговлю, а то и практически все хозяйство прилегающих районов и навязать местным жителям, порой целым странам свою волю, свой принцип свободных рыночных связей, в которых решающую роль играл материальный интерес. Со временем, но не слишком быстро, эта форма колониализма могла перерасти в иную, обрести вид политического господства.

И наконец, вариант четвертый, для Востока наиболее типичный. Это те многочисленные случаи, когда колонизаторы попадали в страны с развитой многовековой культурой и богатой традицией государственности. Здесь большую роль играли различные обстоятельства: и представления европейцев о богатстве той или иной страны Востока, например Индии, и реальная сила колонизируемой страны, т. е. крепость ее государственной власти, и традиционные формы той или иной восточной цивилизации с их нормами и принципами, и многое другое, в том числе случай, всегда игравший важную роль в истории. Конкретно обо всем этом будет идти речь впереди. Пока же стоит заметить, что англичане сумели укрепиться и овладеть Индией в немалой степени потому, что этому способствовала исторически сложившаяся социально-политическая система этой страны с ее слабой политической властью. Но, пока те или иные страны Востока, о которых идет речь, еще не стали политически подчиненными метрополии (что следует датировать лишь XIX веком), характерным для четвертого варианта

колонизации следует считать то, что колонизаторы в таких странах были меньшинством, которое действовало в условиях достаточно развитого колонизируемого общества, управляемого местными правителями и живущего по собственным порядкам.

В рамках четвертого варианта колонизаторы не могли ни создать структуру по европейской модели (как в первом), ни создать гибридную структуру (как во втором), ни просто придавить своей мощью и направить целиком по желаемому пути жизнь отсталого местного населения, как то было в Африке, на островах пряностей и т. п. (вариант третий). Здесь можно было лишь активно развивать торговлю и за счет рыночного обмена получать выгоду. Но при этом — что весьма существенно — европейцы, за редкими исключениями, должны были платить наличными, золотом и серебром. Хотя в качестве платы принималось также европейское оружие и кое-что еще, восточный рынок тем не менее не нуждался в тех товарах, которые европейцы до XIX в. могли ему предложить. Нужна была наличность. И вот здесь-то самое время ограничить изложение проблемы колонизации и колониализма в широком смысле слова (как великого всемирного феномена, связанного с процессом генезиса капитализма, бывшего в некотором смысле территориальной базой его вскармливания и возмужания) и обратиться к колониализму в узком, так сказать, в собственном смысле этого слова — в том самом, в каком он звучит сегодня повсеместно и имеет почти однозначную негативную оценку.

Колониализм на Востоке

Конкретно речь теперь пойдет о том, что же такое колониализм с точки зрения народов, подвергшихся колонизации. Это, разумеется, касается и тех аборигенов, которые были объектом оттеснения с их земель, уничтожения и подчинения колонистами в случаях, имевших отношение к первому и второму вариантам колонизации (Америка, Австралия, Новая Зеландия и др.). Но преимущественно это касается третьего и особенно четвертого вариантов колонизации, т. е. тех случаев, когда речь идет не о массовых переселениях и об освоении слабозаселенных земель новой общностью, а о бесцеремонном вторжении своекорыстного и опирающегося на силу меньшинства с целью извлечь выгоду из рыночного обмена и заставить работать на себя местное население, не говоря уже о таких бесчеловечных явлениях, как работорговля.

Снова оговоримся, что и транзитная торговля с погоней за выгодой, и эксплуатация местного населения, и работорговля не были придумены колонизаторами-европейцами. Все это существовало и ранее, до них и независимо от них. Порой торговали и самими попавшими в

плен европейцами, становившимися рабами турок или арабов, монголов или персов. Поэтому имеется в виду лишь характеристика феномена, связанного с выходом на авансцену раннекапиталистической Европы, представители которой в странах, послуживших объектами колониальной экспансии, действовали, по существу, традиционными методами, но зато с энергией и целеустремленностью, присущими новому, поднимающемуся капиталистическому строю. Именно это и стало колониализмом в привычном ныне значении слова, во всяком случае на начальном этапе.

Начальный этап, как упоминалось, был связан с деятельностью прежде всего португальцев (испанцев на Востоке, за исключением Филиппин, практически не было; Филиппины же развивались во многом по латиноамериканской модели, о чем уже говорилось), и в количественном отношении эта деятельность была связана едва ли не прежде всего с африканской работорговлей, хотя португальцы одновременно активно интересовались пряностями и раритетами и именно им принадлежали первые европейские торговые фактории в Индии, Индонезии, на Цейлоне, китайском побережье и т. п. Португальский колониализм в Африке и Азии (в отличие от Америки) был по характеру торговым (третий и четвертый варианты колонизации), что, собственно, в немалой мере и определило со временем афро-азиатские варианты европейской колонизации до XIX в. Но торговля с Востоком, даже с Африкой (где в качестве эквивалента обмена нередко шли в дело стеклянные бусы, дешевые лоскуты, не говоря уже о спиртном), требовала средств. Пряности стоили дорого, доставка их — еще дороже. Даже ружья, которые шли в обмен за товары вместо серебра, тоже стоили денег, того же серебра. Где было взять драгоценный металл?

Вопрос этот не стоило бы и поднимать — ответ на него общеизвестен. Собственно, именно золото и серебро вызвали такую алчность испано-португальских конкистадоров в Америке, которая послужила толчком к полному разрушению древних центров богатой, но структурно слабой цивилизации и государственности. Потоки золота и серебра со времен Колумба хлынули в Европу — и в немалой степени за этот счет, учитывая и снижение цены драгоценного металла в условиях резкого увеличения его количества (революция цен), финансировалась раннеевропейская торговля с Востоком, грабить который европейцы не могли и за товары которого, включая и рабов, они вынуждены были расплачиваться. И хотя доля португальцев в этом американском потоке была не слишком велика — основное досталось Испании, — она послужила первоначальной основой для финансирования колониальной торговли, в последующем успешно развивавшейся за счет товарооборота.

Век португальского господства в колониальной афро-азиатской торговле был сравнительно недолог: доля Португалии во все возрастающей в объемах и расширявшейся территориально торговой экспансии

европейских колониалистов в Африке и особенно в Азии стремительно падала и после XVI в. стала вовсе незначительной. На первое место вышли голландцы. XVII век, особенно первая его половина, — век Нидерландов на Востоке. Со второй половины XVII в., после англо-голландских войн, рядом с Голландией, постепенно оттесняя ее, становится Англия.

Хотя голландцы были в первых рядах среди тех европейских держав, которые успешно шли по пути капиталистического развития, и хотя именно они в свое время активно участвовали в колонизации Северной Америки с ее пуританским духом активного предпринимательства (достаточно напомнить, что голландцами был основан в 1626 г. Новый Амстердам — будущий Нью-Йорк), в Африке и Азии они сменили португальцев либо оказались рядом с ними практически в той же функции колониальных торговцев. Да и методы их не слишком отличались от португальских — та же торговля африканскими и индонезийскими рабами, скупка пряностей, организация плантаций для их производства. Правда, голландцы способствовали обновлению колониализма, основав в 1602 г. объединенную Ост-Индскую компанию — мощную и находившуюся под политическим покровительством метрополии административно-экономическую суперорганизацию, целью которой была оптимизация условий для успешной эксплуатации всех голландских колоний на Востоке (в 1621 г. для голландских колоний на Западе, в основном в Америке, была создана Вест-Индская компания). Аналогичную организацию (Ост-Индская компания) создали и англичане, даже еще раньше, в 1600 г., но только во второй половине XVII в., после укрепления англичан в ряде важных пунктов на восточном и западном побережьях Индии, эта компания обрела определенную экономическую устойчивость и, главное, некоторые административные права — свои вооруженные силы и возможность вести военные действия, даже чеканить монету. Впоследствии, как о том уже говорилось, английская Ост-Индская компания стала административным костяком английского колониализма в Индии, причем с XVIII в. она все более тщательно контролировалась правительством и парламентом, а в 1858 г. и вовсе прекратила свое существование, будучи официально замененной представителями Англии, начиная с вице-короля.

На примере голландской и английской Ост-Индских компаний можно видеть, что по меньшей мере в XVII в. это были торговые организации капиталистического характера с ограниченными административными правами*. Практика показала, что такого рода прав было

* Об ограничениях говорится в весьма относительном плане — право вести войны и содержать армии ставило компании в положение могущественной политической силы, вполне сопоставимой с местными государственными образованиями; вопрос был лишь в конкретном соотношении сил и в наличии средств для манипулирования.

вполне достаточно, чтобы англичане в Индии, а голландцы в Индонезии чувствовали себя фактическими хозяевами. Меньше в этом плане преуспела Франция, вступившая на путь колониальной экспансии позже, в основном лишь в XVIII в. К тому же революция 1789 г. способствовала крушению того, что было достигнуто: из некоторых своих колониальных владений французы были вытеснены, прежде всего англичанами (в Индии, Америке). В целом XVII и XVIII века были периодом активного укрепления европейской колониальной торговли и получения за счет этой торговли немалых экономических выгод.

О каких выгодах идет речь в свете того, что уже говорилось об особенностях колониальной торговли с Востоком, выражавшихся в перекачке драгоценного металла не с Востока в Европу, а в обратном направлении? Выгоды имеются в виду самые простые и прямые — от торгового оборота, с учетом всех издержек не только транзитного долгого морского пути, но и содержания администрации тех же могущественных компаний, которые организовывали торговлю и стабилизировали условия для нее, захватывая в свои руки новые земли, подкупая союзных правителей, ведя войны с враждебными и т. п. Если подсчитать издержки, они окажутся весьма солидными. Но и разница в ценах была огромной: пряности в Европе стоили в десятки раз дороже по сравнению с теми местами, где их производили и закупали. И все-таки если подводить баланс (а торговали в конечном счете отнюдь не только пряностями, их к тому же сами купцы строго лимитировали и в производстве, и в торговле, дабы не сбить цену), то окажется, что из Индии шли шерстяные и бумажные ткани высокого качества, кашмирские шали, индиго, сахар, даже опиум. Из Африки — рабы. А что же шло взамен? Оружие и в гораздо меньшей степени некоторые другие товары, практически не имевшие спроса в развитых (и тем более в неразвитых) странах Востока. Содержание же компаний и все прочие издержки, выплаты, подкупы и т. п. в немалой степени покрывались драгоценным металлом: по некоторым подсчетам, в начале XVIII в. доля товаров в торговле с Востоком (английский экспорт к востоку от мыса Доброй Надежды) была равна одной пятой, остальные четыре пятых приходилось на металл.

Это не значит, что компании и колониальная торговля работали в убыток, — они свое возвращали с лихвой, ибо их торговля была невыгоднейшим делом. Но все-таки это была именно торговля, а не ограбление наподобие того, что делали испано-португальские конкистадоры в Америке. И хотя колониальная торговля сопровождалась жестокостями и издевательствами над людьми (работоторговля), главное все же было не в этом. К жестокостям и работоторговле Восток привык издавна. Европейские же торговцы принципиально отличались от местных восточных купцов тем, что они при активной поддержке метрополии стремились административно сорганизоваться и укрепить-

ся, постоянно расширяя зону своего влияния и свободу действий. Собственно, именно этого рода динамика и служила важной основой для постепенной трансформации колониальной торговли в колониальную экспансию политико-экономического характера, что ощущалось кое-где (особенно в Индии) уже в XVIII в. и с особой силой стало проявляться на Востоке в XIX в.

Итак, на традиционном Востоке, включая и Африку, колониализм начался с колониальной торговли, причем этот период торговой экспансии, сопровождавшийся лишь в заключительной своей части захватом территорий в ряде районов, длился достаточно долго. За эти века, XVI — XVIII, многое переменялось. Изменилась прежде всего сама Европа. Колониальный разбой (имеется в виду Америка) заметно обогатил ее, заложив основу первоначального накопления капитала. Капитал был пущен в оборот в широких масштабах транзитной колониальной торговли, содействовавшей становлению мирового рынка и втягиванию в этот рынок всех стран. Доход от оборота и создание рынка сыграли свою роль в ускорении темпов капиталистического развития Европы, а это развитие, прежде и активнее всего в Англии, в свою очередь настоятельно требовало еще большей емкости рынка и увеличения товарооборота, в том числе колониальной торговли. Для обеспечения оптимальных условий торговли англичане раньше других и успешней соперников-голландцев стали укрепляться на Востоке (прежде всего в Индии), добываясь там своего политического господства уже в XVIII в. и тем более в XIX в. Взаимосвязь между капитализмом и колониализмом очевидна. Но была ли такого же типа связь характерна для объектов колониальной экспансии, для стран Востока? Хотя бы для некоторых?

Вопрос вплотную сталкивает с проблемой генезиса капитализма на Востоке. Еще сравнительно недавно немалое количество марксистов настаивало на том, что в описываемое время, т. е. в XVI — XVIII вв., Восток стоял накануне процесса такого рода генезиса, а то и был уже в ходе этого процесса, что он лишь ненамного отставал в этом от Европы. Да и сегодня подобные взгляды не исчезли вовсе, хотя и заметно поубавились. И, казалось бы, есть основания для них — ведь возник же капитализм в Японии! Стало быть, в принципе подобное могло произойти на Востоке, и вопрос лишь в том, чтобы попытаться понять, почему в других странах этого не произошло, что именно помешало этому. К более основательному анализу всей проблематики, связанной с генезисом капитализма на Востоке, мы вернемся позже. Пока обратим внимание на то, о чем уже не раз упоминалось в этой главе. Восток в лице развитых цивилизованных обществ и государств Азии (об Африке речи пока нет) был в XVI — XVIII вв. не беднее Европы. Более того, он был богаче. На Восток шли вывезенные из ограбленной Америки драгоценные металлы. На Востоке веками копились и хранились те самые ценности и раритеты, которые притяги-

вали к себе жадные глаза колонизаторов. Была на Востоке и своя богатая традиция торговли, включая и транзитную, которая, кстати, держала в своих руках всю восточную торговлю Европы вплоть до эпохи колониализма и немало на этом наживалась. Восток, по данным многих исследований, мог дать большую массу пищи, чем скудные почвы Европы, а население Востока жило в массе своей едва ли хуже, чем европейское. Словом, по данным специалистов, до XV—XVI вв. Восток был и богаче, и лучше обустроен, не говоря уже о высоком уровне его культуры.

Но если все это было именно так, да к тому же Восток будто бы стоял накануне либо уже был в процессе генезиса капитализма, то почему же не на Востоке активно развивался капитализм? И если уж этот самый восточный капитализм по каким-то причинам не поспевал достаточно быстро, по-европейски, развиваться, то почему этому не помог колониализм — та самая колониальная торговля, которая связала Европу и остальной мир, включая и весь Восток, воедино? Конечно, торговля была в руках европейцев и потому приносила доход с оборота именно им. Но, как только что говорилось, Восток был богаче и в ходе торговли тоже не беднел, ибо делился излишками за деньги. И, кроме того, колониальная торговля важна не только и, быть может, даже не столько доходами, сколько самим фактом всемирных связей, возможностью заимствования и ускорения развития за этот счет. Почему этой возможностью сумела воспользоваться — да еще в какой мере! — лишь Япония, тогда как остальные этим воспользоваться не смогли? Или не захотели? Или даже не заметили ее, эту возможность, не обратили на нее внимания? Почему?

Ответ на этот вопрос очевиден в свете изложенной в работе концепции: о капитализме как принципиально ином строе, отвергающем традиционное господство государства и выдвигающем в качестве альтернативы частную собственность и свободный рынок, на традиционном Востоке не могло быть и речи. Для этого не было условий. И только в уникальных обстоятельствах Японии такого рода условия появились, да и то далеко не сразу. Стоит напомнить, что, несмотря на идеально подготовленную для этого японским феодализмом и конфуцианской культурой почву, лишь два-три века хотя и скрытых, но весьма энергично осуществлявшихся связей с европейскими колонизаторами (голландцы и «голландская наука») способствовали тому, что японская почва стала прорастать капиталистическими всходами. Таким образом, связь колониализма и капитализма сыграла свою роль в случае с Японией. Но вот в остальных случаях эта связь применительно к обществам и государствам традиционного Востока не могла сработать так, как этого по логике рассуждений можно было бы ожидать. Колониальная экспансия европейцев не расчищала автоматически или почти автоматически для восточных стран путь к капитализму европейского типа, во всяком случае ожидаемыми темпами.

Напротив, она породила столь яростное сопротивление традиционных структур Востока, столь мощную ответную волну, что даже в наши дни трудно дать обоснованный прогноз, как и когда достигнет еврокапиталистических стандартов развивающийся Восток — если это вообще достижимо.

Мощная ответная волна сопротивления колониальному вторжению и ломке привычных норм жизни стран и народов Востока появилась не сразу. В XVI — XVIII вв., в начальные периоды колониализма, пока Восток еще не ощутил как следует тяжелую руку европейского капитала, ее, казалось бы, ничто не предвещало. Все началось позже, в XIX в., и с особой силой проявилось в XX в. Вот о том, как и в какой форме зрел внутренний протест традиционных восточных структур против бесцеремонного вторжения колонизаторов с чуждыми Востоку мерками, нормами и принципами жизни, в каких формах выражался этот протест и чем эти формы были обусловлены, и пойдет речь в третьей части работы.

Для удобства изложения и последующего анализа главы этой части разбиваются на несколько блоков: Южная и Юго-Восточная Азия; Ближний и Средний Восток; Дальний Восток; Африка. В рамках каждого из блоков сначала дается историческая канва, затем — аналитический очерк.

Блок первый

Южная и Юго-Восточная Азия

Глава 2

Британская Индия

Индия была первым и по существу единственным государством столь крупного масштаба (точнее даже, группой государств, объединенных сплавившей их цивилизацией, религиозной традицией и общностью социально-кастовых принципов внутренней структуры), которое было превращено в колонию. Воспользовавшись характерной для Индии слабостью административно-политических связей, англичане сравнительно легко, без особых затрат и потерь, даже в основном руками самих индийцев, захватили власть и установили свое господство. Но коль скоро это было достигнуто (в 1849 г., после победы над сикхами в Пенджабе), перед завоевателями возникла новая проблема: как управлять гигантской колонией? Перед прежними завоевателями такой проблемы не было. Не мудрствуя лукаво, все они, вплоть до Великих Моголов, правили так, как это было определено веками и понятно всем. Но англичане представляли собой принципиально иную структуру, к тому же находившуюся на крутом подъеме и предъявлявшую все более решительные и далеко идущие требования для своего успешного развития. В некотором смысле проблема была сходна с той, которую решал Александр после завоевания им Ближнего Востока: как синтезировать свое и чужое, Запад и Восток? Но были и новые обстоятельства, принципиально отличавшиеся от древности. Дело в том, что присоединение Индии к Британии было не столько актом политическим, результатом войны либо серии войн, сколько следствием сложных экономических и социальных процессов во всем мире, суть которых сводилась к образованию мирового капиталистического рынка и к насильственному вовлечению в мировые рыночные связи колонизируемых стран.

Едва ли вначале, на первых порах, английские колонизаторы задумывались над упомянутой проблемой. Колонизация проводилась руками Ост-Индской компании, стремившейся прежде всего к активной торговле, огромным прибылям, высоким темпам обогащения. Но в ходе торговых операций и во имя все более гарантированного их обеспечения прибиралось к рукам чужое имущество, захватывались новые земли, велись успешные войны. Колониальная торговля все очевиднее перерастала свои первоначальные рамки, ее подстегивало то, что быстрорастущая английская капиталистическая промышлен-

ность на рубеже XVIII — XIX вв. уже остро нуждалась во все увеличивающихся рынках сбыта фабричных товаров. Индия была для этого идеальным местом приложения соответствующих усилий. Неудивительно, что в изменяющихся обстоятельствах индийские дела постепенно переставали быть прерогативой компании, или, во всяком случае, только компании. С конца XVIII в., особенно после процесса над У. Хейстингсом, первым генерал-губернатором Индии (1774—1785), деятельность компании во все возрастающем объеме начала контролироваться правительством и парламентом.

В 1813 г. была официально отменена монополия компании на торговлю с Индией, и за 15 лет после этого ввоз хлопковых фабричных тканей вырос в 4 раза. Парламентский акт 1833 г. еще более ограничил функции компании, оставив за ней в основном статус административной организации, практически управлявшей Индией, причем теперь уже под очень строгим контролем лондонского Контрольного совета. Индия шаг за шагом все очевиднее становилась колонией Великобритании, превращалась в часть Британской империи, в жемчужину ее короны.

Но завершающая часть процесса колонизации оказалась наиболее трудным делом. Вмешательство администрации компании во внутренние дела страны и прежде всего в веками складывавшиеся аграрные отношения (английские администраторы явно не разобрались в реальных и весьма непростых взаимоотношениях владельческих и невладельческих слоев в Индии) привело к болезненным конфликтам в стране. Приток фабричных тканей и разорение многих из привыкших к престижному потреблению аристократов сказались на благосостоянии индийских ремесленников. Словом, трещала по всем швам веками функционировавшая привычная норма отношений, в стране все очевиднее проявлял себя болезненный кризис.

Огромная страна не желала мириться с этим. Росло недовольство новыми порядками, несшими угрозу привычному существованию практически всех. И хотя из-за слабости внутренних связей и господства многочисленных разделявших людей этнокастовых, языковых, политических и религиозных барьеров это недовольство не было слишком сильным, ни тем более достаточно организованным, оно все же быстро увеличивалось и превращалось в открытое сопротивление английским властям. Назревал взрыв.

Одной из важных непосредственных причин, спровоцировавших его, была аннексия генерал-губернатором Дальхузи в 1856 г. крупного княжества Ауд на севере страны. Дело в том, что наряду с землями, официально и непосредственно подчиненными администрации компании, в Индии существовало 500—600 больших и малых княжеств, статус и права которых были весьма разными. Каждое из княжеств особым договорным актом было связано с администрацией компании, но при этом количество их постепенно уменьшалось за счет ликвидации

тех из них, где прерывалась линия прямого наследования либо наступало состояние кризиса. Ауд был присоединен к землям компании под предлогом «плохого управления», что вызвало резкое недовольство сильно задетого этим решением местного мусульманского населения (талукдаров), а также привилегированных заминдаров-раджпутов.

Центром военной мощи компании была бенгальская армия сипаев, на две трети набранная из раджпутов, брахманов и джатов Ауда. Сипаи из этих высоких каст особо болезненно ощущали свое приниженное положение в армии по сравнению со служившими рядом с ними англичанами. Брожение в их рядах постепенно возрастало в связи с тем, что после завоевания Индии компания, вопреки обещанному, не только снизила им жалованье, но и стала использовать в войнах вне Индии — в Афганистане, Бирме, даже в Китае. Последней каплей и непосредственным поводом к восстанию послужило введение в 1857 г. новых патронов, обмотка которых была смазана говяжьим либо свиным жиром (обкусывая ее, осквернялись как почитавшие священную корову индусы, так и не употреблявшие в пищу свинину мусульмане). Возмущенные наказанием тех, кто выступил против новых патронов, 10 мая 1857 г. в Мератхе близ Дели восстали три полка сипаев. К восставшим присоединились другие части, и вскоре сипаи подошли к Дели и заняли город. Англичане частично были истреблены, частично в панике бежали, а сипаи провозгласили императором престарелого могольского правителя Бахадур-шаха II, доживавшего свои дни на пенсию компании.

Восстание длилось почти два года и в конечном счете было потоплено в крови англичанами, сумевшими опереться на помощь сикхов, гурков и на другие силы, опасавшиеся возрождения империи Моголов. Справедливо оценив восстание как мощный народный взрыв недовольства не только правлением колонизаторов, но и грубой ломкой традиционных форм существования многих слоев индийского общества, английские колониальные власти вынуждены были всерьез задуматься над тем, как быть дальше. Вопрос был в том, какими методами и средствами добиться уничтожения традиционной структуры. Было ясно лишь одно: резкая насильственная ломка здесь неприемлема; ее следует заменить постепенной и тщательно продуманной трансформацией — с ориентацией, естественно, на европейскую модель. Собственно, к этому и свелась последующая политика англичан в Индии.

Начало трансформации традиционной структуры

Еще не закончилось восстание сипаев, когда английский парламент в 1858 г. принял закон о ликвидации Ост-Индской компании. Индия стала составной частью Британской империи, а королева Виктория

была провозглашена императрицей Индии. Управлять страной должен был генерал-губернатор, вскоре получивший официальный титул вице-короля. Деятельность его и всей администрации Британской Индии контролировалась и направлялась ответственным перед парламентом министерством по делам Индии. Вслед за тем последовал ряд важных реформ.

Военная реформа привела к расформированию сипайских полков и к существенному изменению состава вооруженных сил: число англичан в армии сильно увеличилось; большую роль в ней стали играть наемники из числа сикхов и гурков. В специальном обращении к индийским князьям, ее вассалам, королева Виктория пообещала уважать их традиционные права. В частности, было введено право передачи княжества по наследству приемным сыновьям (если линия прямого наследования прерывалась). Британская корона обязалась со вниманием отнестись к существованию в Индии традиционной кастовой системы. Были также приняты законы, препятствовавшие заминдарам и иным арендодателям произвольно повышать арендную плату. Многие постоянные арендаторы получили право отчуждать свои земли. Вся эта серия законов, актов и обязательств ставила своей целью уважать привычные нормы и тем избежать в дальнейшем кумуляции недовольства. Но все это отнюдь не означало отступления. Просто изменялась тактика действий. Это хорошо видно на примере другой серии реформ и нововведений.

Еще в 1835 г. генерал-губернатор Маколей провел реформу образования в Индии, смысл которой заключался в том, чтобы начать подготовку кадров колониальной администрации из самих индийцев, создать из них «прослойку, индийскую по крови и цвету кожи, но английскую по вкусам, морали и складу ума». Активно действуя в этом направлении, англичане открыли в Индии в 1857 г. первые три университета — Калькуттский, Бомбейский и Мадраасский. В дальнейшем число индийских университетов и колледжей с преподаванием на английском языке и по английским программам обучения все возрастало, не говоря уже о том, что многие из индийцев, особенно из числа зажиточной социальной верхушки, получали образование в самой Англии, в том числе в ее лучших университетах — Кембридже и Оксфорде. И пусть такое образование получали лишь ничтожная доля населения, в подавляющем большинстве остававшегося вовсе неграмотным, эта доля индийских интеллектуалов играла непропорционально значительную роль в политике и общественной жизни страны. И воспитание их по английской модели не могло при этом не оказывать своего воздействия.

В этом же направлении была задумана и постепенно реализовывалась административная политика англичан. Еще в 1861 г. парламент принял закон об организации законосовещательных Индийских советов при генерал-губернаторе и губернаторах провинций. Хотя члены

этих советов назначались, а не избирались, законом оговаривалось, что половина их должна состоять из лиц, не занятых на службе и тем самым не зависящих от администрации. Была проведена и судебная реформа по английскому образцу. В продолжение этой же линии в 80-х годах были изданы законы о местном выборном самоуправлении. И хотя выборы были многоступенчатыми, а участвовать в них могли лишь очень немногие, едва ли более 1% населения страны, начало избирательной процедуре было положено. В 90-х годах муниципальные советы стали избирать некоторых своих членов в провинциальные законодательные советы при губернаторах, а также в Индийский законодательный совет при генерал-губернаторе.

Активное внедрение элементов европейской (британской) политической культуры и практики и европейского образования способствовало проникновению в Индию многих европейских идей и идеалов, знаний и опыта, привело к знакомству с европейскими науками, искусством, культурой, образом жизни. Это знакомство тоже по преимуществу ограничивалось узким кругом социальных верхов и индийских интеллектуалов, но все же оно было фактом, а становившееся нормой использование английского языка как официального и объединяющего представителей различных индийских народов способствовало распространению среди интеллектуальной элиты ориентации на европейские духовные ценности, как то и было задумано в свое время Маколеем и его единомышленниками. Книги, газеты, журналы и иные печатные издания, предназначенные для читателя во всей Индии, публиковались только на английском. Английский язык становился постепенно основным для всей образованной Индии.

Долгое время тон в этом движении задавала Бенгалия — район, ранее всего захваченный англичанами (резиденция генерал-губернатора до 1911 г., когда она была перенесена в Дели, находилась в Калькутте). Здесь английское влияние ранее всего достигло значительных размеров. Еще видный индийский просветитель Рам Мохан Рай (1772 — 1833) организовал лояльное по отношению к англичанам общество «Брахмо самадж», построенное по европейскому образцу, с выборным правлением, и преследовавшее цель очистить индуизм от наиболее одиозных наслоений (обычай самосожжения вдов — «сати»; ранние браки; кастовая непримиримость и т. п.) и на его основе создать культ единого Бога, в поклонении которому могли бы слиться представители всех религий, включая мусульман и христиан. После смерти Рая руководство обществом перешло в руки Д. Тагора и других бенгальских деятелей, немало способствовавших распространению просветительских идей. Позже влияние брахмоистов распространилось среди образованных слоев населения в Мадрасе и Бомбее, причем везде просветители активно сотрудничали с англичанами, которые под их влиянием издали законы против сати, в защиту гражданских браков и т. п.

Рост влияния англичан и европейской культуры на образованных индийцев протекал на общем фоне усиления в стране позиций колониального капитала и соответствующих изменений в ее экономике. Заметный уже в начале XIX в. и не прекращавшийся на протяжении последующих десятилетий быстрый рост английского промышленного экспорта в Индию способствовал резкому увеличению индийского экспорта в Англию и другие страны Европы. Из Индии вывозились хлопок, шерсть, джут, чай, кофе, опиум и особенно индиго и пряности. Для обеспечения быстрого увеличения количества вывозимого сырья англичане активно создавали плантационные хозяйства капиталистического типа. К традиционным статьям индийского экспорта прибавлялись все новые, включая и зерно, — при всем том, что время от времени Индию сотрясали страшные неурожаи, сопровождавшиеся голодной смертью миллионов.

Здесь важно заметить, что представления о разрушении индийской общины уже чуть ли не в середине XIX в. явно преувеличены. Несмотря на трансформацию сельского хозяйства, на введение новых культур и плантационной формы их выращивания, а также на изменения в формах собственности на землю и переход части ее в руки торговцев и ростовщиков (к слову, это было обычным делом и в старой Индии), община держалась достаточно стойко и более или менее удачно приспосабливалась к необходимым и неизбежным переменам, пока они не затрагивали всерьез самого основного, т. е. принципов ее существования, привычных, веками складывающихся отношений. Британская администрация в общем это хорошо понимала и — особенно после восстания конца 50-х годов — всегда учитывала. И хотя ей не удавалось предотвратить массового голода и голодных смертей в годы неурожая (это характерно для всех колониальных государств: в отличие от традиционных органов власти, которые в голодные годы освобождали крестьян от налогов и предоставляли им льготы, капиталистическая администрация в чужой стране была как бы свободна от такого рода благотворительного милосердия), в целом она стремилась защищать интересы крестьянина, так как существовала за счет его выплат: земельный налог и монополии на опиум и соль давали в середине XIX в. 85% дохода.

Но главные изменения в сфере экономики происходили все же не за счет возросшей торговли и увеличения товарности земледелия. Наиболее важное значение для трансформации хозяйства имело промышленное развитие Индии и стимулировавший его вывоз капитала. Вначале он шел преимущественно в форме займов: британская администрация прибегала к помощи английских банкиров для активного строительства железных дорог, для создания добывающих и перерабатывающих первичное сырье предприятий, для ирригационного строительства. Наряду с государственными займами (их общая сумма за 1856 — 1900 гг. выросла с 4 до 133 млн. ф. ст.) увеличивался и приток

частного капитала, использовавшегося преимущественно для развития хлопчатобумажной и джутовой промышленности, банковского и страхового дела, позже также и промышленного производства чая и каучука, кофе и сахара. В начале XX в. английские капиталы в Индии (речь о частных инвестициях) достигали 6 — 7 млн. рупий. Характерно, что преобладали компании, зарегистрированные в Англии и лишь вкладывавшие часть своего капитала в Индии, тогда как доля индийских компаний, принадлежавших как англичанам, так и самим индийцам, была чуть ли не вдвое меньше.

Строительство железных дорог и создание начальной промышленной инфраструктуры — сеть банков, предприятий связи, плантаций и т. п. — способствовали возникновению многочисленных национальных промышленных предприятий, включая ремесленное производство на предприятиях мануфактурного типа, что привело к возрождению ручного ткачества. В 90-х годах кустарями перерабатывалось в 2,5 раза больше хлопчатобумажной пряжи, чем на фабриках, а всего кустарно-ремесленными промыслами занимались, включая членов семей, около 45 млн. человек. Но главное было все-таки не в возрождении ремесла. Импорт британских и иных европейских машин, прежде всего прядильно-ткацких, создавал условия для появления в Индии капиталистических предприятий, фабрик и заводов, причем по меньшей мере треть акционерного капитала здесь в конце XIX в. уже принадлежала индийцам. Возникла национальная буржуазия. Отдельные ее представители становились в ряды крупных предпринимателей, основывали собственные фирмы. В 1911 г. в Бихаре Тата построил первый принадлежавший индийцу металлургический завод немалой мощности, а в 1915 г. была создана принадлежавшая его фирме гидроэлектростанция. В 1913 г. в Индии было 18 крупных индийских банков.

Появились и первые индийские рабочие: к концу XIX в. численность их составляла 700 — 800 тыс. Условия труда были очень тяжелыми, рабочий день продолжался 15 — 16 часов. И хотя принадлежность к различным народам и кастам мешала объединению рабочих, высокая степень концентрации их на ряде крупных предприятий способствовала активизации рабочего движения: в конце XIX в. количество рабочих выступлений, преимущественно в форме стихийных стачек, исчислялось десятками. Эти выступления привели к появлению фабричного законодательства: в 1891 г. было запрещено использовать на фабриках труд детей до 9 лет, а длительность рабочего дня понемногу сокращалась (в начале XX в. до 12 — 14 часов).

Итак, активная торговля, вывоз английского банковского и промышленного капитала, формирование национального индийского капитала, появление национальной буржуазии и пролетариата, развитие сети железных дорог, добывающих промыслов и промышленных предприятий — все это не могло не деформировать привычную традиционную структуру земледелия и ремесла. Новые, базирующиеся на

капиталистической основе интересы должны были взорвать изнутри отношения традиционные.

К этой перемене была внутренне готова и ориентированная на Англию и европейские ценности образованная часть населения, энергично выступавшая против устаревших пережитков и за реформу традиционных основ религиозной культуры. Выразителем интересов этой индийской интеллектуальной элиты стал созданный в 1885 г. с благословения англичан Национальный конгресс. Будучи одновременно и лояльным, и оппозиционным по отношению к английским властям, Индийский национальный конгресс (ИНК) стал своего рода знаменем борьбы за демократическую трансформацию традиционной Индии. Параллельно с ним в те же годы активно действовали и религиозные лидеры индуизма, стремившиеся сблизить древний индуизм Веданты с христианскими религиозными течениями и выступить, как это сделал знаменитый Вивекананда, за сближение всех великих религий мира.

Светское (ИНК) и религиозное движения за обновление Индии явно способствовали усилиям англичан, направленным в сторону трансформации традиционной структуры. Могло показаться, что эти усилия вот-вот увенчаются заметными успехами. Между тем на деле все было далеко не так просто.

Сопrotивление трансформации

Традиционная «азиатская» структура Индии, вызвавшая к жизни феномен мощного народного восстания, равного которому история Индии до того не знала, отнюдь не перестала сопротивляться колониальной трансформации. Будучи вынужденной приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам, она вырабатывала все новые и новые формы сопротивления чуждому ей колониальному капитализму со всеми свойственными ему западными идеями, идеалами, институтами и принципами жизни. В чем конкретно это проявлялось?

Прежде всего во все возрастающем количестве крестьянских движений. Одни из них носили традиционный характер религиозно-сектантских выступлений, как движение «Намдхари» в Пенджабе во главе с Рамом Сингхом в 60 — 70-е годы. Другие, как восстание во главе с В. Пхадке в Махараштре в 1879 г., выступали за снижение налогового гнета и против засилья ростовщиков. Третьи, как восстание в Мадрасе в 1879 — 1880 гг., были направлены против всевластия откупщиков. Но во всех этих, как и во многих иных аналогичных крестьянских движениях четко видно главное их социальное содержание: крестьяне выступали против нарушения привычной нормы существования, против злоупотреблений со стороны власть имущих, что было чревато

заметным снижением уровня жизни. При этом весьма характерно, что все эти и аналогичные им движения прямо либо косвенно были антианглийскими и антиколонизаторскими. Неудивительно, что они подавлялись английскими войсками.

Другим существенным проявлением сопротивления структуры было недовольство индийских верхов из числа привилегированной аристократии. Основная часть князей после обещаний английской короны сохранить их привилегии стала лояльной по отношению к колонизаторам. Но были и исключения. Например, в 1891 г. в Манипуре регент-правитель княжества выступил против англичан. И хотя это выступление было подавлено, а управление княжеством передано в руки более покладистых аристократов, сам по себе факт знаменателен, особенно если сопоставить его с то и дело вспыхивавшими восстаниями различного рода племен, преимущественно в пограничных районах (движения племен возглавляли племенные вожди с весьма заметными антианглийскими настроениями).

Восстания недовольных низов и выступления фрондирующих аристократов отражали сопротивление старой структуры. Но эти выступления были ослаблены соответствующей политикой англичан, предвидевших возможность такого рода оппозиции (отнюдь не случайны реверансы короны в адрес князей, как и защита крестьян-арендаторов от произвола заминдаров и давления ростовщиков). Кроме того, XIX век проходил в основном под знаком сравнительно успешного внедрения европейских идей и норм существования. Ориентация на английскую культуру и науку, на европейские ценности пока еще совпадала с признанием собственной отсталости, со своего рода комплексом неполноценности, особенно остро ощущавшимся образованной частью индийцев. Однако именно среди этих последних в конце XIX в. появилась весьма влиятельная прослойка активных деятелей, склонных к переоценке ценностей и к отказу от упомянутого комплекса. Эта прослойка была весьма разной по характеру и направленности действий, но именно ее деятельность так или иначе отразила сопротивление традиционной структуры колониальной ломке.

Прежде всего это были религиозные учения. Общество «Арья самадж», основанное Д. Сарасвати в Гуджарате в 1875 г., призывало вернуться к ведическим принципам жизни древних ариев. Не выступая прямо против англичан и даже пропагандируя некоторые весьма прогрессивные взгляды, направленные, скажем, против кастового неравенства, сторонники этой массовой организации вместе с тем делали явственный акцент на то, что только возврат к национально-религиозным традициям может оздоровить Индию и способствовать ее возрождению. Аналогичную позицию заняли и многие другие религиозно-реформаторские и просветительские движения, включая и мусульманские. Связь многих из них с нарождавшейся индийской

буржуазией и с прогрессивной интеллигенцией несомненна. Но характерен сам освободительный пафос: не вперед за англичанами, а назад, к истокам! Этот новый акцент был естественным следствием стремления к усилению позиций индийцев в управлении страной и решении ее судеб. Но он же объективно был и проявлением сопротивления традиционной структуры колониализму.

Едва ли не наивысшим взлетом в оппозиционных англичанам движениях была активизация радикального национализма, связанная в конце XIX и начале XX в. с именем Б. Тилака (1856 — 1920). Именно Тилак начал открытую борьбу с господством колонизаторов. Апеллируя то к национальному герою маратхов Шиваджи, то к мифическому божеству Ганеше, Тилак стремился открыто противопоставить англичанам традиционные ценности Индии и черпать именно в них силу для борьбы с колонизаторами. Экстремизм Тилака снискал ему репутацию «левого» и «крайнего», особенно по сравнению с умеренным либерализмом лидеров Национального конгресса, в котором он занял крайние националистические позиции. В конгрессе Тилак вел постоянную борьбу с умеренными, а в 1908 г. английский суд даже приговорил его к шести годам заключения за попытки «разжигания ненависти и неуважения к властям, недовольства против правительства». Следует заметить, что рабочие Бомбея вступились за своего признанного вождя, проведя шестидневную забастовку — по дню за каждый год заключения. Это была едва ли не первая политическая стачка такого масштаба в Индии. Однако в целом движение «крайних» во главе с Тилаком всенародного признания не получило. Между тем англичане вскоре сделали еще один шаг по пути привлечения индийцев к управлению Индией: по акту о законодательных советах, принятому парламентом в 1909 г., в провинциальных советах большинство стало теперь выборным, а во Всеиндийском законодательном совете половина членов должна была быть избранной. Впрочем, параллельно с этим в 1910 г. был принят закон о печати, дававший право колониальной администрации закрывать, конфисковывать или штрафовать индийские издания, содержащие антиколониальные призывы.

Разумеется, было бы примитивным упрощением все антиколониальные силы, движения и выступления рассматривать только с позиций сопротивления традиционной структуре новому. Многие индийские политические деятели, особенно связанные с Национальным конгрессом, отнюдь не призывали к возрождению традиций, хотя и опирались на их поддержку. Они стремились к достижению независимости Индии, к ее самоуправлению. Именно для этого были в начале XX в. выдвинуты и получили в Индии широкое распространение и признание лозунги свадеши (отечественное производство) и сварадж (собственное правление), а также связанный с недовольством политикой вице-ко-

роля Керзона призыв к бойкоту английских товаров*. Однако за лозунгами самоуправления, за призывами к бойкоту отчетливо виделась не только национальная, но и национально-религиозная традиция — традиция сопротивлявшаяся, реально поддерживавшаяся многими, в первую очередь крестьянами, которые активного участия в политической жизни обычно не принимали, но косвенно всегда на нее очень влияли.

Собственно, именно эта крестьянская масса, все еще жившая по законам старины традиционная индийская община, и была той самой структурой, которая не хотела быть сломленной и пусть пассивно, но стойко сопротивлялась колониализму и связанным с ним новшествам. Конечно, община не оставалась непробиваемой. Многие из числа беднейших ее членов вербовались в качестве кули на плантации в далеком Ассаме или еще где-либо. Другие уходили в города, создавая огромную армию резервной рабочей силы. Однако на смену ушедшим рождались новые (рост населения в Индии за последнее столетие, несмотря на миллионы вымиравших от голода, был всегда достаточно ощутим), а община в целом за их счет возрождалась и принимала традиционные формы. Опиралась же крестьянская община, как и традиционная структура Индии в целом, на систему каст и все связанные с ней привычные нормы жизни. И наконец, нельзя сбрасывать со счетов законсервировавшиеся в своем прежнем статусе сотни индийских княжеств, где все было организовано по привычным нормам старины. Одним словом, традиционная структура с трудом подвергалась трансформации.

Если представить ситуацию более наглядно, то Индия разделилась как бы на две части. В городах шел более или менее активный процесс наращивания нового (капиталистического, по европейскому стандарту) качества, особенно в тех, что находились под прямым управлением короны; в княжествах этот же процесс шел значительно медленнее, а кое-где вообще почти не был ощутим. Что же касается деревни, то она была мало им затронута и обычно откупалась от него традиционным способом, т. е. налогами и выделением незначительной части крестьян для отработок вне общины. Практически же вторая часть — деревенская община и многие небольшие города, особенно в княжествах, равно как и княжества в целом с их придворной жизнью и традиционно сохранявшимися отношениями, — заметно противостояла первой и часто была оплотом всех тех движений и течений, которые выступали против новшеств, против англичан, против колониализма и за возрождение национальных основ жизни, политической самостоятельности Индии. Волей-неволей, но и многие радикальные деятели Индии, отражавшие интересы городских слоев ее населения, национальной

буржуазии или пролетариата, вынуждены были в своей антианглийской борьбе опираться именно на эту традиционную основу, ибо без нее они не имели бы массовой поддержки и были бы легко сброшены со счетов политической борьбы.

Стойкое и даже со всей очевидностью нараставшее сопротивление трансформируемой индийской традиционной структуры с ее общиной и кастовым строем, с ее пышными княжескими дворами и привилегиями реально ощущалось колониальными властями. И хотя они контролировали положение в стране в целом, серьезное беспокойство побуждало их искать выход. Этот выход был подсказан самой жизнью. Речь идет об индо-мусульманских различиях и противоречиях.

Со времен Великих Моголов противоречия как-то сглаживались. Индийцы привыкли к тому, что мусульманские правители управляют страной, что у них есть определенные социально-политические и социально-экономические привилегии. Однако после восстания сипаев, в котором весьма заметное участие приняли недовольные потерей привилегий представители мусульманской верхушки, выяснилось, что англичане в своей администрации допустили явный перекося. Исправляя его, они стали уделять подчеркнутое внимание интересам индийских мусульман. В 1906 г. при активной поддержке властей в стране была создана Мусульманская лига, призванная сплотить мусульман. Было также введено голосование по куриям, одной из которых была мусульманская, что ставило своей целью разделить образованную часть населения, выборщиков, по религиозному принципу. И хотя на первых порах, в том числе накануне и в годы Первой мировой войны, Национальный конгресс и Мусульманская лига нередко действовали совместно, особенно в борьбе за независимость страны, зерна национально-религиозной розни были уже посеяны. Мало того, они вскоре начали давать свои первые зловещие всходы.

Национальный конгресс и борьба за независимость Индии

Революционные события в России в 1917 г. были с энтузиазмом восприняты индийскими революционерами. Некоторые из них посещали Советскую Россию, встречались с Лениным. В начале 20-х годов в Индии возникли профсоюзы, была создана коммунистическая партия Индии. Следует, однако, сразу же заметить, что революционная струя в индийском национально-освободительном движении не была ни основной, ни даже имевшей значительное влияние на массы. Это и неудивительно. Общинно-кастовая деревня и даже быстрыми темпами трансформировавшийся индийский город не воспринимали идеи, призывавшие к восстанию, тем более к насильственному свержению существующего строя. Идеи ненасилия были традиционно гораздо ближе индийцу, чем призывы к радикальным действиям, ибо религи-

* Керзон в 1905 г. предпринял раздел Бенгалии на две части, что вызвало резкие протесты местного населения, дало толчок росту недовольства во всей Индии и через несколько лет было отменено.

озная концепция кармы веками направляла социальную активность индивида в русло его личного самоусовершенствования, но никак не на баррикады. Однако существенно обратить внимание на то, что значительная часть индийских революционеров отличалась склонностью к мессианской идее с присущими ей радикализмом и нетерпимостью, что сыграло свою роль в появлении на арене политической жизни страны таких явлений, как, казалось бы, противный традиционному индуизму терроризм. Разумеется, радикалы не имели массовой поддержки. Иное дело — действовавший медленно, но неуклонно стремившийся к поставленной цели и, главное, умело учитывавший реалии традиционной общинно-кастовой Индии Национальный конгресс.

В послевоенный период к руководству Конгрессом пришел ставший его признанным лидером М.К. Ганди, чья доктрина, в основе которой лежала идея сатьяграхи, т. е. ненасильственного неповиновения и сопротивления, стала теперь официальной идеологией организации («гандизм»). Здесь следует заметить, что усиление деятельности и влияния Конгресса в годы Первой мировой войны побудило англичан сделать еще один шаг по пути предоставления Индии ограниченного самоуправления. Принятый в 1919 г. парламентом закон усилил значение выборных Законодательных собраний при вице-короле и губернаторах провинций и предоставил индийцам право занимать второстепенные министерские посты в системе колониальной администрации. Правда, одновременно с этим был принят закон Роулетта, направленный против «антиправительственной деятельности». Ганди был одним из наиболее резких и непримиримых противников этого закона и по его призыву в 1919 г. по Индии прокатилась волна протестов в форме харталов (закрытия лавок, т. е. прекращения деловой активности). В том же 1919 г. в Амритсаре колониальные власти, следуя букве нового закона, хладнокровно расстреляли митинг протеста (было убито около тысячи участников, еще две тысячи ранено). Амритсарская бойня вызвала мощную кампанию протеста в стране. На волне этого протеста Ганди решил провести свою первую всеиндийскую акцию гражданского неповиновения, сводившуюся к массовому бойкоту всего английского — товаров, учебных заведений, судов, администрации, выборов и т. п. Проходившая в форме митингов, харталов, демонстраций кампания сыграла важную роль в формировании и сплочении общеиндийского национального движения, что содействовало превращению Конгресса в массовую организацию, насчитывавшую миллионы сторонников и многие десятки тысяч активистов-волонтеров. В начале 1922 г. кампания была приостановлена, ибо некоторые кровавые эксцессы показали, что движение выходит из-под контроля Конгресса с его принципом ненасильственных действий. Наступил довольно длительный период реакции.

На протяжении 20-х годов при явном поощрении колониальных властей оживилась деятельность Мусульманской лиги. В качестве противостоявшей ей религиозной организации правоверных индуистов получила довольно широкое признание Хинду махасабха, на съезде

сторонников которой в 1925 г. предлагалось даже чуть ли не насильно обратить в индуизм всех индийских мусульман. Религиозный раскол, грозивший превратиться в конфликт, вызвал озабоченность руководителей Конгресса. Стала вновь пересматриваться программа его деятельности. Немалого влияния в Конгрессе добились соперничавшие с Ганди «свараджисты», которые во главе с Мотилалом Неру выступили против массовых кампаний неповиновения, считая главным завоевать места в Законодательных собраниях и влиять на колониальную администрацию при помощи официальных законодательных процедур.

В 1928 г. М. Неру представил Конгрессу проект будущей конституции Индии, предусматривавший предоставление ей статуса доминиона. Отказ англичан принять во внимание этот проект послужил поводом для начала второй кампании гражданского неповиновения, протекавшей на сей раз в условиях острого мирового экономического кризиса и связанного с ним роста недовольства масс, подъема массовых движений. В январе 1930 г. Конгресс провел в стране подготовку к назначенному на 26-е число Дню независимости Индии, а в марте Ганди опубликовал «11 пунктов», содержавших требования к английским властям об освобождении политических заключенных и создании более благоприятных условий для развития национальной экономики. Отказ вице-короля и был формальным поводом для начала новой кампании, в ходе которой Ганди лично возглавил поход своих сторонников к берегу Аравийского моря с целью начать там выпаривать соль и тем демонстративно нарушить монополию властей по добыче соли. В мае Ганди и его сторонники были арестованы, но вслед за этим по всей стране начались массовые выступления, в том числе и восстания крестьян и пограничных племен. Англичане вступили в переговоры с лидерами Конгресса, в результате чего было достигнуто соглашение о прекращении кампании при условии отказа властей от репрессий и амнистии участникам движения, кроме тех, кто был замешан в насильственных действиях.

В сентябре 1931 г. в Лондоне лидеры Конгресса на конференции «круглого стола» решительно потребовали самоуправления и статуса доминиона для Индии. Неудача переговоров была использована Ганди как повод для новой кампании гражданского неповиновения, на сей раз в форме гражданского несотрудничества преимущественно индивидуального характера. В 1932 г. Ганди выступил за предоставление гражданских прав и представительства индийским «неприкасаемым» (он начал именовать их хариджанами, «божьими людьми»). Тем временем внутри самого Конгресса усилились позиции левого крыла, возглавлявшегося молодыми его лидерами — С.Ч. Босом и Джавахарлалом Неру. В 1936 г. Д. Неру был избран президентом Конгресса. Именно он наиболее резко выступил против предложенной англичанами Индии в 1935 г. конституции, которая была тем не менее еще одним существенным шагом на пути к конечной цели. Проведенные

на ее основе выборы принесли в начале 1937 г. победу Конгрессу: в 8 из 11 провинций страны кабинеты министров были теперь сформированы конгрессистами. Конгресс развернул огромную политическую работу и во всех княжествах, где создавались союзы, партии, проводились харталы. Немалую активность стала проявлять и Мусульманская лига, представители которой сформировали кабинеты в трех провинциях и имели ощутимое влияние в ряде княжеств.

В октябре 1939 г., вскоре после начала Второй мировой войны, Конгресс пообещал свое сотрудничество с Англией при условии создания в Индии ответственного национального правительства и конституционного устройства страны по решению Учредительного собрания. Метрополия устала вице-короля в январе 1940 г. предложила Индии после войны статус доминиона при сохранении ответственности Англии за оборону Индии на протяжении 30 лет. Конгресс не принял этого предложения, но и не настаивал на жесткой оппозиции. Положение его в самой Индии осложнилось, во-первых, тем, что Мусульманская лига в 1940 г. официально предложила разделить Индию на два государства, индусское и мусульманское (Пакистан), и, во-вторых, потому, что в результате внутренней борьбы лидер левых конгрессистов С.Ч. Бос спровоцировал раскол Конгресса, а затем выступил с резко антианглийских позиций, создав в Бирме прояпонскую «индийскую национальную армию», воевавшую с английскими войсками. Тем не менее в конце 1940 г. Ганди объявил очередную кампанию гражданского неповиновения — снова в форме индивидуальных протестов и несотрудничества.

В 1942 г. Англия в лице ее министра С. Криппса дала свое согласие на созыв после войны Учредительного собрания, но оговорила при этом право отдельных провинций и княжеств на создание самостоятельных доминионов империи, что было явным намеком на согласие с предложением Мусульманской лиги о расколе Индии. Конгресс не принял этих предложений и решительно потребовал немедленного предоставления Индии независимости. В августе 1942 г. была начата массовая кампания несотрудничества, итогом которой был арест Ганди и других лидеров Конгресса, которые были освобождены лишь в мае 1944 г. На переговорах вице-короля с лидерами Конгресса и Мусульманской лиги в Симле летом 1945 г. англичане согласились создать ответственный перед короной и парламентом в Лондоне Всеиндийский исполнительный совет (кабинет министров), но при условии формирования этого совета не по политическому, а по религиозному принципу. Это было отвергнуто обеими партиями. А вслед за тем в стране начались массовые антианглийские выступления, затронувшие армию и флот; частично они были связаны с судом над руководителями прояпонской «индийской национальной армии», которая в Бенгалии пользовалась влиянием и широкой поддержкой населения.

Выступления и общая ситуация в стране вели к тому, что весной 1946 г. лейбористский кабинет К. Эттли объявил о предоставлении Индии статуса доминиона и выборах с разделением избирателей на две курии, индусскую и мусульманскую. На выборах каждая из крупных партий выдвигала своих кандидатов в обеих куриях, но в основном мусульмане побеждали в мусульманской, индусы — в индусской. Всего в провинциальных законодательных собраниях Конгресс получил 930 мест, Мусульманская лига — 497. В августе 1946 г. Д. Неру сформировал по поручению вице-короля Исполнительный совет, в который представители Лиги отказались войти. По их призыву в стране начались индо-мусульманские столкновения. Одновременно в разных частях страны вспыхнули массовые народные движения, в том числе и в княжествах, например в Хайдарабаде. Дни колонизаторов были сочтены. Оставался лишь вопрос, что будет с Индией, когда они уйдут. Летом 1947 г. англичанами был предложен план Маунтбеттена, суть которого сводилась к разделу Индии на два доминиона. Конгресс и Лига согласились с ним, и осенью 1947 г. он стал законом, принятым парламентом. Время Британской Индии кончилось. На смену ей пришли независимые Индия и Пакистан.

Нет никаких сомнений в том, что успеху в борьбе за независимость способствовали многие факторы. Это и очевидные экономические сдвиги в стране, включая выход на авансцену хозяйственной и политической жизни национальной буржуазии; это и подъем национального самосознания, основными носителями которого были образованные слои населения, прежде всего индийская интеллигенция, студенческая молодежь; это и становившееся все более затруднительным положение колонизаторов, которые в изменяющихся условиях не могли более рассчитывать на сохранение своего политического господства, державшегося на авторитете силы. Безусловно, важную роль сыграли и международные политические обстоятельства в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. Но заслуживает внимания в свете всего сказанного и стратегическая линия лидеров Конгресса во главе с Ганди: в условиях традиционной структуры расчлененной на разные народы, государства и касты великой страны с ее весьма необычной цивилизацией и системой этических, социальных и духовных ценностей именно конгрессисты, в частности гандисты, сумели выработать наиболее адекватный реалиям курс на ненасильственное сопротивление. Насилия же, сопровождавшееся время от времени бурными политическими схватками, экстремистскими акциями, прямыми восстаниями и иными проявлениями, как бы оттеняли ненасильственное сопротивление и придавали ему даже некий внутренне возмущающий для колонизаторов смысл (нельзя доводить до крайностей!). Возглавленное конгрессистами и Ганди движение все время набирало силу и в конечном счете поставило колонизаторов, делавших ему уступку за уступкой, перед дилеммой: либо дать Индии независимость

и сохранить с ней веками налаженные связи, либо рисковать быть выброшенными за ее пределы в результате мощного взрыва.

Конечно, англичане всячески стремились оттянуть момент возможного взрыва и даже погасить его, направить энергию страны и народа в иное русло — прежде всего в национально-религиозные конфликты. Но и этот шаг сулил не столько политический успех, сколько взрыв огромной силы, к тому же сопровождаемый выходящими из-под контроля страстями. Словом, в Индии в первые послевоенные годы создавалась для англичан критическая ситуация. И иного выхода, кроме предоставления независимости великой стране, у них не было. Политический накал был настолько сильный, что расчленение страны на две части оказалось чуть ли не оптимальным решением, при всем том, что реализация этого на практике стоила жизни миллионам людей. В заключение можно упомянуть и о том, что Вторая мировая война привела к крушению колониализма в ряде стран, особенно в Юго-Восточной Азии, и это обстоятельство также не могло не оказать своего воздействия на общий ход событий.

Глава 3

Островной мир юга Азии в период колониализма

Колонизация этой части Азии была основной целью европейцев с эпохи Великих географических открытий, так как именно здесь, в странах южных морей, выращивались те самые экзотические продукты, прежде всего пряности, стремление завладеть которыми было стимулом для колонизаторов. Судьба стран островного мира, от Цейлона до Филиппин, несмотря на разницу в условиях и уровне жизни местного населения, в степени экономического развития, была в известном смысле общей, однотипной: все они очень рано начали превращаться в колонии, стали объектом ожесточенной политической борьбы, внутренних неурядиц, колониальной экспансии, а подчас и неэквивалентного обмена. Богатые ресурсы, источником которых была щедрая природа, ставились на службу колонизаторам — для них прежде всего под контролем и при помощи местных контрагентов из числа привилегированной прослойки управителей выращивались необходимые продукты. Дешевый труд местного населения, основанный как на традиционных, так и на раннекапиталистических плантационных формах принудительного его использования, гарантировал европейским колонизаторам высокие прибыли. И этот уровень гарантированной

прибыли в сочетании с рядом других обстоятельств, не в последнюю очередь с особенностями образа жизни в тропиках, существенно замедлял развитие колонизованного островного мира.

Если в Британской Индии по меньшей мере с XIX в. была заметна определенная внутренняя трансформация — выход на передний план промышленного освоения страны, включая строительство крупных предприятий и развитие инфраструктуры (железные дороги и т. п.), то на островах процесс подобного рода шел очень медленно. Зато здесь на первое место выходило развивавшееся плантационное хозяйство, основанное на полукапиталистических-полурабовладельческих методах использования законтрактованных рабочих, которых обычно именовали китайским термином кули, ибо на начальном этапе плантационной контрактации китайцы составляли значительную долю завербованных. Осваивавшие производство многих новых и высоко ценившихся в Европе культур (кофе, чай, табак, каучук, сахар и др.) плантационные хозяйства долгое время были в странах островного мира чем-то вроде эквивалента местной промышленности, и это не могло не оказать сдерживающего влияния на развитие соответствующих стран, сильно отставших в упомянутом смысле от той же Британской Индии.

Голландская Индия (Индонезия)

Колониальная экспансия на островах Индонезии была начата в XVI в., как упоминалось, португальцами, установившими контроль на международных морских путях и создавшими на побережье многих островов свои форпосты, с помощью которых они пытались монополизировать торговлю пряностями. Португальское господство в Индонезии продолжалось, однако, недолго. На рубеже XVI — XVII вв. здесь укрепились голландцы, а с середины XVII в. монополия голландской Ост-Индской компании на торговлю пряностями и вообще на всю индонезийскую международную торговлю стала практически общепризнанной. Как то было и в Индии, голландская Ост-Индская компания быстро и достаточно энергично расширяла и свой политический контроль в стране, захватывая одни территории и ставя в вассальную зависимость от себя правителей других. Голландцы не только монополизировали торговлю пряностями, но и регулировали объем производства экспортировавшейся ими продукции, не останавливаясь перед уничтожением плантаций, если быстро возрастающее количество драгоценных экспортных продуктов грозило снижением цен на них.

Господство колонизаторов, ведущее к насильственной ломке привычного образа жизни и к жестким методам эксплуатации труда, не

могло не вызывать протеста. Уже в XVII в. это нашло свое выражение в ряде массовых политических движений, внешне принимавших форму династийной борьбы, но по сути бывших естественным сопротивлением традиционной структуры вмешательству со стороны колонизаторов (восстания на Яве под руководством Трунуджайи в 1674 — 1679 гг., Сурапати в 1683 — 1706 гг.). В середине XVIII в. голландцы попытались искусно направить недовольство яванского населения в антикитайское русло — против китайских эмигрантов, успешная экономическая деятельность которых раздражала яванцев и мешала Ост-Индской компании. Следствием расправы над хуацяо было, в частности, массовое выселение беднейшей их части в качестве кули на контролировавшиеся теми же голландцами колониальные плантации на Цейлоне и даже в далекой Южной Африке.

С XVIII в. голландская Ост-Индская компания начала слабеть и приходила в упадок. Расцветавшая контрабанда, равно как и коррупция среди служащих компании, приводили к увеличению экспорта, падению цен на пряности и соответственно доходов компании. Немалых денег стоила политическая борьба, приведшая в середине XVIII в. к гибели государства Матарам. Конец XVIII в. принес с собой еще и военно-политические осложнения, связанные с событиями в Европе (наполеоновские войны). В 1800 г. компания была ликвидирована, а вскоре вслед за этим Индонезия на несколько десятилетий оказалась под властью Англии, ведшей войну с Наполеоном и с союзной с ним Батавской (на территории Нидерландов) республикой.

Захват англичанами голландских колоний в Индонезии в 1811 г. привел к ряду реформ, ставивших своей целью создать благоприятные условия для проникновения в Индонезию частного капитала, в том числе английского. Однако упразднение монополий и налоговые реформы не привели к заметному изменению положения, во всяком случае с точки зрения промышленно-торгового освоения Индонезии частным европейским капиталом. Возврат Индонезии под власть Голландии в 1824 г. и последовавшее вслед за тем восстание Дипо Негоро под лозунгами исламского джихада (1825 — 1830) побудили голландскую колониальную администрацию пересмотреть принципы своего экономического господства. Отказавшись от чересчур жестких форм налогового и иного гнета, власти перешли к системе принудительных культур, смысл которой сводился к тому, что крестьяне были обязаны пятую часть своей земли (наиболее приспособленную для этого, т. е. лучшую) обрабатывать под выращивание закупавшихся колонизаторами культур, тогда как все остальные земли община могла традиционно использовать для своих нужд, прежде всего для производства необходимого ей продовольствия. Система оказалась достаточно эффективной для голландцев, обеспечив им устойчивый доход. Но для развития Явы она была, по сравнению с реформами англичан, шагом назад, ибо

консервировала отсталые методы ведения хозяйства и препятствовала тем самым экономическому развитию страны.

Введение системы принудительных культур заметно усилило позиции голландских властей в Индонезии, что позволило им приступить к колонизации других крупных индонезийских островов, в первую очередь Суматры и Борнео. Именно эти захваты и привели в конечном счете к колонизации голландцами почти всей Индонезии. Наиболее трудным для них делом оказалась война с султанатом Аче в Суматре, которая длилась около 30 лет (1873 — 1904), сопровождалась мощным народным сопротивлением в форме массового партизанского движения, но все же завершилась гибелью султаната. Успешные военно-политические захваты укрепили позиции Голландии в Индонезии и позволили ей отказаться от системы принудительных культур. Серия законов в 70—80-х годах XIX в. создала условия для проникновения на острова частного капитала. Здесь, в первую очередь на Яве, стали возникать промышленные предприятия по обработке сельскохозяйственной продукции (кофе, чай, какао, каучук и др.), строиться железные дороги, создаваться банки, расширяться разведка недр. На промышленную основу были поставлены добыча олова, угля и особенно нефти, торговля которой заложила базу для процветания основанной в 1907 г. известной англо-голландской компании Ройял Датч-Шелл.

Вся первая половина XX в. прошла под знаком дальнейшего укрепления позиций европейского монополистического капитала. Рост добычи олова, нефти, производства каучука — все это закладывало основу для процветания европейских капиталистов в Индонезии. Немалую роль в экономике страны стала играть и влиятельная прослойка китайских хуацяо, державших в своих руках значительную долю торговли, основывавших мелкие и средние промышленные предприятия, банковские конторы. Доля же национальной индонезийской буржуазии была незначительной и росла очень медленно — этим голландская Индия существенно отличалась от английской. Неудивительно, что тем большей была роль образованных слоев населения, индонезийских интеллигентов, в борьбе за национальное освобождение. В этой борьбе радикальные представители индонезийского общества в известной мере опирались на национально-религиозные традиции. Стоит также заметить, что сила и революционный потенциал рабочих были в Индонезии намного заметнее, чем в Индии. Профсоюзы и весьма боевая компартия страны действовали достаточно активно, несмотря на запреты и преследования, чему в немалой мере способствовала и иная, чем в Индии, общая религиозная ситуация, генеральный импульс которой способствовал боевому сплочению людей, а не их разъединению.

Дело в том, что, хотя религиозным фундаментом Индонезии был мощный многовековой пласт индуизма (откуда и название страны), уже с XVI в., после крушения империи Маджапахит, здесь началось

победоносное шествие ислама. Может показаться, что общая ситуация аналогична той, что была и в Индии: на традиционную индуистскую основу наложился ислам. На деле, однако, все было совершенно иначе. В Индонезии не было системы каст, которая укрепляла индийский индуизм и позволяла ему устойчиво и успешно сопротивляться исламизации. Вследствие этого структурно ослабленный индуизм здесь сравнительно легко отступил на задний план и был очень быстро заменен исламом (за век-два, буквально на глазах колонизаторов). 90% современного населения Индонезии считается мусульманами. Ислам же как религия основан на сплочении людей на религиозной основе (мусульманская умма), а свойственная ему идея религиозного равенства, да еще в сочетании с принципом воинствующего прозелитизма, в определенных условиях может стать благоприятной основой для пропаганды активных революционных действий как таковых, без религиозной их оболочки, что и стремилась в свое время осуществить имевшая в народе популярность компартия страны.

Существенно, однако, обратить внимание и на другую сторону сложной проблемы религиозно-цивилизационного фундамента Индонезии. Если, во-первых, как только что было сказано, индуизм в этой стране был не чета индийскому, то, во-вторых, не вполне типично мусульманским был и ислам. Суть проблемы в том, что, появившись в Юго-Восточной Азии сравнительно поздно и начав завоевывать заметные политические позиции в Индонезии лишь в XV в., ислам оказался здесь в несколько иной функции, чем где-либо еще, — в функции, весьма сходной с тем, что имело место в Тропической Африке. Правда, там ислам накладывался на первобытную структуру, не имевшую сколько-нибудь серьезного цивилизационного фундамента, тогда как в Индонезии такой фундамент (индуизм и буддизм) был. Но эта существенная разница лишь помогает понять, о чем идет речь: появившись в Юго-Восточной Азии, как и в Тропической Африке, не в ходе завоевания, когда вместе с носителями новой религии заимствовалась и уже сложившаяся имманентная доктрина система власти, ислам был сравнительно слабым, во всяком случае не стопроцентно правоверным. Имевшие низкий социальный статус горожане, ремесленники и торговцы охотнее переходили в ислам и становились его ревностными сторонниками (так было в свое время и в Индии, причем в основном по той же причине). Но что касается крестьян, основной массы населения, то они хотя формально и становились мусульманами, на практике лишь сочетали ислам со своими прежними верованиями, представлениями и культами, от анимизма до индуизма. Даже святая для каждого мусульманина на Ближнем Востоке пятикратная молитва не была для них обязательной и не является таковой и сейчас. Можно найти немало и иных отличий, свидетельствующих о специфике ислама в Индонезии, что не могло не сказаться на судьбах страны.

Период между Первой и Второй мировыми войнами был временем активной борьбы страны за независимость. Собственно, сама голландская колониальная администрация в XX в. уже вполне отчетливо сознавала, как и британская администрация в Индии, что годы ее сочтены и что лучшим выходом для нее было бы постепенное движение в сторону признания справедливости требований индонезийцев. Уже на рубеже XIX — XX вв. изменению политики способствовал новый так называемый этический курс колониальной политики. Идею обоснованный в статье Девентера «Долг чести», суть которой сводилась к тому, что столь многое взявшие в Индонезии голландцы должны теперь выплатить этой стране своего рода долг чести, выражающийся в заботе о просвещении и развитии народа, о подготовке его к самоуправлению, этот новый курс сыграл определенную роль. Пусть с неохотой, но голландцы оказались вынужденными следовать ему. В Индонезии стали открываться школы, колледжи, университеты, издаваться газеты, журналы и книги, в том числе на малайском языке, становившемся общим для всех индонезийцев. В 1916 и 1917 гг. съезд Союза ислама, наиболее массовой в то время организации в Индонезии, провозгласив себя Национальным конгрессом, предъявил колониальной администрации требование освобождения от ее опеки. Голландцы в 1918 г. создали Народный совет, который состоял из назначавшихся и избиравшихся членов, европейцев и индонезийцев, и имел право ветоировать бюджет страны. В 1927 г. доля индонезийцев в этом совете была увеличена.

Вынужденные уступки со стороны колониальных властей сопровождались усилением освободительной борьбы. Наряду с организациями исламского характера и параллельными, хотя и менее влиятельными религиозно-ориентированными индуистскими организациями, на рубеже 20 — 30-х годов появились партии национально-демократического направления, в первую очередь Национальная партия во главе с Сукарно. Подвергавшаяся преследованиям и время от времени вынужденная реорганизовываться и менять название, эта партия в середине 30-х годов выдвинула ряд требований национально-демократического характера, явственно противостоявших колониально-капиталистической структуре: создание общества без классов и без капитализма; независимость с учетом национальных интересов и с уважением интересов других народов; защита интересов рабочих и земледельцев и т. п. Поиски собственного пути побудили Сукарно взять кое-что из идей марксистского социализма и сочетать эти идеи с традиционными для восточного общества представлениями о всеобщем равенстве и справедливости. Объективно идеи Сукарно и программа его партии отражали сопротивление традиционной индонезийской структуры, столетиями трансформировавшейся колонизаторами, но во многом еще сохранившей свои основы, капитализму колониального типа, символу чужеземного угнетения.

Вторая мировая война положила конец голландской колониальной администрации в Индонезии, место которой заняли японцы. В 1945 г., когда исход войны был уже очевиден, в стране был создан Комитет по изучению вопроса о независимости, на пленарном заседании которого в июне с большой программной речью выступил Сукарно. Он призвал все патриотические силы объединиться в борьбе за свободу и независимость Индонезии. Капитуляция Японии послужила сигналом для провозглашения независимости Индонезии (17 августа 1945 г.). Но еще на протяжении ряда лет шла борьба индонезийцев за независимость с вторгшимися в страну и представлявшими интересы голландских колонизаторов англо-индийскими войсками (формальным предлогом для их вторжения была необходимость разоружения находившихся в Индонезии японских армий). В ходе этой борьбы на передний план в политической жизни страны выходили все новые деятели, в том числе опиравшиеся на многочисленные мусульманские организации различного толка. Обычно они весьма консервативно мыслили и соответственно действовали. И хотя формально во главе Индонезии в конечном счете оказался избранный ее президентом радикально настроенный Сукарно, фактически ведущую роль в руководстве играли более умеренные лидеры, опиравшиеся на национально-религиозные традиции.

Шри-Ланка (Цейлон)

Освоенный португальскими колонизаторами еще в начале XVI в. остров Цейлон издревле был центром экспорта корицы, торговля которой определяла интересы колонизаторов. В середине XVII в. португальцев сменили голландцы, продолжавшие их дело. Голландская Ост-Индская компания здесь действовала в основном теми же методами, что и в Индонезии, включая систему принудительной обработки участков, засаженных коричневым деревом. В конце XVIII в. в ходе упоминавшихся уже англо-французских войн голландцев на Цейлоне сменили англичане, проводившие ряд реформ, в том числе налоговую, которая вызвала резкое сопротивление населения и вскоре частично была отменена. С 1802 г. Цейлон стал колонией, управлявшейся английским губернатором.

Начало XIX в. прошло под знаком борьбы англичан за полное господство на острове. Этому противостояло государство Канди, занимавшее центральную часть Шри-Ланки. Организованное весьма традиционно и являвшее собой едва ли не классический образец восточного государства с хорошо налаженной системой централизованной редистрибуции, Канди длительное время сопротивлялось португальским и голландским колонизаторам, сохраняя свою независимость.

В 1815 г. англичане аннексировали это государство и стали хозяевами всего острова. Аннексия спровоцировала жителей Канди на восстание, которое, однако, было подавлено колонизаторами.

С середины XIX в. главной экспортной культурой Цейлона становится кофе, а в конце этого же века — чай. На кофейных и чайных плантациях работали законтрактованные в Индии рабочие-кули, в основном южно-индийские тамилы. Индийцы-тамилы и мусульмане-мавры сосредоточили в своих руках и значительную долю цейлонской торговли, тогда как коренное население страны, сингалезцы, в этом смысле отставали — ситуация, близкая к индонезийской. Большинство рабочего класса тоже представляли собой индийцы-тамилы, плантационные кули, хотя постепенно формировались и иные отряды пролетариата — строители, железнодорожники, докеры и др. Преобладающей религией населения оставался традиционный буддизм, но вместе с тамилами усиливались позиции индуизма (индуисты играли заметную роль и в государстве Канди, где к тому же существовала восходящая к индуизму система каст).

Во второй половине XIX в. на Цейлоне, в немалой степени под влиянием соседней Индии, стало активно пробуждаться национальное самосознание. Появились образованные слои населения, начали издаваться газеты и книги на сингальском языке, развиваться религиозно-реформаторские идеи. В 1864 г. возникла национальная политическая организация — Цейлонская лига, требовавшая участия цейлонцев в управлении страной. Англичанами был создан Законодательный совет, часть членов которого составляли цейлонцы. На рубеже XIX — XX вв. на острове одна за другой возникали новые политические организации, выдвигавшие лозунги с требованиями самоуправления и реформ. По введенной англичанами в 1912 г. конституции число членов Законодательного совета из цейлонцев было увеличено, а после реформы конституции в 1924 г. в совете было создано выборное большинство цейлонцев. Очередная конституционная реформа 1931 г. провозгласила всеобщее избирательное право (до того практиковалось общинное представительство), а на выборах в том же году большинство мест в Государственном совете получили кандидаты Цейлонского национального конгресса — ведущей партии острова, созданной в 1919 г. и претендовавшей на формирование ответственного правительства.

Цейлонский национальный конгресс оказал колониальной администрации поддержку в годы Второй мировой войны в обмен на обещание независимости после нее. В 1945 — 1946 гг. шла работа над проектом конституции независимого Цейлона. Искусственная задержка с предоставлением острову статуса доминиона привела к ряду крупных национальных выступлений в 1947 г. В результате 4 февраля 1948 г. была провозглашена независимость Шри-Ланки — пока еще, до провозглашения республики в 1972 г., в статусе доминиона.

После потери американских владений Филиппины остались практически единственной колонией Испании, некогда огромной колониальной державы. В середине XIX в. и эта колония под нажимом обстоятельств была открыта для международного рынка и иностранного частного капитала, о чем уже говорилось. Приток иностранного капитала создал предпосылки для более активного промышленного развития страны — возникали первые предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, строились железные дороги, оборудовались порты. Появлялись во все возрастающем количестве школы, колледжи и университеты, причем значительная часть их оставалась в ведении католической церкви. Росло число образованных людей, формировалась филиппинская интеллигенция, возникала литература на тагальском языке. Естественным результатом всего процесса было развитие национального самосознания филиппинцев, сопровождавшееся усилением антииспанских настроений в стране. Ситуация усугублялась тем, что в филиппинской деревне сохранялась огромная власть испанских землевладельцев, включая и церковь.

Революционные события в Испании в 1868 г., приведшие к низложению королевы Изабеллы, послужили толчком для развития национально-освободительного движения на Филиппинах. С одной стороны, этому содействовали реформы нового генерал-губернатора де ла Торре, проводшего ряд важных реформ, включая отмену цензуры, ограничение всеислия церкви, свободу политических акций и собраний, упразднение церковного контроля над школами. С другой стороны — отзыв Торре и замена его клерикалом и реакционером Искиэрдо, что вызвало негодование филиппинцев и спровоцировало антииспанские и антицерковные выступления (восстание в Кавите в 1872 г.). Вскоре во главе движения за национальное освобождение стал эмигрировавший в Испанию Хосе Рисаль, чей быстро ставший знаменитым и тайно распространявшийся на Филиппинах роман «Не прикасайся ко мне!», разоблачавший произвол колонизаторов и мракобесие католических монахов, сыграл немалую роль в подготовке филиппинцев к их революционному выступлению за свою независимость.

С конца 80-х годов стали одна за другой возникать национально-патриотические организации — Испано-филиппинская ассоциация (1888), Филиппинская лига (1892) и союз Катипунан (1892), ставший вскоре одной из наиболее авторитетных и массовых организаций на Филиппинах. Именно Катипунан провозгласил лозунг вооруженной борьбы за независимость Филиппин и начал готовить страну к восстанию. Восстание началось в августе 1896 г. в условиях гонений и преследований активистов Катипунана властями. Хосе Рисаль, которому были чужды методы насилия, отказался встать во главе восстания.

Несмотря на это, он был схвачен и расстрелян колониальными властями в конце того же года. К восстанию вскоре примкнули представители разных слоев населения, а во главе его стал выходец из метисов мелкий землевладелец Агинальдо.

Восстание имело успех, и в марте 1897 г. на Филиппинах была провозглашена республика, президентом которой стал Агинальдо. Однако испанская колониальная администрация, пообещавшая проведение ряда важных реформ, сумела склонить руководителя республики к переговорам, исходом которых была капитуляция Агинальдо, согласившегося эмигрировать. Неизвестно, как повернулись бы события дальше, если бы не вмешательство США, которые в апреле 1898 г. начали войну с Испанией, потребовав от нее вывода войск с Кубы и признания независимости острова. В самом начале испано-американской войны американцы уничтожили испанскую эскадру в Маниле и помогли Агинальдо и его сторонникам, образовавшим тем временем в Гонконге «патриотическую хунту», возвратиться на родину. Вскоре испанская колониальная администрация на Филиппинах была вынуждена капитулировать, а Агинальдо был провозглашен «верховным вождем нации». Однако Манила оказалась в руках американцев, и, хотя страна в том же 1898 г. была провозглашена независимой республикой, США объявили о своем суверенитете над ней. Протесты Агинальдо не помогли, а в ходе американо-филиппинской войны 1899—1901 гг. США разгромили войска республики и заставили ее капитулировать. Принятый американским конгрессом в 1902 г. Закон о Филиппинах закрепил зависимый статус этой страны, но официально предоставил ей определенные демократические права и свободы, включая выборность органов самоуправления, создание Законодательной ассамблеи и контролировавшей ее деятельность Филиппинской комиссии из американцев и филиппинцев во главе с американским генерал-губернатором.

«Демократический» колониализм США был безусловно предпочтительнее испанского. На Филиппинах с начала XX в. быстро набирала силу деятельность различных партий, профсоюзов, чему способствовали как ввоз в страну иностранного, преимущественно американского, капитала, так и сравнительно быстрый рост промышленного производства. На выборах 1907 г. большинство мест в Ассамблее — филиппинском парламенте — завоевала Национальная партия, выступившая с требованием независимости. Однако борьба за независимость заняла ряд десятилетий. С 1913 г. филиппинцы увеличили долю своих представителей в административных органах, но только в 1934 г. США официально обещали предоставить Филиппинам независимость через 10 лет; пока же была предоставлена автономия с собственным правительством. Когда в 1941 г. Филиппины были оккупированы японскими войсками, созданная в 1930 г. компартия оказалась одной из немногих

жестко организованных партийных структур, которые сумели образовать движение Сопротивления — Хукбалахап. Неудивительно, что после разгрома Японии компартия Филиппин стала влиятельной силой в стране, получившей в 1946 г. политическую независимость. Последовавшие вскоре за этим попытки разоружить воинские формирования Хукбалахапа и стремление филиппинского правительства освободиться от давления коммунистов вызвали вооруженное восстание и явились причиной затяжной гражданской войны, приведшей в конечном счете к победе демократических сил независимой республики и к переходу коммунистов на нелегальное положение.

Глава 4

Английские и французские колонии в Индокитае

Как и соседние с ними Индия и Индонезия, страны Индокитая рано оказались объектами колониальной экспансии европейцев. Еще на рубеже XVI — XVII вв. первая волна колонизации, португальская, заметно затронула бирманские государства Ава и Пегу, тайский Сиам и особенно малайские султанаты. Задержавшись здесь не слишком долго и не добившись заметных успехов, португальцы в XVIII в. уступили место второй волне колонизаторов, голландской. Не слишком энергично коснувшись других стран Индокитая, голландская колониальная торговля уделила особое внимание соседней с Индонезией Малайе. Именно здесь голландская Ост-Индская компания вела серьезные войны за политический контроль над прилегающими к проливам землями. Войны эти в конце XVIII в. привели компанию к успеху, но плоды этого успеха пожали вытеснившие голландцев из Малайи англичане, что и было закреплено Лондонским договором 1824 г.

Англичане, как, впрочем, и французы, стали активно развивать свою колониальную торговлю в Индокитае еще в XVII в. Французские миссионеры энергично проповедовали католичество; английская и французская Ост-Индские компании стремились закрепить свои экономические и политические позиции в Бирме, Сиаме. Однако позиции Франции были ослаблены, а затем и практически сведены на нет в конце XVIII в. вследствие потрясшей Францию революции. Англия, напротив, с XVIII в. заметно усилила свое проникновение в страны Индокитая, особенно в Бирму, Малайю и Сиам.

Англичане в Бирме

Расширение зоны влияния Ост-Индской компании в Индии привело в конце XVIII в. к соприкосновению этой зоны с бирманскими землями. Бирма оказалась сферой пристального внимания англичан еще и потому, что проникнуть в эту страну пытались в те же годы и французы. Кроме того, южно-бирманское побережье с расположенными на нем портами могло способствовать упрочению позиций англичан в Индийском океане.

Бирма в начале XIX в. вела достаточно активную внешнюю политику. Ее правители претендовали на Ассам и Манипур в Северо-Восточной Индии, время от времени вели войны с Сиамом. Однако эта внешнеполитическая активность не опиралась на прочность тыла. Центральная власть в стране не была достаточно эффективной, что проявлялось в спорадических династических распрях и дворцовых переворотах, в выступлениях недовольных злоупотреблениями чиновников крестьян или в восстаниях племенных вождей. Попытки короля Миндона, правившего страной в 1853 — 1878 гг., провести реформы, направленные на укрепление власти центра и создание современной инфраструктуры (введение единого 10%-ного налога и новой монеты, ограничение злоупотреблений чиновников, организация телеграфной связи, приглашение технических специалистов из Европы, куда — прежде всего во Францию и Италию — были посланы для этого специальные миссии, и т. п.), не дали существенных результатов, но зато вызвали, с одной стороны, недовольство влиятельной знати, а с другой — обеспокоенность Англии.

Первая и вторая англо-бирманские войны (1824 — 1826 и 1852 — 1853) еще до этих реформ привели к отторжению от Бирмы значительной части ее южных и юго-восточных земель, прежде всего побережья с центром в Рангуне, в устье реки Иравади. Закрепившись здесь достаточно прочно и энергично приступив к внедрению в этом районе Бирмы своей колониальной администрации, англичане в ходе третьей и последней англо-бирманской войны 1885 — 1886 гг. окончательно сломали сопротивление бирманцев и превратили эту страну в свою колонию.

Колонизация Бирмы англичанами привела к существенной перестройке ее административной системы и экономики. Если не считать окраинных районов страны, где власть была оставлена за местными князьями и племенными вождями, время от времени контролируемые колониальной администрацией, Бирма была поделена на несколько областей во главе с губернаторами, области — на округа-дискриеты. Вместо ликвидированных традиционных управителей-мьотуджи во главе округов и областей были поставлены английские чиновники, а низшие административные должности были предоставлены контролируемым этими чиновниками местным управителям, в том числе и из

прежних мьотуджи, теперь именовавшихся старостами. Дельта Иравади и значительная часть ее долин были превращены в житницы риса, причем внедрение трудоемкой культуры риса создало условия для переселения в эти рисоводческие районы большого количества закон-трактованных мигрантов из Индии. Развитие промыслов — нефтяного, лесодобывающего (особенно ценился вывозившийся из Бирмы тик) и др., а также железнодорожного строительства привело на рубеже XIX — XX вв. к появлению в Бирме рабочих из числа бирманцев и мигрантов-индийцев.

Будучи вначале административно включенной в Британскую Индию (английский верховный комиссар Бирмы подчинялся непосредственно вице-королю Индии), Бирма вскоре стала приобретать для англичан самостоятельное значение. В годы Первой мировой войны она оказалась важным центром стратегических материалов (треть мировой добычи вольфрама, свинец, олово, серебро), не говоря уже о рисе. Впрочем, самостоятельность Бирмы как объекта английской колониальной экспансии отнюдь не исключала того, что национально-освободительное движение в этой стране во многом ориентировалось на успехи соответствующего движения в Индии и следовавшие за ними акции английской администрации. Так, парламентский закон 1919 г., предоставивший индийцам право на соучастие в административном управлении на уровне выборных Законодательных собраний, вызвал в Бирме движение за предоставление таких же прав. Именно отказ удовлетворить это требование и оказался непосредственным поводом для создания в стране массовой политической организации — Генерального совета бирманских ассоциаций, в который вошли возникшие до того различного рода организации, преимущественно буддийского толка, немало воспринявшие из практики антиколониальной борьбы индийцев (кампании гражданского неповиновения, бойкоты, митинги и демонстрации и т. п.). Антиколониальные выступления, активно поддержанные учащейся молодежью и буддийским монашеством, оказали на колониальные власти определенное воздействие: в 1923 г. в Бирме был создан — по индийскому образцу — Законодательный совет; бирманские деятели получили частичный доступ к управлению страной. Это привело к дальнейшему усилению борьбы за предоставление Бирме независимости, на первых порах хотя бы в статусе доминиона.

В начале 30-х годов эта борьба приняла форму выступлений против намерений колониальных властей административно отделить Бирму от Британской Индии и тем изолировать ее от влияния индийского национально-освободительного движения (такое отделение без предоставления Бирме статуса доминиона привело бы к резкому ослаблению позиций сторонников реформ). Эти выступления были подкреплены мощным крестьянским восстанием, явственно проявившим сопротивление традиционной структуры ее насильственной колониальной дом-

ке. Подавление восстания в 1932 г. вынудило колониальные власти пойти на определенные уступки: Закон об управлении Бирмой, принятый парламентом в 1935 г., привел не только к административному отделению Бирмы от Индии, но и к образованию двухпалатного парламента с ответственным перед ним кабинетом министров, состав которого должен был утверждаться английским комиссаром.

30-е годы XX в. были временем подъема общественно-политического движения в Бирме. На нефтепромыслах, у транспортников, текстильщиков формировались профсоюзы, проходили забастовки и демонстрации. Была создана Всебирманская крестьянская организация. Но главным среди всех этих движений стало движение такинов — Добама асиайон (Всебирманская национальная лига). Созданное еще в 1930 г. радикально настроенными студентами, это движение, члены которого демонстративно называли друг друга словом «такин» (господин), которое в те годы употреблялось лишь при обращении к англичанам (аналог индийского «сахиб»), быстро приобрело немалое влияние в стране. Такины организовывали бойкоты, кампании неповиновения, походы бастующих в Рангун и т. п. Наиболее радикально настроенные из них создали на рубеже 30 — 40-х годов коммунистические ячейки.

Начавшаяся в 1939 г. Вторая мировая война, в которую Бирма оказалась вовлеченной автоматически, как колония Англии, привела к расколу национально-освободительного движения. Часть его, ориентируясь на Англию, выступила тем не менее с требованием независимости, образовав Блок свободы, в котором задавало тон движение Добама. Англичане ответили категорическим отказом и арестом наиболее популярных лидеров движения в мае 1940 г. Это усилило позиции тех, кто был склонен связаться с силами, выступавшими в войне против англичан, в частности с Японией, оккупировавшей Бирму в 1941 г. Была создана Армия независимости Бирмы во главе с видным деятелем движения Добама Аун Саном, сотрудничавшим с японцами. Однако уже в 1942 г. такины разочаровались в японцах, которые не спешили выполнить свои обещания о содействии в обретении Бирмой независимости. И хотя в 1943 г. обещанная независимость была провозглашена, а Аун Сан был включен в правительство страны в качестве министра обороны, движение такинов уже готовило восстание против оккупантов. В августе 1944 г. была создана Антифашистская лига народной свободы во главе с Аун Саном, а в марте 1945 г. эта лига, опираясь на армию и партизанские отряды, подняла восстание.

В августе 1945 г., после капитуляции Японии, на сессии Высшего совета лиги было принято решение о созыве Учредительного собрания. Но возвратившаяся колониальная английская администрация не торопилась с поддержкой лозунгов о независимости Бирмы. Только в январе 1947 г. англичане были вынуждены дать согласие на проведение в апреле того же года выборов, которые принесли победу лиге (194 из

210 мест в Учредительном собрании). Бирма обрела независимость. Во главе правительства после убийства Аун Сана встал У Ну. Но сразу же вслед за этим в стране разгорелась гражданская война, в которой активную роль играли и призавшие крестьян к восстанию коммунисты, и племенные вожди окраин, и даже осевшие на северных границах Бирмы остатки гоминьдановских войск, вынужденных уйти из Китая после революции 1949 г.

Колониальная Малайя

В отличие от Бирмы, расположенная на крайнем юге Индокитая Малайя оказалась объектом колониальной экспансии значительно раньше XIX в. Близкая по судьбам к Индонезии, Малайя в XVI в. была исламизирована и практически в то же время оказалась зоной влияния колониальных держав — сначала Португалии, затем Голландии. Англичане начали укрепляться в портах и на прибрежных островах Малакки лишь в конце XVIII в., а в начале XIX в. владения английской Ост-Индской компании здесь были превращены в особое президентство — Стрейтс-сэтлментс, глава которого подчинялся непосредственно генерал-губернатору Индии.

30 — 60-е годы XIX в. прошли под знаком укрепления англичан в Малайе. Рассматривая вначале свои владения здесь как важные торговые фактории на пути из Индии в Китай, англичане вскоре изменили свои позиции, начав активно разрабатывать рудные богатства полуострова. Для добычи олова сюда стали ввозиться китайские переселенцы. Вскоре китайцы заняли серьезные позиции в торговле Малайи, особенно в стратегически важных ее районах, включая Сингапур. Кое-что от расширения торговли и добычи олова перепало правителям султанатов, из которых состояла в то время Малайя. Но основная часть доходов шла в карманы англичан, вывозивших из Малайи драгоценные породы дерева, пряности, олово, даже золото, а взамен ввозивших туда свои промышленные товары и опиум.

С 70-х годов XIX в. Малайя стала превращаться в колонию Британии. Кроме получившего колониальный статус Стрейтс-сэтлментса была создана Федерация малайских султанатов, где власть султанов и их вассалов была лишь номинальной, тогда как реально всеми делами на высшем и среднем уровне администрации заправляли английские резиденты и чиновники. Некоторые султанаты, особенно на севере страны, сохранив формальную самостоятельность и традиционные связи с Сиамом, оказались тем не менее тоже в зависимости от английских колониальных властей.

Малайя в гораздо большей степени, чем все другие страны Юго-Восточной Азии, уже на рубеже XIX — XX вв. оказалась вовлеченной

в мировое капиталистическое хозяйство. Добыча олова, резко увеличенная усилиями захвативших большую часть рудников англичан, долгие годы составляла едва ли не половину всей мировой добычи. Еще большее значение приобрело производство каучука, в вывозе которого Малайя стала почти монополистом. Англичане не только вкладывали немало средств в оловянные рудники и каучуковые плантации, они также заботились о том, чтобы снабдить свои промыслы достаточным количеством рабочей силы, для чего в Малайю ввозились переселенцы и законтрактрованные рабочие из Китая и Индии. Результатом были не только заметные перемены в этнической картине до того слабо заселенной Малайи. Более важным для судеб страны последствием оказалась национально-религиозная разобщенность населения страны, что препятствовало консолидации сил национального освобождения.

Расстановка политических сил здесь зависела от соотношения религиозно-этнических групп населения и от той сферы деятельности, в которой представители этих групп преобладали. В начале XX в. малайцев в стране было уже всего около половины населения, причем почти все они были заняты в сфере сельского хозяйства и традиционно управлялись султанами и их чиновниками в привычных рамках исламской администрации. Экономически это была наиболее бедная часть населения страны, если не считать, разумеется, причастных к власти султанов и их окружение. Второй важной группой населения (33—35%) были китайцы, выходцы из Южного Китая, хорошо организованные в жесткие социально-религиозные корпорации (тайные общества, землячества, секты, цехо-гильдии) с огромной властью руководителей этих корпораций, заправлявших на оловянных рудниках, в ремесле и торговле. Подавляющее большинство китайцев были рабочими, ремесленниками, торговцами и выполнявшими случайные работы беспорядочными грузчиками-кули. Третьей группой были индийцы (чуть больше 10% населения), занятые на плантациях, служившие в колониальной армии и полиции, а также занимавшие низшие должности в колониальной администрации.

Соответственно этим трем группам формировались в Малайе и общественное мнение, и политические движения. Среди мусульман-малайцев борьба за национальное освобождение проявлялась с начала XX в. в форме просветительства, развития литературы на родном языке, создания малайской прессы и модернизированных религиозных школ с преподаванием английского языка и зачатков европейских наук. Стали популярны и идеи мусульманского реформаторства в их панисламистском и иных аспектах. Как реформаторы, так и националисты выступали с критикой колониализма и с требованием предоставления малайцам права участвовать в управлении страной. Со временем эти требования переросли в борьбу за независимость (вариантом этой борьбы было стремление к объединению с Индонезией в рамках

крупного единого независимого малайско-индонезийского государства).

Китайские мигранты, значительная часть которых состояла из временных рабочих, возвращавшихся на родину и заменявшихся новыми, ориентировались на Китай. Они поддерживали лозунги и деятельность реформаторов (Кан Ю-вэя) и революционеров (Сунь Ят-сена), создавали отделения революционных организаций (Тунмэнхуэя и Гоминьдана), организовывали китайские школы с обучением на родном языке, клубы, издавали газеты и журналы. Впрочем, со временем все более консолидировалась и влиятельная прослойка китайцев из числа постоянных жителей Малайи, стремившихся к созданию объединенной «самоуправляющейся малайской нации» с равными правами для представителей всех населяющих страну народов. Что касается индийцев и цейлонцев, то идеологически многие из них ориентировались на Индийский национальный конгресс, а в организационном плане объединялись в профсоюзы плантационных рабочих или в Индийскую ассоциацию Малайи.

Мировой кризис 1929 — 1933 гг. сильно ударил по экономике вовлеченной в капиталистический рынок Малайи. Резко упали цены на олово и особенно на каучук. Приходили в упадок рудники и плантации, рабочие становились безработными, крестьяне с трудом сводили концы с концами и порой лишались земли. Вплоть до начала Второй мировой войны длилось это состояние упадка, на фоне которого резко усилилась активность профсоюзного и забастовочного движения, в том числе и под руководством компартии, распространявшей свое влияние в основном на китайское население страны.

После краткого экономического бума 1939 — 1940 гг., связанного с резким ростом в начале войны потребности в металле и каучуке, Малайя оказалась под японской оккупацией. Оккупанты сделали ставку на национальную рознь: активизируя антианглийские настроения индийцев (именно в Сингапуре Субхас Чандра Бос формировал отряды Индийской национальной армии) и пытаясь нейтрализовать недовольство малайцев, особенно ограниченных в своей традиционной власти султанов и их окружения, японцы наиболее резко выступили против китайского населения страны. Возможно, это не в последнюю очередь объяснялось тем, что официально Япония находилась в состоянии войны с Китаем, что не могло не отразиться на настроениях китайской общины в Малайе и сыграло свою роль в расстановке политических сил. Центром сопротивления японцам стали возглавленные компартией партизанские отряды, численность которых росла в основном за счет китайских рабочих.

Капитуляция Японии привела к возвращению в Малайю англичан, реорганизовавших систему колониального управления страной. Был создан единый Малайский союз с общей администрацией (Сингапур был административно отделен от Малайи) и общим гражданством для

всех постоянных жителей страны. Вплотную встал вопрос о реформе колониального управления, чему способствовали рост национального самосознания и возникновение ряда новых влиятельных массовых политических организаций, преимущественно действовавших опять-таки по национальному признаку. В июле 1946 г. под нажимом этих организаций колониальным властям пришлось пересмотреть свои позиции и согласиться на создание Малайской федерации с существенными элементами автономии и самоуправления. Значительная часть партий и организаций Малайи приняла эти реформы. Компартия выступила против них и начала вооруженную борьбу.

На протяжении нескольких лет в стране бушевала гражданская война, в ходе которой силы вооруженного сопротивления реформам постепенно иссякали. Тем временем в легальной политической жизни Малайи шел процесс консолидации антиколониальных сил. Национально ориентированные партии и ассоциации (Объединенная малайская национальная организация, Китайское общество Малайи, Индийский конгресс Малайи) шли к созданию единого альянса, представители которого одерживали победы на выборах. В 1957 г. на основе этого альянса была создана Союзная партия. Именно ее руководители возглавили Малайскую федерацию после провозглашения независимости Малайи в том же году. Союзная партия оказалась во главе страны и после провозглашения объединенной Малайзии (Малайя, Сингапур, Саравак, Сабах) в 1963 г. Как известно, вскоре после этого, в 1965 г., Сингапур вышел из федерации, став самостоятельным государством.

Французский Индокитай

Проникновение французского влияния в страны Индокитая началось еще в XVII в. с появлением в этих странах первых католических миссионеров-французов. Число католических миссий во главе с французскими священниками и епископами увеличилось в XVIII в., причем в это время здесь активно действовало и немалое количество французских торговцев. Политический кризис, связанный с восстанием тай-шонов в конце XVIII в., послужил поводом для усиления вмешательства французов в дела Вьетнама: назначенный еще в 1774 г. официальным представителем Франции в ранге викария епископ Пиньо де Беэн принял живое участие в невзгодах свергнутого с трона Нгуен Аня и, апеллировав за помощью к Людовику XVI, сумел добиться организации военной экспедиции в Индокитай. Хотя по ряду причин, включая и разразившуюся во Франции революцию, экспедиция 1790 г. оказалась немногочисленной, исчислявшейся всего несколькими десятками добровольцев, она сыграла существенную роль в оказании Нгуен Аню

военной и военно-инженерной помощи, что и помогло ему в конечном итоге одолеть тайшонов.

Династия Нгуенов (1802 — 1945) в первой половине XIX в. достигла значительных успехов. Было восстановлено разрушенное восстанием хозяйство, укреплена система административной власти, созданы боеспособная армия, флот, отстроены крепости. Развитие ремесла и торговли обеспечивало приток доходов, который регулировался усовершенствованной системой налогов. Было уделено внимание земельным отношениям и составлен земельный кадастр. Снова достигло расцвета конфуцианское образование со сдачей конкурсных экзаменов на право получения высших должностей в системе администрации. Был издан сборник административно-правовых регламентов в форме официального кодекса. Все это сопровождалось сохранением активных связей Вьетнама с Францией, которая интересовалась им как важным рынком сбыта и опорной базой в Юго-Восточной Азии — базой тем более важной и необходимой, что в начале XIX в. у французов не было других в этом районе мира.

Памятуя о помощи епископа Пиньо и его добровольцев, первые правители династии Нгуенов благожелательно относились к стремлению Франции установить прочные контакты с Вьетнамом, при всем том, что они не строили никаких иллюзий в связи с возможными последствиями этих контактов, особенно в середине XIX в., когда не только Индия и Индонезия уже давно были колониями, но и Китай оказался насильственно открытым для колониальной экспансии. Прочные связи с Францией способствовали экономическому развитию Вьетнама, а католицизм пускал в этой стране все более глубокие корни, особенно на юге, где влияние конфуцианской цивилизации было менее ощутимым, чем на севере.

В 1858 г., используя в качестве предлога необходимость защитить преследуемых католических миссионеров во Вьетнаме, французы ввели военную эскадру в бухту Дананг, а в 1859 г. был захвачен Сайгон. Оккупация страны вызвала энергичное сопротивление, в ходе которого французы были вынуждены оставить Дананг и сконцентрировать свои силы на юге, в Кохинхине (Намбо). Договор 1862 г. закрепил оккупацию французами западной части Кохинхины, а в 1867 г. была аннексирована и остальная ее часть. Весь юг Вьетнама с этих пор оказался под управлением французской колониальной администрации, что было признано официально франко-вьетнамским договором 1874 г.

Аннексия дружественными в недавнем прошлом французами южной части страны была весьма болезненно воспринята во Вьетнаме. Чиновники правительства отказались от сотрудничества с оккупантами и уехали на север, предоставив французам обходиться немногими слабо подготовленными местными мелкими служащими, нередко откровенно продажными авантюристами из числа едва знакомых с французским языком выпускников католических миссионерских школ. На юге было

развернуто даже партизанское движение, которое, впрочем, большого размаха не получило. Что касается захвативших Кохинхину французов, то они стали быстро налаживать здесь товарное производство риса, для чего, в частности, в болотах были проложены многочисленные каналы. Одновременно были увеличены налоги и введены новые — на спирт, опиум и азартные игры, отныне легализованные властями. Все эти и ряд других аналогичных мер оказались экономически эффективными и способствовали привлечению в оккупированный и колонизируемый Южный Вьетнам торгового и банковского капитала из Франции.

В ходе второй франко-вьетнамской войны 1883 — 1884 гг. французские войска заняли ключевые военные позиции в стране и вынудили ее правителей признать протекторат Франции над всем Вьетнамом, чему в немалой степени способствовали смерть в 1883 г. императора Ты Дыка и начавшиеся в связи с этим династийные раздоры и политические распри. Колонизаторы разделили протекторат на две части, северную (Тонкин или Бакбо) и центральную (Аннам, Чунгбо), поставив во главе их и превращенной в колонию Кохинхины своих резидентов-губернаторов.

Закрепление французской колониальной администрации во Вьетнаме явилось толчком для усиления французского давления на соседние с Вьетнамом Камбоджу и Лаос. Камбоджа в середине XIX в. оказалась под властью умелого и способного короля Анг Дуонга, который провел в этой весьма отсталой и политически слабой стране ряд важных реформ, направленных на укрепление центральной власти, упорядочение налогов, улучшение положения крестьян и включавших в себя строительство дорог, налаживание финансов, публикацию кодекса административных регламентов. Стремясь избавиться от гнетущего давления на Камбоджу со стороны сильного Сиам, король решил прибегнуть к помощи французов и стал искать союза с закрепившейся во Вьетнаме Францией. Однако, используя это стремление к сближению, французская колониальная администрация уже в 1863 г. навязала преемнику Анг Дуонга свой протекторат, формальным предлогом для которого были вассальные связи Камбоджи с Вьетнамом (в качестве его правопреемника Франция считала возможным выступать после аннексии Кохинхины, граничившей с Камбоджей). Началось энергичное проникновение французов в Камбоджу, вмешательство резидента в политические связи страны с ее соседями, в первую очередь с Сиамом. Дело завершилось фактическим превращением Камбоджи во французскую колонию (1884).

Проникновение французов в Камбоджу было сигналом для движения их также и в сторону Лаоса. Французский консул появился в Луангпранге в 1886 г., а в 1893 г. Лаос стал французским протекторатом. Все территории к востоку от реки Меконг стали сферой политического господства Франции, которая создала Индокитайский союз (колония Кохинхина и четыре протектората — Аннам, Тонкин,

Камбоджа и Лаос) во главе с генерал-губернатором. На этом колонизация французами Индокитая была завершена. Встал вопрос об освоении колонии.

Следует заметить, что пять частей, на которые был поделен французский Индокитай, были весьма неравноценными. Наиболее отсталыми и труднодоступными для хозяйственного освоения были Камбоджа и Лаос, а в наиболее выгодном положении оказалась Кохинхина, которая стала не только рисовой житницей, но и местом разведения гевеи и экспорта каучука, что приносило немалые доходы. Были введены монополии на опиум, соль и алкоголь, что тоже вскоре стало приносить колониальной казне многомиллионные доходы. Началось строительство дорог, включая соединившую юг и север Вьетнама железнодорожную магистраль, расширялись добыча угля и экспорт его, создавались плантации кофе и чая. На рубеже XIX — XX вв. в промышленности французского Индокитая, в основном Вьетнама, французские предприниматели вкладывали уже немалые деньги, которые приносили огромные проценты, чему способствовали покровительствовавшие французскому капиталу тарифы. Много внимания было уделено горнодобывающим промыслам в Камбодже и Лаосе, а также плантационному и дорожному строительству в этих протекторатах.

Бесцеремонное вторжение колонизаторов в страны древней культуры не могло не вызвать их сопротивления, которое приняло наиболее отчетливые и сильные формы во Вьетнаме. Прежде всего это было движение в защиту императора, «кан выонг», пик которого пришелся на конец XIX в. Суть его сводилась к поддержке правящим аппаратом страны и широкими кругами населения достоинства низверженного и униженного колонизаторами правителя. Удалившийся в отдаленный и труднодоступный район Вьетнама и укрывшийся с семьей в специально отстроенной для этого крепости император Хам Нги начал в конце 80-х годов своего рода кампанию открытого неповиновения, сопровождавшуюся партизанскими боевыми выступлениями. Схваченный в 1888 г., Хам Нги был выслен в Алжир, но выступления не прекращались еще около десятилетия, пока соглашение 1897 г. не признало за руководителем движения, генералом Де Тхамом, права на автономное управление созданным им освобожденным районом. На рубеже XIX—XX вв. армия Де Тхама стала серьезной поддержкой нарождавшегося во Вьетнаме движения за национальное освобождение во главе с такими его признанными идеологами из числа уже сформировавшейся новой интеллигенции, как Фан Бой Тяу, который в 1904 г. возглавил созданное им Общество обновления Вьетнама, реорганизованное в 1912 г. в Общество возрождения Вьетнама.

Если движение, возглавлявшееся в первые десятилетия XX в. Фан Бой Тяу, было достаточно радикальным и ставило своей целью насильственное свержение власти колонизаторов и восстановление независимости страны во главе с полумонархом-полупрезидентом (тайно

вывезенного в Японию принца Кыонг Дэ готовили к тому, чтобы стать такого рода руководителем), то другое влиятельное направление в национально-освободительном движении тех лет было представлено Фан Тю Чинем, делавшим акцент на просвещение народа, на прогресс науки и ознакомление вьетнамской молодой интеллигенции с культурой Европы, для чего активно использовались произведения европейских мыслителей в китайских переводах (иероглифика была все еще главным элементом образования во Вьетнаме). Впрочем, для колонизаторов эта разница была не слишком существенной, так что на рубеже второго десятилетия XX в. деятельность обоих признанных лидеров была насильственно пресечена.

Первая мировая война дала немалый толчок для дальнейшего развития экономики колониального Индокитая. Расширилось плантационное хозяйство (каучук, кофе, чай), развивалась горно-добывающая промышленность и быстро увеличивалась численность рабочих в стране. Появилась обрабатывающая промышленность, стали возникать первые национальные банки. Созданная в 1923 г. Конституционалистская партия начала энергичную борьбу за реформу колониальных порядков и за предоставление стране статуса доминиона. Резко увеличилось количество обучавшейся во Франции эмигрантской молодежи, подавляющее большинство которой активно вливалось в ряды борцов за национальное освобождение. В 1927 г. сформировалась Национальная партия Вьетнама, требовавшая уничтожения колониального режима. Радикальность выступлений и требований представителей передовых слоев вьетнамского общества нарастала год от года.

Мировой кризис на рубеже 20 — 30-х годов еще более способствовал радикализации настроений, особенно в рядах обездоленных — безработных, обезземеленных и т. п. В 1930 г. на базе ряда разрозненных коммунистических организаций, включая зарубежные ячейки, возникшие еще в 20-х годах в Париже, Хо Ши Мином была создана компартия Индокитая, причем после прихода к власти в Париже правительства Народного фронта в 1936 г. она, практически легализовавшись, стала бороться за создание широкого народного фронта во Вьетнаме. Колониальные власти, хотя и весьма сдержанно относившиеся к лозунгам Народного фронта, вынуждены были провести в Индокитае ряд реформ, включая сокращение рабочего дня в промышленности, амнистию политзаключенных, разрешение легальной деятельности партий, проведение выборов в ряд представительных организаций (консультативные палаты, Совет экономических и финансовых интересов). На выборах в эти организации в 1937 г. Демократический фронт Индокитая, куда входила и компартия, добился значительных успехов.

Вторая мировая война сильно изменила общую ситуацию во французском Индокитае. Оказавшись формально под юрисдикцией правительства Петена в г. Виши, колониальная администрация французского

Индокитай не только пошла на соглашение с частично оккупировавшими Индокитай японцами, но и активно сотрудничала с ними. Под давлением Японии часть французских колоний в Камбодже и Лаосе была уступлена прояпонски настроенному Сиаму. Вся экономика колонии была поставлена на службу интересам Японии. Неудивительно, что подобная ситуация активно способствовала нарастанию недовольства и в итоге вызвала энергичное сопротивление как во Вьетнаме, так и в Камбодже и Лаосе.

Во Вьетнаме под руководством компартии была создана боевая организация единого фронта Вьетминь, создавшая сеть партизанских отрядов и день ото дня набиравшая силу. В Камбодже аналогичную роль играла организация «Свободный кхмер», в Лаосе — «Освобождение Лаоса». Активизация деятельности этих движений сильно досаждала японцам, которые в марте 1945 г. приняли решение разоружить французскую колониальную армию в Индокитае и формально провозгласить независимость Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. В Лаосе и Камбодже этот формальный акт способствовал консолидации сил национального освобождения. Когда осенью того же 1945 г. в этих странах вновь появились французские колонизаторы, они вынуждены были с этим считаться. Обеим странам была предоставлена автономия со значительной долей политической самостоятельности, хотя и под верховным надзором французских комиссаров. Генеральная декларация 1949 г. признала де-юре независимость Лаоса и Камбоджи в рамках Французского союза, а полную политическую независимость обе эти страны обрели в 1954 г. Много сложнее развивались политические события во Вьетнаме. Акт о независимости способствовал временной активизации лояльного Японии императора Бао Дая и его политического окружения. Однако сразу же после капитуляции Японии последовала августовская революция, в ходе которой была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам во главе с Хо Ши Мином. Впрочем, реально эта республика контролировала лишь север страны; юг ее был занят колониальными войсками Франции уже осенью 1945 г. Началась длительная война, завершившаяся в 1954 г. фактическим соглашением о статус-кво, т.е. разделением Вьетнама на две части. Как известно, в последующем эта политическая ситуация привела к усилению сопротивления, военному вмешательству США и партизанской войне на юге страны, что в конечном счете способствовало объединению всего Вьетнама под властью коммунистов.

Сиам (Таиланд)

К началу XIX в. Сиам был достаточно сильным централизованным государством, выгодно отличавшимся от Бирмы и Вьетнама своим сравнительным отдалением от стратегически важных торгово-колони-

альных морских путей. В те годы, когда Англия вела войны с Бирмой и упрочивала свои позиции в Малайе, а Франция пыталась укрепить свои позиции во Вьетнаме, Сиам жил по-своему, хотя и постепенно втягивался в контакты с этими же и иными державами. Политическая мощь Сиам — при всей сравнительно незначительной численности его населения, особенно при сопоставлении его с бирманским или вьетнамским, — обеспечила его правителям не только прочную власть в собственной стране, где крестьяне традиционно были порабощены как нигде более*, но и сюзеренитет над ослабленными, отставшими в развитии и политически неустойчивыми Лаосом и Камбоджей.

Внешняя торговля Сиам в основном была функцией правительства, а то и монополией короля; ремесленно-торговое население городов в значительной мере состояло из китайских мигрантов, приток которых в Сиам, как и в Малайю, все возрастал. Официальные представители колониальных держав, особенно англичане, в первой половине XIX в. предпринимали энергичный нажим на сиамские власти с целью заставить их шире открыть двери для свободной торговли. Но сиамские короли не спешили пойти навстречу этим требованиям; напротив, они сами стремились развивать торговые связи, для чего с помощью китайских мастеров строили большие торговые корабли, и, главное, укрепить армию (в 1830 г. Рама III пригласил европейских инструкторов, которые создали ему боеспособные армейские части, включая артиллерию и военный флот).

При Рама IV (1851—1868) Сиаму были навязаны державами неравноправные договоры, открывшие страну для колониальной торговли, следствием чего были упадок собственной, с трудом налаженной и экономически крайне слабой сиамской промышленности, а также энергичный натиск европейцев с их промышленными товарами. Этот натиск ослабил Сиам, чем не преминули воспользоваться французы, вынудившие в 1867 г. Раму IV отказаться от его сюзеренных прав на Камбоджу, ставшую французским протекторатом. Политическое унижение, равно как и опасения, связанные с угрозой дальнейшего нажима на Сиам с запада (английская Бирма) и востока (французский Индокитай), побудили Раму V (1868—1910) провести в стране ряд важных реформ, суть которых сводилась к освобождению крестьян, развитию в стране частнособственнических отношений, реформе финансов с введением твердых норм оплаты труда. Была также создана реформированная по европейскому образцу политическая администрация — Государственный совет с совещательными функциями, центральное

* Значительная часть их имела статус долговых рабов и являла фактическую собственность эксплуатировавших их труд землевладельцев; остальные, формально свободные, были обязаны государству двух-трехмесячной государственной барщиной, не говоря уже об обычном земельном налоге.

правительство из 12 министерств, губернаторы провинций, чиновники центра на местах и выборное самоуправление в общинах.

Реформы сыграли важную роль в трансформации традиционной структуры. Резко увеличилось производство товаров, в том числе и на экспорт, многократно возросли доходы казны. Стали предприниматься дорогостоящие, но необходимые для развития экономики Сиам проекты, включая железнодорожное строительство, для чего правительство прибегало к займам в Европе. Но самым существенным результатом всей программы реформ было укрепление международного престижа. Реорганизованная и умело функционировавшая дипломатия, проявлявшаяся в официальных миссиях в страны Европы и в умелом лавировании между соперничавшими державами, способствовала сохранению независимости Сиам, пусть даже подчас ценой некоторых потерь: в 1893 г., например, основная часть вассального Сиаму Лаоса стала французским протекторатом, да и сам Сиам был как бы поделен на английскую и французскую сферы влияния.

На рубеже XIX — XX вв. в результате осуществленных реформ (их функционально можно приравнять к структурной ломке того же типа, что осуществлялась в соседних странах колониализма и была много более болезненной для этих стран хотя бы потому, что осуществлялась чужими руками, насильственно и бесцеремонно) Сиам начал развиваться сравнительно быстрыми темпами: успешно функционировала горно-добывающая и перерабатывающая промышленность, увеличивались производство олова и риса, вывоз драгоценного тикового дерева, создавались банки. Формировался рабочий класс, пока еще в основном за счет приезжавших в Сиам китайцев. Появилась буржуазия, вначале тоже преимущественно китайская по происхождению. Начинали издаваться газеты, журналы, книги; совершенствовалась система образования; рождалась сямская интеллигенция, частично тоже из числа иммигрантов. Достаточно резкая ломка привычных норм жизни вела к усилению националистических настроений, а то и к антимонархическим заговорам (неудавшийся переворот 1912 г.). Но основным итогом всего процесса было все же движение за продолжение реформ.

Вопрос был в том, как и в каком направлении идти дальше. Именно по этому поводу и выявились существенные разногласия. Вначале на переднем плане оказалась идея укрепления монархии и создания на этой основе сильного государства, способного противостоять колониальному капитализму. Сам Рама VI Вачиравуд (1910 — 1925) стал идеологом монархического национализма. Делая акцент на возвеличение героического прошлого, стремясь возродить национальный дух и апеллируя к великотайским чувствам народа, король лично писал статьи и пьесы, ставил театральные постановки и даже принимал в них участие. Будучи равнодушным к религии, он апеллировал к буддизму, стремясь использовать его колоссальное влияние для пропаганды националистических идей. Неясно, как сложилась бы судьба монар-

хического национализма, если бы не верхушечный переворот 1932 г., положивший конец этой идее.

Во главе переворота, приведшего в конечном счете к радикальным изменениям в системе политической администрации и в социальной структуре общества (поэтому далеко не случайно некоторые специалисты именуют его революцией), стояли военные и гражданские чиновники, в основном получившие образование за границей, в Германии и Франции. Выступив против засилья в руководстве страной близких к королю принцев крови (число их стало весьма велико за счет многоженства короля и его ближайших родственников), руководители переворота предложили и осуществили ряд важных преобразований, приведших к замене идеи монархического национализма реалиями национализма государственного. Новые руководители страны, из которых наиболее заметную роль вскоре стали играть Приди Паномионг и Пибун Сонграм (Пибунсонграм), в острой междоусобной борьбе пришли к созданию в Сиаме конституционной монархии с парламентной системой (парламент частично состоял из выбранных членов, частично — из назначенных) и кабинетом министров, но практически без партий и открытой партийной борьбы. В сфере экономики была сделана ставка на укрепление государственного начала, постепенное уменьшение роли иностранного капитала с соответствующей заменой его капиталом национальным в форме прежде всего госкапитализма и государственных монополий. В соответствии с этой программой в 30-х годах был национализирован ряд отраслей промышленности (табачная, судоходная), государство заняло ключевые позиции в торговле и стало пропагандировать создание смешанных государственно-частных сямских предприятий, призванных конкурировать с китайскими и постепенно вытеснять их.

Отчетливый курс на создание крепкого национального государства, которое на модернизированной основе вновь оказалось политически и экономически господствующим, проявился также и в сфере просвещения и культуры, в возрождении тех самых националистических великотайских традиций, к которым апеллировал в свое время король Вачиравуд. Этот националистический курс сопровождался яростными выпадами против экономической преобладавшей в Сиаме китайской общины (вплоть до официальных выпадов с предложением решить китайский вопрос так, как решал еврейский вопрос Гитлер) и достаточно заметной ориентацией на Японию и японский опыт. Успехи Японии в промышленном развитии страны, победа ее в русско-японской войне и рост ее политического могущества создали этому государству большой престиж в националистически ориентированном предвоенном Сиаме, в 1939 г. переименованном в Таиланд (государство тайцев). В противовес Англии, чьи позиции в торговле с Таиландом продолжали быть ведущими, власти страны всячески поощряли укрепление связей с Германией и Японией. Неудивительно, что, когда

началась Вторая мировая война, чаша весов вначале заметно склонялась в их сторону, тем более что с помощью этих держав и зависимого от Германии правительства Виши Таиланд рассчитывал вернуть утраченные им позиции в Лаосе и Камбодже.

Таиланд не только не протестовал против оккупации его японскими войсками в 1941 г., когда Япония захватила весь Индокитай, но и стал активно сотрудничать с японцами. Лишь в конце войны ситуация в этом смысле стала меняться. В стране возникла и начала активно действовать организация «Свободное Тай», которой помогали США и деятельность которой негласно поддерживал, даже контролировал стоявший в оппозиции к правительству регент Приди (малолетний король находился в Швейцарии). Сразу же по окончании войны Приди от имени короля официально заявил, что он не подписывал формальное объявление войны Англии и США и считает этот акт неконституционным; на это правительство США заявило, что и оно не относилось к Таиланду как к воюющей стороне. Правда, правительство Англии заставило Таиланд выплатить компенсацию за понесенный англичанами экономический ущерб, а Франция восстановила статус-кво в Лаосе и Камбодже, но в целом Таиланду удалось сохранить свой международный престиж и даже упрочить статус независимого государства, став членом ООН.

В послевоенные годы продолжалась политика укрепления позиций государства в экономике страны и содействия упрочению положения молодой сиамской национальной буржуазии. Были приняты важные законы о земельных отношениях, упорядочивавшие землевладение и земельную аренду; разрешалась деятельность партий и профсоюзов, но не компартии, официально сформировавшейся в 1942 г. и находившейся, как правило, на нелегальном положении. Продолжался недвусмысленный нажим на иностранный капитал, причем это касалось даже не столько англичан, сколько живших в стране богатых китайцев. В политической администрации преобладали военные, нередко приходившие к власти в результате переворотов. Правительство Таиланда активно сотрудничало с США, было членом СЕАТО и не уставало напоминать о своих антикоммунистических позициях. Внутренняя политика и мировая экономическая конъюнктура в послевоенное время способствовали сравнительно быстрым темпам экономического развития страны.

Заключая раздел о Таиланде, стоит специально заметить, что исключительность ситуации, в которой оказался Сиам в период активной колониальной экспансии держав в Юго-Восточной Азии, во многом объясняется случайными факторами: Сиам был своего рода буфером между двумя соперничавшими державами, Англией и Францией, и, кроме того, эта страна оказалась на историческом подъеме, имела сильное правительство и была внутренне единой в тот момент, когда могла решиться ее судьба. Не лишено смысла также и напоми-

нение, что Сиам как колония мало что мог дать захватившей ее державе, — впрочем, этот фактор далеко не был решающим, достаточно напомнить, скажем, о судьбе Лаоса.

Но, как бы то ни было, совокупность случайностей избавила Сиам от нелегкой доли колонии. С точки зрения анализа исторического процесса этот факт весьма важен, и в следующих главах мы к нему еще вернемся.

Глава 5

Южная и Юго-Восточная Азия: традиционная структура и колониализм

Как легко заметить, исторический путь стран Южной и Юго-Восточной Азии в период колониализма имеет немало общего. Все они, если не считать Африку, были наиболее ранними объектами колониальной экспансии; все, кроме Сиама, затем превратились в колонии; для всех было характерно ожесточенное сопротивление традиционной структуры колониализму, завершившееся в итоге деколонизацией и достижением политической независимости. Конечно, эта общность судеб не была случайной. Географическая близость и природно-климатическое сходство стран двух упомянутых регионов и прежде всего наличие в них тех продуктов и ресурсов, в которых остро нуждались колонизаторы, во многом объясняют причины, по которым именно рассмотренные выше страны южных морей оказались первым страстно желанным объектом вторжения колониального капитала.

Южная и Юго-Восточная Азия — два весьма больших и достаточно заселенных региона, в рамках которых на протяжении веков существовали и заново возникали немало народов и государств. И, разумеется, все они развивались по-своему. Однако есть один весьма существенный аспект, который тоже в определенной мере связан с общностью исторических судеб интересующих нас регионов. Речь идет о цивилизационном фундаменте, формировавшемся веками и тысячелетиями господства сложившегося образа жизни, привычных стереотипов поведения, устойчивых систем нравственных ценностей, генеральных мировоззренческих принципов и установок. С точки зрения этого потенциала духовной культуры и тесно связанной с ним социальной ориентации общества государства обоих регионов, за незначительными исключениями, весьма близки друг к другу и в этом смысле могут быть объединены в некий единый блок родственных структур. Это не означает, что упомянутый потенциал одинаков и однозначен у всех.

Как раз напротив, он весьма различен по мощи и даже фактуре составляющих его цивилизационных пластов, что в немалой степени усложняет анализ, заставляя делать оговорки либо выделять варианты. Но в целом перед нами все же единый блок в чем-то близких и сходных структур, нуждающийся в аналитической оценке прежде всего с точки зрения раскрытия роли и значимости религиозно-цивилизационной основы этих структур традиционного Востока.

Религии и религиозно-культурные традиции

Цивилизационный фундамент любого общества опирается, как правило, на религию, являющуюся его главной и определяющей основой. И далеко не случайно в современном обществоведении столь большое внимание уделяется анализу и оценке религиозной основы той или иной цивилизации. В наши дни, особенно после взрыва исламского фундаментализма в Иране, а затем в Афганистане и некоторых других странах, это внимание стало общепризнанным. Тем более существенно учитывать этот фактор при изучении обществ, вступивших по тем или иным причинам в критическую фазу своего развития, когда привычная традиционная структура начинает испытывать невиданный до того нажим на нее со стороны внешних сил. Именно с такого рода ситуацией мы и имеем дело в период колониализма.

При всей необычайной, невиданной где-либо еще в других регионах мира пестроте религиозно-культурных традиций, сыгравших немалую роль и оказывавших порой существенное воздействие на характер того или иного общества в интересующем нас районе Востока, мы все же вправе говорить о некоем общем для всех них первичном религиозно-цивилизационном фундаменте. Этот фундамент был заложен в древности и генетически связан с ведической культурой древней Индии. Речь идет об индуизме и буддизме.

Индуизм — религия Индии, преобладающего большинства индийцев. Восходя к древней религиозно-философской мудрости вед, а также к брахманизму со всеми его школами-даршанами, эта религия примерно с рубежа нашей эры начала господствовать на всей территории Индостана и, более того, стала быстрыми темпами распространяться в Индокитае и Индонезии. Хотя за пределами Индии индуизм в его вишнуистской и шиваистской модификациях встретился с соперничеством буддизма, а на Цейлоне буддизм даже практически преобладал с III в. до н. э., стоит тем не менее заметить, что влияние индуизма в Юго-Восточной Азии никак не может быть сброшено со счетов. Больше того, на протяжении веков волны индуизма, олицетворенные мигран-

тами из Индии, спорадически захлестывали заново и Индокитай, и Индонезию, и Цейлон, достигая отдаленных Филиппин. Поэтому даже на Цейлоне, в этой цитадели буддизма, практически до наших дней сохранились чисто индуистские касты, процветавшие еще сравнительно недавно в рамках государства Канди. Можно напомнить также и о том, что ввоз на плантации Цейлона, Малайи и иных государств рассматриваемых регионов контрактованных индийских кули, равно как и свободная миграция индийских рабочих в те же страны уже в XIX — XX вв., не только сохраняли здесь индийско-индуистский религиозно-культурный компонент, но и в какой-то мере усиливали его.

Как мировоззренческая система индуизм традиционно отличается глубиной религиозно-философской мысли. Мир всего живого, включая людей и даже богов, по представлениям индуистов, — это сансара, бесконечная и безначальная цепь перерождений, унылое бытие профанического, т. е. удел всего обычного, обыденного. Ценность этого мира весьма относительна: ведь в конечном счете весь феноменальный мир — это иллюзия, майя. Но зато за пределами феноменального мира, вне сансары, есть мир великой подлинной Реальности, где властвует Абсолют. Вырваться из мира сансары, достичь высшей Реальности и слиться с великим Абсолютом — желанная конечная цель высокоуважаемой в индуизме религиозно активной личности, аскета, йога, гуру, риши. Цели этой достичь нелегко, доступно это далеко не каждому, не говоря уже о том, что достижению цели нужно посвятить всю жизнь, сделав ее подвигом самоотречения, психотренинга, умерщвляющей аскезы. Ближе других к достижению цели в индуизме всегда были брахманы, представители высшей варны (а затем множества каст) жрецов, носители древней мудрости вед, несравненно более всех остальных подготовленные к разрыву кармической цепи перерождений.

Профаническая жизнь в мире сансары регулируется кармой, т. е. суммой добрых и злых дел в предшествующих перерождениях. Человек, как и все живое, рождается с подготовленной всеми предыдущими существованиями итоговой этической нормой, которая в форме кармы и определяет не только внешний облик родившегося (человек, животное, мелкая мошка либо червяк, а то и растение), но и место человека — если он родился человеком — в сложной иерархической социальной системе варн и каст. Каста, т. е. постоянное и неизменное место человека в его данном рождении в мире сансары, определяет основные параметры бытия и поведения каждого, причем делает это жестко и бескомпромиссно: каким ты появился на этот свет, таким и умрешь, т. е. брахман — брахманом, неприкасаемый — неприкасаемым. И никто, кроме тебя самого (ты — творец собственной кармы), не виновен в том, что ты влачишь жалкое существование в этом мире, обречен на бедность, нищету и страдания. Это — плата за прошлое. Веди себя этически безукоризненно, соблюдай все нормы своего диктуемого

положением твоей касты поведения — только в этом случае ты можешь рассчитывать на более удачный жребий судьбы в следующем перерождении.

Институционально индуизм как доктрина всегда был чем-то рыхлым, даже аморфным. Он никогда не имел сколько-нибудь организованной и тем более иерархически структурированной церкви, отличался практически абсолютной терпимостью к иным религиозным идеологиям. Но сила и колоссальная внутренняя прочность, живучесть его была в том, что он опирался на общинно-кастовую структуру индийского общества и санкционировал ее. Индуизм — это в конечном счете образ жизни Индии с его генеральной установкой на высшую ценность небытия и весьма ограниченную значимость мира сансары, майи. Для индуиста нет смысла в истории — и далеко не случайно столь культурно богатая и идейно насыщенная многовековая индийская традиция так скудна на хроники, летописи, историко-географические описания и т. п. Тем более для индуиста бессмысленны призывы к равенству либо социальной гармонии: то и другое противоречит идее кармы и индивидуальной ответственности за социальную неполноценность в данном перерождении. И наконец, индуист традиционно чужд насилию, активному социальному протесту: как можно спорить с судьбой?! Разве попытка силой добиться лучшего не приведет в конечном счете лишь к ухудшению кармы со всеми столь далеко идущими от этого последствиями?!

Добиваясь от своих адептов строгости в фундаментальных принципах бытия и мышления, индуизм вместе с тем предоставляет им достаточно широкий простор во всем остальном, от поисков любых способов к спасению, т. е. разрыву с миром сансары, до личных склонностей и симпатий к тому или иному религиозному направлению (вишнуиты, шиваиты) или группировке типа секты. Сектантства в строгом смысле этого слова индуизм не знает именно в силу отсутствия церковной структуры и официально санкционированной обязательной для всех догматики. Зато индуизм всегда готов принять в свое лоно всех чужих и заблудших, от индийских джайнов, буддистов или сикхов до мусульман. И наконец, индуизм практически безразличен к власти, к государству, что в немалой степени обусловило слабость индийских государственных образований, особенно доисламских. Дело в том, что индуистские генеральные принципы почти начисто выключали честолюбие и связанные с ним импульсы — активность, социальную энергию, предприимчивость и т. п. Руководить государством — профессиональное занятие кшатриев и их советников-брахманов. Доля всех остальных — хорошо исполнять свои обязанности, строго отрегулированные веками отлаживавшимися общинно-кастовыми связями типа системы джаджмани. При этом политическая и социальная индифферентность индуиста в какой-то мере компенсировалась его высокой эмоциональностью, богатством чувств, воспитанных мифологическим

эпосом типа Махабхараты и Рамаяны и стимулированных кармической этической нормой. Но норма всегда весьма строго контролировала чувства, создавая ситуацию, во многом несходную с принципами, скажем, европейского гуманизма: этически отзывчивый индуист с его генеральными принципами ахимсы, т. е. непричинения зла живому, будет равнодушен и черств по отношению к неприкасаемому, даже если тому остро нужна его помощь, — законы кармы неизмеримо сильнее норм этики гуманизма.

Можно было бы продолжать характеристику индуизма и связанных с ним принципов жизни Индии, но сказанного достаточно для основных выводов, целью которых является показать, как цивилизационные религиозно-культурные параметры влияли на реакцию той или иной традиционной структуры по отношению к колониализму, как и в какой степени содействовали они ее внутренней устойчивости и сопротивляемости и какие формы принимало вынужденное длительное взаимодействие данной традиционной структуры с внешними силами, от ислама до колониального капитала и связанной с ним европейской цивилизации.

В самом общем виде выводы сводятся примерно к следующему. Традиционный индуистский фундамент, обладая невиданным запасом внутренней прочности на индивидуальном и локальном (община, каста) уровнях, санкционируя стабильно консервативную социальную структуру огромного субконтинента, вместе с тем не был связан с проблемой укрепления политической власти и государства как такового, никогда не имел отношения к социальному равенству и связанной с этим гармонии, пусть хотя бы в форме столь типичной для других аналогичных обществ социально-эгалитарной утопии. Интегрирующая функция индуизма ограничивалась социально-религиозными и социально-культурными ее аспектами, тогда как в сфере социально-политической она не действовала. Отсюда — невиданный в других обществах политический вакуум, с легкостью заполнявшийся то одними, то другими, чаще всего внешними политическими силами. Отсюда же и отсутствие традиции организованного социального протеста либо энергичного социально-политического сопротивления внешним силам. Но при всем том индуизм всегда сохранял и внушительно демонстрировал свою внутреннюю силу, величественное достоинство издревле существующей и практически неколебимой гигантской системы, с чем не могли не считаться упомянутые внешние силы, вынужденные приостанавливаться в своих стремлениях к насильственной трансформации индийского общества. Это в равной мере, хотя и очень по-разному, коснулось и мусульманских правителей Индии, и ее колониальных господ.

Буддизм как религиозная философия и практика — плоть от плоти древнеиндийской ведической культуры и брахманизма. Однако коренным отличием этой доктрины от индуизма является принцип равенства

всех перед величием высшего спасения, ухода в Абсолют, в нирвану. Собственно, эта разница, из-за которой буддизм не мог гармонично вписаться в иерархическую и подчеркнуто антиэгалитарную общинно-кастовую структуру Индии, и обусловила постепенное вполне мирное вытеснение буддизма индуизмом в Индостане. Но, будучи институционально почти столь же аморфным*, идеологически таким же терпимым и оказавшись практически ничем не связанным с социальным строем общинно-кастовой Индии, буддизм легко нашел себе новую родину в ряде стран к востоку от Индостана, в том числе в Индокитае и Индонезии, на Цейлоне, не говоря уже о Китае, Корее и Японии.

Если индуизм стопроцентно национален и фактически немыслим без Индии и индийцев, то буддизм столь же стопроцентно индифферентен ко всему национальному и в этом своем качестве мировой религии вполне может быть уподоблен другим мировым религиям, христианству и исламу. Однако на этом, да еще, пожалуй, на общности всех мировых религий в их отношении к догматам и ритуальной практике (т. е. в том, что в рамках каждой из них есть профессиональный слой духовенства, сосредоточивающий в своих руках исключительное право на интерпретацию и реализацию догматики, отправление ритуалов, — здесь, впрочем, немало общего у всех религиозных систем) сходство кончается. В остальном буддизм весьма отличен от других религий, а кое в чем близок к индуизму, что позволяет говорить об общей для них индуистско-буддийской или просто индо-буддийской цивилизации.

Генеральной мировоззренческой основой буддизма, как и индуизма, является установка на ищущего спасения от мира сансары с его кармическими перерождениями индивида. Шансы на спасение тоже во многом определяются кармой и в еще большей степени — активностью ищущего. Жестко ограниченный в земных благах и постоянно сосредоточенный на поиске путей в нирвану, склонный к многочасовым медитациям буддийский монах функционально близок индуистскому аскету, риши, гуру. Что же касается мирян, то их дело — поддерживать монахов и щедро приносить подаяния на нужды буддизма, прежде всего буддийских монастырей и храмов. Монастырская форма организации буддизма институционально выгодно отличает эту религию от индуизма, ибо создает признанные центры буддийской культуры, идеологии и образования, праздничных ритуалов и повседневных буден. Но, хотя в монахи в принципе мог идти каждый, а право на религиозное знание соответственно имели все, а не только брахманы, как в индуизме, практически буддийские монахи были такой же

* Только на более позднем этапе существования буддизма сложилась монастырская иерархия, достигшая своего зенита в форме тибето-монгольской ламаистской модификации с ее высшими ламами-первопопощенцами типа далай-ламы.

небольшой частью общества и стояли столь же высоко по отношению к остальным, как то было и с брахманами в Индии. Кроме того, уйдя от мира и формально порвав с ним, монахи были в еще большей степени противопоставлены всему остальному населению, нежели индуистские брахманы, которые в реальной жизни вовсе не обязательно должны были заниматься только жреческими делами, но при этом неизменно продолжали оставаться брахманами со всеми их привилегиями.

Буддизм как религиозная доктрина был индифферентен не только к национальному началу, но также и к социальному, и к политическому. В социальном плане он, не будучи связан ни с общинно-кастовым строем, ни с какими-либо определенными слоями общества, оказывался нейтральным по отношению к порой раздирающим то или иное общество страстям и формально не выступал ни на стороне верхов, ни за угнетенные низы. Однако эта формальная нейтральность отнюдь не была абсолютной. Монахи были достаточно связаны с обществом, хотя внешне и отрекались от него. Эта связь проявлялась как в поддержке монастырями социального порядка в обществе, так и в выступлениях их против нарушений этого порядка, и в частности в участии буддистов и даже буддийских монахов в крестьянских движениях, особенно имевших сектантскую (буддийскую) направленность. И хотя формально буддизм никогда не стоял за насилие как средство решения социальных проблем, де-факто монахи порой были готовы идти в бой, если того требовали обстоятельства. Словом, буддизму не чуждо было представление о равенстве и социальной справедливости, равно как и считалось само собой разумеющимся, что в экстремальных ситуациях монахи идут с народом на баррикады, порой даже опережая его (публичные самосожжения в качестве социально-политического протеста).

Аналогичным образом обстояло дело и в сфере политики. Формально не будучи втянут в повседневную политическую жизнь и даже подчеркнуто сторонясь ее, буддизм в целом и монастыри или монахи в частности в эту жизнь так или иначе постоянно вовлекались. Склонных к буддизму правителей они горячо поддерживали, для чего была даже разработана теория об этически совершенных мудрых правителях-чакравартинах. А в государствах, где буддизм был государственной религией, эти связи укреплялись за счет постоянных контактов и щедрых пожертвований, за счет ухода в монастыри правителей или их близких родственников, занимавших видные позиции в формировавшейся буддийской монастырской иерархии.

Словом, при всей своей институциональной рыхлости и социально-политической индифферентности, во всяком случае в доктринальном плане, буддизм в той или иной стране на практике немало делал для сплочения населения, для осознания той или иной общностью ее этнополитической цельности и самоценности, для воспитания внутреннего достоинства и готовности к борьбе в экстремальных ситуациях.

Этим буддизм существенно отличался от индуизма, хотя и индуизм в XIX — XX вв. не стоял в стороне от жизни общества. В целом же в обществах, где господствовал или был влиятельной силой буддизм, существовал тот же, что и у индуистов, культ кармической этики и интроспекции ищущего спасения религиозно активного индивида, прежде всего монаха. Эта генеральная мировоззренческая установка рождала сдержанность и умеренность в политике, некоторую пассивность в решении социальных проблем. В то же время, будучи внутренне сильным и целостным, обладая завидной прочностью на уровне доктрины и религиозно активных проповедников-монахов, буддизм как религия масс и цивилизационный фундамент не был столь жестким и недоступным для перемен, как всегда опиравшийся на общинно-кастовую основу индуизм. Более динамичный и открытый для обновления, буддизм как доктрина был готов сотрудничать с теми силами, которые вели дело к энергичной, как в Таиланде, а порой и к радикальной, как в современных Лаосе и Камбодже, политике социального переустройства.

Разница между индуизмом и буддизмом достаточно очевидна. Но, несмотря на это, общее в них, равно как и их генетическая близость, определили облик того цивилизационного индо-буддийского фундамента, который явственно преобладал и в Индии, и в Юго-Восточной Азии. Не только преобладал, но и веками определял характер общества, образ жизни людей. Правда, со временем на этот фундамент стали накладываться иные цивилизационные пласты, связанные с другими религиозно-философскими доктринами и культурными традициями, внешними по отношению к зоне господства индо-буддизма.

Наиболее важным и цивилизационно значимым пластом такого рода был ислам. Подробнее о нем будет идти речь ниже в связи с оценкой ситуации на Ближнем и Среднем Востоке в колониальное время. Пока же стоит заметить, что ислам, как и индуизм, — более образ жизни, нежели только религия. В отличие от индуизма, однако, ислам социально активен и неразрывно слит с политикой, с системой администрации. Эту религию отличают воинственность до фанатизма и наступательность вплоть до насильственного прозелитизма, что практически исключает свойственную индо-буддизму терпимость. Покорность чужой воле и фатализм здесь приводят к конформизму поведения и мышления, а формальное равенство всех перед Аллахом, не раз стимулировавшее массовые выступления за поправленную социальную справедливость, тесно переплетается с принципом поголовного рабства, т. е. бесправия нижестоящих перед вышестоящими.

Конечно, ислам не во всех районах мира одинаков. Там, где шел процесс его становления и институционализации, т. е. в географических пределах Арабского халифата, он был более жестким, последовательным и нетерпимым. Вне этого региона, в Африке южнее Сахары, в восточной части Европы, в некоторых районах Центральной и

особенно Юго-Восточной Азии, он заметно мягче и более склонен к компромиссам. В немалой степени это объясняется тем, что сюда ислам попадал обычно не в ходе завоеваний и насильственной ломки привычных норм жизни, сопровождавшейся всеобщей исламизацией, а в результате своего рода культурной диффузии, нередко вместе с прибывавшими и оседавшими на новых местах торговцами-мусульманами. Что касается Индии, где ислам появился в форме религии завоевателей и должен был бы, как и на Ближнем Востоке, торжествовать, то здесь ему противостояла столь прочная и так хорошо внутренне организованная индуистская общинно-кастовая структура, что в борьбе с ней ислам был вынужден отступить.

Таким образом, хотя ислам и оказался мощным культурно-религиозным пластом, который наложился на индо-буддийский цивилизационный фундамент, его мощь оказалась все же относительной. В Малайе и Индонезии, равно как и на юге Филиппин, она была более значительной за счет того, что индуистский фундамент, не опиравшийся на отсутствовавшую здесь систему каст, был весьма слабым, а буддизм вообще не оказывал сколько-нибудь заметного сопротивления. Но вместе с тем нельзя не заметить, что исламский пласт здесь тоже не породил излишней религиозной жесткости, нетерпимости и в этом смысле отличался от ближневосточного ислама. Возможно, это было связано со смягчающим воздействием первичной индо-буддийской цивилизационной основы. Что же касается собственно Индии, то там натолкнувшись на пассивное, но непреодолимое сопротивление индуизма ислам оказался даже не столько наложившимся на древний фундамент новым слоем, сколько некоей долей, частью огромного социума. За редкими исключениями типа сикхов ислам в Индии так и остался исламом, тогда как индуистская Индия осталась индуистской Индией.

К числу религиозно-культурных традиций, сыгравших существенную роль в судьбах региона Юго-Восточной Азии, относятся еще две — конфуцианство и католицизм.

Конфуцианство как заимствованная из Китая доктрина было на протяжении многих веков господствующим в зависимом от Китая Вьетнаме, особенно в Северном и Центральном, где оно практически легло в основу цивилизационного фундамента народа. И хотя среди низших слоев вьетнамского общества конфуцианство не достигло тех высот его органичного усвоения, которые отличали собственно китайское население, в том числе и широко распространившихся по всей Юго-Восточной Азии хуацзя, все же именно оно всегда определяло во Вьетнаме облик его культурных традиций. Культ предков и старших, жесткая осознанная социальная дисциплина в сочетании с веками воспитывавшейся культурой труда, особенно сельскохозяйственного, равно как и многие другие свойственные конфуцианской культуре

черты и признаки, в немалой мере способствовали успехам хуацяо в разных странах Юго-Восточной Азии вплоть до Цейлона и Филиппин.

И наконец, католицизм. За три-четыре века энергичного проникновения и активной деятельности миссионеров эта европейская религия достигла в Юго-Восточной Азии немалого, а на Филиппинах стала практически господствующей, во многом определившей здесь цивилизационный фундамент и оказавшей немалое воздействие на характер и формы сопротивления этой латинизированной традиционной азиатской структуры колониализму (ориентированная на европейский стандарт борьба за республику).

Цивилизационный фундамент и общество

Итак, общая картина достаточно ясна. Первичным цивилизационным фундаментом в Южной и Юго-Восточной Азии был индо-буддизм, но практически нигде в своем первоначальном состоянии он не сохранился. Напластование новых религиозно-культурных традиций и цивилизационных слоев на те или иные общества привело к возникновению ряда вариантов цивилизационного развития, что не могло не оказать своего воздействия на характер, облик и особенности развития традиционных структур, не говоря уже о том, что сами эти культуры в их первоначальном виде не были равноценными хотя бы потому, что одни из них уходили корнями в глубокую древнюю цивилизацию, а другие до недавнего времени оставались первобытными либо полупервобытными. Естественно, что в такой ситуации важно определить, как именно тот или иной вариант цивилизационного фундамента сказался на судьбах данного общества или, точнее, каким было это общество в момент соприкосновения его с колониализмом и особенно в годы его колонизации, насколько прочной и пригодной, готовой для сопротивления колониализму была его традиционная структура и как эта степень прочности и готовности определялась цивилизационным фундаментом, комплексом религиозно-культурных традиций.

Вариант первый — Индия. Здесь первичный индуистский фундамент оказался, как не раз отмечалось, необычайно прочным с точки зрения социальной общинно-кастовой его структуры. Зато система политической администрации была традиционно ослабленной. Правда, некоторые изменения в сторону усиления государства произошли после исламизации Индии. Однако, поскольку исламизация так и не сумела всерьез затронуть глубинные индуистские цивилизационные основы, она оказалась достаточно поверхностной и потому лишенной адекватной социальной опоры. Создалась ситуация политической ослабленности государства и системы политической администрации, причем к моменту начала колонизации Индии эта ситуация усугубилась

кризисом и фактическим распадом империи Великих Моголов, породившим феномен политического полицентризма и ожесточенные усобицы претендентов на всеиндийский трон. Вот почему Индия оказалась сравнительно легкой добычей англичан, быстрыми темпами упрочивавших свое политическое господство. Но одно дело — политическая власть и администрация, по отношению к которым индуистская общинно-кастовая структура была традиционно индифферентной, и совсем другое — прочность самой этой структуры, ее опирающаяся на мощный многотысячелетний фундамент внутренняя сила и пассивное сопротивление давлению извне, будь то мусульманские падишахи или англичане. Резюмируя, можно заключить, что в индийском варианте перед нами предстает общество, опирающееся на мощную традиционную цивилизационную основу. Это общество было бы еще более внутренне прочным и цельным, если бы не факт насильственного отторжения от него значительной его части, принявшей ислам. И хотя сам по себе ислам отнюдь не менее внутренне прочен, а политически даже много более крепок, чем индуизм, сам факт индуистско-мусульманского симбиоза не мог не ослабить традиционной структуры Индии.

Вариант второй — Индонезия и Малайя. Формально его можно было бы приравнять к первому либо считать его подвариантом. Но по сути это именно особый вариант, о чем уже упоминалось. Индуистская цивилизационная основа здесь была резко ослаблена отсутствием каст, а буддийская отнюдь не могла компенсировать этого. Скорее напротив, она была мало способна создать прочную социальную структуру, да и не очень-то заинтересована в этом. В результате рыхлость традиционной структуры здесь весьма способствовала той легкости, с какой ислам перекроил Малайю и Индонезию на свой лад. За счет исламизации внутренняя структура стала много прочнее, как сильнее стали и опиравшиеся на нее мусульманские султанаты. Однако до конца слабость структуры преодолена не была, как не стала слишком заметной и политическая сила многочисленных мелких султанатов, за редкими исключениями типа Аче. Практически это означало, что, сломив политическое сопротивление, колонизаторы оказались здесь лицом к лицу со сравнительно слабой структурой, несколько усиленной за счет ее опять-таки внешнего, но весьма структурно для нее существенного китайско-конфуцианского компонента. Сопротивление такой структуры колонизации было небольшим, ибо внутренне сравнительно непрочная структура была склонна к более активной трансформации, нежели то было в случае с Индией. Однако этой объективной возможности для трансформации противостоял недостаточный уровень развития общества (за исключением его китайского компонента), что, впрочем, оказалось вполне благоприятной почвой для вызревания в недрах такого общества, особенно в Индонезии, тенденций к радикальному социальному переустройству — тенденций, обычных для ми-

ра ислама, но активно проявляющихся там лишь в условиях ослабленной политической администрации, что и имело место в колониальных Малайе и Индонезии.

Вариант третий — страны с преобладанием буддийской цивилизационной основы (*Цейлон, Бирма, Сиам, Лаос, Камбоджа*). Внутренняя структура этих стран прочна более за счет близости ее в ряде случаев к недавней первобытности, чем за счет буддизма как религиозно-цивилизационной основы. За исключением Цейлона, где века высокопрестижного господства буддизма, да еще в сочетании с индуизмом и индуистскими кастами, способствовали большей внутренней прочности, остальные буддийские страны имели относительно слабую цивилизационную основу — с точки зрения готовности к энергичному внутреннему сопротивлению колониализму. Сопротивление такого рода продемонстрировал лишь Сиам, но и то главным образом потому, что оказался в исключительных обстоятельствах. Зато здесь, как и в случае с Малайей и Индонезией, внешние влияния способствовали вызреванию тенденций к социальному равенству и радикальному переустройству, что в какой-то степени не было чуждо (во всяком случае, идея равенства и связанное с ней стремление к социальной справедливости) и буддизму как доктрине. Реализация такого рода тенденций хорошо видна на примере Бирмы, Лаоса и Камбоджи в XX в., особенно во второй его половине.

Вариант четвертый — *Вьетнам*. Конфуцианская цивилизационная основа здесь сочеталась с относительной слабостью собственной политической администрации, хотя она и функционировала по традиционной китайской модели, включая систему экзаменов. Слабость власти при сохранении принципов конфуцианства как доктрины всегда вела к вызреванию весьма энергичных тенденций трансформации традиционной структурной основы в сторону, близкую к частнособственнической структуре, как о том свидетельствует пример Японии и хуацяо. Во Вьетнаме это не проявилось столь заметно по ряду причин, в том числе и вследствие существования пусть сравнительно с Китаем слабой, но все же достаточно эффективной власти. Но сама тенденция, равно как и традиционная для конфуцианства ориентация на социальное равенство, справедливость, гармонию, вели к достаточно быстрому заимствованию от колонизаторов и стоящей за ними европейской цивилизации многих радикальных идей, в том числе и коммунистических.

Вариант пятый — *Филиппины*. Здесь, как уже о том шла речь, влияние католицизма оказалось фактором, трансформировавшим традиционную азиатскую полупервобытную структуру со всеми вытекающими из этого последствиями.

Все пять вариантов, столь различных в конкретных деталях и неповторимых цивилизационных особенностях, имеют, как это легко заметить, ряд важных общих признаков, которые в некотором смысле

могут послужить основанием для цивилизационного обособления двух регионов, до того столь тесно связывавшихся в нашем изложении и анализе в нечто единое целое. Речь идет о тенденции структуры к трансформации, т. е. о ее внутренней прочности, о том самом, что в конечном счете столь существенно для далеко идущих выводов. В этом плане религиозно-цивилизационный фундамент Южной Азии (Индия и тяготеющий к ней Цейлон) будет представляться более цельным и прочным, несмотря на то что как раз здесь, в Индии и на Цейлоне, веками шел непрерывный процесс колонизации. Что касается Юго-Восточной Азии, то там аналогичный фундамент оказался менее прочным и имел определенную тенденцию к трансформации. Речь отнюдь не о том, что трансформация здесь много проще или де-факто зашла дальше. Отсталые Лаос и Камбоджа, даже Бирма во многих отношениях, в частности с точки зрения успехов капиталистической модернизации или парламентско-политических свобод, вполне могут сильно уступать Индии. Имеется в виду нечто иное, а именно степень способности традиционной структуры к трансформации.

Именно на это, равно как и на иную социальную ориентированность буддизма и ислама по сравнению с индуизмом, и опирались те силы, которые вели соответствующие страны к рискованным социальным экспериментам. Правда, следует оговориться, что сам по себе этот факт, особенно если эксперимент совершался под знаменем «научного социализма», отнюдь не означает, что в результате традиционная структура оказывается сломленной и перестроенной. Как правило, она остается прежней и лишь внешне приспосабливается к изменившимся обстоятельствам. Впрочем, специально об этом речь будет идти в четвертой части данной работы. Пока же важно лишь обратить внимание на то, что одна традиционная структура, южно-азиатская, оказалась резко антиэгалитарной по сути и потому закрытой для тенденций к радикальному социальному переустройству, тогда как другая, юго-восточноазиатская, в этом смысле была иной.

Традиционная структура и колониализм

Английские колонизаторы имели дело с традиционной структурой обоих регионов — Южной (Индия и Цейлон) и Юго-Восточной Азии (Бирма, Малайя и Сиам). Едва ли они когда-либо точно отдавали себе отчет в том, с какими именно структурами имеют дело и как следует строить свою политику в зависимости от этого. Скорее корректировка, если она случалась, происходила на своего рода интуитивном уровне, на уровне проб и ошибок. Но следует отдать англичанам как администраторам справедливость: они в общем умело делали свое дело и, как правило, обычно избирали оптимальные методы управления колони-

ями. Гораздо меньше это удавалось голландцам и французам, не говоря уже об испанцах на Филиппинах.

Что имеется в виду в первую очередь? Англичане в Индии (о Цейлоне отдельно говорить не будем, хотя кое в чем там обстояло дело иначе) вели свою политику не только по традиционному для них принципу «разделяй и властвуй», что еще со времен Древнего Рима считалось своего рода неписанным правилом для всякого умелого администратора, но и с учетом того, что они имеют дело с крайне негибкой и внутренне сильной традиционной структурой. Задача их, учитывая нарастающее сопротивление общества, состояла в том, чтобы, идя время от времени на необходимые уступки, готовить почву для таких изменений в обществе, которые при господстве малоизменяющейся структуры в целом все же сделали бы возможным изменение Индии и сближение ее в ряде аспектов с европейскими, прежде всего британскими стандартами в образе жизни, политике, администрации, системе образования и т. п., не говоря уже о капитализме в экономике.

Конечно, традиционная индуистская структура пусть пассивно, но достаточно стойко сопротивлялась англичанам, так же как она делала это и по отношению к другим завоевателям, в том числе и мусульманским правителям. Но, так же как и в других случаях, она одновременно с этим постепенно приспосабливалась к изменившимся обстоятельствам, причем таким образом, чтобы выйти из создавшегося положения с наименьшими для себя потерями. Если в случае с исламом наиболее показательным результатом такого процесса приспособления были сикхи (впрочем, есть примеры и другого рода, в том числе массовый переход в мусульманство целых каст, особенно связанных с городской жизнью, ремеслом и торговлей, не говоря уже о социальных верхах, включая князей), то в процессе колонизации Англией это была постепенная вестернизация брахманской верхушки, хотя и не только ее. Выходцы из социально-кастовых верхов, прежде всего брахманы, охотно говорили по-английски, получали европейское образование как в Индии, так и вне ее, преимущественно в Англии, служили в многочисленных учреждениях Британской Индии и, главное, умножали ряды новой индийской интеллигенции, очевидно ориентировавшейся на европейский стандарт. Аналогичным образом вели себя и представители нарождавшейся индийской буржуазии.

Сопротивление структуры и приспособление ее шли бок о бок, но закономерность была в том, что по мере все более очевидного приспособления заметно возрастало, как это ни покажется парадоксальным, сопротивление. Между тем парадокса здесь нет. Приспосабливаясь и все очевиднее убеждаясь в том, что они и сами вполне способны управлять Индией, образованная часть социальных верхов все глубже проникалась сознанием необходимости бороться за национальное освобождение и политическую независимость своей родины. Отсюда и отмечавшаяся уже динамика отношений к англичанам: от вполне

лояльного к ним Рам Мохан Рая с его сотрудничавшим с английской администрацией обществом «Брахмо самадж» до страстного радикализма Тилака или непримиримости Ганди. Впрочем, несмотря на нарастание сопротивления, которое отчетливо видели и стремились погасить колониальные власти, отступая от него уступкой за уступкой, показательным остается то, что в качестве своего возможного будущего лидеры сопротивления ориентировались, в частности, и на британский парламентский стандарт. И это не случайность.

Дело в том, что традиционная индуистская терпимость вполне гармонизировала с буржуазным парламентаризмом, а европейски образованные индийцы многое заимствовали из английского образа жизни, не без успеха насаждавшегося в Индии и порой даже копировавшегося ею. Правда, индуизм был иерархичен и не мог быть иным. Но, как это опять-таки ни покажется странным, иерархическая антиэгалитарность индуистского образа жизни не слишком противоречила нормам английской демократии, особенно касающимся процедуры голосования и решения важных проблем, общепризнанных гражданских свобод. Конечно, до всего этого практически не было дела основному населению общинно-кастовой Индии. Но если говорить о верхах, которые постепенно и умело вовлекались англичанами в систему и стиль ее парламентарной демократии, то они вполне осознавали удобство именно такого рода средств решения важных социальных и политических проблем, преимущества демократической процедуры перед традиционно восточным авторитаризмом. Кроме того, демократизм как стиль руководства лидеров Индийского национального конгресса был прямо-таки необходим — без него трудно, практически невозможно было бы сплотить в нечто единое целое гигантский многокастовый и многонациональный индийский социум со всеми его внутренними противоречиями и раздирающими его на части острыми проблемами. Зато для радикализма индуистская структура, как упоминалось, простора не давала, что тоже было в интересах колониальной администрации, делавшей в конечном счете оправдавшую себя ставку на умеренных лидеров ИНК.

Итак, с точки зрения взаимоотношений традиционной структуры и колониализма (о капиталистическом развитии как таковом речь пока не идет) ситуация в Индии характеризовалась пассивным сопротивлением, мощь и значимость которого со временем нарастала, и активным приспособлением, определившим в конце концов итог противостояния колонии и колонизаторов. Много сложнее и запутаннее со всем этим обстояло дело в странах Юго-Восточной Азии, где цивилизационный фундамент был менее мощным и в религиозно-культурном плане более пестрым, а традиционные структуры соответственно — недостаточно сильными и мало подготовленными к противостоянию колонизации. Конечно, и здесь можно зафиксировать как сопротивление традиционной структуры вмешательству извне, так и ее приспособление к этому

неустранимому вмешательству. Однако коль скоро сама структура была иной по сравнению с индийско-индуистской, то иными оказались и формы сопротивления, и темпы приспособления, не говоря уже о конечных результатах того и другого. Попытаемся разобраться в этом подробнее.

Начнем с того, что природно-климатические условия Юго-Восточной Азии — как ее островного мира, так и горных долин большей части Индокитая — не были слишком благоприятны для развития цивилизации. Далеко не случайно она, несмотря на обнадеживающие признаки далекого неолита и раннего бронзового века, стала формироваться в этом регионе лишь на рубеже нашей эры, да к тому же за счет энергичной культурной диффузии извне, в основном из Индии. Собственно, тропики и сейчас не считаются климатической зоной, благоприятной для энергичного развития активной производительной деятельности. Не лучше обстояло дело с этим и в прошлом, что не могло не оказывать своего воздействия как на темпы развития, так и на размеры цивилизационного пласта здесь. Можно добавить к этому, что если мигранты из Индии и несли с собой элементы развитой цивилизационной структуры, то местное население приспособлялось к ней не слишком быстро, чему в немалой мере способствовали и непрекращавшиеся долгое время миграционные потоки с севера — потоки, чуждые индуизму и буддизму и потому далеко не сразу усваивавшие элементы индо-буддийской цивилизации, что, конечно, не содействовало ни убыстрению темпов цивилизационного развития, ни наращиванию мощи цивилизационного пласта в странах Юго-Восточной Азии.

Словом, далеко не случайным следует считать то, что очень многие районы Юго-Восточной Азии — будь то север Бирмы, Лаос или острова Индонезии типа Сулавеси и Калимантана, наконец, Филиппины — вплоть до сравнительно недавнего времени находились на первобытном либо полупервобытном уровне, будучи лишь едва затронутыми влиянием внешней по отношению к ним цивилизации. И хотя на этом фоне выгодно выделялись более развитые районы типа Явы, Суматры, а также побережья Индокитая, общая картина цивилизационного освоения региона не становилась от этого чересчур радужной. В цивилизационном плане страны региона развивались за счет воздействия извне, не имея либо имея недостаточно собственных потенций для такого рода развития. В принципе это не столь уж необычная картина для истории. Очаговый характер возникновения и развития цивилизации с последующей экспансией ее вширь нормален и фиксируется с глубокой древности, что было показано, в частности, в первой части данной книги. Но из этой бесспорной посылки далеко не часто делаются необходимые выводы. Иногда выводы такого рода даже замалчиваются либо оспариваются под тем благозвучным предлогом, что подобная постановка проблемы принижает национальное досто-

инство тех или иных народов, например населения Африки южнее Сахары. Конечно, гораздо благозвучнее утверждение, что народы любого района мира сами все для себя создавали с глубокой древности, а не были в положении заимствовавших чужие достижения, в частности чужую цивилизацию. Но что делать, если дело обстояло именно так?! Переписывать историю, жертвуя истиной ради показного благозвучия?

Что касается Юго-Восточной Азии, то здесь дело обстояло, как только что было упомянуто, именно так: основы цивилизации были получены извне и медленно, на протяжении долгих веков, с большими либо меньшими успехами они усваивались, а порой и утрачивались, как то весьма заметно в той же Индонезии. Теперь несколько слов о том, какие именно цивилизационные основы усваивались и как шел процесс усвоения, что он давал местным обществам.

Индуизм был здесь древнейшим и во всяком случае общим почти для всех цивилизационным пластом, от Цейлона до Филиппин. Только, пожалуй, для Северного Вьетнама, с III в. до н. э. оказавшегося под сильным культурным воздействием Китая, следует сделать исключение: здесь заимствованным чуждым цивилизационным пластом, усваивавшимся на протяжении тысячелетий, было конфуцианство. Конфуцианство, как о том специально пойдет речь в интересующем нас плане ниже, при анализе взаимодействия традиционных структур народов Дальнего Востока и колониализма, имело ряд черт и признаков, которые способствовали созданию внутренне крепкой структуры, эффективно функционировавшей при сильном централизованном правительстве и не изменявшей свой стереотип существования при отсутствии сильной центральной власти, когда ее функции брали на себя социальные корпорации, внутренне также чрезвычайно прочные и основывавшиеся на железной дисциплине их членов. Что же касается индуизма, то его внутренняя прочность обуславливалась существованием системы каст, без которой она исчезала. Каст нигде к востоку от Индии и Цейлона практически не было, отсюда и результат: индуистский пласт, несмотря на спорадическое усиление его значимости за счет новых мигрантов из Индии, быстро таял, мало что оставляя после себя.

Буддийский пласт проник в Юго-Восточную Азию почти параллельно с индуистским и распространялся на той же территории. Но что показательно: если в Индии противостояние индуизма и буддизма в начале нашей эры завершилось сравнительно быстрым, полным и, что существенно, мирным поражением буддизма, то здесь было как раз наоборот: индуизм таял, а буддизм оставался, занимая его место. Что же было характерно для буддийского цивилизационного пласта, да к тому же наложенного на пусть таявший, но все же имевший место в прошлом индуистский? В нем оставались существенные элементы мировоззренческой культуры с ее установкой на поиски спасения вне феноменального мира и с ее культом этического-кармической нормы.

Эти элементы усиливались за счет наложения буддизма на индуизм (они были общими для обеих доктрин), но из буддизма к ним прибавлялись принципы социального равенства и справедливости, близкие по духу к аналогичным представлениям первобытных эгалитарных обществ. Первобытность была для многих стран Юго-Восточной Азии и в I тысячелетии н. э. достаточно близка, а наложение на нее буддизма при таявшем кастовом антиэгалитарном индуизме приводило к усилению эгалитарных идей, в том числе и к социальной готовности обществ постоять за эти идеи в случае необходимости.

Сильной административно-политической власти обычно не способствовали ни индуизм, ни буддизм (иное дело, как упоминалось, конфуцианство). И хотя порой в Индонезии возникали большие империи, такие, как Маджапахит, они, подобно тому, что имело место и в Индии, быстро гибли, не имея достаточного запаса внутренней прочности и активно поддерживавшей их социальной опоры. Несколько иначе, но в целом примерно так же обстояло дело с исламскими государствами.

Мусульманство проникло в Юго-Восточную Азию поздно, хотя и распространилось там быстро. Но позднее проникновение, да еще не в виде завоевания, которое несло бы с собой готовую, веками складывавшуюся и потому хорошо институционализированную структуру власти, а в ходе культурной диффузии, не сумело заложить крепкий фундамент мусульманской цивилизации. Конечно, кое-что из нее пришло и укрепилось. Возникли султанаты — типично исламская форма политической администрации. Но все это было весьма поздним, вторичным, сырым и для институционализации требовало времени, не говоря уже о не слишком благоприятных природно-климатических условиях. Словом, исламский цивилизационный пласт здесь тоже оказался ослабленным. Самое сильное в нем — принцип религиозно санкционированной политической власти — не сумело себя выразить. Достаточно напомнить, что в Юго-Восточной Азии, за исключением раннего и весьма кратковременного Малайского султаната Искандершаха в XV в. практически почти не было сколько-нибудь крупных и воинственно активных, стремившихся объединить вокруг себя других и преуспевших в этом государств ислама. Типичной картиной была мозаика мелких султанатов, хотя и враждовавших, воевавших друг с другом, но при всем том не изменивших политическую картину в целом. Единственное, что укоренилось от исламской цивилизации весьма крепко и к тому же наложилось на уже существовавшие аналогичные представления, это все те же идеи эгалитаризма, принципы борьбы за социальную справедливость. В этом были единодушны все, включая и конфуцианцев.

Колониализм появился в Юго-Восточной Азии рано и столкнулся здесь с недостаточно развитым обществом, сравнительно слабой государственностью, включая острые политические междоусобицы, а также

с пестрым цивилизационным пластом, мощь которого в различных местах региона варьировала от нулевой отметки до весьма заметных размеров. Длительное время колониализм оставался на уровне торгового, довольствуясь лишь факториями, небольшими анклавами не вдалеке от побережья, и опираясь на сотрудничество вождей и правителей окружавших эти анклавы небольших государств, чаще всего султанатов. Давление чужеземной структуры в этих обстоятельствах, несмотря на жесткие способы эксплуатации труда (включая и рабский), в целом ощущалось не слишком, а усилиями миссионеров оно к тому же в немалой мере и гасилось. Соответственно слабым было и сопротивление. Что же касается приспособления традиционной структуры к чуждой, то его рамки ограничивались небольшой территорией анклавов (крупнейший из них был на Яве) и были весьма ограниченными, во всяком случае до XIX в.

В XIX в. начался новый этап колониализма, связанный с его активной территориальной экспансией и промышленным освоением колоний. Англичане в результате войн захватили Бирму, с помощью мощного экономического и политического нажима овладели Малайей (султаны были де-факто превращены в их марионеток) и заняли сильные позиции в Сиаме. Французы военными методами захватили Вьетнам и затем посредством давления — Камбоджу и Лаос. Голландцы с помощью войн, крупнейшей из которых была Ачехская, овладели практически всей Индонезией. Исключением оставались лишь Филиппины, которые, будучи захвачены испанскими колонизаторами еще в XVI в., сразу стали колонией Испании, так что XIX век для филиппинцев ознаменовался не столько дальнейшим усилением колонизации, сколько нарастанием сопротивления в борьбе за национальное освобождение и политическую самостоятельность.

Вот этот-то натиск колонизаторов, завершившийся успехом для них в основном к концу XIX в., когда неколонизованным остался только игравший роль буфера между английскими и французскими владениями в Индокитае Сиам, и явился импульсом, который стимулировал быстрый рост как сопротивления традиционных структур чуждому вмешательству, ломавшему привычный образ жизни, так и приспособления их к тому новому, что нес с собой европейский капитал, включая многие идеи, институты и ценности, образование и культуру, да и вообще всю западную цивилизацию, от железных дорог, почт и больниц до школ, газет, партий и парламентарной выборной процедуры.

Конечно, и здесь тропики и все с ними связанное замедляли процесс. Юго-Восточная Азия была в менее выгодном положении по сравнению, скажем, с Индией. Свою роль сыграли и природно-климатические условия, и изначально низкий стартовый уровень собственного развития народов этого региона, и сравнительная слабость, даже пестрота цивилизационного фундамента и религиозно-культурных традиций. Неудивительно, что все это, вместе взятое, ограничивало

темпы роста и особенно сопротивление традиционной структуры колониализму. Если не считать немногих колониальных войн и близких к ним по характеру восстаний, то о сопротивлении в других формах мало что можно сказать. В Бирме оно проявлялось в основном в требованиях тех же уступок, что были даны Индии, в Малайе — в ориентации на успехи национально-освободительного движения, как, впрочем, и во Вьетнаме. В Индонезии, Лаосе или Камбодже вплоть до Второй мировой войны оно было еще меньше заметно. Только на Филиппинах уже в конце XIX в. оно достигло критического уровня. Но это не означает, что традиционная структура с легкостью принимала влияние извне и быстро к нему приспосабливалась, за счет чего и снижалось сопротивление. Отнюдь.

Конечно, процесс приспособления шел, как и везде: в мире нет ни одной колониальной структуры, которая так или иначе не приспосабливалась бы к изменившимся условиям и не модернизировалась бы в соответствии с этим, причем это касается не только колоний, но и зависимых стран, примером которых в данном регионе был Сиам. Но суть дела в том, что, приспосабливаясь, структура копила потенциал для сопротивления, совершенствовала его средства, обогащала традиционные приемы за счет заимствованных и адаптированных новых, включая и новые идеи, новые институты, особенно те, что максимально непротиворечиво вписывались в традиционные привычные нормы существования. Такими идеями оказались именно те, что не имели почвы в Индии, т. е. идеи и институты, связанные с эгалитаризмом, борьбой за равенство и социальную справедливость. Случайно ли, что именно в Индокитае, а также на островах к востоку от Цейлона, включая Индонезию и Филиппины, и даже в современном Непале, долгое время сильно отстававшем в развитии от других стран региона, позиции радикальных партий, включая и коммунистические, оказались столь заметны и сильны? Конечно, нет. Напротив, это стало закономерным результатом, естественным итогом сопротивления той традиционной структуры, которая была характерна для данного региона, соответствовала его цивилизационному фундаменту, всему сложному комплексу составивших этот фундамент религиозно-культурных традиций. Продолжая ту же логику рассуждений, можно заметить, что далеко не случайно парламентаризм европейского типа в Юго-Восточной Азии не прижился настолько, как это имеет место в Индии, зато военные перевороты и военные режимы стали здесь почти повсюду едва ли не привычной нормой политической жизни. Словом, парламентаризм или радикализм; демократическая процедура или насильственные формы решения проблем — примерно такова здесь дилемма, разумеется, с учетом того, что все субъекты насилия обязательно клянутся в преданности делу народа, а порой и искренне стремятся помочь своей стране найти лучшие пути развития, не говоря уже о том, что все они и всегда говорят об интересах народа, о равноправии и социальной справедливости.

Блок второй

Африка

Глава 6

Колонизация Африки южнее Сахары

Как уже упоминалось, с колониального освоения африканского побережья и были начаты в свое время поиски путей в Индию. Стоянки-форпосты, которые сооружались вдоль этого долгого пути на африканской земле, со временем становились опорными пунктами самостоятельного значения, т. е. исходными точками для развития колониальной торговли, особенно работорговли в Тропической Африке.

На первых порах, в XV—XVIII вв., колонизаторы, начиная с португальцев, не стремились идти в глубь континента. Это было делом сложным, дорогостоящим и опасным. Куда проще было наладить в прибрежных факториях примитивную меновую торговлю и тем создать экономические стимулы для вовлечения африканцев, особенно из числа социальных верхов — старейшин, вождей, — в эту систему торговых связей. Однако в XIX в. картина стала быстро меняться. Торговый колониализм трансформировался в промышленный; на смену португальским и иным работорговцам пришли заинтересованные в сбыте фабричных товаров и эксплуатации богатых природных ресурсов Африки европейские капиталисты.

XIX век в истории Африки был — особенно его последняя треть — периодом активных колониальных захватов, лихорадочного стремления застолбить за собой всеми правдами и неправдами отторгнутые (купленные, выменянные или взятые силой, добытые в результате обмана) территории, а также временем острого соперничества держав, особенно Англии и Франции, в попытках обогнать друг друга и захватить как можно больше. Далеко не всегда захваты такого рода были экономически обоснованными с точки зрения того самого капитализма, интересы которого требовали приобретения новых колоний и рынков сбыта. Подчас внешне борьба за колонии в Африке выглядела как своего рода политический спорт — во что бы то ни стало обойти соперника и не дать ему обойти себя. Однако в конечном счете речь шла именно о том, чтобы, не вдаваясь в мелочные расчеты, приобрести как можно больше чужой земли. Считалось само собой разумеющимся, что рано или поздно эти приобретения окупятся с лихвой, что впоследствии и произошло, не говоря уже о том, что успех или хотя бы соучастие в этой гонке было делом престижа для европейских стран.

Колонизационные захваты шли в нескольких основных направлениях, всегда с побережья в глубь континента. Одним из направлений было движение с западного побережья в центральные зоны северной саванны, где явственно лидировала Франция. Другим, шедшим ему наперерез, было стремление Англии, освоив благодатные территории юга Африки, двигаться на север, причем чем дальше, тем лучше: идеально — до Каира. Третьим направлением было освоение арабской и арабоязычной Африки, т. е. всей северной и восточной прибрежной полосы континента, от Мавритании и Марокко до Сомали и Занзибара. Здесь шло острое соперничество между англичанами и французами, хотя свой кусок пытались урвать и другие. Вообще же на долю других — Германии, Италии, Бельгии, Португалии, Испании — досталось не слишком много, не говоря уже о том, что после Первой мировой войны немецкие колонии были поделены между странами-победительницами, в первую очередь между Англией и Францией. На фоне острого соперничества между этими ведущими европейскими державами XIX в. исключением является лишь Южная Африка, где ситуация была несколько иной.

Южная Африка

На рубеже XVIII — XIX вв. Капская колония голландских переселенцев-буров перешла под власть Англии, причем столкновения англичан с бурами повлекло за собой резкое расширение зоны колониальных захватов. Треккеры-буры, как о том уже было упомянуто, массами мигрировали на север, где в местах расселения бантуязычных басуто и ндебеле (матабеле) в середине XIX в. ими были созданы независимые республики Трансвааль и Оранжевая. На юге, где оставались англичане (там, впрочем, жила и небольшая часть колонистов-буров), в ходе длительных войн с зулусами и коса («кафраами») понемногу расширялись территории Капской колонии и заново созданной на побережье к северо-востоку от нее колонии Наталь (Натал). Кроме того, в середине XIX в. на севере был создан британский протекторат Бечуаналенд, так что обе бурские республики почти со всех сторон, кроме побережья на востоке, оказались окружены англичанами.

Открытие в конце 60-х годов близ слияния рек Вааль и Оранжевой алмазных россыпей Кимберли (название — от имени британского министра колоний) вызвало в стране алмазную лихорадку, способствовало притоку старателей со всего мира и быстрому экономическому развитию юга Африки. Вторым столь же мощным толчком для развития послужило открытие в 80-х годах золота в Трансваале, где быстро вырос центр золотоискателей Йоханнесбург. Южная Африка стремительно становилась одним из промышленных центров мира. Строились горо-

да, железные дороги, возникали многочисленные предприятия, развивалась сфера обслуживания. Резко возрастала численность рабочих как из числа приезжих европейцев, так из среды законтрактованных африканцев. Создавались мощные капиталистические компании, одна из которых — «Де Беерс» (Бирс) во главе с С. Родсом — вскоре стала практически монополистом в деле добычи алмазов.

Голландские колонисты-буры, занимавшиеся сельским хозяйством и выше всего ценившие собственную независимость, считавшие невыбылемым свое право повелевать чернокожими работниками, к которым они относились почти как к рабам, долгое время сопротивлялись натиску англичан и британского торгово-промышленного капитала. Однако в ходе нескольких военных столкновений, особенно после англо-бурской войны 1899 — 1902 гг., это сопротивление было подавлено, а бурские колонисты, объединившиеся с англичанами в рамках единого государства, Южно-Африканского Союза (1910), не только энергично влились в ряды политического руководства новой страны, получившей статус доминиона Британской империи, но и в некотором смысле задали тон в ее внутренней политике: именно благодаря их усилиям расцвел здесь зиждившийся на официально провозглашенной расовой дискриминации апартеид.

Законом 1913 г. африканцы были ограничены в правах: им запрещалось приобретать землю вне резерватов, они могли владеть участками арендованной земли лишь при условии отработок на землях хозяина. Была введена система пропусков, которые должны были удостоверить право африканцев быть на территории вне резерватов, — работать же горнякам и рабочим иных специальностей (в основном это была черная работа; квалифицированную выполняли рабочие-европейцы) приходилось именно вне резерватов, т. е. на основной части территории страны, быстро развивавшейся в промышленном отношении. Хотя африканские рабочие Южной Африки уже с конца XIX века начали активно бороться за свои права и создавать профсоюзные и иные организации*, эта борьба ощутимых результатов не дала. Конечно, африканские рабочие в ходе ее приобретали немало из того, чего были лишены африканцы в других районах континента: они имели гарантированную зарплату, их дети могли, пусть не все, учиться, что вело к появлению образованного африканского населения, интеллигенции, возглавлявшей борьбу за политические права и свободы. Но жесткая система апартеида строго ограничивала пределы упомянутой борьбы, во главе которой с 1912 г. встал Африканский национальный конгресс.

* Некоторым примером для них в этом смысле были организации индийских кули, завезенных в Южную Африку для работы на сахарных плантациях. При активном участии жившего здесь в 1893 — 1914 гг. М.К. Ганди был создан в 1894 г. Индийский конгресс Наталья.

Рабочий-негр, равно как и интеллигент (учитель, священник, публицист, врач), принадлежали как бы к иной породе людей в глазах властей. Не было и речи об участии африканцев в выборах: в лучшем случае им милостиво предоставлялась возможность посылать в парламент несколько депутатов из числа избранных ими европейцев. Не приходится говорить и о хорошо известных ограничениях в пользовании жильем, транспортом, больницами, парками и т. п., просуществовавших до недавнего времени. «Только для белых» — этот трафарет был очень распространен во многих общественных местах, причем после официального разрыва Южно-Африканской Республики в 1961 г. с Британским содружеством наций под давлением других государств, входящих в это содружество, апартеид не только не был смягчен, но в некоторых отношениях даже усилился.

Колонизация Южной Африки и создание Южно-Африканского Союза как многорасового государства с политическо-правовым и социально-экономическим превосходством европейского населения, численно составляющего менее 20% жителей страны (а с цветными и индийцами, наделенными некоторыми правами по сравнению с африканцами, но явно дискриминируемыми по отношению к европейцам, — около 30%), — явление уникальное не только в Африке, но и вообще в мире. Уникальность его не только в вызывающей жесткости апартеида, в принципе хорошо знакомой истории (достаточно вспомнить о древнеиндийских варнах и вообще о неполноправности различных социальных слоев в традиционных обществах). Скорее она в парадоксальности ситуации: африканское большинство Южно-Африканской Республики, в немалой степени скомпонованное за счет миграции туда отходников чуть ли не со всей Тропической Африки, имело весьма высокий по африканским стандартам уровень жизни, включая образовательный ценз и степень политической активности, но при этом было низведено до статуса бесправного сословия, презираемых социальных низов. Совершенно очевидно, что такого рода ненормальная ситуация была политически опасна, вела к взрыву, что особенно заметно стало ощущаться во второй половине XX в. Не будучи колонией в собственном смысле слова, являясь богатой и процветающей капиталистической страной, ЮАР вплоть до недавнего времени воспринималась как кричащий символ колониализма, особенно на фоне практически всеобщей деколонизации.

В отличие от ЮАР все остальные южно-африканские колонизованные европейцами страны в целом соответствовали единому общему стандарту. Охарактеризуем их в немногих словах.

В 1888 г. агенты британской Южно-Африканской компании, возглавлявшейся Родсом, добились от вождя мигрировавших в междуречье Лимпопо и Замбези матабеле Лобенгулы исключительного права на разработку минеральных богатств в землях машона, где теперь господствовали матабеле. Получив от королевы Виктории хартию на право

управлять приобретенными территориями (эта хартия превращала компанию в административно автономную структуру с огромной властью, нечто вроде Ост-Индской компании в прежние времена), Родс организовал ряд военных экспедиций, в ходе которых, несмотря на ожесточенное сопротивление местного населения, здесь, на землях древней Мономотапы, была создана английская колония, названная его именем, — Родезия (Южная Родезия). Вслед за тем в борьбе за левобережье Замбези Родс столкнулся с соперничеством базировавшихся в Мозамбике португальцев. Итогом этой борьбы было отступление португальцев и расширение границ Родезии на севере (Северная Родезия), а также объявление соседних к востоку территорий английским протекторатом Ньясаленд (1891).

Аннексированные компанией Родса земли оказались чрезвычайно богатыми медью, особенно Северная Родезия (совр. Замбия). В начале XX в. они стали активно осваиваться: строились железные дороги, рудники, рядом создавались плантации (хлопок, сахарный тростник, табак, арахис), выращивались товарные рис и кукуруза. Медь, золото и иные руды, равно как и продукты сельского хозяйства, экспортировались. Однако, несмотря на это, промышленное развитие шло медленно, а большинство рабочих рук уплывало на юг — речь о рабочих-отходниках, работавших на южно-африканских предприятиях.

Влияние с юга оказывало воздействие на развитие обеих частей Родезии и Ньясаленда. Здесь, нередко с участием возвратившихся на родину отходников, создавались политические организации, в частности Африканский национальный конгресс. Но рабочие и тем более образованные слои населения численно росли медленно и заметной роли в жизни своих стран не играли. Вся политическая жизнь, особенно в Южной Родезии, где было значительное число европейских колонистов (около 5% населения), сосредоточивалась в руках белых поселенцев — фермеров, торговцев и предпринимателей. С 1923 г. Южная Родезия (совр. Зимбабве) стала самоуправляющейся колонией. В 1953 г. была создана единая Федерация Родезии и Ньясаленда, распущенная в 1963 г. Рост национально-освободительного движения среди африканского населения привел к завоеванию независимости: Ньясаленд (Малави) добился ее в 1964 г., Замбия — тоже в 1964, а борьба за независимость Зимбабве вследствие сопротивления европейского меньшинства затянулась надолго, вплоть до рубежа 70—80-х годов, когда к власти пришло правительство Р. Мутабе.

Параллельно с движением английских колонизаторов на север шел процесс колониального освоения державами восточного побережья Южной Африки. Здесь тесно сплелись интересы нескольких держав — Англии, Франции, Германии, Португалии.

Португальский Мозамбик как крепость был основан еще в начале XVI в., после чего немногочисленные португальские форты на восточ-

но-африканском побережье служили преимущественно для нужд работорговли. Только в конце XIX в., когда раздел Африки принял формы ажиотажа, португальские колониальные власти с помощью многочисленных съезжавшихся сюда авантюристов и любителей легкой наживы стали энергично продвигаться в глубь континента. Колонизация Мозамбика в его современных границах привела на рубеже XIX — XX вв. к созданию здесь плантационного хозяйства (сахарный тростник, хлопок) и к массовым контракциям африканцев как для работы на упомянутых плантациях, так и для поставки их в организованном порядке (за немалую плату) в качестве рабочих-отходников для шахт Трансвааля. Поражение Германии в Первой мировой войне привело к присоединению к португальским владениям части германской Восточной Африки. Но сама экономически отсталая Португалия не была в состоянии наладить процветающее плантационное хозяйство и необходимую для этого инфраструктуру. Результатом было, с одной стороны, активное проникновение в Мозамбик английского и американского капитала, а с другой — сравнительная отсталость колонии, неразвитость ее хозяйства, консервация примитивных форм жизни. В 1951 г. колония стала заморской провинцией Португалии, что формально несколько повысило ее статус, но практически ничего не изменило. В 1964 г. здесь началась вооруженная борьба за освобождение под руководством партии (движения) ФРЕЛИМО (Фронт освобождения Мозамбика). Руководитель ФРЕЛИМО С. Машел в 1975 г., после революции в Португалии и предоставления Мозамбику независимости, стал его первым президентом.

Германия позже других приступила к борьбе за колонии. В 1884 г. она начала аннексировать земли восточного побережья Африки и после заключения ряда договоров, в частности с Англией, о разделе сфер влияния объявила своей колонией германскую Восточную Африку, где стала налаживать плантационное хозяйство, строить железные дороги. Но после поражения Германии в мировой войне эта колония была поделена между Португалией, Бельгией и Англией, которой досталась основная ее часть.

Англия получила и Танганьiku. Вместе с расположенным рядом островом Занзибар, который стал британским протекторатом еще в 1890 г., Танганьика была ценна скорее как стратегически выгодная территория с богатыми торговыми возможностями, нежели как страна, богатая ресурсами. Подобно находившимся чуть к северу от нее Уганде, которая в ходе соперничества с Францией и Германией в конце XIX в. стала колонией Англии и была превращена в крупнейшего экспортера хлопка и кофе, и Кении (экспорт кофе, сизаля, пиретрума), Танганьика составила основу восточно-африканских владений Британии. Недовольство местного населения, подчас принимавшее форму вооруженных выступлений, вынуждало англичан либо идти на определенные уступки (в Уганде в 40-х годах XX в. в Законодательный совет колонии

было введено несколько африканцев), либо долгое время вести изнурительное противоборство (выступление племени гикуйю, или кикуйю, в Кении). Сильное политическое движение в Кении, в котором заметную роль играли террористические акции тайной организации Маумау, доставило колонизаторам больше всего хлопот и в немалой мере способствовало как росту самосознания африканцев, так и вынужденным уступкам со стороны англичан. В 1956 г. африканцам были предоставлены ограниченные избирательные права, расширено их представительство в созданном еще в 1906 г. Законодательном совете. В 1960 г. было разрешено создание политических партий, после чего под давлением этих партий, особенно КАНУ (Национальный союз африканцев Кении) во главе с Д. Кениатой, англичане приняли в 1962 г. проект конституции. В 1964 г. Кения стала независимой республикой.

Танганьика во главе с Африканским национальным союзом, созданным в 1954 г., добилась независимости в 1961 и стала республикой в 1962 г. В Уганде созданный в 1952 г. Национальный конгресс и образованная в 1956 г. Демократическая партия добились большинства на выборах 1961 г. в Законодательный совет. В 1962 г. была провозглашена независимость страны, но внутренние разногласия и, в частности, претензии короля Буганды на привилегированное положение в новом государстве сильно ослабляли центральное правительство (в 1966 г. премьер и лидер Национального конгресса М. Оботе сместил короля с поста президента и сам занял этот пост). Как известно, в дальнейшем внутренняя слабость власти стала причиной национальных трагедий угандийцев, в частности тех, что были связаны с годами правления диктатора Иди Амина.

Заканчивая обзор процесса колонизации юга Восточной Африки, следует упомянуть, что расположенный рядом с континентом остров Мадагаскар стал добычей Франции. В 1885 г. вторгшиеся на остров французы заставили правителя государства Имерина заключить с ними неравноправный договор, а в 1896 г. остров стал колонией. Уровень развития мальгашей был достаточно высоким по сравнению с соседними африканскими народами. Неудивительно, что страна оказывала ожесточенное сопротивление колонизаторам. Сначала это были стихийные движения, восстания крестьян, жестоко подавлявшиеся (по некоторым данным, эта борьба стоила 700 тыс. жизней, что было равно почти трети населения острова). Затем сопротивление приняло формы политической оппозиции, национально-освободительных движений, забастовок и т. п. Благодаря хорошо налаженному в XIX в., еще до вторжения колонизаторов, просвещению и книгоиздательскому делу на родном языке, росли ряды образованных людей, национальной интеллигенции, приобщавшейся и к великим традициям французской культуры. Больших успехов в развитии промышленности колонизаторы не добились, а все усиливавшаяся борьба за национальное освобождение вынуждала их идти на уступки. В 1958 г. Мальгашская республика

добилась статуса автономной в рамках Французского союза, а в 1960 г. она стала независимым государством.

Процесс колониального освоения западного побережья Южной Африки и примыкающего к нему с севера бассейна Конго шел параллельно тому, что происходило на юге континента и на юго-восточно-африканском побережье. Разница — и довольно существенная — заключалась в том, что здесь в колонизации не участвовали англичане. Это была сфера интересов других держав — Португалии, Германии, Бельгии, Франции.

С начала 80-х годов XIX в. Германия стала строить планы захвата юго-западного побережья Африки (совр. Намибия). В 1884 г. значительная часть побережья и прилежащие к нему территории континента стали зоной влияния, а затем и колонией Германии (германская Юго-Западная Африка). Правда, взять с этих бедных земель, малопригодных для земледелия (пустыня Калахари), было почти нечего. Они были важны как стратегический плацдарм (о богатых рудных ресурсах Намибии, открытых лишь в середине XX в., тогда, естественно, не было речи). Но дальнейшему продвижению в глубь Африки помешали англичане, а восстание племен гереро и намо против германской колониальной администрации, проявившей себя весьма жестко даже на фоне далеко не слишком либеральной английской, длилось свыше двадцати лет, с середины 80-х по 1907 г. И хотя после этого жесткая колониальная власть немцев была упрочена, длилась она недолго: Первая мировая война покончила с колониями Германии, а Намибия стала подмандатной территорией Южно-Африканского Союза.

Территория к северу от Намибии, Ангола, была частично освоена португальцами еще на рубеже XV — XVI вв. Здесь, как и в расположенных к северу от Анголы прибрежных землях Конго, были торговые фактории, занимавшиеся на протяжении веков работорговлей. Начатое в середине XIX в. проникновение португальцев в глубь материка привело к постепенному освоению Анголы в ее нынешних границах. На смену запрещенной работорговле пришла контрактация местного бантуязычного населения для работ как на ангольских плантациях, в обилии создававшихся португальскими колонистами, так и на плантациях островов Сан-Томе и Принсипи, тоже принадлежавших Португалии. Плантационное хозяйство было связано с выращиванием сахарного тростника, кофе (на Сан-Томе — какао). С начала XX в. стали развиваться горно-добывающие промыслы (алмазы, марганцевая и железная руда), строиться железные дороги. Провозглашение республики в Португалии (1910) способствовало некоторому смягчению колониальной политики. Среди африканского населения стала выделяться группа привилегированных — «цивилизованных» или «ассимилированных», т. е. тех, кто умел говорить, читать и писать по-португальски и имел достаточный для существования регулярный доход. Таких был примерно 1% населения, но именно на них опирались

колонизаторы в своей административной политике. В 1951 г. Анголе, как и Мозамбику, был предоставлен статус «заморской провинции». Одновременно в стране стало разворачиваться движение за национальное освобождение, которое в 1961 г. приняло характер вооруженных выступлений. Ведущее место в борьбе заняло созданное в 1956 г. движение МПЛА (Народное движение за освобождение Анголы), которое после апрельской революции 1974 г. в Португалии возглавило в 1975 г. независимую Народную Республику Ангола (ее первый президент — руководитель МПЛА А. Нето).

Бассейн Конго был сферой влияния португальцев с XVI в., когда значительная часть правящих верхов государства Конго во главе с королем приняли католичество, о чем уже шла речь. Проникновение португальцев и их активная роль в политических перипетиях в районе бассейна Конго, равно как и вывоз рабов (по некоторым данным, из этого района Африки их всего было вывезено до 13 млн.), привели к упадку и развалу королевства в начале XIX в. Ушли отсюда и португальцы. В конце XIX в. начался новый этап колонизации территории бассейна Конго.

В 1876 г. по инициативе бельгийского короля Леопольда II была создана Международная ассоциация для «исследования и цивилизации» Центральной Африки. На службу ассоциации были призваны такие знаменитые путешественники и исследователи Африки, как соратник Д. Ливингстона Г. Стэнли, уже прославившийся своими открытиями и публикациями. Серия его экспедиций в бассейне Конго сопровождалась созданием нескольких десятков форпостов и военных постов и заключением множества договоров с местными вождями, предоставлявшими ассоциации различные права и привилегии в этом районе Африки. На Берлинской конференции 1884—1885 гг. интересы и статус ассоциации как административного образования были признаны державами, после чего в августе 1885 г. было создано Независимое государство Конго во главе с Леопольдом (в 1908 г. оно стало колонией Бельгии под названием «Бельгийское Конго»).

Открытый для европейского капитала бассейн Конго стал быстро осваиваться. Англичане строили железные дороги, бельгийцы и представители иных европейских стран активно осваивали горнорудные богатства Шабы (Катанги). Создавались плантационные хозяйства с принудительным трудом законтрактованных африканцев (в основном занимались выращиванием гевеи и производством каучука). Быстрыми темпами развивалась промышленность, строились города — Леопольдвиль, Стэнливилль, Элизабетвиль и др. Из местного населения были созданы вооруженные силы и полицейские отряды «Форс публик», которые сыграли свою роль в годы Первой мировой войны и, в частности, позволили бельгийцам аннексировать густозаселенные Руанду и Урунди, бывшие до того частью германской Восточной Африки. Жестокое обращение с африканским населением было в Бельгийском

Конго нормой, хотя порой и вызывало протесты. Но промышленное развитие колонии, особенно Катанги, шло быстрыми темпами. После Второй мировой войны в городах страны проживало около 25% населения — довольно много для Африки того времени. С начала 40-х годов в Бельгийском Конго возникло массовое рабочее движение, а в 1956 г. наметился мощный подъем национально-освободительного движения, связанный с именем и деятельностью П. Лумумбы. В 1960 г. Конго стало независимым государством (с 1971 г. — Заир).

К северу от Заира, на правобережье нижнего течения Конго, в начале 80-х годов XIX в. создалась зона влияния Франции (в 1880 г. французский офицер де Бразза заключил с местным вождем договор, по которому Франция получила особые права в этих землях, после чего здесь был выстроен форт, будущий Браззавиль). Французы и бельгийцы пытались наладить здесь плантационное хозяйство (кофе, какао, сахарный тростник, пальмовое масло), строили дороги, промышленные предприятия. В целом, однако, уровень развития хозяйства был невысок, особенно по сравнению с Бельгийским Конго. В 1946 г. африканцам были предоставлены некоторые политические права, в 1957 г. их представители были включены в администрацию колонии. В 1958 г. французское Конго стало автономным государством (Республика Конго) в рамках Французского союза (как и Мадагаскар), а в 1960 — независимой республикой, которую с 1963 г. возглавило радикально настроенное правительство во главе с А. Массамба-Деба.

Западная и Центральная Африка

Если на юге Африки явственно лидировали англичане, а французам почти не было, то зона северной саванны и тропических лесов, напротив, оказалась плацдармом острого соперничества между Англией и Францией при третьестепенной роли некоторых других держав. К сказанному стоит добавить, что в ходе этого соперничества шла борьба не столько за территории (здесь бесспорно лидировала Франция — достаточно вспомнить о включенных в ее колониальную империю песках Сахары), сколько за экономически наиболее ценные и к тому же достаточно густозаселенные районы Гвинейского побережья, где позиции Англии были, пожалуй, предпочтительнее.

Английские колонии в Западной Африке оказались сосредоточенными в тех районах бассейна Вольты и нижнего Нигера, где издревле существовали прото- и раннегосударственные образования и где достаточно прочные позиции давно уже завоевал ислам, что также наложило на процесс колонизации заметный отпечаток. Можно напомнить и о том, что в эпоху энергичной колонизации, раздела Африки в конце XIX в., англичане были в этом районе Африки отнюдь не

новичками: их первые торговые фактории появились на территории Золотого Берега, например, в 1631 г., а на побережье Сьерра-Леоне даже в середине XVI в.

Среди африканских государств на Гвинейском побережье особое место занимает Либерия, созданная рабами-переселенцами из США. Прибыв в Либерию в 1822 г., эти переселенцы создали республику в 1857 г. И хотя взаимоотношения переселенцев с местным аборигенным населением складывались не гладко, в целом на примере Либерии можно говорить о первой в истории негритянской конституционной республике, идейно и институционально ориентировавшейся на передовой для своего времени американский стандарт. Дальнейшая судьба этой страны во многом зависела и от превратностей мирового рынка (страна специализировалась на добыче железной руды и производстве каучука), и от политики держав (экономическое закатавание в начале XX в., вплоть до неплатежеспособности страны в 1905 г.), и от деятельности иностранного капитала (строительство железных дорог, плантаций). Но все же Либерия оставалась свободной республикой с постепенным увеличением количества имеющего право голоса туземного африканского населения, а также людей образованных, в том числе интеллигентов. Либерия на фоне колониальной Африки — своего рода исключение, как и расположенная на другой стороне континента и во многом очень не похожая на нее, но тоже сохранившая свою свободу Эфиопия.

Вернемся к английским колониям и начнем со Сьерра-Леоне. В конце XVIII в. англичане привезли сюда большую группу африканцев из числа освобожденных ими рабов, потомки которых (многие из них были креолами-метисами) стали заметной частью местного африканского населения. Правда, республики по образцу Либерии потомки рабов в Сьерра-Леоне так и не создали. Но, опираясь на них, англичане наладили здесь неплохую систему администрации, способствовали развитию торговли и мелкого предпринимательства, приступили к выращиванию гевеи, а с начала XX в. — к горно-добывающему промыслу (добыча хромовой руды, железа, алмазов). Строились дороги и порты, формировалось городское население, возникал слой образованной интеллигенции. С 20-х годов XX в. в стране появились различные просветительские организации, в 40-х годах — партии и профсоюзы. Уже в 20-е годы были созданы Законодательный и Исполнительный советы, управлявшие колонией, причем в обоих органах, контролировавшихся генерал-губернатором, африканцы получили заметное представительство. Конституция 1957 г. и проведенные на ее основе выборы дали власть Народной партии, правительство которой в 1961 г. провозгласило независимость Сьерра-Леоне (в 1971 г. она была объявлена республикой).

В конце XVIII в. после ожесточенного соперничества держав (Англии, Франции, Голландии) узкая полоса земли вдоль нижнего

течения реки Гамбия была признана владением Британии. Вначале оно административно подчинялось Сьерра-Леоне, затем было выделено в отдельную колонию (с 1843 г.), а на рубеже XIX — XX вв., после подавления восстания местного населения во главе с руководителем мусульманской секты марабутом Фоди Кабба, официально стало протекторатом. Будучи затем превращенной в страну монокультуры (гамбийцы выращивают и продают арахис), эта небольшая колония лишь в середине XX в. стала активно бороться за свое освобождение. Конституции 1959 и 1962 гг. предоставили немало политических прав африканскому населению, а вслед за тем в 1965 г. Гамбия добилась независимости.

Золотой Берег (совр. Гана) с его золотыми приисками с XVI в. был объектом соперничества колониальных держав, но постепенно основные позиции здесь заняла Англия. Заселенная племенами фанти, ашанти и некоторыми другими, в основном выходцами из древней Ганы после завоевания ее Альморавидами в XI в. (откуда и современное название государства), эта колония расположена в бассейне р. Вольты. Укрепление здесь с начала XIX в. позиций Англии привело к столкновению ее с конфедерацией Ашанти. В ходе серии англо-ашантийских войн, занявших практически весь XIX век, англичане в 1896 г. добились крушения конфедерации, а в 1901 г. земли Золотого Берега были объявлены колонией Британии. В созданный англичанами Законодательный совет еще в конце XIX в. включались представители африканцев. Колония была специализирована на выращивании бобов какао. Строились железные дороги, развивалась горно-рудная промышленность (добыча золота, бокситов, марганца, алмазов), росли кадры рабочих, интеллигенции. Создавалась англоязычная африканская литература. Уже в 1920 г. здесь была создана организация Национальный конгресс Западной Африки, активно действовавший и вынудивший англичан в 1925 г. согласиться на включение нескольких африканцев в Законодательный совет. В начале 40-х годов в состав Исполнительного совета (кабинета министров) также были включены африканцы. Вообще 40-е годы были временем интенсивного экономического (разработка бокситов, экспорт каучука, рост численности рабочих) и политического (возникновение партий и профсоюзов) развития страны. В 1956 г. Золотому Берегу (и соединенной с ним подмандатной территории Того, до Первой мировой войны бывшей колонией Германии) был предоставлен статус доминиона, в 1957 г. он стал независимым государством Гана. В 1960 г. Гана стала республикой во главе с президентом К. Нкрума.

Наиболее важные колониальные владения Британии в Западной Африке были сосредоточены в бассейне нижнего Нигера, причем захват этих по африканским стандартам древних, развитых и многонаселенных территорий, в том числе известных самостоятельных африканских протогосударственных образований, оказался для англичан делом да-

леко не простым. Еще в 1861 г. англичане захватили Лагос, после чего колония стала расширяться (сначала, с 1866 г., она была административной частью Сьерра-Леоне, с 1874 — частью владений колонии Золотой Берег, с 1886 г. — самостоятельной территорией, ставшей в 1893 г. «Протекторатом побережья Нигера»). Это расширение шло на фоне силового давления и войн колонизаторов с городами-государствами йоруба, особенно с крупнейшим из них — Ойо, с торговыми городами к востоку от устья Нигера, сильнейшим из которых был Опобо, а также с Бенином. Войны затянулись на десятилетия, но в конечном итоге все побережье и некоторые территории, прилегающие к нему, были подчинены Англии, создавшей на этой основе в 1906 г. владение «Колония и протекторат Южная Нигерия».

Войны с Бенином вывели англичан к внутренним районам бассейна Нигера. Здесь уже в 1900 г. был образован протекторат Северная Нигерия, после чего была начата кампания за присоединение к нему хаусанских эмиратов, объединенных в халифат Сокото. Хотя созданный фульбе и населенный в основном хауса халифат Сокото и не был сильным государством, а входившие в него эмираты враждовали между собой, исламская система власти сказала свое веское слово: перед англичанами были не рыхлые полупервобытные политические структуры побережья, а неплохо организованные государства, с которыми нельзя было не считаться. Неизвестно, насколько бы затянулось дело, если бы не скорострельные пулеметы «максим», принятые в европейских странах на вооружение именно на рубеже XIX — XX вв. Именно это новое оружие, способное в считанные минуты скосить сотни идущих в атаку воинов, и решило исход кампании, которую впоследствии так и назвали: «борьба эмиров против максимов». Объединенная колония в 1914 г. стала именоваться «Колония и протекторат Нигерия». Встал вопрос об управлении этой большой и составленной из очень разных частей колонии.

Система колониального управления английскими владениями в Африке была разработана прежде всего применительно к аннексированным эмиратам и прилегающим к ним с юга территориям Северной Нигерии. Речь идет о так называемом косвенном управлении, смысл которого сводился к сохранению существующей туземной администрации с ее традиционными институтами и вождями и к верховному надзору колониальных властей, что следует считать характерным для подавляющего большинства колоний Британии в Африке и вне ее. Официально принятая англичанами в Африке в 1907 г. для управления Северной Нигерией, эта система затем была введена в Гамбии (1912), в Южной Нигерии (1916), а в начале 30-х годов также на Золотом Берегу и в Сьерра-Леоне. Удачно отработанная система сохраняла в малоизменившемся виде традиционную структуру в целом и в то же время открывала простор для ее постепенной модернизации и приспособления к новым условиям промышленного капиталистического раз-

вития, быстрой урбанизации, появления новых социальных прослоек, прежде всего рабочих и образованных интеллигентов.

С начала XX в. в Нигерии стали быстрыми темпами развиваться горно-рудный комплекс (добыча угля, марганца, железа, олова), железнодорожное строительство. Предметами экспорта продолжали быть продукты масличной пальмы, какао, земляной орех. Ранее, чем в других районах Тропической Африки, возникают здесь рабочее и политическое движение (в 1920 г. создано отделение Национального конгресса британской Западной Африки, в 1922—Национально-демократическая партия, в 1934—1936 гг.—Движение нигерийской молодежи). С конца XIX в. выходили газеты на английском языке, в которых публиковались статьи против колониализма и расовой дискриминации. В 40-х годах движения за национальное освобождение стали получать массовую поддержку. В 1944 г. была создана общенигерийская партия Национальный совет Нигерии и Камеруна*. С 1947 г. в Нигерии стала действовать конституция, предоставившая африканскому населению значительные права и участие в системе администрации при сохранении последнего слова за английским губернатором. В 1958 г. было принято решение о предоставлении Нигерии независимости, а с 1963 г. она стала федеративной республикой.

Вся остальная часть Западной и Центральной Африки, за исключением крайне небольших и малозначительных колониальных анклавов, принадлежащих Португалии (португальская Гвинея) либо Испании (Рио де-Оро, или испанская Сахара), была в конце XIX в. колонизована Францией, как, впрочем, и значительная часть Северной Африки, арабского Магриба. Вообще-то французские колонии — и вне Африки, и в Африке — восходят к тому же XVI в., что и первые колониальные захваты других держав. Но, если переселенческая активность французов в Америке в XVII — XVIII вв. была весьма заметна, то в Азии и Африке в это время французских колоний было немного.

Первой и основной африканской колонией Франции был Сенегал, где французы укрепились, выстроив форт Сен-Луи, еще в середине XVII в. Как и другие колонизаторы, французы в то время, да и много позже, занимались здесь преимущественно работорговлей. Складывание французской колониальной империи в Африке практически началось именно со стороны Сенегала как опорного пункта лишь в последней трети XIX в. В 80 — 90-е годы французы стали одно за другим аннексировать мелкие государственные образования в бассейне Сене-

* Соседний с Нигерией Камерун, колонизованный в конце XIX в. Германией, был в 1916 г. частично передан Англии и включен в состав Нигерии; остальная и большая его часть была передана Франции. В 1960 г. северная часть английской зоны осталась в составе Нигерии, а южная ее часть после плебисцита была присоединена к французской зоне, после чего в 1961 г. на базе этой зоны была создана независимая республика Камерун.

гала, верховьях Гамбии, на плато Фута-Джаллон, а затем также и в верховьях Нигера, т. е. в тех гвинейских и западно-суданских землях, где тысячелетием раньше складывались одни из первых африканских государственных образований — Гана, Мали, Сонгай. Одновременно с этим французы с помощью сенегальских стрелков начали колониальные захваты на Гвинейском побережье в Дагомее, из района верховьев Нигера вышли к Берегу Слоновой Кости. В результате всех этих колониальных захватов Франция овладела большими территориями в Западном Судане и на побережье Гвинейского залива, после чего ее колониальная активность была направлена на восток, в Центральный Судан, включая среднее течение Нигера и район оз. Чад, вплоть до англо-египетского Судана. Все эти колониальные захваты были объединены в рамках колониального образования Французская Западная Африка, просуществовавшего свыше полувека, до 1958 г. В 1920 г. к упомянутым колониальным владениям была присоединена еще и расположенная к северу от Сенегала Мавритания.

Колониальные территории Французской Западной Африки не относились к числу богатых ресурсами и населением. В большинстве это были полупустынные земли, пригодные преимущественно для обитания там кочевников. Удобные для земледелия районы тоже не отличались выгодными климатическими условиями, за исключением тех, что прилегали к побережью. Именно эти последние и были, если так можно выразиться, жемчужиной Французской Западной Африки, из них колонизаторы стремились выжать как можно больше, превращая целые страны в зоны монокультуры, рассчитанной на экспорт: Сенегал вывозил арахис, Дагомей и Берег Слоновой Кости — продукты масличной пальмы, Гвинея — сок гевеи, каучук. В целом же французские колониальные власти рассматривали свою Западную Африку как единое целое, мечтая расширить владения до противоположного берега континента. И хотя мечтам не суждено было сбыться (инцидент в Фашоде в 1898 г. похоронил надежды на это), колонизаторы делали все, что в их силах, для экономического освоения захваченных земель: строились железные дороги, развивались старые и создавались новые города, рос торговый оборот, вкладывались капиталы, правда, преимущественно в форме государственных займов, а не частных инвестиций, что было более характерным для британских колоний в Африке.

Своеобразием отличалась и система колониального управления. Прежде всего обращает на себя внимание привилегированное положение Сенегала. Часть его коренного населения имела некоторые гражданские права, вплоть до избрания депутата во французский парламент. В 1936 г. было 78 тыс. таких граждан, причем именно из их числа, в первую очередь, формировался корпус сенегальских стрелков — военная опора колониальных властей. Остальные колониальные территории чаще всего считались протекторатами, а управляли ими традиционные вожди и короли, эмиры и султаны, причем верховное право

контроля сохранялось за колониальной администрацией. Вмешательство французских властей во внутреннюю администрацию протекторов, вплоть до произвольного выбора кандидатов на руководящие должности, подчас даже на низовые должности старейшин, принято именовать системой прямого управления (в отличие от британской системы косвенного управления). Однако это вмешательство отнюдь не везде и не всегда имело характер произвола, так что на практике разница между обеими системами была не слишком большой.

Период между Первой и Второй мировыми войнами был для Французской Западной Африки временем хотя и не всюду равно заметного, но неуклонного экономического развития. Развивалась промышленность, в городах появлялись отряды рабочих, начинала формироваться африканская предпринимательская буржуазия (мелкие предприниматели, чаще всего одновременно и торговцы), возникала интеллигенция. По количеству образованных людей лидировал, бесспорно, Сенегал. Этому способствовало много факторов: и привилегированное положение части населения, и знакомство на протяжении многих десятилетий с парламентской и вообще избирательной процедурой, и развитие образования, издание газет, и т. п. И далеко не случаен тот факт, что наиболее известные умы современной Африки, теоретики ее исторических судеб, как Л. Сенгор, первый президент независимой Республики Сенегал (1960), — выходцы именно из этой страны.

После Второй мировой войны колониальная империя Франции начала шататься и приближаться к распаду. Этому способствовали и внешние, и внутренние факторы, в первую очередь подъем национально-освободительного движения, активизация политических партий, усиление борьбы за независимость и вынужденные этим уступки колонизаторов. Что касается Французской Западной Африки, то первой из нее официально вышла в 1958 г. завоевавшая в результате референдума независимость Гвинея республика. В 1960 г. независимыми стали и все остальные входившие в колониальное образование страны: Сенегал, Мали, Мавритания, Нигер, Верхняя Вольта, Дагомея, Берег Слоновой Кости. Некоторые французские колонии в Центральной Африке (совр. Чад, Центральноафриканская республика, Габон и Конго) были с 1910 по 1958 г. объединены в рамках колониального образования Французская Экваториальная Африка. О Конго, наиболее южной из этих колоний, уже шла речь. Что касается Габона, небольшой территории к северу от французского Конго, то там французы впервые обосновались в 1839 г., создав форпост, а затем и город Либервиль, нынешнюю столицу страны. На рубеже 70 — 80-х годов были колонизованы внутренние районы, после чего территория, до того административно входившая в Конго, была выделена в качестве самостоятельной колонии. Экономически сравнительно отсталая, как и французское Конго (несмотря на наличие ископаемых — нефти, железа, угля), эта

страна, значительная часть которой приходится на тропические леса, получила независимость одновременно с другими французскими колониями в 1958 г.

Центральноафриканская колония Франции Убанги-Шари, как и примыкающий к ней с севера Чад, — суданские территории, завоеванные французами лишь в начале XX в. На этих землях, заселенных в значительной части кочевниками, колонизаторы стремились организовать выращивание экспортных культур — хлопка, кофе. Экономически отсталые и с трудом втягивавшиеся в мировой рынок, эти колонии в 1946 г. получили статус заморской территории с правом представительства во французском парламенте (как, впрочем, и две другие части Французской Экваториальной Африки — Конго и Габон). В 1958 г. обе они получили независимость и стали республиками. И территории Центральной Африки, и все другие экваториальные колонии Франции явно не были доходными для колонизаторов землями. Важность их для колониальной Франции была в том, что они представляли собой непрерывную цепь владений, смыкавшихся с французскими колониями в Западной Африке и имевших немалое стратегическое значение, во всяком случае вначале, в XIX в., до инцидента в Фашоде.

Глава 7

Колонизация арабской Африки и Эфиопии

Вся северная и почти вся северо-восточная часть африканского континента была завоевана арабами еще в раннем средневековье, начиная с VII в., когда воины ислама создавали Арабский халифат. Пережив бурную эпоху завоеваний и войн, этнического смешения в ходе миграций и ассимиляции местного берберо-ливийского населения арабами, страны Магриба (как именуется западная часть арабо-исламского мира) в XVI в. были, за исключением Марокко, присоединены к Османской империи и превращены в ее вассалов. Впрочем, это не помешало европейцам, прежде всего соседям магрибинских арабов, португальцам и испанцам, в то же время, на рубеже XV — XVI вв., начать колониальные захваты в западной части Магриба, в Марокко и Мавритании. Мавритания с 1920 г. стала колонией Франции, о чем уже упоминалось в предыдущей главе. Соответственно и ее исторические судьбы в период колониализма оказались более связанными с судьбами суданской Африки. Марокко же было и остается страной североафриканского Магриба, о котором теперь пойдет речь.

Марокко

Правившие страной в XV — XVI вв. султаны династии Ваттасидов, потомки берберской династии Маринидов (XIII — XV вв.), пытались сдерживать натиск колонизаторов, грабивших районы побережья и увозивших марокканцев в качестве рабов. К концу XVI в. эти усилия привели к некоторым успехам; к власти пришли султаны шерифских (т. е. возводивших свой род к пророку) арабских династий Сааидов и Алавитов, опиравшихся на фанатичных сторонников ислама. XVII и особенно XVIII вв. были временем усиления централизованной администрации и вытеснения европейцев (испанцам удалось сохранить за собой лишь несколько крепостей на побережье). Но с середины XVIII в. наступил период упадка и децентрализации, внутренних междоусобиц. Слабые правительства были вынуждены идти на уступки иностранцам (в 1767 г. были заключены соглашения с Испанией и Францией), но сохранили при этом за собой монополию на внешнюю торговлю, осуществлявшуюся в нескольких портах (в 1822 г. их было пять).

Колониальные захваты французов в Алжире в 1830 г. были восприняты в Марокко с некоторым удовлетворением (был ослаблен грозный сосед и соперник) и с еще большим опасением. Марокканцы поддерживали антифранцузское движение алжирцев во главе с Абд аль-Кадиром, но именно это послужило поводом для французского ультиматума Марокко. Попытка под знаменем джихада противостоять натиску колонизаторов успеха не имела и после поражения 1844 г. лишь вмешательство Англии помешало превращению Марокко во французскую колонию. В обмен на это вмешательство и последующее покровительство англичан султан по договору 1856 г. вынужден был открыть Марокко для свободной торговли. Испано-марокканская война 1859—1860 гг. привела к расширению испанских владений на марокканском побережье и к дополнительным торговым уступкам, после чего в 1864 г. прежняя монополия на внешнюю торговлю была упразднена.

60—80-е годы были временем энергичного проникновения европейцев в Марокко. Был создан режим льгот и капитуляций для торговцев и предпринимателей, европеизировались некоторые города, прежде всего Танжер и Касабланка, складывался слой компрадоров-посредников из числа зажиточных марокканцев, связанных деловыми связями с европейскими компаниями (этих посредников именовали французским словом «протеже»). Стремясь предотвратить превращение страны в полуколонию, султан Мулай Хасан (1873—1894) принял ряд реформ, включая реорганизацию армии и создание военной промышленности. Но эти реформы, весьма ограниченные по характеру по сравнению, скажем, с турецким Танзиматом, вызвали сопротивление традиционалистов, возглавлявшихся религиозными братствами во

главе с их шейхами-марабутами. При преемнике Хасана Абд аль-Азизе (1894—1908) попытки реформ были продолжены, но с тем же результатом: немногочисленные сторонники реформ и модернизации страны, вдохновлявшиеся идеями младотурок и издававшие свои газеты, мечтавшие даже о конституции, наталкивались на возраставшее недовольство масс, повстанческое движение которых было направлено как против «своих» реформаторов, так и прежде всего против иностранного вторжения, в защиту традиционных, привычных норм существования под знаменем ислама. Движение ширилось, и в 1911 г. султан был вынужден обратиться за помощью к французам, которые не замедлили с оккупацией части Марокко. По договору 1912 г. Марокко стало французским протекторатом, за исключением небольшой зоны, превращенной в протекторат Испании, и объявленного международным портом Танжера.

Начался период быстрого промышленного развития и эксплуатации природных ресурсов страны: добывались и экспортировались фосфориты, металлы (марганец, медь, свинец, цинк, кобальт, железо), выращивались цитрусовые, заготавливалась пробковая кора. Иностранные, преимущественно французские, компании вкладывали в промышленное освоение Марокко огромные капиталы, строили железные дороги, развивали энергетику и торговлю. До миллиона гектаров плодородной земли было передано европейским (в основном французским) колонистам, ведшим фермерское хозяйство с применением наемного труда. Промышленное строительство и связанная с ним модернизация оказывали воздействие на традиционную и еще недавно столь энергично сопротивлявшуюся вторжению европейцев структуру: немалое количество крестьян уходило из деревни в город, где росли ряды рабочих и образованных слоев населения. И хотя сопротивление не прекращалось, а подчас принимало даже несколько неожиданные формы*, традиционная структура не только сопротивлялась, но и как-то приспособлялась к новым условиям. В 30-е годы возникли первые политические движения — Национальный комитет действия (1934), Национальная партия (1937). В 1943 г. была создана партия Истикляль, выступившая с требованием независимости. Движение за независимость развернулось с особой силой после войны, достигнув своей вершины в конце 40-х — начале 50-х годов. Итогом его были завоевание независимости в 1956 г., воссоединение Марокко, включая Танжер, в 1958 г.

* Так, в 1920—1926 гг. в горном районе Риф была создана повстанцами так называемая Рифская республика с выборным Народным собранием и президентом (явное институциональное влияние европейцев), активно боровшаяся с французскими и испанскими колонизаторами.

Алжир

Расположенный к востоку от Марокко Алжир в XVI—XVII вв. находился под властью правителей, считавших себя вассалами турецкого султана. С XVIII в. Алжир стали возглавлять избиравшиеся янычарами их предводители-деи, причем вассальная зависимость страны от султана стала призрачной, тогда как влияние европейцев все усиливалось: существовали консульства держав, развивались торговые связи, расцветали города, ремесла. В стране было множество мусульманских школ и даже несколько высших учебных заведений.

В 1830 г., используя в качестве повода незначительный конфликт (во время приема французского консула, с которым велись переговоры об алжирском долге, рассерженный дей ударил его хлопнушкой для мух), король Карл X начал войну с Алжиром, хотя и завершившуюся быстрой победой, но вызвавшую длительное сопротивление, восстание Абд аль-Кадира. Подавление этого и иных следовавших за ним восстаний потребовало от французов немалых усилий, но не мешало им энергично утверждаться в Алжире в качестве его колонизаторов. Из фонда государственных земель щедро выделялись участки для европейских колонистов, число которых быстро увеличивалось. Так, в 1870 г. в их руках было чуть больше 700 тыс. га, в 1940 г. — около 2700 тыс. га. Среди французских переселенцев было немало и радикалов, даже революционеров: в составе созданной в 1870 г. Республиканской ассоциации Алжира (организация европейских переселенцев) были рабочие с социалистическими убеждениями. Существовала даже алжирская секция I Интернационала, а в дни Парижской коммуны в 1871 г. в городах Алжира проходили демонстрации в ее поддержку.

Что же касается арабо-исламского населения, то оно занимало выжидательные позиции и сопротивлялось европейской колонизации всеми способами, включая спорадически вспыхивавшие восстания, преимущественно во главе с религиозно-сектантскими деятелями. Однако распространение европейских форм организации труда и потребность в рабочих руках в фермерских хозяйствах колонистов, а также на промышленных предприятиях, возникавших в городах, вели к постепенному втягиванию некоторой доли алжирцев в новые производственные связи. Возникали первые отряды алжирских рабочих, приобщались к капиталистическому хозяйству ремесленники и торговцы (первоначально городское население состояло преимущественно из неалжирского населения — из турок, мавров, евреев и др.). В целом же, однако, экономическое господство европейского, в основном французского, капитала было неоспоримым. Что касается форм управления, то до 1880 г. делами коренного населения ведали специальные «арабские бюро» во главе с французскими офицерами, затем в зонах массового проживания алжирцев появились «смешанные» коммуны, управлявшиеся французскими администраторами. Там, где существо-

вало влиятельное по количеству европейское население или европейцы численно преобладали, создавались «полноправные» коммуны, где существовали избирательная процедура, выборные муниципалитеты (алжирцы в любом случае имели не более двух пятых общего числа депутатов муниципалитета). Немногочисленная прослойка состоятельных алжирцев (в конце XIX в. — около 5 тыс.) могла принимать участие в выборах алжирской секции-курии совета при генерал-губернаторе.

На рубеже XIX — XX вв. в Алжире появилась заметная прослойка интеллигентов, которая выступала против «туземного кодекса» (введен в 1881 г.), ограничивавшего права алжирцев и запрещавшего их участие в политической жизни. Стали создаваться различного рода культурные и просветительские ассоциации, издаваться газеты, журналы, книги. Хотя по форме это были преимущественно выступления в защиту ислама, арабского языка (он заметно вытеснялся французским) и шариата, существовала и влиятельная группа младоалжирцев, ориентировавшихся — по аналогии с младотурками — на сближение с западной, французской культурой, требовавших уравнивания алжирцев в правах с французами.

Участие многих десятков тысяч арабо-алжирцев (наряду с алжирцами-французами) в Первой мировой войне дало сильный толчок развитию национального самосознания в послевоенные годы, чему способствовало и значительное увеличение прослойки арабо-алжирских интеллигентов, в том числе получивших образование в Европе. Возникли влиятельные организации — «Молодой алжирец» (1920), «Федерация избранных мусульман» (1927 г. — имеются в виду члены муниципалитетов), наконец, знаменитая «Североафриканская звезда» (1926), выдвинувшая в 1933 г. лозунг борьбы за независимость Алжира. Среди интеллигентов стала пользоваться большим признанием и исламская организация «Союз улемов», развивавшая идеи о самобытности алжирцев и их культуры. Вообще 30-е годы дали толчок развитию политической активности алжирцев, чему способствовало, в частности, и изменение национального состава рабочих страны (если в 1911 г. европейцы численно в ней преобладали, то теперь картина была обратной, алжирцев стало вдвое больше).

Победа Народного фронта в Париже привела к реформам, предоставившим Алжиру новые демократические свободы и политические права. Вторая мировая война на время прервала процесс развития национального самосознания, но после войны он проявил себя с еще большей силой. Возникали новые политические партии, усиливались требования автономии и независимости. Закон 1947 г. гарантировал алжирцам статус французских граждан, учреждал Алжирское собрание из 120 депутатов, половину которого избирали европейцы и правительственный совет при генерал-губернаторе. Но этого было уже мало. Движение за торжество демократических свобод, сформировавшееся в 1946 г., стало готовиться к вооруженной борьбе. Был создан Револю-

ционный комитет, который в 1954 г. преобразовался во Фронт национального освобождения. Созданная Фронтом Армия национального освобождения начала борьбу во всем Алжире. В 1956 г. Фронтом был избран Национальный совет алжирской революции, а в 1958 г. провозглашена Алжирская республика. И хотя алжирские экстремисты европейского происхождения пытались было помешать решению де Голля в 1959 г. признать право Алжира на самоопределение, следствием чего был поднятый ими в 1960 г. мятеж против правительства Франции, в 1962 г. революция окончательно победила. Была создана Алжирская Народная Демократическая Республика.

Тунис

Ставший с XVI в. частью Османской империи Тунис, расположенный к востоку от Алжира, длительное время был базой средиземноморских пиратов-корсаров и одним из центров работорговли («товаром» чаще всего были становившиеся добычей корсаров пленные европейцы). Большое количество таких рабов, равно как и высланные в начале XVII в. из Испании преследовавшиеся там мавры-мориски, испанские мусульмане, сыграли определенную роль в формировании этнической культуры тунисских верхов, потомков морисков, турецких янычар и христианских рабынь гарема. Беи из династии Хусейнидов (1705—1957) хотя и считались вассалами султана, вели себя как независимые правители и, в частности, заключали соглашения о торговле с европейскими государствами. Связи с европейцами, активная торговля, пиратство, миграция морисков — все это способствовало развитию страны, 20% населения которой в конце XVIII в. жило в городах, переживавших период расцвета после отмены государственной монополии на внешнюю торговлю. В Европу тунисцы вывозили оливковое масло, ароматические эссенции и масла, в том числе особенно высоко ценившееся в Париже розовое масло, а также шерсть, хлеб. Добившись в 1813 г. полной независимости от соседнего Алжира, тунисские беи, однако, вскоре оказались перед серьезными финансовыми затруднениями, чему способствовало прекращение доходов от пиратства и работорговли. Поддержав французскую экспедицию 1830 г. в Алжир, Тунис в 30—40-е годы попытался было с помощью Франции провести в стране реформы и, в частности, создать вместо янычарского корпуса регулярную армию.

Ахмед-бей (1837—1855), отклонив принципы Танзимата (в чем он следовал Мухаммеду Али Египетскому, перед которым преклонялся), тем не менее по примеру того же Мухаммеда Али начал быстрыми темпами налаживать военную промышленность и европейское образование, включая военное. В стране стали основываться колледжи и

училища, издаваться газеты и книги. Все это легло тяжелым финансовым бременем на страну и привело к кризису. Преемники Ахмед-бея изменили его политику, поддержали идеи Танзимата и начали перестраивать администрацию и хозяйство по европейским стандартам. В 1861 г. в Тунисе была принята первая в арабо-исламском мире конституция, установившая систему ограниченной монархии с ответственным перед Верховным советом правительством (совет частично назначался, частично избирался по жребию из списка привилегированных — нотаблей). Эти нововведения воспринимались народом, как то было несколько позже и в Марокко, с недоверием и рождали внутреннее сопротивление, неприятие. Возглавляемые религиозными вождями-марабутами крестьяне поднимали восстания. Наиболее сильным из них было выступление 1864 г., участники которого требовали отмены конституции и снижения налогов, восстановления традиционного исламского шариатского суда. Для подавления восстания правительству пришлось прибегнуть к помощи иностранцев, к иностранным займам. Рост задолженности привел в 1869 г. к банкротству Туниса и созданию Международной финансовой комиссии, что сильно ограничило суверенитет страны, поставило ее на грань превращения в полуколонию. Кризис, непосильные налоги, восстания — все это привело еще сравнительно недавно процветающую страну в состояние глубокого упадка, к сокращению численности населения почти втрое, до 900 тыс. человек.

Пришедший к власти в 1873 г. премьер Хайрадин-паша не стал заботиться о возрождении конституционных норм, но зато предпринял ряд важных реформ, приведших к упорядочению налогообложения, изменению характера землепользования, развитию просвещения, здравоохранения, благоустройства. Он пытался подчеркнуть вассальную зависимость от Османской империи, дабы обезопасить страну от натиска колониальных держав. Однако после Берлинского конгресса 1878 г. Франция добилась признания Туниса своей сферой влияния, а в 1881 г. Тунис был занят французами и превращен в протекторат.

Колониальные власти приступили к активному хозяйственному освоению страны. Строились горно-рудные предприятия (фосфориты, железо), железные дороги, причалы. В Тунис привлекались европейские колонисты: на рубеже XIX—XX вв. они составляли около 7% населения и владели 10% лучших земель, дававших товарное зерно (там применялись минеральные удобрения, сельскохозяйственные машины). Приток колонистов способствовал росту националистических настроений тунисцев, среди которых стали появляться рабочие и увеличивалась прослойка образованных. Возникали различного рода кружки и ассоциации, устанавливались связи с национальными движениями в Турции и Египте. Как в Алжире, младотунисцы были склонны к переустройству традиционной структуры с помощью французов, а противостоявшие им традиционалисты, напротив, считали

нужным опираться на исконные нормы и прежде всего на ислам. Как и в Алжире, наиболее боевую часть профсоюзного движения в начале XX в. представляли рабочие-европейцы, тогда как восстания тунисских крестьян были отражением сопротивления традиционной структуры, не принимавшей, отторгавшей нововведения. Шли на определенные уступки и представители колониальной администрации: в 1910 г. для тунисцев была создана специальная секция-курия при Консультативной конференции, созванной в 1891 г. и состоявшей тогда из депутатов от европейского населения.

В 1920 г. сформировалась партия Дестур. В 1922 г. при колониальной администрации был создан Большой совет с представительством от всего населения Туниса. Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. нанес жестокий удар по экономике Туниса. Многие предприятия закрылись, крестьяне разорялись. Все это привело к резкому росту недовольства. В 1934 г. Х. Бургиба на базе Дестура сформировал партию Нео-Дестур, отличавшуюся социалистическими тенденциями и возглавившую выступления недовольных. Победа Народного фронта во Франции в 1936 г. принесла Тунису, как и другим французским колониям, некоторые новые порядки: укрепились система демократических прав и свобод, возникли условия для деятельности различных партий и группировок. И хотя в конце 30-х годов давление колониальной администрации вновь резко усилилось, а многие партии, включая и оформившуюся в 1939 г. компартию, подверглись репрессиям, борьба за национальное освобождение все усиливалась. В 1946 г. созданный по инициативе партии Нео-Дестур Национальный конгресс принял Декларацию независимости Туниса. Переговоры с французским правительством и массовое антиколониальное движение 1952—1954 гг. привели к признанию Францией в 1954 г. автономии Туниса. В 1956 г. Тунис добился независимости, а в 1957 г. стал республикой.

Ливия

Предки берберов ливийцы, давшие этой стране ее современное название, населяли район к западу от Египта еще в глубокой древности, а в поздний период существования древнеегипетского общества они даже освоили многие земли в дельте Нила, создавали правившие Египтом ливийские династии. После VII в. Ливия, как и весь Магриб, была завоевана арабами и стала исламизироваться и арабизироваться, а в середине XVI в. она превратилась в часть Османской империи. Как и Тунис, Ливия долгое время была базой средиземноморских корсаров и центром работорговли. Управляли ею выходцы из янычар, после которых власть перешла к турецкой по происхождению династии

Караманлы (1711—1835), при которых вассальная зависимость от турок заметно ослабла, а официальным языком стал арабский.

Начало XIX в. прошло под знаком усиливавшегося натиска европейских держав, которые под предлогом прекращения пиратства и работорговли принудили Ливию к заключению ряда соглашений, и в частности неравноправного договора 1830 г. с Францией. Тяжелые налоги и внешние займы здесь, как и в Тунисе, привели к финансовому кризису, но выход из него оказался иным, чем в Тунисе: с помощью Англии, опасавшейся усиления французских позиций в Магрибе, Турция в 1835 г. сумела восстановить в Ливии свой практически давно уже утраченный суверенитет и начать энергичные реформы, основанные на принципах Танзимата. Реформы с их ориентацией на европеизированную систему администрации, суда, торговли, просвещения, издательского дела в немалой степени трансформировали традиционную структуру и тем вызвали резкий протест привычного к ней населения. Протест принял формы религиозного сопротивления, возглавленного орденом сенуситов, основанным марабутом ас-Сенуси, выходцем из Алжира, укрепившимся в 1856 г. в пустынной местности Джагауб — оазисе посреди обширной южно-ливийской части Сахары.

Из прилегавших к оазису земель сенуситы создали обширные владения (далеко не только в пустыне), своеобразное государство в государстве со своими торговыми центрами и военными укреплениями. Приход в Турции к власти противника Танзимата султана Абдул-Хамида II (1876—1909) был воспринят сенуситами как сигнал к атаке: сенуситы выступили как против либеральных реформ собственного правительства, так и против действовавших к югу от них в районе оз. Чад французских колонизаторов. Влияние ордена все расширялось, и французы были вынуждены вести с ним долгую изнурительную войну, завершившуюся в Центральной Африке в их пользу лишь в 1913—1914 гг. Что же касается Ливии, то только после начала младотурецкой революции в Турции в 1908 г. ситуация здесь вновь стала изменяться в пользу сторонников реформ: были проведены выборы в меджлис, стали активно обсуждаться на страницах периодических изданий проблемы приспособления ислама к новым условиям, включая технический прогресс, права женщин и т. п.

В 1911 г. Италия, развязав войну с Турцией, попыталась захватить Ливию. Однако после захвата Триполи и некоторых районов побережья война приняла затяжной характер. И хотя Турция по договору 1912 г. согласилась признать часть Ливии автономной территорией, находившейся под управлением Италии (с сохранением верховного суверенитета за султаном), война, которая приняла характер партизанской борьбы, возглавлявшейся сенуситами, продолжалась. В 1915 г. было создано сенуситское правительство в Киренаике, в 1918 г. вожди триполитанского восстания, начавшегося в 1916 г., создали республику

Триполитания. В 1921 г. было принято решение объединить усилия Триполитании и Киренаики в борьбе за национальное освобождение.

После прихода в Италии к власти фашистов давление этой страны на Ливию вновь усилилось, и к 1931 г. итальянцы добились успеха. Ливия была превращена в колонию Италии, и началось быстрое ее хозяйственное освоение: экспроприировались и передавались итальянским колонистам наиболее плодородные земли, наращивалось производство товарного зерна. Вторая мировая война положила конец итальянскому колониализму. Ливия была оккупирована войсками союзников. После войны здесь стали создаваться политические организации, выступавшие за образование независимой и единой Ливии. В 1949 г. на заседании ООН было принято решение предоставить Ливии независимость к 1952 г. В декабре 1950 г. Национальное учредительное собрание стало готовить конституцию, которая вошла в силу в 1951 г.: Ливия была провозглашена независимым Соединенным Королевством, а глава сенуситов Идрис I стал ее королем.

Египет

Реформы Мухаммеда Али (1805—1849) выдвинули Египет, формально все еще связанный с Османской империей, но фактически независимый от нее и даже не раз побеждавший ее армии и захватывавший ее земли, в число ведущих и наиболее развитых стран Востока. Сильная регулярная армия (до 200 тыс. солдат), строго централизованная администрация, хорошо налаженное сельское хозяйство при правительственной монополии на экспорт товарных культур (хлопок, индиго, сахарный тростник), строительство государственных промышленных предприятий, прежде всего военных, поощрение достижений европейской науки и техники, создание сети учебных заведений различного профиля — все это было основой укрепления власти Мухаммеда Али, отнюдь не случайно ставшего объектом подражания для определенных слоев населения в других странах Магриба. Заслуживает упоминания и то обстоятельство, что Мухаммед Али не шел по пути танзиматных реформ, но, напротив, всячески подчеркивал национальное «я» Египта и форсировал усиление страны, дабы ее не постигла печальная участь колонии. Столкнувшись с оппозицией держав (особенно Англии), отнявших у него плоды побед в его успешных войнах с султаном, Мухаммед Али в начале 40-х годов не только вынужден был отдать завоеванное (Сирию, Палестину, Аравию, Крит) и возвратить перешедший на его сторону турецкий флот, но и уступить натиску иностранного капитала, приоткрыв двери для свободной торговли.

Проникновение иностранных товаров нанесло тяжелый удар как по отсталой государственной промышленности (казенные фабрики в

условиях свободной конкуренции оказались нерентабельными, не говоря уже о том, что насильно мобилизованные для работы на них вчерашние феллахи работать не хотели и нередко портили дорогие станки), так и по всей истощенной войнами финансовой системе. При преемниках Мухаммеда Али многие из государственных предприятий, равно как и дорогостоящие учебные заведения, были закрыты. Зато частное предпринимательство европейцев, включая строительство железных дорог, хлопкоочистительных и сахарных заводов и, наконец, стратегически бесценного Суэцкого канала, шло полным ходом. Развитие сферы рыночных связей и товарно-денежных отношений вынудило египетские власти издать ряд реформ, направленных на расширение прав собственников в деревне, изменение налогообложения. Расходы страны на строительство [хедив Исмаил (1863 — 1879) настоял на участии Египта как государства в сооружении канала и в создании некоторых других предприятий] и проценты по иностранным кредитам привели финансовую систему к краху: в 1876 г. Исмаил объявил о банкротстве, после чего по настоянию Англии и Франции была создана специальная комиссия, в ведение которой перешла значительная часть доходов казны. Были проданы принадлежавшие хедиву акции Суэцкого канала. Наконец, комиссия египетского долга заставила Исмаила создать правительство во главе с Нубар-пашой, известным своими проанглийскими симпатиями. Посты министров финансов и общественных работ (т. е. те, что контролировали доходы страны) заняли соответственно англичанин и француз.

В стране зрело и все чаще открыто проявлялось недовольство этими уступками и всей политикой хедива и колониальных держав. В 1866 г. была создана палата нотаблей — совещательный орган, в котором стали задавать тон оформившиеся в 1879 г. в Национальную партию (Ватан) представители влиятельных слоев египетского общества. Эта палата потребовала от хедива распустить «европейский кабинет», что он и сделал. В ответ на это державы заставили турецкого султана низложить Исмаила, а новый хедив разогнал палату и восстановил иностранный финансовый контроль, ущемив при этом интересы армейских офицеров (была сокращена армия). В сентябре этого же 1879 г. восстал каирский гарнизон во главе с полковником Ораби (Араби-паша). Хедив был вынужден подчиниться давлению недовольных и восстановить национальный кабинет во главе с Шериф-пашой и с участием ватанистов. Но события развивались быстрыми темпами. Скоро новое правительство стало выглядеть весьма умеренным на фоне требований радикальных участников движения недовольных во главе с Ораби. В феврале 1882 г. армия свергла правительство ватанистов. Утратил свое влияние и видный теоретик Национальной партии, соратник аль-Афгани, основателя теории панисламизма, М. Абдо.

Радикалы во главе с Ораби выступили с антииностранными лозунгами и стали энергично очищать страну от европейской «заразы»:

закрывались кафешантаны и публичные дома, рестораны и оперные театры, восстанавливались традиционные нормы ислама. Ораби получил поддержку и со стороны турецкого султана Абдул-Хамида, присвоившего ему титул паши. В феврале 1882 г. был создан новый кабинет, в котором Ораби занял пост военного министра. Напряжение в стране усиливалось. Стали подниматься крестьяне под лозунгами борьбы с неверными. Все европеизированные слои египетского общества бежали в Александрию под защиту прибывшей туда английской эскадры. Вскоре сюда же прибыл хедив. В то же время в Каире был образован Военный совет, создан Национальный меджлис, в котором решающей силой стали сторонники Ораби, в том числе его офицеры. Началось открытое противостояние. В июле 1882 г. хедив сместил Ораби, объявив его мятежником. В ответ на это Ораби заявил, что считает хедива заложником иностранцев, «пленником англичан». Англия поддержала хедива и вскоре ее войска заняли Каир. Ораби был предан суду и выслан на Цейлон, а Египет превратился в протекторат Англии.

Впрочем, формально Египет имел особый статус и по-прежнему считался как бы автономной частью Османской империи. Согласно изданному в 1883 г. Органическому закону здесь были созданы Законодательный совет и Генеральное собрание (в 1913 г. они были объединены в Законодательное собрание), тогда как вся исполнительная власть оказалась сосредоточенной в руках английского консула, сохранявшего полный контроль над деятельностью кабинета во главе с премьером. Конечно, реальная власть сохранялась за колонизаторами, но сам факт существования и законодательной палаты, и кабинета министров призваны были подчеркнуть, что Египет имеет особый статус.

Английский и иной иностранный капитал, начавший активно внедряться в Египет после 1882 г., способствовал ускорению развития страны. В начале XX в. промышленные рабочие исчислялись уже почти полумиллионом человек — цифра весьма солидная для того времени (в это число входили и те, кто был занят на мелких предприятиях; чуть меньше половины общего количества рабочих были европейцами). Среди египтян было уже немало образованных людей, интеллигентов; складывалась и национальная буржуазия. Снова появились разгромленные было на рубеже 70 — 80-х годов внешние атрибуты европеизации: клубы, рестораны, салоны. Работали телеграф и телефон, кинематограф, университеты, издательства. Снова стали вестись ожесточенные споры о судьбах страны и народа, причем противостояли друг другу выступавшие за вестернизацию либералы, в основном лица с европейским образованием, и отстаивавшие нормы ислама традиционалисты, значительная часть которых была достаточно близка к широким массам египетского населения, недовольного колонизацией страны. Как и в ряде других стран Магриба, на рубеже XIX — XX вв. в Египте начало зарождаться рабочее, профсоюзное и социалистиче-

ское движение, но представителями его в основном были выходцы из Европы, рабочие или интеллигенты. Что же касается египетского коренного населения, то оно втягивалось в это движение весьма медленно.

Этому способствовал и становившийся все более явственным религиозно-националистический акцент в социально-политической жизни Египта. Накануне мировой войны в распадавшейся на фракции партии ватанистов усилились позиции религиозных экстремистов, прибегавших к методам вооруженного террора. Убийство в 1910 г. премьера Б. Гали, выходца из коптов, египетских христиан, еще более усилило религиозную рознь в стране. В 1912 г. партия Ватан была запрещена, а на передний план в политической борьбе после войны вышли новые силы, прежде всего созданная в 1918 г. партия Вафд. Эта партия развернула мощное движение с требованием национальной независимости, что сыграло свою роль: в 1922 г. Англия согласилась признать независимость Египта, но при условии сохранения в нем своих войск и комиссара, не говоря уже об экономических позициях британского капитала. По конституции 1923 г. Египет стал конституционной монархией во главе с королем Фуадом I. Были созданы парламент и ответственный перед ним и королем кабинет министров, который возглавили лидеры Вафда. В 1924 г. они поставили перед Англией вопрос о выводе британских войск и об объединении англо-египетского Судана с Египтом. Это требование привело к конфликту, вследствие которого вафдисты вынуждены были подать в отставку. Впрочем, на очередных выборах они вновь победили, а давление кабинета и молодой египетской буржуазии привело в конечном счете к тому, что Англия вынуждена была согласиться и на важные экономические уступки: в 1931 г. был введен новый таможенный тариф, призванный защитить египетскую промышленность и торговлю от конкуренции.

Мировой кризис сказался на ухудшении экономического положения Египта и привел к очередному обострению политической борьбы, в ходе которой вафдисты в 1930 г. вновь были отстранены от власти, а конституция 1923 г. была заменена иной, более реакционной по характеру. Впрочем, в 1934 г. под предводительством все тех же вафдистов была начата очередная политическая кампания, в результате которой король Фуад с согласия англичан восстановил конституцию 1923 г. По англо-египетскому договору 1936 г. английские войска были выведены из Египта, комиссар стал английским послом и только в зоне Суэцкого канала остались некоторые вооруженные формирования англичан. Это был немалый успех вафдистов, но, как то ни покажется странным, он вызвал новое размежевание политических сил и острую борьбу, нападки на Вафд справа и слева.

На протяжении последующих лет Египет продолжал вести политику, направленную на полное освобождение страны от иностранного

вмешательства. Мощное движение, волны митингов, демонстраций, забастовок принудили англичан в 1946 г. сесть за стол переговоров о пересмотре соглашения 1936 г. К успеху переговоры не привели: Англия не хотела отказываться от контроля над Суэцким каналом, от кондоминиума в Судане. В 1951 г. очередное правительство вафдистов во главе с Наххас-пашой внесло в египетский парламент законопроект об отмене договора 1936 г., в ответ на что англичане перебросили в зону канала дополнительные военные контингенты и оккупировали там ряд городов. В стране вновь назревал кризис, проявлявшийся в остром недовольстве различных слоев населения создавшейся обстановкой. В этих условиях на передний план вышла организация «Свободные офицеры», глава которой Нагиб взял власть в свои руки в результате переворота 1952 г. Король Фарук отрекся от престола. Был создан революционный совет, проведены реформы в сфере аграрных отношений, в политической структуре. Были распущены прежние партии, отменена конституция, упразднена монархия. Радикальное крыло движения усиливало свои позиции, следствием чего был выход на передний план Насера, ставшего в 1954 г. премьер-министром. В 1956 г. была принята новая конституция страны, а вскоре президент Насер объявил о национализации Суэцкого канала. В ходе англо-франко-израильской военной кампании 1956 г. против Египта в зоне Суэцкого канала египетская армия выстояла и одержала верх. Войска иностранных государств, включая Англию, были выведены. Египет наконец обрел столь желанную и таких усилий стоившую ему полную независимость.

Судан

В политической лексике, в отличие от географической, понятие «Судан» используется только для обозначения государства, расположенного в восточной части обширного суданского пояса Африки. Это древняя страна, упоминаемая еще в древнеегипетских источниках под названием Куш. В 1820—1822 гг. Судан был завоеван Мухаммедом Али Египетским. Завоевавшее Судан турецко-арабское войско Мухаммеда Али ввело здесь жесткий режим военной администрации. Население было обложено тяжелыми налогами. Были созданы провинции, районы и волости и упразднены старые султанаты. Стало поощряться выращивание товарных культур — хлопка, сахарного тростника, мака. Развивалась торговля, главными предметами суданского экспорта были гуммиарабик, слоновая кость, страусовые перья и т. п. Значительное место в суданском экспорте занимала работорговля, причем она процветала, несмотря на официальные запреты. В 60—70-е годы, когда англичане стали активно проникать в экономику и политику Египта,

хедив Исмаил продолжил завоевания Мухаммеда Али, присоединив к захваченным ранее суданским землям Дарфур и населенные африканцами-нилотами южные территории, примыкающие к Кении, Уганде и французскому Конго. Губернатором южных губерний был тогда назначен сопровождавший хедива англичанин Бейкер, а в 1877 г. губернатором всего Судана стал английский полковник Гордон. Губернаторами основных провинций тоже были назначены подчиненные Гордону англичане. Налоги были еще увеличены.

Недовольство непосильным налоговым бременем вызвало массовое народное движение, принявшее религиозные формы. В 1881 г. мусульманский проповедник Мухаммед Ахмед объявил себя Махди, т. е. мессией, посланным Аллахом. Он призвал суданцев выступить против неверных — Англии и служащих ей или отошедших от истинной веры турок и египтян. Несмотря на посылку против Ахмеда карательного корпуса, махдисты выстояли и начали развивать свой успех. В 1885 г. они, захватив почти все земли Судана, создали независимое теократическое государство, управлявшееся после смерти Ахмеда халифом Абдаллахом. Организованный по обычному для средневековых исламских государств стандарту, этот халифат продержался до 1898 г., ведя войны с соседней христианской Эфиопией (1885—1889). В 1898 г. медленно продвигавшийся к югу по Нилу (с одновременным строительством железной дороги) десяти тысячный вооруженный «максимами» корпус генерала Китченера в нескольких решающих сражениях расстрелял огнем пулеметов многотысячные армии суданцев и захватил в свои руки практически весь Судан. Идя на юг, он в сентябре достиг Фашода, где с удивлением обнаружил отряд капитана Маршана, который шел с запада, ставя своей целью соединить французские колониальные владения в Западном и Центральном Судане через юг Восточного Судана с восточным побережьем, где в районе Сомали у французов уже был колониальный плацдарм.

Инцидент в Фашоде грозил военным столкновением держав, движимых противоположными политическими интересами: англичане, захватывая Судан, осуществляли свою старую мечту — создать непрерывную цепь владений от Кейптауна до Каира. После недолгих консультаций на высоком правительственном уровне Франция все же отступила. Инцидент был исчерпан. Англия одержала верх. В 1899 г. было заключено соглашение о совместном англо-египетском управлении Суданом (кондоминиуме). Режим кондоминиума был в гораздо большей степени близок к обычной колониальной администрации, нежели то было в Египте: высшая власть в Судане отныне принадлежала английскому генерал-губернатору, назначенному хедивом по рекомендации англичан. Во главе провинций стояли английские губернаторы, контролировавшие традиционную систему администрации на местах. Франция и другие страны отказывались от притязаний на Судан, они не имели в нем даже консулов. Словом, это была обычная колония, в

которой хозяйничали англичане, тогда как соучастие Египта в управлении и хозяйственном освоении Судана было более чем второстепенным.

Экономика и вообще промышленное развитие Судана долгое время оставались на невысоком уровне, особенно по сравнению с развитым в этом плане Египтом. По-прежнему предметом суданского экспорта были хлопок, гуммиарабик, скот. Для нужд сельского хозяйства сооружались плотины, водохранилища, железные дороги. В 20-х годах XX в. в стране возникли первые общественные ассоциации и политические партии, начали издаваться журналы. Появились города, первые группы рабочих и интеллигенции. Но только после Второй мировой войны национально-освободительное движение в Судане приобрело заметные размеры. По принятой в 1948 г. конституции были проведены выборы в Законодательное собрание. В 1951 г. в связи с денонсацией Египтом англо-египетского договора и конвенции о Судане развернулось движение за уход англичан из Судана, за независимость страны. В 1952 г. был создан Объединенный фронт борьбы за освобождение, чему способствовала июльская революция 1952 г. в Египте. Вообще, как это легко заметить, национально-освободительное движение в англо-египетском Судане ошутимо ориентировалось на успехи Египта в достижении им независимости, что и понятно: Судан на протяжении более чем столетия был связан с Египтом и находился в определенной зависимости от него. Когда успехи Египта в осуществлении его цели стали очевидны, аналогичные успехи были достигнуты и в Судане: в 1955 г. парламент принял решение о провозглашении независимой Республики Судан с 1 января 1956 г.

Сомали

Сомали, как и Эфиопию, и страны, расположенные к югу от них, к числу арабских безоговорочно отнести уже нельзя (впрочем, это — по меньшей мере частично — относится и к Судану с его заселенными неграми южными районами). Правда, процесс исламизации полуострова, населенного африканцами кушитской языковой группы (близкой родственницы семитской группы в рамках семито-хамитской семьи языков), сопровождался заметным увеличением арабского и арабоязычного компонентов здесь, но сомалийцы (их язык письменности не имел) численно обычно преобладали. На территории Сомали в XII — XVI вв. sporadически складывались раннегосударственные образования в форме султанатов, но они были непрочными и быстро распадались. Исключения являют лишь города Могадишо, Мерка, Брава, населенные преимущественно арабскими и арабоязычными торговца-

ми. Когда в начале XIX в. маскатский Оман разделился на Оман и Занзибар, эти города и прилегающие районы стали владением султанов Занзибара, как и все восточно-африканское суахилийское побережье. В 70-е годы XIX в. во внутренних районах Сомали возникли султанаты Оббия и Миджуртини.

Первые попытки колониальных держав проникнуть на полуостров относятся к середине XIX в., причем они в значительной мере были вскоре стимулированы перспективой открытия Суэцкого канала. С открытием канала сомалийское побережье стало стратегически важной территорией. Неудивительно, что державы начали бороться за его колонизацию. В 80-е годы Франция оккупировала северную часть Сомали. Именно она служила опорным пунктом в стремлении французов продвинуться на запад и соединить свои восточно-африканские владения с западно-африканскими (инцидент в Фашоде, как упоминалось, положил конец этим стремлениям). Северное Сомали было французской колонией до 1977 г. Основная же часть полуострова была в конце XIX в. поделена между Англией и Италией. Англичанам достались стратегически важные территории побережья, а опоздавшей к разделу колоний Италии — лишь внутренние районы, которые она стремилась расширить за счет экспансии в сторону Абиссинии (Эфиопии). Колониальные захваты в Сомали вызвали стойкое сопротивление отсталой традиционной структуры, принявшее форму затяжного полупартизанского вооруженного движения против колонизаторов. Только в 1920 г. эта вооруженная борьба была подавлена. В 1960 г. колонии объединились в рамках независимой Республики Сомали.

Эфиопия

Эфиопия лежит преимущественно во внутренних районах Восточной Африки, на территории, столь же скудной природными ресурсами и не избалованной плодородными землями, как и Сомали. Эфиопы родственны сомалийцам и по языку: в большинстве они принадлежат к той же кушитоязычной группе африканцев. Но Эфиопия тем не менее существенно отличается не только от Сомали, но и от народов всей остальной Африки: корни ее цивилизации уходят в глубокую древность, причем эта цивилизация всегда была христианской по ее религиозно-культурной основе (впрочем, часть страны была в свое время исламизирована). Кроме того, ее так и не постигла участь колонии, хотя Италия делала все, что было в ее силах, дабы колонизовать эту страну. Как известно, она добилась своего лишь в середине 30-х годов, а уже в 1941 г. Эфиопия была освобождена войсками союзников.

Справедливости ради следует заметить, что ни древность цивилизации, ни христианские традиции сами по себе не стали на протяжении длительной истории страны фактором существенного экономического либо социокультурного ее развития. Возможно, для такого развития не было природно-климатической базы. Может быть, сыграла свою роль удаленность страны от побережья с его развитой торговлей. Важной причиной замедленного развития была также традиционная рыхлость системы административного управления: на протяжении веков страна представляла собой скорее федерацию автономных княжеств и султанатов, нежели сколько-нибудь централизованную державу, а символически возглавлявшие ее императоры-негусы Соломоновой династии были марионетками в руках правителей этих княжеств. Словом, факт остается фактом: Эфиопия в целом, несмотря на свои древние традиции, была немногим более развита, чем окружавшие ее африканские народы, и значительно уступала в этом плане арабским странам Северной Африки.

Все это хорошо ощущали верхи страны, ее правящие слои. В середине XIX в. к власти пришел негус Теодрос II (1855 — 1868), который впервые за долгие века не был представителем Соломоновой династии. Он провел ряд важных реформ, направленных на усиление централизованной администрации, на поддержку церкви с одновременным подчинением ее государству, а также на ускорение темпов развития. Однако эти реформы, которые не были подкреплены достаточными экономическими инъекциями извне, со стороны колониальных держав, не привели к успеху. Встретив сильное внутреннее сопротивление не желавшего изменений крестьянства, на чье недовольство опирались фрондирующие князья, Теодрос должен был тратить силы на его подавление. А нежелание активно сотрудничать с колонизаторами привело к конфронтации с Англией, поддерживавшей его противников, что и стало причиной в конечном счете гибели негуса.

Его преемники, особенно Менелик II (1889 — 1913), стремились продолжать политику Теодроса и кое в чем преуспели. Они сумели сконцентрировать в своих руках власть, успешно воевали с Египтом (за которым стояли англичане) и с махдистским Суданом, оказывали стойкое сопротивление Италии. Итало-эфиопская война, в ходе которой итальянцы настойчиво, но неудачно пытались расширить свои колониальные владения за счет Эфиопии, привела в 1896 г. к заключению договора, по которому Италия вынуждена была признать независимость Эфиопии. Эта война и вся внешняя политика страны, ориентированная на отстаивание независимости, стоили неразвитому государству очень дорого, не оставляя ему возможностей для экономического развития. Естественно также, что находившиеся в состоянии войны с эфиопами англичане, итальянцы и союзные им другие евро-

пейские народы в силу одного уже этого обстоятельства весьма мало внимания уделяли колониальному освоению Эфиопии. Правда, они получали концессии и строили железные дороги, доминировали в сфере внешней торговли, даже одно время сговаривались было о разделе страны на сферы влияния. Но парадокс в том, что, не чувствуя свободы действий (Эфиопия не была связана неравноправными договорами или колонизована) и к тому же не будучи слишком заинтересованы в освоении эфиопских земель, маловыгодных с экономической точки зрения, колониальные державы тем самым не способствовали развитию этой страны, не вкладывали в нее капиталы, не создавали условий для ее торгово-промышленного развития.

Первые двадцать лет XX в., особенно после смерти Менелика и перехода престола к его несовершеннолетней дочери, прошли под знаком острой внутриполитической борьбы в стране. Суть ее сводилась к противостоянию прогрессистов-младоэфиопов и традиционалистов-староэфиопов, причем позиции последних вначале были значительно более крепкими. Большинство населения страны, почти не затронутое колониальной трансформацией, не желало перемен и тормозило все соответствующие весьма слабые и робкие попытки. Ситуация изменилась лишь в конце 20-х годов, когда лидер младоэфиопов и регент при правительнице Тафари Маконнен сумел стать во главе армии, а затем, после смерти дочери Менелика, негусом под именем Хайле Селассие (1930—1974).

При новом императоре младоэфиопами были проведены необходимые для развития страны реформы, прежде всего налоговая и таможенная. Был создан двухпалатный парламент, реконструирована военная система. Но все эти полезные для страны реформы безнадежно запоздали и потому принесли мало пользы. В 1935—1936 гг. очередная итальянская экспедиция привела к успеху. Эфиопия (Абиссиния) стала колонией итальянцев, которые начали было вкладывать в ее развитие свои капиталы и осуществлять необходимые для этого политические, социальные и экономические преобразования. Но, как упоминалось, уже в первые годы войны итальянцы лишились своих колоний. Послевоенная же Эфиопия по-прежнему принадлежала к числу наиболее отсталых стран Африки. Эта стагнация была одной из существенных причин, побудивших организацию радикально настроенных офицеров совершить в стране в 1974 г. государственный переворот, после чего власть перешла к Временному военному административному совету, а негус был низложен. Вслед за тем в Эфиопии была проведена национализация земли, банков, ряда промышленных предприятий. Был также официально провозглашен курс на социалистическое развитие по советской марксистской модели, приведший страну к тяжелейшему экономическому кризису.

Колониальная Африка: трансформация традиционной структуры

Вслед за югом Азии (а частично даже раньше) африканский континент стал главным объектом колониальной экспансии европейских государств. Больше того, именно этими двумя обширными регионами практически была ограничена сфера колониальных владений держав в пределах Старого Света. Но зато оба упомянутых региона были колонизованы целиком, за немногими исключениями небольших анклавов типа Сиама, Либерии, Эфиопии. Случайно ли такого рода совпадение исторических судеб? И если нет, то какие конкретные обстоятельства способствовали тому, что именно Африка и юг Азии почти целиком оказались колонизованными, тогда как другие территории неевропейского мира в пределах Старого Света этой участи до известной степени избежали (вопрос о полуколониальном статусе их будет рассмотрен особо)?

О первой и едва ли не главной причине колонизации именно африканских и южно-азиатских земель уже достаточно говорилось: европейцы со времен Великих географических открытий стремились найти пути в Индию, дабы взять в свои руки торговлю дорого стоявшими и высоко ценившимися в Европе пряностями. Иными словами, речь идет в первую очередь о той природно-климатической зоне, которая была благоприятна для выращивания там экзотических растений. Круг этих растений со временем, особенно после освоения Америки, был расширен; в число продуктов, высоко ценимых и выращиваемых преимущественно в тропических и субтропических природно-климатических условиях, вошли какао, кофе, табак, сахарный тростник, гевея, индиго, орехи, продукты масличной пальмы и т. п. Можно добавить к этому перечню хлопок, джут и еще ряд растений, но с оговоркой, что эти растения выращиваются и в иных зонах, в странах с более умеренным климатом.

Но вызванный поиском дороги к пряностям импульс был лишь начальным толчком к колониальным захватам. «Аппетит приходит во время еды» — этот афоризм вполне применим к колониализму как феномену. Колонизаторы в осваиваемых ими странах жадно тянулись ко всему, что может дать выгоду, будь то добыча золота или торговля невольниками. Вполне логично предположить, что это обстоятельство уже само по себе безбрежно расширяло зону поиска колоний. И если в XVI—XVIII вв. фактическому увеличению этой зоны в пределах

Старого Света мешали объективные причины*, то с XIX в. именно объективные факторы (потребности развитой капиталистической экономики в рынках сбыта и источниках сырья) сделали желанными и даже жизненно необходимыми широкие колониальные захваты. И здесь снова встает все тот же вопрос: почему такого рода захваты были ограничены преимущественно югом Азии и Африкой? Или, иначе, что именно помогло колонизаторам сравнительно легко и быстро укрепиться в этих регионах и что затрудняло, мешало им добиться аналогичных результатов в других неевропейских регионах Старого Света?

Некоторые акценты, позволяющие наметить контуры решения проблемы, были уже сделаны в связи с анализом религиозно-цивилизационной основы и трансформации традиционной структуры под воздействием колониализма на юге Азии. Теперь нечто аналогичное необходимо сделать по отношению к Африке, после чего можно будет попытаться сформулировать хотя бы предварительные соображения по интересующему нас вопросу.

Традиционные общества Африки

Об общей отсталости африканских традиционных обществ, особенно в зоне Тропической Африки, уже шла речь, включая попытки объяснить эту отсталость. Здесь же стоит вспомнить о том, что зоны первобытной периферии были весьма обширны и на юге Азии: она преобладала на островах Индонезии (кроме Явы и Суматры), на Филиппинах, была представлена огромными анклавами в окраинных, особенно горных, районах Индокитая, наличествовала и в Индии, и на Цейлоне. Правда, на фоне блестящих завоеваний многотысячелетней цивилизации той же Индии или менее длительной, но весьма впечатляющей цивилизации Индокитая и Индонезии первобытная периферия отступала на второй план. Но мощь ее тем не менее была огромной, быть может, наиболее весомой по сравнению со всеми остальными регионами Старого Света. Со всеми, кроме Африки.

В Африке первобытная периферия практически не была периферией. Она была первобытным океаном, тем генеральным фоном, на котором анклавами выделялись территории, относившиеся к зоне цивилизации и государственности. Да и здесь нужны оговорки: если Северная Африка со времен Арабского халифата была решительно и

* Колонизация стоит немалых средств и оправдана лишь тогда, когда вложенные в нее средства могут окупиться. Для этого как минимум была необходима более или менее развитая капиталистическая промышленность в метрополии — до того вполне достаточно было колониальной торговли, опирающейся на сеть прибрежных торговых форпостов.

бесповоротно включена в зону устойчивого цивилизационного развития — хотя и там было немало первобытных анклавов, правда, наряду с такими древними центрами высокой культуры, как Египет, — то остальная часть континента являла собой именно океан первобытности, волны которого то и дело захлестывали небольшие острова цивилизованности, причем захлестывали именно потому, что острова были небольшими, а уровень их едва возвышался над уровнем океана.

Оставив пока в стороне Северную Африку, о которой пойдет речь особо, стоит заметить, что представленная в основном первобытными и — реже — полупервобытными традиционными обществами, к тому же разделенными бесчисленными языковыми и этнокультурными барьерами, Тропическая Африка вплоть до начала ее энергичного колониального освоения в XIX в. находилась в состоянии стагнации. Имеется в виду не абсолютная неподвижность, но именно то, о чем только что шла речь в связи с метафорой о первобытном океане. Пример городов-государств (точнее, разросшихся общин) йоруба, на долгие века как бы застывших во все том же полупервобытном состоянии, равно как и печальная судьба многочисленных прото- и раннегосударственных образований типа Конго, Мономотапы, да и многих политических структур суданского пояса, включая и исламизированные образования типа султанатов и эмиратов, — все это убедительно свидетельствует именно о стагнации, об отсутствии устойчивых и последовательно целенаправленных импульсов в сторону поступательного развития.

В чем причины этого? Почему Тропическая Африка не имела весомых потенций для движения по пути развития? Почему здесь древние государства подчас предстают как свидетельства утраченных достижений, пусть даже не слишком высоких? Почему первобытный океан с его мощными волнами оказался столь необоримой силой? Конечно, ответы на все эти вопросы есть, хотя далеко не всегда африканисты четко осознают саму проблему и правильно ставят такие вопросы. Это относится и к серьезным исследованиям, посвященным изучению африканской общины.

Исследование различных типов и конкретных форм африканской первобытной и полупервобытной общины свидетельствует об ее исключительной внутренней прочности, устойчивости, нерушимости, что может быть объяснено комплексом различных причин. Специалисты обращают особое внимание на коллективный характер труда, отсутствие собственности на землю, на корпоративность общины как формы социальной организации, на обезличенность индивида в ее рамках. Все это, бесспорно, именно так. Но ведь нечто в этом роде характерно и для других, едва ли не для всех первобытных и полупервобытных общин.

Африканисты много пишут о системе каст, которая действительно хорошо известна Африке. Касты чаще всего возникали там в результате наложения одного этноса, становившегося господствующим (обычно скотоводческого), на другой, зависимый от него (земледельческий). Но и касты не чисто африканская специфика. Общинно-кастовый строй с крепкой устойчивой общиной и нерушимыми кастами был тысячетлетиями известен Индии, но это не помешало ей стать страной высокоразвитой цивилизации. Почему же система устойчивых общин и кастовых связей не выводила Тропическую Африку за пределы уровня полупервобытных кастовых этностратифицированных политических структур, прото- и раннегосударственных образований, к тому же весьма непрочных и недолговечных? Непрочными и недолговечными политические образования были и в условиях общинно-кастовой Индии, но там это никак не меняло того обстоятельства, что эти структуры, как и все общество, были достаточно развитыми, соответствовали стандарту развитой цивилизации. Словом, невольно складывается впечатление, что сам по себе весьма нужный и ценный анализ африканской общины и всего, с ней связанного, ответа на вопрос не дает. Видимо, этот ответ следует искать в иной плоскости, в иных сферах африканских реалий, и в первую очередь в сфере производства и производительности, условий жизни и культуры труда.

Совершенно очевидно, что климатические и природные условия тропиков неблагоприятны как для жизни человека, так и для успешной его производственной деятельности, высокая культура которой требует терпения, усидчивости, регулярности, дисциплины. Жизнь в тропиках не способствует выработке соответствующих навыков и закреплению их в устойчивых стереотипах повседневного поведения. Кроме того, скудные почвы, с трудом отвоевываемые у пышной и буйно растущей тропической растительности, не слишком плодородны и даже при заметных усилиях не обеспечивают высоких урожаев ценных и калорийных сельскохозяйственных продуктов, что опять-таки явно не стимулирует трудовой активности — напротив, охлаждает ее. Отсюда невысокие трудовые усилия, низкая производительность труда. Но самое главное, корень всего в том, что все это вкуче не просто консервирует отсталость, но не способствует созданию излишков — тех самых излишков, того самого избыточного продукта коллектива, без которого и после перехода к производительному труду нет материальных условий для возникновения развитого стратифицированного общества, для сложения устойчивых государственных образований с разделением труда и необходимым обменом деятельностью.

Правда, как бы ни был мал объем излишков, в Африке все же возникали прото- и раннегосударственные образования, которые зиждились на общинных и кастовых принципах, на основе строго соблюдавшихся норм кровнородственных связей, возрастных групп,

племенной общности (трибализма) и т. п. Но показательно, что административно-территориальные и чиновничье-бюрократические формы и органы власти были при этом крайне слабыми, неразвитыми и неэффективными, что и неудивительно: для содержания всех этих оторванных от производства слоев у общества просто не было средств. Конечно, случались и нередкие исключения, когда средства все-таки находились. Но беда в том, что эти средства черпались из источников, внешних по отношению к общине, — из контроля над транзитной торговлей, использования природных ресурсов (например, золота). В принципе это нормально и естественно, но на практике приводило к той самой неустойчивости и слабости, недолговечности надобщинных политических структур, о которых идет речь. Африканская община с ее первобытным примитивизмом не была достаточно надежной основой для того, чтобы на ней устойчиво удерживались эфемерные прото- и раннегосударственные образования (это, естественно, касается и кочевых обществ), а попытки опереться на иную основу, внешнюю по отношению к общине, приводили к тому, что само существование государственного образования целиком зависело от хрупкого баланса в торговле и внешних связях. Колебания в нем, столь обычные для транзитной торговли, немедленно отражались на устойчивости власти.

Но могло ли что-либо послужить альтернативой опоре государства на хрупкий баланс внешних сил? Да, могло. Пример Эфиопии в этом смысле достаточно красноречив: столь же неустойчивый, как и в остальной Африке тропической зоны, административно-политический режим веками сохранялся в виде хрупких раннегосударственных структур, княжеств, едва связанных друг с другом в рамках некоего федеративного образования под номинальным господством правителя. Страна не раз была на грани разрушения, но все же не распадалась, а, напротив, возрождалась, хотя в то же время и не шла вперед по пути поступательного развития. Что же держало Эфиопию в рамках единого государственного целого, жидившегося практически на той же общинной базе, что и другие, быстро распадавшиеся прото- и раннегосударственные образования? Ответ не вызывает сомнений: религиозно-цивилизационный фундамент. Тот самый, что сложился в Эфиопии еще на рубеже нашей эры и упрочивался веками, пусть даже и в неблагоприятной для быстрого поступательного развития цивилизации обстановке. Но сколь бы неблагоприятной эта обстановка ни была, фундамент с его письменной культурой, элементами образования и урбанизации здесь все же был. Именно он служил не просто альтернативой случайному балансу внешних по отношению к структуре обстоятельств, но достаточно прочной основой устойчивого, хотя и структурно слабого, государственного образования.

Все сказанное позволяет при оценке причин отсталости Африки и слабости, неустойчивости, хрупкости ее государственных образований

вычленить два наиважнейших фактора. Фактор первый был задан самой природой тропиков. Он аналогично действовал и на юге Азии, в том числе в зоне островного ее мира. Правда, там географический рельеф смягчал неблагоприятные природные условия за счет близости океана, что имело место и в Африке, где прибрежные районы выгодно в этом смысле отличались от глубинных, континентальных. Но в целом климат повсюду в тропиках оказывал свое воздействие, тем более на континенте. Природно-климатический фактор был первичным, его можно считать первопричиной отсталости и стагнации. Фактор второй — это культурный потенциал населения, тот цивилизационный фундамент, на который в борьбе с неблагоприятной экологической зоной хозяйствования человек может опереться. Именно этот фундамент — диффузное проникновение в Индокитай и Индонезию индоевропейского населения на рубеже нашей эры — обусловил поступательное развитие стран и народов Юго-Восточной Азии. Аналогичный фундамент содействовал сохранению государственности в Эфиопии. И отсутствие такого рода фундамента определяло тот зависимый от внешних сил неустойчивый характер всех остальных государственных образований Тропической Африки, о которых уже шла речь.

Здесь встает законный вопрос: как с точки зрения религиозно-цивилизационного фундамента следует оценивать католицизм в том же распадавшемся к XIX в. Конго и тем более ислам государственных образований суданского пояса? Почему в этих случаях фундамент не сработал или работал недостаточно эффективно?

Что касается Конго, то католицизм, привнесенный сюда португальцами, сыграл, конечно, известную роль цементирующей структуру доктрины. Стоит напомнить, что даже мощное движение протеста против колонизаторов на рубеже XVII — XVIII вв. было не столько антихристианским, сколько сектантским. Иными словами, католицизм за два-три века достаточно основательно укрепился в Конго. И все же, во-первых, этого срока было явно недостаточно для создания сколько-нибудь весомого цивилизационного фундамента — во всяком случае при темпах и масштабе нововведений, свойственных XV — XVII векам; во-вторых, значимость нововведений резко снижалась из-за того, что в данном случае религиозный фундамент с его культурой целиком ассоциировался с пришельцами-колонизаторами, по отношению к которым традиционная структура явственно была чуждой.

Что же касается исламизированных государств суданского пояса, начиная с Ганы, то там картина была несколько иной, хотя и во многом сходной: исламский религиозно-цивилизационный пласт был поверхностным, внешним по отношению к традиционной африканской общине, связанным с интересами транзитной торговли. Этот пласт понемногу ложился в фундамент культурных потенций суданских народов, что и вело к тому, что эстафета государственных образований здесь практически не прерывалась, одни политические структуры сменяли другие. И это, безусловно, было гораздо лучше, чем ничего.

Однако пласт был слишком тонок, чтобы энергично воздействовать на трансформацию традиционного общества. Конечно, общества суданского пояса испытывали определенное воздействие и соответствующим образом трансформировались, приспосабливались. Но процесс шел медленно и не затрагивал глубинные основы, внутриобщинные отношения. Словом, на примере исламских государств можно говорить о некотором движении от состояния застоя, о некоем преодолении стагнации, но в лучшем случае — лишь о первых шагах в этом направлении. Ситуация стала всерьез изменяться только с началом колониальной экспансии в широких масштабах, когда в силу вступил новый для Африки фактор необычайной мощности: колониальный промышленный капитал, принципиально отличный от знакомого ей до того колониального торгового капитала, сравнительно мало воздействовавшего на традиционную структуру континента, во всяком случае в Тропической Африке.

Колониальный промышленный капитал в Тропической Африке

В чем именно была, в первую очередь, трансформирующая функция колониального промышленного капитала и сопутствующих ему институтов в Африке? Было бы наивным ожидать, что вторжение капитала и создание условий для его функционирования, включая сооружение развитой инфраструктуры, налаживание плантационного хозяйства, строительство промышленных предприятий, рудников и городов для обслуживающего их рабочего населения, быстро подорвет устои африканской общины и тем самым изменит глубинные основы традиционной структуры Тропической Африки. Этого, как известно, не произошло в сколько-нибудь серьезной степени даже в наши дни, при всем том, что современная Африка с ее огромными перенаселенными городами как бы символизирует разрушение общины. Дело в том, что главное все-таки не во внешней символике: не следует забывать, что основная масса населения современных городов объединена в земляческие ассоциации, суть которых в колониальной и постколониальной Африке сводилась и сводится не только к объединению мигрантов из определенной населенной преимущественно данным племенем местности, но прежде всего именно к сохранению в новых условиях традиционной, пусть и модифицированной, общинной структуры. Без этого вышедший из деревни африканец не просто чувствует себя неуверенно и хуже адаптируется — без этого он едва ли вообще в состоянии выжить, нормально жить. О том, как это сказывается на всем образе жизни городского населения, и в частности о политических функциях такого рода союзов, речь можно вести особо. Здесь много общего с тем, как политически ведут себя аналогичные земляческие

ассоциации в крупных городах на всем Востоке XIX—XX вв., будь то, скажем, Индия или Китай. Но для нас сейчас важно четко выделить и зафиксировать главное: землячества в городах — вариант традиционной общины, близкий к исходному, хотя и существенно отличный от него.

Итак, общинную структуру как таковую колониализм отнюдь не подорвал сколько-нибудь заметно. Она трансформировалась, но сохранилась. Мало того, приобрела в своих новых вариантах (городские земляческие ассоциации) устойчивые и адаптированные к новым условиям формы существования, в целом соответствующие традиционным принципам жизни. Это и есть, если угодно, то самое приспособление, которое — наряду с более или менее активным прямым и косвенным сопротивлением — демонстрируют традиционные структуры в колониальную эпоху практически повсюду. Но к чему же, в свете сказанного, сводится трансформирующая, модернизирующая, вестернизирующая функция колониализма в Африке?

Если абстрагироваться от крайностей и жестокости апартеида и оставить в стороне всю неприглядность колониализма и колониального вторжения в чужие земли как таковую, то главная его функция, особенно в Тропической Африке, сведется к насильственному внедрению цивилизующего начала, цивилизации в ее европейско-капиталистическом варианте. Имеется в виду принципиально чуждая традиционному Востоку и особенно Африке цивилизация с характерными именно для нее развитой частной собственностью, свободным рынком и необходимыми для этого гражданскими правами, свободами, нормами и процедурами. Практически дело свелось к тому, что на первобытный либо полупервобытный фундамент, в лучшем случае с очень слабым религиозно-цивилизационным пластом диффузного суданского ислама, был наложен мощный пласт вестернизированного капитала в его промышленной модификации. Очень важно подчеркнуть, что этот пласт — не чета полусредневековому католицизму, который был привнесен португальцами в Конго или испанцами на Филиппины. Тот куда легче и проще взаимодействовал с местной полупервобытностью, ибо сам был достаточно далек от постреформационного протестантизма как идеологии промышленного капитализма. Во всяком случае филиппинцы адаптировались к католицизму без лишних трудностей, правда, на протяжении ряда веков. Здесь же, в Тропической Африке последнего века, ситуация оказалась намного сложнее.

Для возвращенного первобытной общностью среднего африканца адаптироваться в обстановке частнособственнического капиталистического чистогана было делом далеко не простым, даже если принять во внимание наличие многочисленных посредников в лице миссионерских или колониальных школ, которые стали готовить кадры из местных племен для нужд администрации. Конечно же, жизнь оказывала определенное воздействие. И школы учебные, и более суровая

школа жизни на руднике либо на заводе делали свое дело. Во всех странах Тропической Африки в XX в. — где раньше, где позже — сформировались свои отряды рабочих, появилась образованная интеллигенция. Кое-где стали возникать и кадры предпринимателей современного буржуазного типа, хотя здесь всегда нужны оговорки: нельзя, разумеется, представлять себе дело таким образом, будто стоит только вчерашнему общиннику всерьез заняться предпринимательством, как он тут же, почти автоматически станет буржуа западного типа. Увы, все далеко не так просто. Достаточно напомнить хотя бы о нормах трибализма, согласно которым твое — это не только твое, но частично и общее, принадлежащее твоей семье, общине, твоему племени, наконец.

И все-таки, несмотря на все трудности, цивилизующее начало активно внедрялось в Тропическую Африку, почти лишенную его в прошлом. Внедрялось грубо, силовыми методами. Несло с собой страдания для людей, не привыкших к этому и не желавших нововведений. Но в то же время несло и новую, невиданную прежде технику, иной характер хозяйства, иные формы производства, условия труда и т. п. — словом, совершенно иную жизнь. Естественно, что африканцы не сразу привыкли к этой новой жизни, как далеко не сразу даже наиболее грамотные из них уяснили, скажем, существо избирательной демократической процедуры, принципы партийно-политической борьбы, специфику профсоюзных организаций. Пожалуй, вся первая половина XX в. ушла на адаптацию в этом смысле хотя бы городского населения, пусть только некоторой части его (вспомним Сенегал). Но вместе с тем нельзя не заметить, что к моменту деколонизации почти все страны Тропической Африки были все же уже готовы к тому, чтобы на основе той же демократической процедуры, партийно-политической борьбы, республиканской организации, различных форм законодательных институтов и т. п. управлять своими государствами самостоятельно. Иными словами, время зря не прошло. Африка за полвека обрела то, чего была лишена и без чего век назад говорить о политической самостоятельности и самоуправлении на уровне приемлемых стандартов и достаточной внутренней устойчивости политических образований было бы просто нереально.

Конечно, переоценивать цивилизаторскую миссию колониализма не стоит. Достаточно напомнить о том, что далеко не везде в Африке демократические процедуры привились, о чем свидетельствуют и многочисленные с удивительной легкостью совершаемые военные перевороты, и просто диктаторские режимы. Но одно несомненно: колониальный капитал, вторгнувшись в Тропическую Африку, эксплуатируя ее природные и людские ресурсы, одновременно содействовал ее экономическому развитию, вкладывал в это развитие немалые средства и формировал необходимые для функционирования капитала административно-политическую среду и культурно-просветительную систему, способную создавать грамотные и образованные слои населения, кадры

для промышленных предприятий и всей инфраструктуры, включая органы управления. Правда, все это затрагивало непосредственно лишь меньшинство в основном городского населения (хотя городское население быстро росло и растет, к моменту деколонизации оно было в явном меньшинстве), тогда как основная сельская часть Африки была затронута новшествами весьма мало и жила по-прежнему общинами, численно даже возрастающими (эффект демографического взрыва в XX в.). Но ситуация в целом вполне очевидна.

Можно напомнить и еще одно немаловажное обстоятельство: колонизаторы принесли с собой не только систему капиталистического предпринимательства, но и европейскую культуру, приобщаться к которой стали африканцы (многие из них учились в Париже либо в Оксфорде и Кембридже). Они принесли с собой свои языки, на которых веками публиковались шедевры мировой литературы, философии, науки, на которых стали издаваться газеты, журналы и книги в Африке. На западно-европейских языках — на языке метрополии — велась вся деловая и административная переписка в той или иной колонии, на них же привычно стали общаться между собой представители различных языковых групп из числа жителей этой колонии, особенно в городах. Причастность к европейским языкам и европейской культуре сказалась и на развитии местной африканской культуры, от философии негритюда Л. Сенгора до поэзии и прозы современных африканских писателей, пишущих чаще всего на европейских языках.

Но на всем этом сравнительно радужном фоне, свидетельствующем о несомненных сдвигах в образе жизни и облике традиционных африканских обществ, особенно в городах континента, остается и немало мрачных пятен. Одним из наиболее крупных следует считать низкую культуру и дисциплину труда, отсталость в сфере производства, технологии и качества труда, что с особой остротой ощутили африканские государства после деколонизации и национализации во многих странах (полностью либо частично) ключевых отраслей экономики. Это и неудивительно: столетие — слишком малый срок для скачка от первобытности к современности. Многое, включая тотальную общинность с ее цепкими традициями, тянет Африку назад. Структура приспосабливается, отчаянно сопротивляясь. И это весьма сурово сказывается, создает дисбаланс, резкий разрыв между желаемым и реальностью, между постоянно растущими потребностями численно резко увеличивающегося населения и невозможностью удовлетворить эти потребности за собственный счет, т. е. за счет соответственно растущего производства, производительности труда, количества и качества произведенного продукта. Конечно, такого рода нежелательный эффект в той или иной мере можно обнаружить во всем развивающемся мире, но в Африке, особенно в Тропической Африке, он едва ли не наиболее заметен и драматичен.

Колониализм в арабской Африке

Северная и Северо-Восточная Африка — это особый мир, весьма отличный от негритянского, хотя и связанный с ним многими нитями, а порой и общей судьбой. Это не океан первобытности и полупервобытности; при всем том, что и такого рода анклавов здесь немало, это мир сравнительно высокой культуры, базирующейся на весомом религиозно-мировоззренческом фундаменте ислама, не говоря уже о том, что наиболее развитая его часть, Египет, восходит корнями к столь глубокой древности, которая говорит сама за себя.

И все же, несмотря на это, арабская Африка была колонизована одновременно с остальной частью континента, в основном теми же державами и практически так же легко. Если еще в XVIII в. страны Магриба, составлявшие часть Османской империи, были достаточно грозным противником для европейцев, а пиратский террор корсаров заставлял Европу откупаться от него, то в XIX в. все изменилось. Алжир, Тунис, а в начале XX в. и Марокко стали колониями Франции, затем колонией Италии оказалась Ливия. Англичане в те же годы усилили свои позиции в Египте, превратив его если не в колонию, то в полуколонию, а затем подчинили себе Судан и вместе с французами и итальянцами поделили Сомали. Конечно, все эти акции сопровождались активным сопротивлением, восстаниями и войнами местного населения, преимущественно под религиозными лозунгами. Некоторые из войн, как махдистская в Судане, приводили к заметному успеху, но ненадолго: мощь колониальных держав ломала сопротивление слабовооруженных воинов ислама, одерживала верх над мятежами типа выступления Ораби в Египте.

Что касается хозяйственного освоения колоний, особенно плодородного и климатически благоприятного побережья Средиземного моря, то оно шло достаточно активно, хотя и наблюдалась некоторая разница в методах и установках: Франция, а затем и Италия делали ставку на заселение земель колонистами и создание в колониях значительной прослойки европейского населения, ведшего капиталистическое товарное хозяйство с одновременным развитием горно-рудных и иных промыслов, предприятий, дорог, портов и т. п. Англичане переселения колонистов в сколько-нибудь заметных размерах не форсировали, но зато весьма активно проникали во все сферы политической администрации и экономики, строили промышленные предприятия, создавали обслуживавшую их нужды инфраструктуру, модернизировали сельское хозяйство, стимулируя выращивание местным населением товарных продуктов, прежде всего хлопка.

Почему ведущие державы Европы стремились к колонизации исламской арабской Африки? Видимо, здесь сыграли свою роль два важных фактора: во-первых, стратегически важное расположение се-

вероафриканских стран, их очевидная роль в торговле и связях с Востоком, особенно после открытия Суэцкого канала, и, во-вторых, политическая слабость соответствующих государств, лишенных защиты со стороны ослабленной Османской империи и враждующих друг с другом. Для Франции и Италии играла определенную роль и территориальная близость захваченных земель, климатическое сходство осваиваемых колонистами территорий на средиземноморском побережье. Добившись желаемого, европейцы, естественно, приступили к энергичной трансформации покоренных ими территорий. Рядом с традиционным сектором хозяйства здесь возник новый, капиталистический. Это сосуществование вызывало не только противодействие со стороны традиционной структуры, но и вынужденное ее приспособление к новым условиям. Однако о гармоническом синтезе старого и нового говорить не приходится: просто старое отеснялось, а новое занимало его место; только частично элементы старого включались в капиталистическую экономику, как в городах, так и в хозяйствах колонистов. Иными словами, шел постепенный процесс втягивания старого в новое, ломки традиционных норм — процесс медленный и весьма болезненный для традиционной структуры. Результаты его были далеко не однозначны.

С одной стороны, определенная часть местного населения вовлекалась в капиталистическое колониальное хозяйство и приобретала определенные навыки, опыт, образование, профессию. Именно из ее рядов формировались слои фабричных рабочих, шахтеров, работников сферы обслуживания, транспорта. Из этих же рядов выходили грамотные и образованные представители местного населения, интеллигенция, деятели культуры, администраторы, даже менеджеры. В то же время другая, основная часть, особенно крестьянство, оставалась почти целиком в сфере традиционных форм хозяйства и быта. И не только оставалась, но и, ориентируясь на своих лидеров из числа знати или исламских религиозных функционеров-марабутов, начинала активно выступать против нежеланных новшеств, ставивших под угрозу привычный образ жизни и веками апробированные ценности ислама. Общество как бы раскалывалось на ориентировавшихся на традицию и тех, кто видел зримые преимущества европейской капиталистической культуры, науки и техники и был склонен приобщиться к ним, усиливая за этот счет потенциал и позиции своей страны.

Соответственно и в политической жизни стран Северной и Северо-Восточной Африки и Эфиопии* формировались, а с конца XIX в. вплоть до периода деколонизации задавали тон в общественно-поли-

* Эта страна, не будучи ни северной, ни арабской, функционально тяготеет к северу хотя бы потому, что имеет близкий к нему и весьма отличный от негритянских обществ Африки религиозно-цивилизационный фундамент.

тической жизни две основные силы — традиционалисты и реформаторы («старо» и «младо»), не только противостоявшие друг другу, но и порой ожесточенно боровшиеся за власть и за определение стратегии развития своей страны. Стоит заметить при этом, что далеко не все сторонники традиционалистов (скажем, Ораби-паша) были религиозными фанатиками и реакционерами, как не всегда их противники были способны вести страну к прогрессу. Тем не менее именно такого рода размежевание задавало тон в Северной Африке, что было близко к аналогичной ситуации и в остальной (полуколониальной) части Востока, о которой пойдет речь впереди. Видимо, такого рода размежевание логично и естественно для стран с собственным весомым религиозно-цивилизационным фундаментом. Оно, в частности, было неплохо заметно и в Индии, где деятельности ИНК противостояли силы, ориентировавшиеся на стопроцентный индуизм. Правда, в Индии это противостояние не сыграло сколько-нибудь значительной роли и было оттеснено на задний план главным политическим противоборством (между Конгрессом и англичанами). Это следует объяснять именно тем, что европейцы там были колонизаторами и властью. Нечто подобное, хотя и не в столь явной форме, имело место и в Северной Африке, где заметное размежевание во внутривнутриполитической жизни между традиционалистами и реформаторами было все же второстепенным на фоне общего противостояния традиционных структур колонизаторам. Впрочем, случались и исключения (эпизод с Ораби-пашой в Египте).

Как легко заметить, общая ситуация на севере Африки отличалась от того, что было южнее Сахары: на севере традиционные общества, опиравшиеся на сильный собственный религиозно-цивилизационный исламский фундамент, являли собой не просто особый сектор хозяйства и специфический уклад жизни, но и весомую альтернативу — народу предоставлялся своего рода выбор, что и проявилось в противоборстве реформаторов и традиционалистов. К югу от Сахары альтернативы не было, как не было и собственного фундамента цивилизации; была дихотомия: либо оставаться на уровне первобытности, либо, заимствуя основы европейской культуры и капиталистического хозяйства, развиваться, имея впереди перспективу деколонизации и самостоятельности. Неудивительно, что в Тропической Африке не было противоборства традиционалистов и реформаторов, — просто вопрос там стоял иначе. Но было и нечто общее для всей колониальной Африки: сопротивление колониализму. В разных формах, но оно ощущалось везде, как повсюду ему сопутствовало неизбежное приспособление традиции к современным условиям существования.

На что опиралась приспособлявшаяся традиция в борьбе с внешним вторжением колониального капитала и сопутствующих ему нововведений? В Тропической Африке — на общину в самом широком

смысле этого слова, т. е. на общинность как способ жизни, включая и формы существования, и формы ведения хозяйства, и формы общения, и т. д., вплоть до трибализма и земляческих ассоциаций в городах. На севере опора была иной — она уходила в глубины религиозной цивилизации, исламского образа жизни, культуры, принципов и мировоззренческих представлений. Но по отношению к колониализму эти различия, сами по себе весьма существенные, отходили на задний план: и на севере, и на юге традиция противостояла колониальному капиталу, причем в зависимости от обстоятельств такое противостояние принимало разные формы, будь то призывы к характерному для мира ислама эгалитаризму или свойственный примитивным формам общежития на юге Африки деспотизм неограниченной власти диктатора (обе эти тенденции в период деколонизации и становления независимости в странах Африки проявили себя достаточно широко и красноречиво).

Африка и юг Азии как колонии: общность исторических судеб и ее первопричины

Возвращаясь теперь к вопросу, поставленному в начале данной главы, обратим внимание на явную общность условий и обстоятельств, сыгравших немаловажную, а порой и решающую роль в том, что именно эти два региона — Африка и юг Азии — стали практически одновременно колониями европейских держав в пределах Старого Света.

Первое, что объединяет эти регионы, — их природно-климатическая зона, зона тропиков и субтропиков, в немалой степени предопределившая как небывалые возможности эксплуатации природных ресурсов (желанные пряности; возможность специализированного, в том числе плантационного, выращивания многих экзотических товарных культур, таких как: хлопок, гевея, пряности, какао, кофе, чай и др.), так и общую отсталость местного населения, в значительной своей части находившегося на первобытном и полупервобытном уровне существования и уже по одной этой причине не имевшего возможности оказать колонизаторам серьезного сопротивления. Это же обстоятельство косвенно явилось причиной работорговли, которая расцвела именно за счет захвата (ловли), продажи и перепродажи незащищенных людей, живших мелкими общинами и поэтому являвшихся легкими потенциальными жертвами работорговцев. И хотя на островах Индонезии масштаб работорговли (в основном за счет первобытного населения Сулавеси) был несравним с тем, что происходило в Африке, важен сам факт: торговали преимущественно теми, за кем не стояла сильная политическая структура, заинтересованная в сохранении и защите своего населения.

Отсутствие сильной политической власти, государства — второе, что сближает ситуацию на юге Азии и в Африке. Здесь имеется в виду не только и не столько океан первобытности, сколько слабость мелких и недолговечных государственных образований, зачастую враждовавших между собой и являвшихся сравнительно легкой добычей даже немногочисленного, но хорошо организованного и вооруженного противника, какими были колонизаторы. Это касается и государств Индокитая, Явы и Суматры, и арабских стран Магриба, и еще в большей степени полупервобытных протогосударственных структур Тропической Африки. Но случайно ли государства — речь не о полупервобытных — оказались столь слабыми в момент колонизации, будь то страны Магриба или даже Индия? Отнюдь. И здесь обратим внимание еще на одно важное обстоятельство, сближающее судьбы колоний Африки и юга Азии.

Речь идет о том самом цивилизационном фундаменте, которому было уделено уже немало внимания. Как говорилось, индуизм и буддизм в принципе отличаются социальной инертностью, политической нейтральностью, что на протяжении веков было фактором, внутренне ослаблявшим соответствующие государства. Правда, это не относится к исламу. Но в Индонезии и Малайе ислам, как упоминалось, оказался достаточно поверхностным наслоением на индо-буддийском религиозно-цивилизационном фундаменте и заметной роли в усилении административно-политической структуры не сыграл. Что же касается стран Магриба и особенно Египта, то там исламский цивилизационный фундамент был достаточно мощным, а основанные на нем государства в принципе сильными. Слабость же их была в том, что они оказались вассалами султана, точнее, одряхлевшей, пришедшей в состояние упадка Османской империи. Таким образом, слабость государств юга Азии была вполне закономерной, Магриба — с известным оттенком случайности, но тоже естественной в сложившихся обстоятельствах. Что же касается государств Тропической Африки, то их слабость была настолько очевидной, что они порой рушились даже без воздействия извне, под влиянием изменившегося баланса транзитной торговли или иных случайных и внешних факторов.

Стоит оговориться, что именно там, где цивилизационный фундамент был наиболее мощным и где государство оказалось достаточно сильным (имеется в виду Египет, особенно после правления Мухаммеда Али), колониальная экспансия в силу необходимости приняла настолько слабый, стертый облик, что есть основания вести речь скорее о полуколониальной зависимости, чем о колониализме, — как формально (Египет оставался вассалом султана), так и по существу. Это исключение из тех, что подтверждают правило. И хотя правило пока еще не очевидно (речь о полуколониях впереди), оно все же напрашивается, в том числе и из сравнения судеб Африки и юга Азии.

Блок третий

Ближний и Средний Восток

Глава 9

Османская империя и республиканская Турция

Кризис империи, становившийся все более очевидным с XVIII в., достиг своего апогея в начале XIX в. Реформы Селима III и Махмуда II на рубеже XVIII—XIX вв. были отчаянной попыткой покончить с пережитками тянувшей страну в средневековые военнопленной системы. Кое-чего они помогли добиться, но последующий ход событий и, в частности, военные успехи Мухаммеда Али Египетского, поставившего Порту (этим термином в Европе обозначали султанское правительство и Османскую империю в целом) на грань военного краха, свели результаты второго тура реформ практически на нет. От полной гибели империя была спасена лишь в результате вмешательства держав, не желавших этого: неизбежно вставал вопрос об обширном наследстве владений империи в Европе, большой вопрос о проливах, на которые претендовала Россия, что категорически не устраивало другие страны, прежде всего Англию. Уже летом 1839 г. державы официально объявили, что берут Порту под свое «коллективное попечение», а Лондонская конференция, ультимативно потребовавшая от Мухаммеда Али отказаться от плодов его побед, в 1840 г. узаконила это коллективное попечительство, причем у нового султана Абдул-Меджида (1839—1861) не было иного выхода, как принять его.

Острый внутривнутриполитический и экономический кризис, военное поражение, давление держав, успешно добивавшихся все новых уступок и льгот, — все это ставило перед новым султаном и его советниками, наиболее известным из которых был Решид-паша, нелегкие задачи, решить которые можно было только с помощью очередного тура реформ. Требовались радикальные преобразования, и именно к ним управители империи вынуждены были прибегнуть. Очередной тур реформ (1839—1870) получил наименование Танзимата («реформы», «преобразования»).

Танзимат

Опубликованный в ноябре 1839 г. Гюльханейский хатт-и-шериф гласил, что новый султан ставит своей целью обеспечить всем подданным гарантии безопасности их жизни, чести и имущества, отменить

систему откупов и упорядочить налогообложение, а также изменить порядок призыва на военную службу. Для осуществления этой программы в начале 40-х годов был проведен ряд реформ в сфере администрации (создание меджлисов, т. е. совещательных органов с участием немусульман при управителях вилайетов и санджаков), суда (составление уголовного и коммерческого кодексов), образования (создание системы светских школ), а также принят ряд мер для усовершенствования земельных отношений и развития экономики.

Реформы вызвали яростное сопротивление в стране, особенно со стороны духовенства, ревностных приверженцев ислама. В трансформации традиционной системы отношений они видели еще один шаг на пути к европеизации страны и соответственно к ослаблению своего влияния, что не могло не расцениваться ими как крушение основ. Одним из наиболее уязвимых пунктов всей программы Танзимата был вопрос о статусе многочисленных подданных империи, не принадлежавших к числу турок и вообще мусульман: попытка уравнивать в правах немусульман с мусульманами встретила наибольшее сопротивление в стране. В результате так и не был изменен порядок призыва на военную службу (армия по-прежнему комплектовалась из мусульман). Более того, проблема статуса христиан вызвала конфликт с Россией, претендовавшей на покровительство по отношению к ним и к «святым местам» в Палестине, что в конечном счете явилось поводом для Крымской войны 1853—1856 гг. По итогам войны Турция оказалась в стане победителей, но эта победа была для нее пирровой, ибо истощила казну и положила начало драматически нараставшей внешней задолженности страны. Главным же результатом войны и связанного с этим очередного нажима держав было продолжение танзиматских реформ.

Реформы 50—60-х годов сделали еще один шаг по пути установления равенства всех подданных империи: был учрежден официальный статус немусульманских общин-миллетов (греческой, армянской, еврейской и др.), объявлено о допуске их представителей к государственной службе (вопрос об участии их в армии остался нерешенным). Был принят важный закон о земле, отменены цеховые регламенты в городах, упорядочена система налоговых откупов. Судебная власть была отделена от административной, а шариатские суды несколько потеснены. Было создано министерство просвещения, ведавшее светскими учебными заведениями, вплоть до высших. И наконец, реформы предоставили немало прав и льгот иностранному капиталу, прежде всего право на владение недвижимостью. Осуществление всех этих реформ было связано с деятельностью виднейших реформаторов второй половины XIX в. Али-паши и Фуад-паши, советников Абдул-Меджида и его преемника Абдул-Азиза I (1861—1876), руководивших правительством империи. Руководствуясь доктриной османизма (все подданные империи — османы), они стремились сохранить доминирующее положение турок в стране при формальном равенстве всех

населяющих империю народов. Понимая необходимость дальнейшей европеизации страны, они делали соответствующие уступки иностранному капиталу, хотя и отчетливо осознавали, сколь непопулярна эта политика и какие мощные силы в империи противостоят ей.

Что касается уступок, то они сводились к тарифным льготам (8 % — единый таможенный налог для иностранных товаров), к подтверждению режима капитуляций, к учреждению ведущего в финансовых делах империи англо-французского Оттоманского банка (1856), вскоре приобретшего статус государственного банка, а также к обширным капиталовложениям в промышленное, железнодорожное строительство, добычу и обработку сельскохозяйственного и иного сырья. Следует заметить, что одновременно рос внешний долг страны, ибо дефицит государственного бюджета со времен Крымской войны погашался за счет займов. Задолженность к 1876 г. достигла огромной суммы в 6 млрд. франков. Платой за это было все более широкое предоставление иностранному капиталу возможностей для проникновения в экономику империи. Результатом этого было постепенное изменение хозяйства страны, втягивавшейся в мировой рынок. Изменялся облик экономики как в сфере традиционного ремесла и торговли, так и в области сельского хозяйства. Все более заметные позиции в хозяйстве занимала нарождавшаяся промышленность, для ее нужд создавалась развитая инфраструктура.

Все эти в общем позитивные для страны перемены, включая и то, что следствием их было экономическое вторжение в страну иностранного капитала, сопровождались ростом национального самосознания, особенно в среде образованных интеллектуалов. В 1865 г. возникло тайное общество «новых османов», ставившее своей целью создать в стране режим конституционной монархии. В начале 70-х годов в Стамбуле начала издаваться газета «Ибрет» («Наставление»), отражавшая их идеи. И хотя газета вскоре была закрыта, позиции сторонников конституции, во главе которых стал видный сановник империи Мидхат-паша, к середине 70-х годов заметно усилились. Массовые выступления учащихся в мае 1876 г. послужили сигналом для начала решительных действий: султан Абдул-Азиз был низложен, а новый султан Абдул-Хамид II согласился на конституцию, которая была официально принята в декабре 1876 г.

Конституция провозглашала основные права и свободы граждан империи, создала двухпалатный парламент и несколько ограничила prerogative султана. Но избранный парламент оказался послушным воле монарха, а великий везир Мидхат-паша был в феврале 1877 г. выслан из страны. Султан, несмотря на все конституционные ограничения его власти, явно становился хозяином положения. И для этого были веские причины. Дело в том, что перемены и преобразования 40—60-х годов, т. е. все танзиматские реформы и тесно связанные с ними изменения в экономике страны, бывшие результатом проникно-

вения в империю иностранного капитала, принесли некоторые выгоды лишь городским слоям населения, которые и поддерживали новые реформы, включая конституцию. Стоит напомнить, что это было в то время в значительной мере нетурецкое и даже немусульманское население страны. Что же касается собственно турок, то они не только не имели выгод от нововведений и не могли воспользоваться их плодами, но напротив, чувствовали себя ущемленными в своем привычном привилегированном положении и даже несли некоторые экономические потери, в частности в связи с земельной реформой.

Разжигаемое мусульманским духовенством недовольство со временем становилось все более осязаемым, чем и воспользовался новый султан, нашедший в этом недовольстве мощную опору для противодействия конституционалистам. Поражение в русско-турецкой войне 1877—1878 г. лишь подлило масла в огонь: его легко можно было объяснить следствием нововведений, ослаблявших власть правителя. В феврале 1878 г. Абдул-Хамид совершил государственный переворот: парламент был распущен, а империя на долгие годы была превращена в весьма мрачную деспотию (в Турции годы правления Абдул-Хамида стали именовать термином «зулум» — деспотия, тирания).

Зулум и младотурки

Режим зулума обернулся для империи взрывом реакции, фактической отменой всех завоеванных ранее прав и гарантий личности, разгулом беззакония и произвола, взяточничества и казнокрадства, доносов и арестов. Пресса была либо закрыта, либо поставлена под строгий надзор цензуры. Полурегулярная кавалерия «хамидие», исполнявшая жандармские функции и состоявшая из башибузуков, наводила страх на население, особенно в нетурецких районах империи, где произвол и насилие порой оборачивались страшными погромами с десятками тысяч беззащитных жертв, как то произошло в турецкой Армении осенью 1894 г. Беззащитной перед лицом реакции оказалась и слабая еще система светского образования: школьные учебники строго пересматривались, специальные средние учебные заведения и Стамбульский университет являли собой жалкое зрелище и временами закрывались вовсе. На всех получивших европейское образование смотрели косо, как на неблагонадежных.

Венцом всей системы зулума стало ее идеологическое обрамление — доктрина панисламизма, ставившая султана-халифа главой всех мусульман. Идеологи панисламизма аль-Афгани и М. Абдо, заложившие основы доктрины, вынуждены были ориентироваться на Абдул-Хамида, а аль-Афгани даже провел последние годы жизни (1892—1897) в Стамбуле. Однако следует заметить, что в представлении идеологов

доктрины панисламизм являл собой движение, ставившее своей целью как-то приспособить мир ислама к существованию в новых условиях и противопоставить мусульманское единство натиску европейского колониализма. Что же касается Абдул-Хамида, то он воспринимал смысл доктрины иначе, видя в панисламизме лишь хорошее средство укрепления собственной власти в империи и поддержки этой власти за пределами страны. Неудивительно, что на практике (султан и его политика) панисламизм скоро превратился в сугубо реакционную идеологию, сила и влияние которой в мире и империи уменьшались по мере упадка власти султана.

Нельзя сказать, чтобы Абдул-Хамид был чересчур рьяным мусульманином-панисламистом. В частности, он хорошо сознавал зависимость империи от держав, что сильно сдерживало его в глобальных устремлениях. Зависимость эта все росла, особенно финансовая. Еще в 1875 г. впервые был поставлен вопрос о невозможности выплачивать внешние долги, а в 1879 г. империя официально объявила себя банкротом. Результатом было создание Управления оттоманского долга (1881), в ведение которого, т. е. в распоряжение держав, поступали доходы от государственных монополий на табак, соль, спирт и ряд налогов. Вначале в Управлении и вообще в сфере экономической и промышленной экспансии преобладали англичане и французы, но с конца века, особенно после приобретения железнодорожной концессии в Анатолий и начала строительства дороги в Багдад (1888), ведущие позиции в экономике Турции стали переходить к немцам. Немецкие офицеры приступили к реорганизации турецкой армии.

Европеизация Турции, несмотря на сопротивление панисламистов, понемногу делала свое дело. Пусть конституционные права нарушались, но они существовали в умах и стремлениях нового поколения, выросшего и сформировавшегося в борьбе за эти реформы. Нельзя забывать и о городском населении, пользовавшемся плодами экономического роста и промышленного развития страны и тоже стоявшем за реформы, против возврата к прошлому. Наконец, несмотря на притеснения, в стране работали светские учебные заведения, выпускавшие все новые отряды турецкой интеллигенции, вполне очевидно ориентировавшейся на европейские знания, демократические права и культурные традиции. Словом, в Османской империи складывалась ситуация, обычная для многих стран Востока той эпохи: традиционная структура, поставленная в условия насильственного проникновения в нее колониального капитала, сопротивлялась и приспособлялась одновременно, причем обе стороны этого процесса были представлены соответствующими тенденциями и политическими силами. В Османской империи конца XIX в. силы традиционализма были представлены режимом зулума. Но понемногу вновь консолидировались и представители течения реформаторов, у истоков которого в свое время стояли как осуществлявшие реформы сановники империи, так и интеллигенты

из числа «новых османов». На смену новым османам в условиях зулюма пришли в конце XIX в. младотурки.

Первые организации младотурок возникли в 1889 г. В Стамбуле это была ячейка среди курсантов военно-медицинского училища, построенная по принципу организаций карбонариев и ставившая целью избавление страны от деспотизма, возврат к конституционным нормам. По ее образцу вскоре были созданы аналогичные ячейки и в других учебных заведениях. Одновременно с этим в Париже, в эмиграции, А. Риза-бей создал общество борцов против тирании. Первая листовка от имени организации «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс») стала распространяться в Стамбуле в 1894 г., после чего начались гонения на иттихадистов-младотурок. Значительная часть их бежала в Париж, где в 1895 г. Риза-бей начал издавать газету, излагавшую программу организации: борьба за свободу, справедливость, равенство при единстве прав и интересов всех подданных империи; сохранение империи с учетом необходимых реформ; прогресс и развитие страны в условиях конституционного строя и при невмешательстве иностранцев в ее дела.

Вся образованная часть населения империи, равно как и многие другие слои, в том числе немусульманские народы, со вниманием следили за развитием событий и сочувствовали иттихадистам. Были даже сделаны попытки государственного переворота (1896), на что султан ответил репрессиями. Однако, несмотря на репрессии, количество ячеек иттихадистов быстро росло. В 1902 г. в Париже состоялся первый съезд младотурок, в котором приняли участие несколько десятков делегатов; среди них произошел раскол, в основном по вопросу о том, стоит ли опираться на помощь держав в борьбе за достижение целей младотурок. Но, несмотря на раскол, отделения иттихадистов по-прежнему действовали весьма активно, временами изменяя название своих организаций. В условиях революционного подъема в мире в начале XX в. радикализм стремлений и требований младотурок все нарастал. Второй конгресс их, тоже состоявшийся в Париже (1907), завершился принятием Декларации, которая призвала страну к восстанию против режима Абдул-Хамида. Резко усилилась пропаганда младотурок в армии, особенно среди молодых офицеров. Были также налажены контакты с оппозиционными партиями и организациями нетурецких народов империи. Назревали решающие события. Центром их оказалась расположенная к северу от Стамбула Македония.

Летом 1908 г. офицеры расквартированных в Македонии турецких войск Ниязи-бей и Энвер-бей выступили со своими отрядами против Абдул-Хамида с требованием восстановления конституции. Султан был вынужден принять это требование, и уже осенью 1908 г. открылись заседания вновь избранной палаты депутатов, где младотурки имели

две трети мест. Правда, вскоре султан, опираясь на верные ему войска в Стамбуле, попытался было взять реванш: весной 1909 г. он вновь распустил парламент, восстановил всю полноту власти шариата и начал преследовать деятелей младотурецкого движения. Но лидеры младотурок из Салоник двинули на Стамбул свои вооруженные силы, которые с боями заняли столицу и низложили Абдул-Хамида, захватив при новом султани Мехмеде V всю реальную власть в свои руки. Так завершился военно-революционный переворот, именуемый в историографии младотурецкой революцией.

Младотурки провели в стране ряд реформ, из которых важнейшая касалась реорганизации армии, жандармерии и полиции. Но главную свою цель они видели в том, чтобы отстоять целостность империи в условиях, когда державы стремились расчленить ее. Именно в разгар революции Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, а Россия и Англия вели переговоры о статусе Македонии, что, собственно, и послужило поводом для выступлений армейских офицеров в этой провинции. Для достижения своих генеральных целей иттихадисты вновь выдвинули на передний план доктрину османизма, причем в ее весьма жесткой трактовке: нетурецкие земли и населяющие их народы — это неотъемлемая часть Турции, всё османское, все османы. В соответствии с этой жесткой политикой были и внутривластные акты младотурок: в 1910 г. начались гонения на нетурецкие народы под лозунгами панисламизма и пантюркизма, что вызвало сильное сопротивление и заметно ослабило позиции иттихадистов.

В 1911 г. на базе существовавших ранее оппозиционных партий и группировок была создана либеральная ассоциация «Хюрриет ве иттиляф» («Свобода и согласие»), причем иттиляфисты, пообещав нетурецким народам автономию в рамках империи, добились быстрых успехов и летом 1912 г. пришли к власти. Однако неудачи в Балканской войне 1912 г. вновь привели к власти младотурок, причем на сей раз в форме еще более жесткой. В 1914 г. вся полнота власти была взята триумвиратом из Энвера, Талаата и Джемала. Именно эти лидеры младотурок руководили Турцией в годы мировой войны, когда империя воевала на стороне Германии. Именно они ответственны за страшную резню армян в 1915 г. Поражение Германии в мировой войне, военные неудачи и недовольство в стране, наконец, капитуляция Турции в октябре 1918 г. положили конец власти младотурок, лидеры которых бежали из пределов империи. Султанская империя агонизировала. Союзники аннексировали все ее внешние владения (Балканы, арабские земли). Встал вопрос о том, какой быть послевоенной Турции. В эти трудные дни решение вопроса взял на себя сам турецкий народ во главе с его новыми лидерами, отошедшими от лозунгов младотурок и поставившими во главу угла тезис о независимости собственно Турции.

Кемалистская революция и радикальные преобразования

В начале 1919 г. к власти в стране пришли иттиляфисты, но пределы их власти были весьма ощутимо ограничены войсками Антанты, оккупировавшими ряд территорий империи и введшими свой флот в проливы. В мае 1919 г. в добавление к этому Греция оккупировала Измир и прилегающие территории. А поскольку турецкая армия по условиям капитуляции оказалась демобилизованной, все это открывало простор для дальнейшего расчленения страны. Неудивительно, что подобная перспектива вызвала сопротивление, принявшее вначале стихийный характер.

В зоне оккупации начали действовать партизанские отряды, количество которых быстро росло. По всей стране стали возникать общества защиты прав местного населения, в руководстве которых основную роль играли представители интеллигенции и прежде всего офицерства. В 1919 г., сначала в июле в Эрзеруме, а затем в сентябре в Сивасе состоялись один за другим два конгресса этих обществ, на которых был избран Представительный комитет во главе с генералом Кемаль-пашой. Документы конгрессов призывали страну к борьбе за независимость и против оккупантов, а султана — к созданию нового кабинета. В октябре был создан новый кабинет, а в январе 1920 г. созван вновь избранный парламент, принявший «Национальный обет», т. е. декларацию независимости Турции, содержащую призывы к уничтожению всех препятствий для развития страны, включая прежде всего привилегии держав. В ответ на эту декларацию державы в марте 1920 г. оккупировали Стамбул и разогнали парламент. Султан был вынужден покориться, а его новое правительство официально выступило против Представительного комитета и Кемаль-паши.

Такой поворот событий вызвал бурный взрыв негодования по всей стране. На волне национально-патриотического подъема в апреле 1920 г. в Анкаре был избран новый меджлис — Великое национальное собрание Турции (ВНСТ), в которое были включены и 105 бежавших из Стамбула членов разогнанного парламента. Председателем ВНСТ стал Мустафа Кемаль-паша, провозгласивший новый орган власти единственной законной властью Турции. Созданное ВНСТ правительство во главе с Кемалем приняло ряд энергичных мер по упрочению своей власти. Первой дипломатической акцией его была апелляция за помощью к Советской России, изъявившей готовность помочь ему. Вслед за тем в ответ на интервенцию греческих войск в глубь Анатолии турки начали успешную военную кампанию (битвы при Иненю в 1921 г.), завершившуюся осенью 1922 г. изгнанием интервентов.

Успехи кемалистской революции спутали все карты держав Антанты. Условия навязанного султану в 1920 г. кабального Севрского договора, в соответствии с буквой которого и началась, в частности,

интервенция греков в Анатолии, были пересмотрены. В итоге конференции в Лозанне была признана независимость Турции в ее современных границах. Еще ранее, 1 ноября 1922 г., ВНСТ приняло закон о ликвидации султаната, после чего осенью 1923 г. Турция была провозглашена республикой. Правда, давление исламского духовенства сказалось в том, что представитель султанской династии Абдул-Меджид II был официально провозглашен «халифом всех мусульман», однако в марте 1924 г. был ликвидирован и халифат.

Ситуация, сложившаяся в результате национально-патриотического подъема, и огромные успехи революции, сумевшей добиться независимости и успешно противостоять натиску держав, — все это создало Кемалю огромный авторитет в стране. Опираясь на этот авторитет, лидер революции и руководство созданной им в 1923 г. Народно-республиканской партии (НРП) приступили к серии решительных и радикальных преобразований, которые заняли свыше 10 лет (1923—1934) и во многом изменили как традиционную структуру страны, так и ее внешний облик.

По конституции, принятой в 1924 г. и уточнявшейся, а также изменявшейся в последующие годы, Турция объявлялась республикой во главе с президентом, облеченным большой властью. Высшим органом власти был однопалатный меджлис, из депутатов которого президент назначал премьера, комплектовавшего кабинет министров. Выборы в парламент были двухстепенными по мажоритарной системе. Женщины вначале к участию в выборах не допускались; с 1930 г. им предоставлялось право избирать и быть избранными в муниципальные органы власти, позже (1934) также и в меджлис. Конституция декларировала все основные демократические права и свободы, что, несмотря на формальный характер подобной декларации в ряде аспектов, было весьма важным шагом в деле трансформации традиционной исламской структуры. В целях централизации управления изменялась административная структура: страна была разбита на округа-вилайеты, тогда как прежние вилайеты-губернии упразднились.

Серия реформ была связана с секуляризацией государства. Ислам, вначале объявленный государственной религией, вскоре потерял этот статус и был низведен до уровня отделенной от школы и государства религии. Вакуфное имущество в большинстве своем было национализировано, шариатские суды и духовные школы-медресе упразднены, дервишеские организации ликвидированы. Ни одно из исламских государств никогда не совершало одним ударом столь радикальных преобразований, высвобождавших страну из жесткой паутины ислама. Символом этого высвобождения было не только уравнивание в правах женщин, но также и принятое в специальных законах и обязательное для всего населения распоряжение перейти на европейскую форму одежды, европейский календарь и летосчисление, гражданскую форму брака с ликвидацией многоженства и введение фамилий с упраздне-

нием старых форм обращения (бей, паша, эфенди и т. п.). Специальным решением парламента Кемалю была присвоена фамилия Ататюрк («отец турок») с запрещением носить ее еще кому-либо. Был принят латинизированный алфавит, заменивший арабский и облегчивший обучение в многочисленных заново создававшихся по европейскому стандарту начальных и средних школах, специальных и высших учебных заведений. Упразднение шариатского суда сопровождалось введением судопроизводства по европейскому образцу, что повлекло за собой необходимость создания кадров юридически подготовленных специалистов, прежде всего адвокатов (и поныне это одна из самых почтенных профессий в стране). Вся линия реформ теоретически, в программе НРП, соответствовала принципу лаицизма (светскости).

Вторым кардинальным принципом преобразований был этатизм (огосударствление), проявлявшийся в основном в сфере экономической жизни. Дело в том, что в силу исторически сложившихся обстоятельств турки, как о том уже говорилось ранее, не составляли заметного слоя в числе активного городского населения — торговцев, предпринимателей. Экономически же активные греки, армяне, евреи, кавказцы десятилетия, предшествовавшие кемалистской революции, подвергались гонениям, а то и становились жертвами геноцида. Результатом было ослабление экономических позиций городского населения страны, особенно заметное перед лицом натиска европейских держав, иностранного капитала. Восстановить нарушенный баланс и исправить положение в пользу национального капитала могло лишь государство, что было нормальным и естественным для структуры, традиционно базировавшейся на неизменном приоритете и даже господстве государственного руководства экономикой страны при вторичности и ущемленности частного предпринимательства. Правда, официально кемалистское правительство — в полном соответствии с духом и буквой буржуазно-демократической по своему характеру конституции — призывало к активизации частнособственнического предпринимательства граждан и их ассоциаций, но на деле слабость экономических позиций страны могла быть быстрыми темпами ликвидирована только целенаправленными усилиями самого государства, что и было реализовано в рамках этатизма.

Турецкое правительство приступило к ликвидации иностранных концессий, которые частично были аннулированы, частично выкуплены. К Центральному республиканскому банку перешло от выкупленного Оттоманского банка право эмиссии. Правительство взяло в свои руки строительство новых железных дорог, портов, промышленных предприятий. Были установлены более высокие таможенные тарифы, защищавшие молодую промышленность страны от иностранной конкуренции. Официально отменялся режим капитуляций, предоставлявший льготы европейскому капиталу. Что касается сельского хозяйства, отсталость которого на фоне многочисленных преобразований стано-

вилась все более заметной, то там были проведены налоговые реформы, в частности отменена средневековая система ашара (арабо-исламский ушр, десятина) и созданы условия для повышения товарности сельскохозяйственных продуктов, прежде всего табака и хлопка. В целом политика этатизма принесла свои результаты: была заложена основа промышленного развития страны (только за 1933—1939 гг. стоимость продукции цензовой промышленности возросла втрое). Но оборотной стороной этой политики был жесткий режим в сфере труда, включая строгую регламентацию работы на государственных предприятиях, отсутствие либо запрещение деятельности свободных профсоюзов (их заменяли государственные, «желтые»), а также запрещение свободной деятельности оппозиционных партий, которые то возникали, то распускались, включая и коммунистическую, почти постоянно бывшую вне закона (все это опиралось на соответствующие статьи конституции страны).

Вообще говоря, политика НРП не могла не вызывать сопротивления со стороны разных кругов общества, справа и слева. Слева были представители радикальных партий и группировок, критиковавшие кемалистов за осторожную умеренность их политики. Справа — немалые реакционные силы, опиравшиеся на потесненное, но не сломленное исламское духовенство, на не вписывавшееся в нововведения и мало получившее от преобразований крестьянство. Пока был жив Кемаль (в 1936 г. он заболел и начал отходить от дел; в 1938 г. умер), его колоссальный харизматический авторитет сдерживал силы оппозиции, но после его смерти позиции кемалистов и НРП пошатнулись. Начался новый этап в истории Турции, характеризующийся неустойчивостью многопартийной политической системы.

Турция после Кемалья

В ноябре 1938 г. президентом Турции стал И. Иненю. В новом составе меджлиса (1939) по-прежнему абсолютно господствовала НРП. Успехи во внешней политике были отмечены урегулированием проблемы оттоманского долга и укреплением связей с державами, включая СССР. Но особое место в системе этих связей занимала Германия. Вторая мировая война прошла в Турции под знаком формального нейтралитета, но фактически настроения и политика были прогерманскими, а мобилизация огромной армии и финансовые осложнения военного времени привели к резкому возрастанию задолженности страны.

Поражение Германии во Второй мировой войне поставило руководителей Турции в весьма сложное положение, особенно на фоне недовольства населения экономическими затруднениями. Встал воп-

рос о путях развития и новой ориентации страны. Необходимо было сделать выбор, и он был сделан. Уже в 1945—1947 гг. были приняты несколько законов о земельной реформе, о создании министерства труда, о профсоюзах. Стали издаваться новые газеты и журналы, порой весьма радикального направления. И наконец, была официально признана (в выступлении Иненю в парламенте в ноябре 1945 г.) необходимость отказа от однопартийной системы. В январе 1946 г. группа депутатов из числа бывших членов НРП создала новую Демократическую партию (ДП) во главе с бывшим премьером Д. Баяром. В отличие от правящей партии ДП выступала за широкую свободу действий для частного капитала, включая иностранный, за строгое соблюдение в стране всех декларированных конституцией гражданских прав и демократических свобод. На выборах 1946 г. эта партия получила 61 место в парламенте (НРП — 396).

Доктрина Трумэна, связанные с ней огромные кредиты и американские инвестиции (план Маршалла) завершили процесс переориентации Турции и в немалой степени способствовали отходу от официальной политики этатизма к экономическому развитию страны с упором на частнопредпринимательскую деятельность. Эта политика и новая ориентация усиливали позиции ДП, которая на выборах 1950 г. добилась большого успеха (396 мест против 68 у НРП). Президентом страны стал Д. Баяр, премьером — А. Мендерес. На протяжении 50-х годов ежегодный прирост промышленной продукции в Турции достигал 8 %, хотя это сопровождалось ростом внешней задолженности и прежним жестким преследованием радикальной прессы. Впрочем, обстановка в самой стране постепенно менялась.

Прежде всего, несмотря на преследования, режим поощрения прав и свобод не мог не сказаться на росте оппозиционных сил. Эти силы были разными по характеру. С одной стороны, крепло рабочее движение, возглавлявшееся профсоюзами и проявлявшееся в забастовках и возрастании требований как экономического, так и политического характера. С другой — активизировалось исламское духовенство, добившееся от ДП ряда важных уступок (преподавание ислама в школе, строительство мечетей, чтение Корана по радио и др.). Влияние духовенства росло довольно быстро, особенно среди необразованного населения, в деревне. Частично это влияние шло в ногу с официальной политикой ДП, делавшей ставку на разжигание национализма в стране и в то же время опиравшейся на реакционные силы как в самой стране, так и за ее пределами. Дело дошло до того, что в апреле 1960 г. была создана парламентская комиссия с чрезвычайными полномочиями для расследования «подрывной деятельности» оппозиции. Это оказалось предельной мерой, вызвавшей взрыв недовольства.

27 апреля состоялся митинг студентов Стамбульского университета, за которым в последующие дни прошли массовые демонстрации студентов в Стамбуле и Анкаре, в других городах. Движение студентов

было поддержано недовольным армейским офицерством (в армии с 1954 г. существовала тайная организация «ататюркистов», ставившая целью возврат к политике Кемаля), от имени которого командующий сухопутными силами Д. Гюрсель предъявил правительству ультиматум. 27 мая был совершен государственный переворот. Власть перешла в руки Комитета национального единства во главе с Гюрселем. По решению комитета она была передана Учредительному собранию, которое в мае 1961 г. приняло новую конституцию страны.

Конституция 1961 г. провозгласила верховенство народа, вновь декларировала свободы и права граждан, в том числе право на создание различных партий и группировок, на свободное издание газет и т. п. Согласно новой конституции, было строго оговорено разделение властей — независимых друг от друга законодательной, исполнительной и судебной. В предвыборной борьбе в октябре 1961 г. приняло участие несколько партий, включая созданную на основе распущенной ДП (лидеры ее были сурово наказаны; трое из них, в том числе Мендерес, казнены) Партию справедливости (ПС). ПС и НРП получили в новом двухпалатном парламенте Турции большинство мест. Президентом страны был избран Гюрсель, премьером стал лидер НРП Иненю.

60-е годы прошли в Турции под знаком бурного роста политической борьбы. Возникали все новые и новые партии и группировки, как левые, так и правые. На фоне партийной борьбы все остальные проблемы страны, в том числе и экономические, оказались как бы на заднем плане. И хотя правительство по-прежнему уделяло им немало внимания и государственный сектор экономики соответственно увеличивался, параллельно с этим росла и задолженность страны — следствие экономической неэффективности государственного хозяйства. Усиление забастовочной борьбы рабочих, вызванные этим репрессивные меры правительства во главе с лидером ПС С. Демирелем в конце 60-х годов снова создали в Турции обстановку внутреннего кризиса и анархии. В итоге военные опять оказали давление на власть с целью навести порядок.

В марте 1971 г. правительство Демиреля было вынуждено уйти в отставку. И хотя на этот раз руководители армии активно не вмешались в политику, предоставив это дело новому правительству, именно они диктовали правительству его политику, суть которой сводилась к наведению порядка жесткой рукой, т. е. к преследованию радикальных партий, групп и органов печати. Объявленное в апреле 1971 г. чрезвычайное положение в Анкаре и Стамбуле было отменено лишь осенью 1973 г., а собравшийся вслед за этим новый парламент принял ряд важных реформ, в том числе закон об аграрной реформе, предусматривавший выкуп земель у крупных собственников и распределение их среди крестьян.

70-е годы были в некотором роде повторением 60-х. После вмешательства военных вновь началась ожесточенная борьба политических партий за власть. С новой силой разгорелись страсти, принявшие к концу десятилетия характер массовых акций политического экстремизма, что вновь привело страну к состоянию, близкому к анархии. Экономика страны, несмотря на некоторые успехи (в 1975 г. прирост валового продукта составил 8 %), оставалась по-прежнему в основном государственной и потому была неэффективной, ложившейся тяжелым грузом на бюджет. К 1980 г. внешняя задолженность Турции в связи с этим достигла 20 млрд. долл. Дорого обошлась стране и военная экспедиция 1974 г. на Кипре. 12 сентября 1980 г. в условиях резкого обострения внутривнутриполитического кризиса в Турции вновь был совершен военными государственный переворот — на сей раз с роспуском всех политических партий и парламента.

Стоит отметить бросающуюся в глаза закономерность динамики развития страны в послевоенное время. Абстрагируясь от деталей, эту динамику можно зафиксировать примерно в таком виде: от парламентских свобод с политической борьбой к состоянию нестабильности при экономической неэффективности и росте задолженности; от нестабильности к острому кризису и, как результат, к вмешательству военных, восстанавливающих статус-кво и как бы создающих условия для очередного аналогичного цикла. Если эту динамику интерпретировать с точки зрения концепции сопротивления и приспособления традиционной структуры к новым условиям существования страны, где формально декларированы все гражданские права и свободы и предоставлена возможность для развития частнособственнического предпринимательства, то окажется, что структура Турции в целом долгие десятилетия не была вполне готова к радикальной трансформации. Энергия внутренней трансформации, не будучи в основном направлена в сферу экономики, что имело место, скажем, в Японии, как бы осела в сфере политики, где формально декларированные права и свободы предоставили для этого определенный простор. Этому в немалой мере содействовало то уходящее корнями в историю обстоятельство, что турки всегда были воинами, администраторами и менее всего — торговцами и предпринимателями. Нехватка опыта была компенсирована традиционной формой — слиянием власти с собственностью. Отсюда ведущая роль государственного хозяйства со всеми его особенно заметными в эпоху бурного развития капитализма слабостями, сводящимися в конечном счете к экономической неэффективности бюрократического управления хозяйством и соответственно к росту внешнего долга страны. Можно отметить и еще одну немаловажную закономерность: в условиях жесткой (военной) централизованной власти упомянутая экономическая неэффективность менее заметна, тогда как состояние политической нестабильности усиливает ее импульс, что и ведет страну к кризису.

В заключение несколько слов об исламе. Радикальные кемалистские преобразования почти не оставили ему места в социальной и политической жизни страны — в этом Турция уникальна среди других мусульманских стран XX в. Но, несмотря на это, в годы нестабильности ислам в стране поднимает голову. Его сторонники начинают вести активную пропаганду и быстро находят сочувствующих ей, ибо корни ислама глубоки, ими пронизана вся традиция страны, включая ее культуру, в том числе политическую. И хотя политический экстремизм в наше время распространен достаточно широко и вне мусульманского мира, многое здесь — что касается Турции — явно восходит к фанатизму ислама, с чем нельзя не считаться.

Глава 10

Шиитский Иран в XIX—XX вв.

Став с начала XVI в. центром шиитской оппозиции в мире ислама, шахский Иран не только продолжал последовательно отстаивать свою самобытность, но и весьма болезненно реагировал на вмешательство в его дела извне, особенно со стороны России и Англии, ведших дело к превращению этой страны в полуколонию. Вынужденная приспособляться к изменяющимся обстоятельствам, традиционная структура Ирана реагировала на них особенно бурно. Именно проявлением такого рода реакции было и восстание бабидов в середине XIX в. — восстание, несколько опередившее давно назревавшие в стране реформы.

Баб и бабиды

В 1844 г. — ровно через тысячу лет (по европейскому календарю) с момента легендарного исчезновения двенадцатого скрытого имама — сеид Али Мухаммед объявил себя Бабом, т. е. вратами, через которые ожидаемый имам в качестве мессии Махди вот-вот должен спуститься на землю. Прихода скрытого имама шииты всегда ожидали с нетерпением, а в периоды острых кризисов это нетерпение стократ возрастало. Неудивительно, что проповедь, с которой выступил набожный торговец из секты шейхитов, вызвала широкий отклик в стране. Махди ожидали со все возрастающим напряжением, а идеи Баба, распространявшиеся его последователями вначале в весьма неопределенной форме и потому получавшие различную интерпретацию в зависимости

от обстоятельств (то это были призывы к справедливости и снижению налогов, то осуждение богатства и роскоши, то возмущение бесцеремонностью иностранцев, то требования социальных и имущественных прав и гарантий), день ото дня обретали все большую силу, особенно в Азербайджане, где произвол персидских властей ощущался наиболее остро. Встревоженные власти заключили Баба в 1847 г. в тюрьму, но это его не остановило: именно сидя в крепости Баб написал свою знаменитую книгу Беян, в которой он провозгласил себя долгожданным Махди и изложил принципы своего учения. Вкратце эти принципы сводились к тому, что новая эпоха рождает нового пророка, устами которого говорит Аллах, что он, Баб и Махди, является именно таким пророком, несущим миру справедливость, гарантирующим защиту прав и имущества и в то же время выступающим против произвола власти и засилья иностранцев. Распространяя идеи Баба, его последователи во многом шли дальше него, требуя раздела и общности имущества, выступая за всеобщее равенство, включая и равенство женщин. Эти эгалитарные призывы оказывали едва ли не наибольшее воздействие на крестьянские массы, следствием чего были быстрое возрастание количества бабидов и радикализация этого движения.

В стране одно за другим начиная с осени 1848 г. вспыхивали бабидские восстания, причем казнь самого Баба летом 1850 г. лишь подлила масла в огонь. И хотя восстания вскоре были подавлены, ушедшие в подполье бабиды не сдавались, а в 1852 г. пытались даже убить шаха. Естественно, что после этого преследования бабидов усилились. Расправа с восставшими бабидами и бегство уцелевших предводителей и идеологов движения в соседние страны, в основном в Ирак, находившийся под властью Османской империи, привели к изменению характера самого протеста. Подхвативший знамя бабидов Бехаулла заявил себя сторонником ненасильственных действий и, восприняв многое из западных идей, выступил против войн, за терпимость, равноправие, предел имущества и некую наднациональную всемирную общность людей. Хотя бехаизм, в отличие от бабизма, не получил широкого распространения и поддержки в Иране, его идеи, как и движение бабидов, сыграли определенную роль в изменении обстановки в стране. Впрочем, в этом же направлении пытались в те годы действовать и власти, о чем свидетельствуют реформы премьер-министра Таги-хана (эмира Низама). Реформы, проводившиеся в основном в армии, хотя затронувшие и сферу ремесла и торговли, а также просвещения (первая газета, первая светская школа-лицей), могли и должны были послужить началом для серии преобразований, в которых давно нуждалась страна и которые и без того сильно запоздали (по сравнению, скажем, с эпохой Танзимата в Турции). Но подозрительность шаха Наср ад-Дина, ревниво относившегося к популярности Таги-хана и увидевшего в нем возможного соперника, привела к отставке реформатора.

Прекращение реформ не замедлило сказаться: успешный поход шаха на Герат в 1856 г. завершился отступлением под давлением англичан, навязавших Ирану униженный мирный договор. Вслед за тем начался период активного проникновения иностранного капитала в Иран. Займы, концессии, полуколониальный характер внешней торговли — все это за короткий срок подчинило экономику страны иностранцам. И хотя шах после нескольких поездок в Европу в 70—80-х годах ввел в систему управления страной некоторые новшества, включая попытку ограничить судебную власть шиитского духовенства и несколько европеизировать систему администрации, эти сильно запоздавшие попытки уже мало что могли изменить.

В отличие от Османской империи, где благодаря танзиматским реформам была сохранена политическая независимость, шахский Иран эту независимость быстро утрачивал. Дело дошло до того, что в конце XIX в. Россия и Англия практически поделили между собой сферы влияния в этой стране. Север страны, включая ее столицу, находился под сильным политическим давлением России, а наиболее надежным армейским формированием на долгие десятилетия стала созданная и возглавлявшаяся русскими офицерами казачья бригада. Район Персидского залива почти целиком зависел от англичан. Правда, шах время от времени под давлением недовольных в стране выступал против иностранного господства, особенно в сфере экономики, что проявлялось в виде отмены некоторых кабальных концессий, но ситуация в целом была очевидной: Иран после бабидского восстания и урезанных реформ Таги-хана оказался внутренне слабым. Его традиционная структура не успевала приспособиться к быстрым изменениям в мире и вокруг страны, следствием чего и явилось экономическое, а затем и политическое закабаление, превращение страны в полуколонию России и Англии. Однако, несмотря на все сказанное, традиционная структура не была сломана. Мало того, она постепенно и достаточно активно созревала для трансформации, а проникновение в Иран влияний извне и усиленный контакт с Россией способствовали этому.

Иранская революция 1905—1911 гг.

Пожалуй, именно на примере Ирана известный тезис о пробуждении Азии под влиянием русской революции 1905 г. работает наиболее зримо и очевидно. Уже на рубеже XIX—XX вв. большое количество иранских отходников, особенно из иранского Азербайджана, работали на предприятиях русского Закавказья. Только в Баку, по некоторым данным, их в 1904 г. насчитывалось 7 тыс. — свыше 20 % всего бакинского пролетариата. Русские революционеры вели с ними работу, и, возвращаясь на родину, отходники несли с собой новые идеи, порой весьма радикальные. Эти идеи жадно впитывались голодающими кре-

стями на рубеже XIX—XX вв., когда в Иране резко обострилась продовольственная проблема, что вело к sporadическим голодным бунтам и народным демонстрациям, сопровождавшимся разгромом домов спекулянтов и торговцев зерном, и способствовало возникновению революционной ситуации. Для взрыва нужен был лишь повод, и этот повод не замедлил появиться: жестокое избиение старика-сеида по приказу властей вызвало в декабре 1905 г. взрыв недовольства населения страны. Увидев в этом акте издевательство над верой (сеиды — потомки пророка) и торжество несправедливости, жители Тегерана вышли на улицы. Недовольное шахскими администраторами шиитское духовенство подстрекало массы. Тысячи видных горожан демонстративно засели в бест* в мечети близ столицы и стали требовать от шаха наказания виновных и учреждения «дома справедливости» (это не очень определенное требование означало как справедливый суд, основанный на общем для всех законе, так и нечто вроде законосовещательного собрания). Напуганный волнениями шах согласился на предъявленные ему требования, но вскоре после этого начались репрессии. В ответ на них летом 1906 г. поднялась новая волна протестов: тегеранские горожане во главе с духовниками 30-тысячной процессией направились в священный город Кум (где похоронена дочь пророка Фатима), тогда как другие засели в бест на территории английской миссии.

Напуганный еще больше, чем в январе, шах вынужден был капитулировать, на сей раз всерьез. 5 августа 1906 г. был опубликован указ о введении в стране конституционного режима и о созыве меджлиса, члены которого должны были избираться по курιαльной системе в два этапа. Собравшийся осенью того же года меджлис принял ряд важных законоположений, включая закон о максимальной цене на хлеб. Главной же заботой депутатов была разработка Основного закона. Принятый меджлисом и подписанный шахом, этот закон (конституция) предусматривал ограничение власти шаха меджлисом, прежде всего во всем том, что касалось бюджета и вообще финансов и экономики страны, включая и взаимоотношения с иностранцами. Осенью 1907 г. меджлис принял дополнения к этому закону, включавшие основные гражданские права и свободы и создание, наряду с религиозными, светских судов. Был также принят принцип разделения властей — законодательной, исполнительной, судебной. Однако при всем том шиитский ислам оставался государственной религией, а высшим духовным сувереном всех иранских шиитов признавался двенадцатый скрытый имам. Шах оставался лишь главой исполнительной власти — обстоятельство, сыгравшее немалую роль в последующей судьбе шахского престола.

* Бест — в Иране право убежища на территории некоторых священных мест.

Революционные перемены шли не только на высшем уровне. В городах Ирана один за другим возникали революционные энджумены, своего рода советы, организации типа полуклубов-полумуниципалитетов, которые на местах устанавливали контроль над представителями власти, контролировали цены, основывали школы, издавали газеты и т. п. Одних только газет и журналов в эти революционные годы в Иране издавалось до 350 названий. Сильная поддержка и все новые требования снизу давили на депутатов меджлиса, вынуждая их принимать все новые законы — об упразднении условных земельных держаний типа тиулей, сокращении пенсий знати, смещении реакционных губернаторов, о борьбе со взятками и вымогательствами и т. п. В апреле меджлис узаконил статус энджуменов, хотя и ограничил их права вмешиваться в политические дела. В ответ на это в стране усилилось движение муджахидов — борцов за веру, за идею, за справедливость. Многочисленные, в том числе и нелегальные организации муджахидов выдвигали различные требования, подчас радикальные. Из числа муджахидов выходили и молодые борцы за веру — федаи (федаины), готовые на крайние меры, в том числе и на самопожертвование во имя идеи. Радикализм муджахидов и особенно федаев вызвал беспокойство не только шахских властей, но и большинства депутатов меджлиса, опасавшихся разгула страстей. Еще больше боялся дальнейшей радикализации событий шах, который в конце 1907 г. заручился согласием меджлиса на сохранение статус-кво. Англо-русское соглашение 1907 г. о формальном разделе сфер влияния в охваченном революцией Иране вызвало сильное противодействие руководства Ирана, не признавшего данный документ, причем именно это обстоятельство сыграло немалую роль в сближении позиций меджлиса и шаха.

Соглашение с меджлисом усилило позиции шаха. В то же время накал революционной борьбы несколько ослаб. Летом 1908 г. шах считал момент подходящим для контрреволюционного переворота: казачья бригада по его приказу разогнала меджлис и энджумены в столице. Однако этот успех оказался непрочным. Эстафету революции взяла столица иранского Азербайджана Тебриз, где позиции радикальных организаций были особенно сильны. Восставшие тебризцы к октябрю 1908 г. изгнали из города сторонников шаха и выступили с требованием восстановить действие конституции и создать новый меджлис. В феврале 1909 г. перешла к сторонникам конституции власть в Реште, после чего то же самое произошло и в других городах соседнего с Азербайджаном Гиляна. Гилянские федаи стали готовиться к походу на Тегеран. Весь север Ирана выступил против шаха. Выступили против него и отряды бахтиарского хана на юге, в Исфагане. Обеспокоенные развитием событий англичане на юге и русские войска на севере в ответ на это заняли некоторые города, в том числе Тебриз. Но вмешательство держав было не в пользу шаха. Конечно, наиболее радикальные группы были разоружены, однако энджумены в Тебризе и при вошедшем в город русском войске продолжали осуществлять

свою власть, не признавая и не допуская в город вновь назначенного шахского губернатора. Тем временем гилянские федаи с возглавившим их Сепехдаром и бахтиарские отряды вошли в Тегеран и свергли шаха Мухаммеда Али, вскоре эмигрировавшего в Россию. Во главе правительства стал Сепехдар, а в ноябре 1909 г. новый шах Ахмед созвал 2-й меджлис. Отказ от куриальной системы привел к тому, что по составу новый меджлис был правее первого. Все же, несмотря на это, новый меджлис и его правительство пытались упрочить революционную власть.

Сделать это было нелегко. Финансы страны после нескольких лет революции оказались, как и экономика в целом, в крайне запущенном состоянии. Прибегнуть к помощи России либо Англии новое правительство не желало. Был избран компромиссный вариант: в Иран был приглашен американский финансовый советник М. Шустер, получивший огромные полномочия. Шустер прибыл в Иран в мае 1911 г. и приступил к энергичной деятельности, сводившейся прежде всего к реорганизации всей службы налогов. Похоже на то, что эта деятельность стала быстро давать результаты. Это вызвало раздражение со стороны России и Англии, которые не желали серьезного укрепления в Иране американского влияния и выступили против поддерживавшего Шустера революционного режима. Вначале в качестве пробного шара была предпринята попытка восстановить на престоле привезенного из России экс-шаха, а когда эта попытка провалилась и позиции революционных войск на севере Ирана вследствие этого укрепились, Россия вновь ввела войска на территорию северного Ирана. Англичане стали высаживать свои войска на юге страны. Одновременно обе державы, используя в качестве предлога пустячный повод (конфликт налоговой администрации Шустера с представителями России в Тегеране в связи с конфискацией имущества брата экс-шаха), предъявили Ирану ультиматум с требованием высылки Шустера. Меджлис отверг ультиматум. Тогда русские войска были приведены в действие. Их поддерживали англичане на юге. Революция была разгромлена, меджлис и энджумены распущены, газеты закрыты. В феврале 1912 г. новое шахское правительство официально признало англо-русское соглашение о разделе страны на сферы влияния, в обмен на что оно получило от России и Англии новые ссуды.

Иран в борьбе за национальную независимость

Поражение революции и восстановление имперских позиций России и Англии в стране сыграло немалую роль в переориентации внешнеполитических симпатий иранцев. Как и в Турции, в Иране накануне мировой войны активно и весьма успешно действовала

немецкая агентура, а официальная восточная политика кайзеровской Германии не уставала напоминать о своих симпатиях к миру ислама и даже о некоем родстве немецких потомков ариев с иранскими. Если принять во внимание, что Германия была едва ли не единственной из великих держав, почти не имевшей колоний и заметных сфер влияния, и что у нее не было сколько-нибудь существенных экономических позиций и интересов в самом Иране, то нетрудно заключить, что семена ее пропаганды имели немалые шансы дать хорошие всходы. Именно это и случилось в начале мировой войны.

Оккупация Ирана с первых дней войны англо-индийскими войсками на юге страны (под предлогом охраны стратегически важного района Персидского залива и перекачивавшего иранскую нефть в Средиземноморье нефтепровода), а также успешные действия русских войск против Турции на севере привели в марте 1915 г. к очередному англо-русскому соглашению о разделе Ирана на сферы влияния, что послужило резким толчком для подъема в стране национального движения. С одной стороны, это была непрекращавшаяся на протяжении ряда лет серия народных восстаний, особенно в окраинных районах страны; с другой — ряд решительных выступлений политических верхов, возглавленных депутатами 3-го меджлиса, в котором основной силой были члены Демократической партии Ирана. Правительство иранских демократов уже с начала 1915 г. было откровенно германофильским, а оккупация осенью того же года русскими войсками Тегерана, а затем и Кума, куда на время переехало правительство, привела к формированию национального кабинета в Керманшахе, ставшем в 1916 г. зоной оккупации Турции. И хотя параллельно в Тегеране был сформирован кабинет министров из тех, кто соглашался сотрудничать с Россией и Англией, совершенно очевидно, что немецко-турецкая ориентация была в те годы преобладающей, что, в частности, проявлялось в позициях руководителей то и дело вспыхивавших в разных провинциях народных восстаний, получавших помощь именно из враждебных русским и англичанам источников.

Революция в феврале 1917 г. в России привела к заметному ослаблению ее позиций и соответствующему усилению англичан. Вывод же из Ирана русских войск советским правительством в марте 1918 г. способствовал установлению английского контроля над всем Ираном и заключению кабального англо-иранского соглашения в августе 1919 г., по условиям которого Иран, как никогда прежде, оказался близок к статусу английского протектората (английский контроль над иранской армией, финансами, нефтью и внутренней политикой). Впрочем, соглашение 1919 г., как и раздел страны на сферы влияния в 1915 г., лишь подлило масла в продолжавший бушевать огонь национальных восстаний в Иране. В некоторых из восставших районов, как, например, в Гиляне, где власть попала в руки весьма радикально настроенных и идейно ориентировавшихся на революционные события

в соседнем Закавказье дженгелийцев (дженгель — труднопроходимый лес), возникали даже временные правительства. Главным же итогом развития событий в Иране в годы мировой войны оказался переворот 21 февраля 1921 г., в результате которого на гребне освободительного движения при поддержке англичан, уже не видевших иной возможности выправить положение в стране, к власти пришло новое сильное правительство, центральную роль в котором стал играть руководивший переворотом глава персидских казачьих частей Реза-хан.

Ставший военным министром Реза-хан жесткой рукой подавил уже затухавшие очаги восстаний и приступил к реорганизации армии: в каждом из шести созданных им в стране военных округов было сформировано на основе казачьих и иных правительственных формирований по одной хорошо организованной дивизии, строго подчинявшейся министру в Тегеране. Несмотря на вынужденную ориентацию на англичан, новое правительство и сам Реза-хан не только учитывали антианглийские настроения, но и стремились за этот счет ослабить позиции Англии в Иране и тем усилить собственные. Одним из путей к достижению этой цели явилось соглашение с Советской Россией: по условиям русско-иранского договора 1921 г. в Иране более не должны были находиться иностранные войска, однако советская сторона оговорила за собой право вмешательства в целях обеспечения безопасности своей страны в тех случаях, когда эта безопасность окажется под реальной угрозой.

Сделав ставку на национальную консолидацию страны под своей властью, Реза-хан, остававшийся неизменным всемогущим военным министром при любых перемещениях в кабинете, вскоре решил сам выйти на арену политических событий. Вначале он поддержал было движение с требованием установления в стране республики, рассчитывая в качестве президента — наподобие того, как это сделал Кемаль в Турции, — заменить угасавший род слабеющих каджарских шахов. Но, в отличие от Турции, идея республиканизма была враждебно встречена как высшим шиитским духовенством, влияние которого в стране было огромным, так и неподготовленным к ней отсталым крестьянством страны, охотно поднимавшимся на защиту национальных интересов против англичан и их ставленников, но остававшимся весьма далеким в своей массе от политического радикализма. Реза-хан был вынужден учить этому. В феврале 1925 г. он заставил меджлис провозгласить себя верховным главнокомандующим, сместив тем самым с этого формального поста Ахмед-шаха, которому пришлось уехать за границу. Затем, опираясь на созданную им и поддерживавшую его партию «Таджеддо», Реза-хан вынудил 5-й меджлис согласиться на низложение династии Каджаров и созыв Учредительного собрания, которое должно было решить судьбу страны. В итоге созданное в декабре 1925 г. Учредительное собрание провозгласило Реза-хана новым шахом новой династии Пехлеви.

Сильный и энергичный новый правитель Ирана предпринял прежде всего ряд важных реформ, в которых остро нуждалась отсталая и все более отстававшая, попадавшая в зависимость от других держав страна. Как и Ататюрк, Реза-шах стремился быстро преодолеть это отставание, для чего он провел ряд законов, связанных с земельными отношениями, финансами, судебной системой. В стране ускоренными темпами строились — в основном государством и за счет казны — новые промышленные предприятия, железные дороги. Стремясь ограничить влияние англичан, Реза-шах охотно принимал экономическую помощь Германии. Был создан Национальный банк Ирана (1928), введена государственная монополия внешней торговли (1931) и даже поставлен вопрос о пересмотре условий договора с Англо-иранской нефтяной компанией и о некотором ограничении иных экономических льгот и привилегий англичан в Иране. В стране были проведены важные реформы, призванные способствовать развитию образования и культуры: учреждены светские школы и принят закон об обязательном начальном образовании; открыты многочисленные средние учебные заведения и вузы, включая Тегеранский университет (1934), где обучение было платным. Вслед за реформами Ататюрка в Иране были проведены аналогичные реформы, предписывавшие переход на европейскую форму одежды, что сопровождалось, как и в Турции, отменой традиционных титулов и званий и введением фамилий.

Результаты всех этих реформ не замедлили сказаться. Промышленное развитие страны привело к появлению определенной прослойки городского промышленного пролетариата. В деревне усилились товарные связи и появилось немалое количество землевладельцев, связанных с рынком. Сформировалась прослойка образованной интеллигенции, что способствовало демократизации политической жизни страны, при всем том что влияние шиитского духовенства, как и отчаянное сопротивление его реформам, оставались весьма значительными, а временами даже усиливались. Что касается сферы внешней политики, то здесь Реза-шах следовал уже устоявшейся традиции — ориентации на те силы, что могли противостоять англичанам, экономическое засилье которых в стране было еще чрезвычайно ощутимым. Такой силой в 30-х годах была фашистская Германия. А так как ирано-германские связи и политические контакты имели уже свою историю, то неудивительно, что рост значения фашистской Германии в международных делах накануне Второй мировой войны имел одним из своих результатов усиление немецких позиций в Иране. На рубеже 30—40-х годов дело дошло до того, что Германия уже рассматривала Иран как вполне реальный военный плацдарм на случай военных действий на Среднем Востоке.

Вторжение Германии в СССР резко изменило внешнеполитическую ситуацию в Иране и вблизи него. В августе 1941 г. СССР, опираясь на соответствующий пункт советско-иранского договора 1921 г., ввел

свои войска в Северный Иран. Одновременно англичане оккупировали иранский юг. Все внешнеполитические расчеты Реза-шаха оказались перечеркнутыми, а сам он в сентябре того же 1941 г. был вынужден отречься от престола в пользу своего сына Мухаммеда Реза. Мухаммед Реза в январе 1942 г. подписал новый договор с СССР и Великобританией, по условиям которого территория Ирана на время войны предоставлялась в распоряжение союзников (через эту территорию в годы войны шла немалая доля военных поставок в СССР).

Следует заметить, что введение советских войск в Северный Иран способствовало, естественно, усилению в этих районах страны позиций радикалов и революционеров. В октябре 1941 г. была создана Народная партия Ирана (Туде), выполнявшая функции компартии. Эта партия стала вести активную работу; в 1944 г. она насчитывала уже 25 тыс. членов, издавала немало газет и иных печатных публикаций. Впрочем, одновременно с Туде усилили свою работу и противостоявшие ей политические партии и группы, в том числе и ориентировавшиеся на шиитское духовенство, выступавшие вообще против всяких реформ, против европеизации, за возвращение к нормам ислама. В меджлисе 14-го созыва, собравшемся в 1944 г., большинство принадлежало деятелям именно такого рода. В этой обстановке правительство Ирана обрушилось с репрессиями на партию Туде, что сопровождалось резким усилением антисоветских настроений.

События разворачивались довольно драматически. Центром сопротивления нажиму со стороны тегеранского правительства стал иранский Азербайджан, где уверенные политические позиции имела Туде. Гибкое лавирование правительства позволило ему, медленно, но неуклонно усиливая нажим на азербайджанское провинциальное правительство, сначала спровоцировать его на выступление против центральной власти, а затем подавить это выступление. В конце 1946 г. Азербайджан был занят войсками тегеранского правительства, а созданный в 1947 г. 15-й меджлис был еще более реакционным, чем его предшественник.

Урегулирование острых внутренних проблем имело своим непосредственным результатом большее внимание к проблемам международным, и в частности к всегда болезненно воспринимавшемуся в Иране вопросу, связанному с зависимостью страны от держав. Пытаясь по-прежнему лавировать между соперничавшими державами (как это было вначале по отношению к Англии и России, позже — к союзникам и Германии), шахское правительство в конце 40-х годов стало склоняться в сторону США. И хотя финансовая миссия американца Мильспо — как то было прежде с Шустером — была вынуждена из-за английских интриг быстро прекратить свою деятельность, новый этап сотрудничества с США был начат в связи с реализацией так называемого «четвертого пункта» доктрины Трумэна, предусматривавшего американскую помощь слаборазвитым странам. Тем не менее, несмот-

ря на помощь, экономическое положение страны на рубеже 40—50-х годов становилось все хуже. Это ухудшение происходило на фоне начавшейся в соседних с Ираном странах (Индия, Пакистан) деколонизации, связанной с уходом английских колонизаторов. Неудивительно, что в этих условиях национальные чувства иранцев находили свое наиболее полное выражение в возмущении условиями эксплуатации богатств страны англичанами. Вновь на повестку дня встал вопрос о взаимоотношениях Ирана с Англо-иранской нефтяной компанией, ежегодно вывозившей из страны миллиардные богатства и выплачивавшей за это Ирану лишь ничтожную часть своего дохода.

В марте 1951 г. иранский меджлис принял закон о национализации нефтяной промышленности Ирана, а в апреле того же года правительство возглавил М. Мосаддык, энергично принявшийся за проведение этого закона в жизнь. Все нефтепромыслы и нефтеперегонные заводы Ирана были взяты под контроль правительства, стали управляться назначенными им представителями. Несмотря на попытки вмешательства извне (вплоть до Совета Безопасности ООН и Международного суда в Гааге), закон о национализации был доведен до конца, включая изгнание из Ирана работавших в Англо-иранской компании английских специалистов и последовавший затем в октябре 1952 г. разрыв дипломатических отношений с Англией. Однако размах возглавленного Мосаддыком движения и быстрый рост его личной популярности, объем сосредоточенной в его руках власти напугали шаха и его окружение. Этим воспользовались враждебные Мосаддыку слои правящей верхушки Ирана, и в результате государственного переворота в августе 1953 г. кабинет Мосаддыка был низвергнут, а новое правительство Захеда не только восстановило в конце 1953 г. дипломатические отношения с Англией, но и согласилось на создание Международного консорциума для управления нефтяным хозяйством страны (40 % акций консорциума получила все та же Англо-иранская компания). Создание консорциума было мерой, в немалой степени вынужденной: в стране не было достаточного количества собственных специалистов, необходимого для успешной эксплуатации нефтепромыслов и наращивания нефтедобычи. Кроме того, консорциум сыграл определенную позитивную роль в деле дальнейшего промышленного развития Ирана, способствуя привлечению в страну капиталов из многих стран.

Экономическое развитие Ирана в 60—70-е годы

Вступивший в 1955 г. в так называемый Багдадский пакт и тем твердо определивший свои внешнеполитические позиции Иран охотно открыл двери для иностранного капитала, для инвестиций. Уже в 1958 г. в стране активно действовало около тысячи иностранных

компаний и фирм с многомиллиардным годовым оборотом. Резко возросло и национальное промышленное строительство, в основном за счет казны, что вело к быстрому увеличению государственного долга Ирана (в 1959 г. — около 27 млн. риалов). И наконец, со всей остротой перед экономически развивающейся страной встал вопрос о системе аграрных отношений, тянувшей хозяйство страны в прошлое, т. е. вопрос об аграрной реформе.

Вначале это был закон 1960 г. об ограничении земельной собственности (максимум — 800 га богарной и 40 га орошаемой земли; остальное выкупается казной и раздается крестьянам на условиях выплаты с рассрочкой на 15 лет). Затем — закон 1962 г., урезавший земельный максимум до 400 га, опять-таки с выкупом излишков казной и раздачей земель нуждающимся на условиях выплаты с рассрочкой. И наконец, решительная серия реформ 1963 г., по условиям которой максимум (500 га) был сохранен лишь для тех хозяйств, где применялись современная техника и наемный труд (т. е. для хозяйств фермерско-капиталистического типа), тогда как для всех остальных, в зависимости от района и местных условий, — от 20 до 100 га. Кроме того, реформа предусматривала создание крестьянских кооперативов типа акционерных обществ, национализацию лесов, а также распродажу (приватизацию) государственных промышленных предприятий для финансирования земельной реформы.

Осуществление земельной реформы заняло около десятилетия и оказалось делом весьма сложным и крайне болезненным для страны. И дело отнюдь не в том, что преобразования были недостаточно радикальными. Скорее напротив, слишком радикальными для недостаточно подготовленного к ним крестьянства с его традиционными установками и стереотипами привычного мышления, веками воспитывавшегося в русле жесткого шиитского ислама. Во всяком случае, откровенная ставка на быстрое развитие капиталистических методов хозяйства в иранской деревне оказалась явно преждевременной. Старые методы хозяйства разрушались много быстрее, чем формировались и давали сколько-нибудь позитивные результаты новые. Итогом были не столько даже темпы роста сельскохозяйственного производства (за 15 лет, с 1960 по 1975 г., производство пшеницы выросло более чем в полтора раза), сколько неудовлетворенность самих производителей, далеко не все из которых сумели быстро приспособиться к радикально изменявшимся обстоятельствам. При этом по мере проведения реформы число не вписавшихся в нее пауперизованных крестьян все возрастало. По некоторым данным, за 60—70-е годы до 41 % сельского населения — его беднейшая, нищая, неприспособленная часть — вынуждено было покинуть деревню и в поисках заработка переселиться в города. Неудивительно, что реформы были встречены в Иране с неодобрением, как естественно и то, что движение против шаха и проводимых им реформ было возглавлено шиитским духовенством,

видевшим в нововведениях прежде всего отступничество от ислама и капитуляцию перед враждебными традициями западнокапиталистическим образом существования. Как известно, именно в 1964 г. и как раз за активное участие в народных движениях против реформы и был выслан шахом из Ирана аятолла Хомейни, ставший с тех пор его злейшим врагом и в то же время символом сопротивления шахскому режиму.

Следует заметить, что аналогичным образом развивались события и в иранском городе, в промышленности и торговле, в сфере культуры. Начавший движение за так называемую «белую революцию», т. е. за радикальные преобразования капиталистического типа и ускоренную модернизацию страны сверху, усилиями властей и за счет решительных реформ, шах опять-таки явно недооценил ситуацию в стране. Можно понять его стремление ускоренными темпами развивать страну, тем более что нефтяные доходы Ирана с каждым годом все росли и за их счет сравнительно безболезненно форсировалась экономическая трансформация, строились промышленные предприятия, создавалась развитая инфраструктура. Ежегодно объем промышленной продукции увеличивался на 10—15 %. Возникали современные отрасли промышленного производства. Стимулировалось создание и укрепление частного собственности сектора в иранской экономике. Предпринимались меры по вовлечению в эту экономику промышленных рабочих за счет распродажи им акций государственных и частных предприятий. Одновременно формировалась большая сеть школ и высших учебных заведений, создавались условия для вовлечения в общественную жизнь женщин, энергично развивались современное здравоохранение, культура и т. п.

Словом, если оценивать объективно, делалось много для развития страны. Закладывались основы для ее модернизации. В принципе подобные меры могли принести и часто приносили позитивные результаты, как это очевидно на примере многих соседних с Ираном стран, живущих на доходы от нефти, например стран Аравийского полуострова. Но несчастье Ирана было в том, что темпы преобразований оказались слишком быстрыми, реформы недостаточно продуманными, а сопротивление шаху очень сильным. Здесь важно заметить, что шиитское духовенство, в отличие от суннитского, было в основном в оппозиции к власти, которую оно не считало сакрально санкционированной (если в суннитских исламских странах правитель — халиф, эмир, султан — считался не только политическим, но и духовно-религиозным главой страны и народа, то у шиитов духовно-религиозным вождем считался «скрытый имам», тогда как шах был лишь временным, до возвращения имама, руководителем страны). Говорившие как бы от имени истинного правителя Ирана, «скрытого имама», вожди шиитов во главе с аятоллами не только не одобряли радикальных реформ шаха, но видели в них реальную угрозу исламской норме,

привычным традициям. В этом аятоллы находили глубокое понимание едва ли не у всего народа — как крестьян, так и горожан.

Иран в некотором смысле может рассматриваться как вычлененный в наиболее чистом виде эталон, на примере которого можно видеть противостояние традиции и модернизации, привычных принципов «своего» и силой навязываемых норм «чужого». Если в других странах ислама это противостояние принимало формы длительной борьбы различных сил в парламенте и общественной жизни, если там, как, например, в Турции, это противостояние развивалось на протяжении жизни нескольких поколений и, будучи растянутым во времени, оказывалось не столь деструктивным, то в Иране все было не так. С одной стороны — воинствующий шиизм, гораздо более жестко, чем суннитские богословы, противостоявший светской власти и соответствующему модусу поведения. С другой — в силу обстоятельств быстрые, протекавшие на глазах жизни одного поколения радикальные экономические преобразования, выбившие за 10—20 лет из привычной колеи веками налаженной жизни десятки миллионов людей, вынужденных приспособляться к переменам в жизни страны и не готовых к этим переменам. Наконец, нельзя забывать о многовековых традициях народных массовых движений, коими Иран (как, впрочем, и Китай) отличался от многих других стран Востока.

Все эти, равно как и многие другие факторы слились воедино и вылились в форме иранской революции конца 70-х годов. Об этой революции и ее значении подробнее пойдет речь в следующей части работы. Но пока стоит заметить, что при всей своей уникальности для революционного XX в. она все же была в известной мере типичной. Во всяком случае, она позволила лучше понять принципы массовых движений прошлого, нередко трактовавшиеся чересчур прямолинейно и идеализированно. Конечно, было трудно ожидать революцию такого типа после кажущегося пробуждения страны в начале века. Но если предположить, что сам факт пробуждения был переоценен, либо принять во внимание механизм сопротивления традиционного общества, то в самой революции, т. е. в той форме, которую она приняла, не окажется ничего необычного: иранская революция типична для аналогичных движений во всех традиционных обществах, суть которых обычно сводилась к стремлению восставших восстановить нарушенные привычные условия существования, вернуться к традиционным нормам, сохранить статус-кво. Необычно здесь лишь то, что революция (или массовое народное движение) такого масштаба и характера оказалась реализацией конца XX в., когда многое в мире, в том числе и на традиционном Востоке, изменилось, когда Восток в целом, казалось бы, смирился с уготованным ему будущим и активно стремился к развитию и модернизации. Собственно, именно к этому сводится загадка феномена иранской революции.

Арабские страны Азии, Кавказ, Средняя Азия и Афганистан

В этой главе речь пойдет о периферии исламского мира — периферии по отношению к Турции и Ирану. Несколько искусственное и условное объединение арабов и афганцев, а также народов Кавказа и Средней Азии соответствует именно этому критерию. Страны, о которых пойдет речь, весьма разные. Прежде всего, среди них выделяется группа государств, территория которых совпадает с зоной древнейшего развития ближневосточной цивилизации (Ирак, Сирия, Ливан, Палестина). Есть и группа весьма отсталых государственных образований Аравии, населенных преимущественно кочевниками-бедуинами. Особняком стоят завоеванные Россией Кавказ и среднеазиатский регион. И, наконец, Афганистан, эта своеобразная контактная зона между арабо-иранским и тюрко-среднеазиатским регионами исламского мира. Начнем с первой из них.

Ирак и страны Леванта*

С начала XVI в. эти страны, на протяжении ряда предшествовавших столетий переходившие из рук в руки (здесь господствовали арабские халифы и турки-сельджуки, фатимидские военачальники и монгольские завоеватели, крестоносцы и всеокрушающее воинство Тимура), попали под власть империи Османов. Разоренные непрерывными войнами, то и дело разрушавшими плоды мирного труда земледельцев и наносившими непоправимый вред тонкому и сложному ирригационному хозяйству, эти страны в XVI—XIX вв. уже почти ничем не напоминали своих процветавших в древности предшественников — Финикию, Месопотамию (Двуречье, Вавилон), Ливан с его царственными кедрами или благословенную Палестину. Следует заметить, однако, что положение стран Леванта было более благоприятным по сравнению с Ираком, пришедшим в эти века в состояние полного экономического упадка.

В соответствии с генеральными принципами ислама все земли в завоеванных Османской Турцией арабских странах были формально объявлены собственностью султана, обложившего их рентой-налогом.

* *Левант* — этим термином именуют Сирию, Ливан и Палестину; в узком смысле *левантийцы* — потомки осевших в Ливане крестоносцев, смешавшихся с местным арабским населением, но сохранивших католическую веру и слившихся поэтому с древнесирийскими монофизитами-маронитами.

Но фактически землей от имени султана распоряжались наместники и губернаторы, отчего тяжесть налога сильно возрастала. Так, например, доходы ливанского эмира, считавшегося одним из богатейших людей в Османской империи, достигали в XVII в. 900 тыс. ливров в год, 340 тыс. из которых шли в казну султана. Впрочем, вселили наместников не следует преувеличивать: султан держал жесткий контроль над завоеванными землями и бдительно следил за чрезмерно богатевшими своими вассалами — тот же эмир Ливана, о котором только что было упомянуто (Фахр эд-Дин II), был казнен в султанской темнице. Вассалы, в свою очередь, пользовались любым удобным случаем, чтобы ослабить власть султана. В частности, правители Ливана и Палестины активно апеллировали к помощи русских войск в годы русско-турецких войн XVIII в.

Что касается Ирака, то он уже с XVII в. стал зоной особых интересов английских колонизаторов, укреплявшихся в районе Персидского залива. В XVIII в. здесь действовали постоянные представители и резиденты английской Ост-Индской компании, причем экономической деятельность агентов компании со временем все более очевидно приобретала и политический характер. Ирак был сравнительно далеко от Турции, что в немалой степени способствовало некоторой автономии багдадского паши, подчас действовавшего практически независимо от администрации султана и ориентировавшегося на англичан. В первой половине XIX в. эта тенденция привела к тому, что Дауд-паша прекратил выплату дани султану. Однако позиции самого Дауда, несмотря на проведенные им в стране реформы и помощь англичан, оказались слабыми. Турецкие войска легко вошли в Багдад, и в 1831 г. с претензией иракских пашей на независимость от Стамбула было покончено.

Впрочем, это был в те годы едва ли не единственный успех султана. В ходе первой египетско-турецкой войны (1831—1833) Мухаммед Али Египетский отобрал у султана страны Леванта, что способствовало росту могущества ливанского эмира Башира II. И хотя по условиям навязанного Мухаммеду Али державами соглашения арабские страны, включая и Египет, в 1840 г. вновь формально стали вассалами султана, фактически турецкое влияние в Леванте было подорвано. Зато с середины XIX в. Левант, как и Ирак, стал объектом активного экономического и политического проникновения колониальных держав.

Ливан издревле был центром религиозных конфликтов. Существовавшая здесь крупная христианская община маронитов конфликтовала преимущественно с шиитской сектой друзов. Столкновения друзов с маронитами приняла в 40—60-е годы XIX в. характер вооруженной борьбы, даже религиозной резни, причем формальное разделение страны на два округа, маронитский и друзский, лишь подлило масла в огонь. Когда конфликт достиг апогея (резня христиан в Дамаске в 1860 г.), Франция, покровительствовавшая маронитам, высадила в

Ливане свой экспедиционный корпус. В 1861 г. этот корпус под давлением англичан был выведен из Ливана, а специальная международная комиссия в составе представителей Франции, Англии, Австрии, Пруссии, России и Турции выработала «Органический статус Ливана», в соответствии с которым Горный Ливан становился особым районом — им управлял назначенный турками христианин; упразднены также старые звания, титулы и привилегии, провозглашалось равенство всех перед законом и упорядочивалось управление страной.

«Органический статус» сыграл большую роль в развитии Леванта. Турецкие войска были выведены, гражданские права способствовали быстрому росту экономики, включая активные связи с колониальными державами. Речь идет в первую очередь о Ливане, который с конца XIX в. быстро становился одной из наиболее развитых стран арабского мира. Центром его экономических интересов были, как в древности у финикийцев, прежде всего торговые и финансовые контакты в Средиземноморье. Богатые ливанцы ориентировались преимущественно, как упоминалось, на Францию. Позиции Франции в Ливане были, в свою очередь, экономически весьма прочными: Ливан был поставщиком сырья для процветавшей шелкоткацкой промышленности Лиона. На рубеже XIX—XX вв. в Ливане стремительно развивались просвещение и культура, издавались книги и журналы, множились ряды интеллигенции.

Не имевшая выхода к морю Сирия была более отсталой, как и Палестина. Эти страны были своего рода тыловой частью Леванта. Впрочем, с открытием судоходства по Суэцкому каналу (1869) стратегическое значение расположенной рядом с каналом Палестины стало расти. Здесь оказались сосредоточенными интересы не только соперничавших друг с другом Англии и Франции, но также и Германии, поддерживавшей Турцию.

Ирак, как упоминалось, был зоной английского влияния. Английские купцы держали в своих руках его внешнюю торговлю и контролировали судоходство по реке Тигр. Именно Ирак, как и Иран, стал ареной борьбы между Англией и Германией, прокладывавшей с благословения Турции через его территорию Багдадскую железную дорогу. Сооружение этой дороги давало Германии значительные экономические и политические преимущества как в самой Турции, так и в турецком Ираке. Англичане были этим, естественно, недовольны: усиление Германии в арабских странах грозило подрывом их позиций. Неудивительно, что они прилагали немало усилий для того, чтобы помешать успешному строительству, — и они добились этого, воспрепятствовав выходу новой железной дороги к морю в районе Кувейта. Но все же влияние Германии в Ираке, как и в соседнем Иране, тоже зоне английского господства, росло. Немцы вели борьбу за рынки Сирии и Ирака, особенно в районах, где была проложена дорога. Они создали ряд сельскохозяйственных колоний в Палестине. Конец этой

экспансии положила война, итогом которой для арабских стран Азии был некоторый передел зон влияния.

По соглашению 1916 г., несколько позже дополненному рядом документов, Ирак перестал быть турецким и вначале стал владением Англии. В 1920 г. Англия предоставила ему некоторое самоуправление. В 1921 г. Ирак был превращен в монархию во главе с хашимитским (изгнанным французами из Сирии) эмиром Фейсалом, власть которого была ограничена составленной англичанами конституцией. Конституция и монархия обеспечили позиции Англии в экономике Ирака (контроль за нефтью и внешней торговлей), а по договору 1930 г. Англия формально отказалась от своего мандата на Ирак, который стал независимым государством, членом Лиги Наций. 30—50-е годы XX в. были периодом внутренней политической борьбы противоборствующих политических коалиций в стране, как ориентировавшихся на англичан, так и выступавших против них. В годы Второй мировой войны, когда фашистская Германия попыталась использовать в Ираке — как и в Иране — антианглийские настроения и соответствующие выступления, Ирак стал ареной борьбы с немецко-фашистским влиянием. Англичане оккупировали страну и вывели свои войска лишь после войны. Рост антианглийских настроений и усиление национально-освободительного движения в Ираке вылились в 1958 г. в выход на передний план радикальных политиков. Антимонархический переворот повлек за собой активное сотрудничество нового правительства страны с СССР. Этот период был отмечен аграрной реформой начала 60-х годов, а несколько позже — национализацией ключевых объектов экономики страны, включая ее основное богатство — нефть.

Сирия и Ливан по соглашению 1916 г. стали подмандатной территорией Франции. Сирия при власти французов была вначале разделена на ряд полуавтономных государств (именно в связи с этим переделом был изгнан эмир Фейсал, ставший королем Ирака), подчиненных французскому верховному комиссару в Бейруте, который был и главой Ливана. Вся экономическая и финансовая власть, включая право эмиссии в обеих зонах, принадлежала вначале Банку Сирии и Ливана. Позже, с конца 20-х годов, политически и экономически Сирия и Ливан стали обособляться. Более развитые территории прибрежного Ливана получили в 1926 г. статус республики, управлявшейся парламентом и президентом. Французами была разработана ливанская конституция, призванная учесть сложную этно-конфессиональную структуру Ливана, в соответствии с которой должны были распределяться места в парламенте. В Сирии было создано Учредительное собрание, подготовившее в 1928 г. проект конституции, предусматривавший провозглашение независимости страны. Французы заявили, что это требование противоречит условиям мандата, и распустили Учредительное собрание. В 1930 г. они приняли другой проект кон-

ституции, предусматривавший создание парламентарной республики под контролем Франции.

В 1936 г. правительство Народного фронта в Париже пообещало скорое предоставление независимости Сирии и Ливану. Но с падением этого правительства французский парламент изменил свое решение. С началом Второй мировой войны власть в Леванте оказалась в руках генералов правительства Виши, что привело к выкачиванию отсюда продуктов в Германию. Это вызвало резкое недовольство в Сирии и Ливане, энергично поддерживавших переход власти в руки представителей «Сражающейся Франции», правительства де Голля. В 1943 г. из конституции Сирии и Ливана были исключены статьи, предполагающие зависимость от Франции. Обе страны, невзирая на продолжавшийся нажим французского правительства, стали независимыми.

Парламентарные демократические системы в Сирии и Ливане были слабыми и недостаточно устойчивыми. И в той, и в другой стране одни правительства сменяли другие, шла острая партийная, а в Ливане еще и религиозная борьба, уточнялись конституционные нормы, менялись внешнеполитические ориентиры. В Сирии демократические правительства подчас сменялись диктатурами (режим А. Шишekli в начале 50-х годов). В 1958 г. была совершена даже попытка политического объединения Сирии с Египтом в рамках Объединенной Арабской Республики (ОАР). Вначале это привело к реформам по египетскому образцу — аграрной прежде всего. Были также национализированы некоторые банки и предприятия. Национализация вызвала недовольство и экономическую неустойчивость, что и послужило в 1961 г. причиной выхода Сирии из ОАР, а также изменения принципов аграрной реформы и денационализации. Сирия вновь вступила в полосу политических неурядиц, пока власть в середине 60-х годов не перешла к Партии арабского социалистического возрождения (БААС) с ее ярко выраженной социально-националистической ориентацией.

В Ливане ситуация была несколько иной. Здесь не было почвы для диктатуры, напротив, представители различных партий и групп едва договаривались друг с другом в стремлении сохранить стабильность. Экономика Ливана после Второй мировой войны развивалась весьма энергично. По сравнению со своими соседями Ливан процветал. Но, как известно, это процветание прекратилось в середине 70-х годов, когда противоборство религиозно-партийных группировок вышло за пределы допустимой нормы и страна оказалась на грани политической, а затем и экономической катастрофы.

Особо следует сказать о Палестине, где Англия с 20-х годов поддерживала еврейскую иммиграцию и колонизацию. Уже в 1936 г. была сделана попытка разделить Палестину на части, что вызвало негодование арабов. Попытки же примирить арабов и евреев и тем более ограничить еврейскую иммиграцию привели лишь к конфликту Англии с рядом еврейских сионистских организаций, за спиной кото-

рых была американская поддержка. В 1947 г., вскоре после Второй мировой войны с сопровождавшим ее геноцидом евреев, вопрос о Палестине, приобретший особое звучание, был передан в ООН. Генеральная Ассамблея постановила ликвидировать мандат Англии и разделить Палестину на два государства — еврейское и арабское, с выделением Иерусалима в город с особым статусом и международным режимом. В мае 1948 г. палестинские евреи создали государство Израиль, оккупировавшее в ходе спровоцированной арабами-палестинцами первой арабо-израильской войны 1948—1949 гг. часть территории, которая решением ООН предназначалась для арабского палестинского государства, и занявшее западную часть Иерусалима.

С 1948 г. Израиль — парламентарная республика во главе с президентом, обладающим преимущественно представительными функциями, и премьером. Существующий в немалой степени за счет щедрой финансово-экономической помощи США, Израиль являет собой развитое современное государство с еврейским большинством и арабским меньшинством (имеются в виду те арабы, которые изначально проживали на территории Израиля и пользуются гражданскими правами). Хотя права арабского населения Израиля несколько ограничены по сравнению с теми, которыми пользуются евреи, они все же принципиально отличают эту часть населения от тех арабов, которые были присоединены к Израилю в результате второй арабо-израильской войны 1967 г. (иорданские территории к западу от р. Иордан, сирийские Голанские высоты и часть земель в полосе Газа) и статус которых поныне — бесправный статус беженцев. Следует заметить, что внутри государства Израиль среди лидеров различных партий, входящих в кнессет (парламент) и время от времени участвующих в формировании правительства, существуют немалые разногласия по поводу того, какую внешнюю и внутреннюю политику проводить. Но по отношению к арабам насильственно присоединенных территорий мнение всегда было практически (за небольшим исключением) единым: палестинским арабам не следует предоставлять возможности для создания самостоятельного государства. Именно эта установка привела не только к конфронтации Израиля со всем арабским миром, но и к возникновению острой ближневосточной проблемы, решение которой не достигнуто и по сей день.

Арабские государства Аравии

В отличие от Ирака и Леванта родина арабов Аравия с ее кочевниками-бедуинами и немногочисленным земледельческим населением оазисов и в XIX в. продолжала оставаться отсталой периферией Ближнего Востока, своего рода заповедником полупервобытности — и

это при всем том, что протогосударственные образования в Аравии существовали еще задолго до нашей эры. Аравия в географическом и соответственно политическом плане довольно отчетливо подразделяется на линию побережья с его оазисами, обычно становившимися центрами многочисленных самостоятельных и полусамостоятельных эмиратов, султанатов, имаматов, и обширные районы пустынь с их немногочисленными оазисами, являющимися центрами притяжения для окрестных племенных групп кочевников-бедуинов.

Значительная часть Аравии с начала XVI в. принадлежала империи Османов, управлявшей племенами и государственными образованиями, правители которых считались вассалами турецкого султана и выплачивали ему дань. Эта дань, как и степень зависимости от Османов, обычно была небольшой, нередко просто номинальной. К XIX в. зависимость аравийских государств от Турции еще больше ослабла. Примерно так же обстояло дело с теми из аравийских государств, которые были близки к Ирану и находились в формальной зависимости от него. Со второй половины XVIII в. некоторые из них усилились и начали проводить самостоятельную политику.

В обширных пустынных районах Неджда, к востоку от Хиджаза с его Меккой и Мединой, в середине XVIII в. сформировалось оппозиционное исламское движение ваххабитов. Его основатель Абд аль-Ваххаб выступил под знаменем возврата к чистоте раннего ислама, к аскетизму племенной жизни. Ваххабиты осуждали роскошь и праздность изнеженных властителей султанской Турции, выступали против музыки и вина, кофе и табака, против пышного культа святых и т. п. Будучи в чем-то предтечей иранского шиитского фундаментализма конца XX в., ваххабиты довольно легко нашли поддержку у бедуинов. Примкнувший к ним эмир небольшого государства в Неджде Сауд возглавил движение после смерти аль-Ваххаба и начал активную завоевательную деятельность под флагом ваххабизма. Вскоре Саудиды подчинили себе большую часть Аравии, включая святые города ислама Мекку и Медину. По просьбе обеспокоенного турецкого султана против саудидского государства выступил в начале XIX в. Мухаммед Али Египетский. Саудиды были потеснены, и едва ли не весь XIX век прошел в этой части Аравии под знаком борьбы государства Саудидов с его противниками.

Борьба завершилась в пользу потомков Сауда. В 1902 г. в Неджде был восстановлен ваххабитский эмират со столицей в Эр-Рияде. Территория этого государства вновь стала расширяться — к государству Саудидов был присоединен Хиджаз (1924), его границы достигли Ирака и Кувейта. С 1932 г. оно стало официально именоваться королевством Саудовская Аравия. В стране были проведены реформы, укрепившие центральную власть короля и его правительства. С 1938 г. на побережье Персидского залива, часть которого вошла в пределы Саудовской Аравии, началась добыча нефти, производившаяся в основном амери-

канской компанией АРАМКО, построившей в 1950 г. трансаравийский нефтепровод и способствовавшей неслыханному росту доходов от продажи нефти (как известно, все возрастающая часть этих доходов заложила основу экономического процветания Саудовской Аравии).

К северу и северо-западу от Неджда на границе с Левантом, в Заиорданье, издревле существовали арабские государства, активно взаимодействовавшие с крупными государствами различных времен, включая Вавилонию, Египет, Рим и Византию. С начала XVI в. Трансиорданье было подчинено Османской Турции. Расположенная к востоку от Ливана и Палестины, лишенная выхода к морю и не отличающаяся обилием оазисов и плодородной земли, эта северная часть Аравии не была слишком лакомым куском для завоевателей и не отличалась плотностью населения. Преобладали здесь, как и на большей части территории Аравии, кочевники-бедуины. После Первой мировой войны Заиорданье было включено по решению Лиги Наций в состав английского мандата в Палестине. Англия в 1921 г. создала здесь особый эмират Трансиордания во главе с эмиром Хусейном. Именно здесь, в Трансиордании, был создан англичанами из бедуинов знаменитый Арабский легион, отряды которого составляли боевой костяк вооруженных сил Англии в Аравии и использовались в случае нужды для подавления враждебных англичанам выступлений в Сирии, Ираке и в самой Аравии.

В 1928 г. англичане разработали и приняли конституцию эмирата. В стране была создана конституционная монархия с парламентом. Однако экономически она продолжала быть крайне отсталой; в годы Второй мировой войны эта страна — прежде всего Арабский легион — существовала за счет все увеличивавшихся английских субсидий. В 1946 г. Англия официально отказалась от мандата, а Трансиордания получила независимость. В 1950 г. ее парламент провозгласил единство страны с Восточной Палестиной (западный берег Иордана — ныне в составе оккупированных Израилем арабских земель) в рамках Иорданского Хашимитского королевства. Это объединение способствовало увеличению численности населения страны и ее развитию за счет палестинской экономики. Впрочем, ненадолго: арабо-израильская война 1967 г. привела к отторжению западноиорданских земель от Иордании.

Расположенный на юге Аравии древний Йемен (Саба; Химьяритское государство) с XVI в., как и остальная Аравия, был завоеван османами. Однако турецких войск здесь практически почти не было, и уже с XVII в. Йемен стал фактически независимым. Во главе его были имамы шиитской секты зейдитов, стремившиеся расширить свою власть за счет владений соседних арабских племен. На рубеже XVIII—XIX вв. ваххабиты, а затем Мухаммед Али Египетский временами оккупировали отдельные оазисы Йемена, а в 1849 г. здесь была даже восстановлена верховная власть султана — более номинальная, нежели

реальная. Попытки турок закрепиться в Йемене вызвали активное сопротивление имамата, что привело в конечном счете (1911) к признанию Турцией полной автономии Йемена. С 1919 г. вассальная зависимость от Турции была окончательно ликвидирована, а Йемен провозглашен независимым королевством.

Стратегически важный мыс Аден на юге Йемена еще в 1839 г. был оккупирован англичанами, а после открытия судоходства по Суэцкому каналу он стал важнейшим портом-крепостью Великобритании. Английский губернатор Адена активно вмешивался в дела Йемена, и в ходе длительного так называемого англо-йеменского конфликта (1918—1928) значительная часть страны оказалась под контролем англичан. В 1934 г. Англия выступила гарантом независимого существования Йемена, подвергнувшегося нападению со стороны Саудовской Аравии, что привело к заключению англо-йеменского договора. Пытаясь противостоять Англии, король Йемена Яхья решил наладить контакт с фашистской Италией, стремившейся в это время овладеть Эфиопией и потому заинтересованной в благожелательности расположенного в этом же районе мира Йемена. Однако намерение Италии укрепиться и даже построить военную базу в Йемене не соответствовало интересам Англии и потому не могло быть реализовано. В 1943 г. Йемен разорвал отношения с Италией, с 1947 г. стал членом ООН. Отсталое государство с немногочисленным населением активно боролось за свою независимость, что привело в 1949—1951 гг. к очередному англо-йеменскому вооруженному конфликту, итогом которого на сей раз стала демаркация пограничной линии между собственно Йеменом и протекторатом Аден (Южный Йемен). С 1962 г. Северный Йемен стал Йеменской Арабской Республикой (ЙАР) с конституционным режимом. Южный Йемен (английский протекторат Аден) в 1967 г. был провозглашен Народной Демократической Республикой Йемен, правительство которой взяло курс на развитие по марксистскому социалистическому пути.

На крайнем востоке Аравии расположен Оман, оазисы которого издревле были базами для торговых связей и дальнего мореплавания. С VIII в. здесь существовал практически независимый от халифата имамат шиитской секты ибадитов (абадитов), временами оказывавшийся под властью завоевателей, но затем восстанавливавший свое автономное существование. С XV в., в связи с эпохой Великих географических открытий и переходом основных морских коммуникаций под контроль португальцев значение оманских портов в мировой торговле стало падать. Однако в XVII в. могущество Португалии в районе Персидского залива объединенными усилиями Ирана и англо-голландского флота было подорвано, а имамы вновь стали полновластными правителями. С середины XVII в. их флот подчинил Оману Занзибар и район восточно-африканского побережья. В конце XVIII в. в Омане укрепились Ост-Индская компания Англии, вмешивавшаяся в дина-

стейные распри и способствовавшая разделу имамата на части: оманский султанат Маскат стал властителем африканских территорий; существовали также фактически превращенный в английский протекторат Договорный Оман (ныне Объединенные Арабские Эмираты) и сильно уменьшившийся в размерах старый Оманский имамат. Позиции Англии в султанате Маскат и в Договорном Омани в XIX в. укрепились и сохранялись вплоть до середины XX в. Политическая власть в этих государствах временами изменялась, но социально-экономическая структура была крайне отсталой вплоть до начала активной нефтедобычи уже после деколонизации этого района Аравии (1970).

Расположенный к северо-западу от Омана в зоне Персидского залива Кувейт в XVI в., как и вся Аравия, был завоеван империей Османов. Однако уже в середине XVIII в. кувейтские шейхи стали фактически независимыми правителями. Впрочем, с усилением позиций английской Ост-Индской компании в том же XVIII в. в зоне Персидского залива эта независимость становилась все более призрачной. Англичане усиливали свой контроль над местной торговлей и вмешивались в политические и династические распри местных правителей. Временное восстановление османского владычества в 70-х годах XIX в. и реальная угроза усиления позиций Германии в этом районе Азии побудили Англию обратить особое внимание на Кувейт, назначенный в качестве конечного пункта Багдадской железной дороги. Англичане спровоцировали в Кувейте острый династийно-политический конфликт и в конечном счете добились выгодного для них англо-кувейтского договора 1899 г., который похоронил надежды Германии довести железную дорогу до Персидского залива. В 1914 г. Кувейт стал британским протекторатом. С 1934 г. англо-американская Кувейт ойл компани начала здесь активную добычу нефти, которая после Второй мировой войны и национализации (1976) нефтедобычи стала основой экономического процветания страны. С 1961 г. Кувейт — независимое государство.

Завершая краткий обзор истории арабских государств Аравии в период колониализма, следует заметить, что большинство их — кроме разве что расположенной в основном в песках Аравии державы Саудидов — рано или поздно становились протекторатами либо зависимыми от иностранных держав, в основном Англии. Правда, степень зависимости сильно варьировала: там, где это диктовалось стратегическими интересами (Аден, Маскат, Кувейт), она была сильной; в остальных районах подчас едва заметной. Экономических доходов (до начала добычи нефти) колонизаторы здесь не имели — скорее несли немалые расходы, как например на содержание трансjordанского Арабского легиона или на весьма дорого обходившуюся разведывательно-подрывную деятельность, которая была связана прежде всего с именем легендарного полковника Лоуренса, активно действовавшего в арабских странах Азии в первой трети XX в. Впрочем, все эти расходы

окупались политическими дивидендами — достаточно напомнить о поражениях Германии в ее попытках закрепиться в исламских странах. Что же касается доходов от нефти, то, отнюдь не умаляя их, стоит все же напомнить, что на долю колонизаторов выпала не столь уж легкая задача наладить производство нефтедобычи, создать дорогостоящую инфраструктуру — и это при весьма дешевых ценах на нефть и сравнительно небольшой ее добыче. То и другое (цены и объем добычи) неизмеримо выросли в те годы, когда нефтедобыча была национализирована нефтедобывающими странами, включая Ирак и Иран, а также Саудовскую Аравию. Экономическое процветание многих из них и по сей день держится на эксплуатации природных ресурсов при сравнительно незначительных темпах социально-политического прогресса.

Кавказ

Географически Северный Кавказ не принадлежит Азии, но в историко-культурном плане он, как и некоторые иные восточно-европейские территории, является периферией Востока, в частности — арабо-исламской цивилизации. Северный Кавказ с его горными массивами и узкими долинами издревле был заселен различными небольшими первобытными либо полупервобытными этническими группами со своими языками и обычаями. В отличие от государств Закавказья с их высокой культурой и рано возникшей государственностью, малоплодородные и труднодоступные земли Северного Кавказа с их задержавшимся в силу многих причин в своем развитии населением, в основном горцами, обычно были в стороне от исторических событий, хотя многие из этих событий грубо вторгались в их жизнь.

Через Кавказ проходили пути с севера на юг и с востока на запад, причем по этим путям время от времени двигались разные народы или всемогущие завоеватели со своими войсками. Иногда почти весь Кавказ — обычно на короткое время — завоевывался кем-либо из них. Так, в 70-х годах VI в. мигрировавшие на запад тюрки во главе с каганом Истеми, двигаясь в сторону Крыма и Византии, подчинили северокавказские земли. Не прошли мимо Северного Кавказа и завоевавшие в начале XIII в. полмира монголы. Правители Золотой Орды распространяли на него свое влияние и включали его в свое государство.

Словом, на протяжении истории народы Северного Кавказа не раз оказывались под властью того или иного государства. Но обычно это длилось недолго. Ни один из всемогущих правителей не мог надолго закрепиться и тем более удержать власть в горных долинах, население которых очень дорожило своей самобытностью. Правда, в плане религиозно-культурном кавказцы не оставались в стороне от всех. Как и многие другие народы на периферии Арабского халифата, большинство из них (кроме разве что тяготивших к грузинам осетин) восприняли

ислам, правда, достаточно поздно, в ряде случаев лишь в XVIII—XIX вв. Вместе с ним пришли арабский язык Корана и законы шариата, а также некоторые, хотя и очень слабо проявившиеся, элементы исламской государственности. Влияние ислама, нередко в его суфийской форме тарикатов, в целом с течением времени становилось весьма заметным, но нормы обычного права, адата (в частности, законы кровной мести) на Кавказе действовали по-прежнему и более того, пользовались явным преимуществом.

Уже с XVI в., после завоевания Астраханского ханства, русские казаки вышли к Тереку, являвшемуся в то время своего рода естественной границей между степной полосой к северу от Кавказа и собственно Кавказом. Началось строительство кавказских укрепленных линий и заселение казаками освоенных земель. В ходе ряда войн и постепенного продвижения на юг Кабарда и северная часть Осетии были в 1774 г. присоединены к России.

Весь XVIII век прошел под знаком борьбы трех крупных держав — России, Турции и Ирана — за кавказские земли. В результате успешных войн усилившаяся благодаря петровским реформам и умелому правлению Екатерины II Россия сумела одолеть своих соперников. После присоединения к ней Закавказья Северный Кавказ оказался замкнутым анклавом, окруженным со всех сторон русскими землями. Это способствовало усилению натиска русских и постепенному завоеванию Кавказа.

В результате серии кавказских войн, основная доля которых пришлась на первую половину XIX в. и была связана с завоеваниями генерала А. Ермолова, Северный Кавказ был присоединен к России. Правда, это присоединение потребовало многих лет и огромных усилий, а вспыхивавшие то и дело мятежи горцев иногда принимали характер длительной войны мусульман против неверных. Стоит напомнить об имамате Шамиля, создавшего в 30—50-х годах нечто вроде первого на Кавказе основанного на суфийских орденовых традициях религиозного военно-государственного образования. Все это сильно замедляло колонизацию горных районов. Однако в конечном счете Россия успешно завершила кровопролитную войну. С 60-х годов XIX в. весь Кавказ вошел в состав империи. В последующие десятилетия он являлся почти что просто частью империи, а после образования СССР народы Кавказа были включены в несколько заново созданных мелких автономных республик. Многие из них были заселены также и переселенцами из России.

Средняя Азия

В XVIII—XIX вв. началась постепенная колонизация русскими среднеазиатских территорий. Она шла с двух сторон, из Оренбурга, т. е. с запада, и со стороны Сибири и Казахстана. Ранее всего, в 30-х

годах XVIII в., о чем уже было упомянуто, вошли в состав Российской империи на правах определенной автономии казахи Младшего жуза во главе со своим ханом. Чуть позже в русское подданство перешли кочевники Среднего жуза. Казаки начали строить на территории Казахстана укрепленные линии и крепости, первой из которых был Орск. Ханства Младшего и Среднего жузов были ликвидированы в 20-х годах XIX в., вместо них была введена окружная система администрации с центрами в городах-крепостях. Часть казахов Старшего жуза приняла русское подданство в середине XIX в., после чего был основан город Верный. Города-крепости заселялись казаками и переселенцами из разных районов России, более всего из Западной Сибири. В 60-х годах завершилось присоединение Казахстана к России. Киргизские земли частями включались в состав России в середине XIX в., а целиком Киргизия была колонизована в 1863 г. Стоит заметить, что число русских оседлых земледельцев и прочих колонистов на территории Казахстана и Киргизии в XIX и особенно XX вв. едва ли не превышало количество аборигенов-кочевников, издревле обитавших на этих землях.

В начале 60-х годов началось наступление русских войск на территории Узбекистана, а в 1865 г. русскими войсками во главе с генералом М. Черняевым был взят Ташкент, после чего была образована Туркестанская область. В 1867 г. она была переименована в Туркестанское генерал-губернаторство во главе с генералом К. Кауфманом. В 1868 г. признали зависимость от России Кокандское и Бухарское ханства, причем русские войска вошли в Самарканд. В 1869 г. они под командованием генерала Н. Столетова оккупировали восточное побережье Каспийского моря, где был основан город Красноводск. В 1873 г. после победоносного похода Кауфмана русским протекторатом стало Хивинское ханство. В том же году протекторатом стало и Бухарское ханство. После подавления генералом М. Скобелевым восстания в Коканде (1874—1876) это ханство было преобразовано в Ферганскую область. В 1880—1881 гг. войсками Скобелева был взят Ашхабад, а в 90-х годах под властью России оказалась вся Туркмения.

К началу XX в. в состав Туркестанского генерал-губернаторства входили Закаспийская, Самаркандская, Семиреченская, Сырдарьинская и Ферганская области, а также на правах автономии (протектората) Бухарское и Хивинское ханства. В Туркестан с каждым годом приезжало все больше русских переселенцев, как крестьян и казаков, так и городских жителей. Русские колонии в городах были весьма значительными, а в некоторых из них едва ли не преобладающими. Особый вопрос — в какой степени русских в этом восточном мусульманском регионе следует считать колонизаторами. Разумеется, русские чиновники представляли колониальную власть. Но вместе с тем именно с их помощью Средняя Азия и особенно ее кочевые народы быстрыми темпами приобщались к европейской культуре и достигали при этом

немалых успехов, чему способствовала и администрация. Кроме того, национальные окраины империи были органично включены в ее состав и практически мало чем отличались от прочих губерний России (при всем том, что национальная самобытность и тем более религия местных народов сохранялись имперской администрацией).

После революции 1917 г. Туркестанское генерал-губернаторство претерпело ряд административных перестроек. В конечном счете на его обломках были созданы Узбекская, Таджикская, Туркменская, Казахская и Киргизская республики в составе СССР. Советская власть, правление которой вообще-то было везде, включая и бывшие колониальные земли (Кавказ, Закавказье, Средняя Азия, Казахстан), несравненно более жестоким, чем господство предшествовавшего ей самодержавия, ставила целью воспитать в каждом из национальных районов свою партийную элиту, которой можно было бы доверять. С этой целью она не жалела средств на модернизацию национальных окраин и включение местного населения во всеобщее движение за создание нового общества.

Бывшие колониальные территории стали формально равными исконным русским землям; одинаково с ними в страшные 30-е годы партийная элита и интеллигенция (как, впрочем, и иные слои населения) здесь подвергались суровым репрессиям. Особо тяжелые репрессии (во второй раз за жесточайшее для них десятилетие) выпали в 40-х годах на долю ряда кавказских народов, которые целиком были насильственно перемещены в Среднюю Азию и Казахстан. В общем и целом республики советского Востока разделили судьбу всей страны и добились политической независимости (кроме Кавказа) лишь в 1991 г., после развала СССР.

Афганистан

В начале XIX в. империя Дуррани — символ наивысшего могущества Афганистана, расцвета его политических успехов — распалась на части (Кабульское, Гератское, Кандагарское и Пешаварское ханства). Кабульский Дост Мухаммед, провозгласивший себя в 1836 г. эмиром Афганистана, немало сделал для объединения страны. Сложность ситуации состояла в том, что в середине XIX в. Афганистан был уже окружен сильными державами — каджарским Ираном, сикхским Пенджабом и все ближе подходившими к нему с севера и юга колониальными империями, Россией и Англией. Неудивительно, что отсталая горная страна, не имевшая ни притягательных природных ресурсов, ни сколько-нибудь значительных иных богатств и доходов, но зато оказавшаяся в стратегически важном районе Азии, оказалась центром политических устремлений и интриг.

Англо-афганская война 1838—1842 гг. показала, что Афганистан — крепкий орешек. Хотя 30-тысячная английская армия и заняла города Кабул, Кандагар и Газни, она в конечном счете вынуждена была с позором отступить, вернув Дост Мухаммеда к власти. Воспользовавшись этим успехом, Дост Мухаммед, а затем его преемник эмир Шер Али сумели довести до конца объединение афганских земель. В 70-х годах границы России и аннексировавшей еще в 1849 г. сикхский Пенджаб Англии подошли уже вплотную к афганским землям. Обе державы явственно претендовали на определенное влияние в Афганистане, а перед афганскими правителями стояла нелегкая задача сохранить независимость в условиях заметного давления на страну с севера и юга.

Миссия генерала Столетова в Кабул в 1878 г. с проектом русско-афганского договора вызвала у Шер Али взрыв антианглийских настроений, чем умело воспользовалась Англия, использовав ситуацию в качестве предлога для новой военной экспедиции. Вторая англо-афганская война 1878—1880 гг. принудила преемника умершего Шер Али эмира Якуба заключить Гандамакский договор, по условиям которого Афганистан фактически признавал свою вассальную зависимость от Англии. Однако этот договор вызвал сильное недовольство выше всего ценивших свою независимость свободолюбивых горцев. В Афганистане вспыхнуло восстание, которое вскоре возглавил проникший в афганские земли из завоеванной русскими Средней Азии племянник Шер Али Абдуррахман. Опираясь на некоторую — не слишком явную — поддержку России, Абдуррахман одерживал победу за победой, так что англичане летом 1880 г. сочли за благо вступить с ним в переговоры. Признав Абдуррахмана эмиром Афганистана, они в то же время добились от него согласия на контроль Англии над внешней политикой страны (вести внешние сношения, «сообразуясь с мнениями и желаниями английского правительства»).

Хотя эмир Абдуррахман был вынужден согласиться на проанглийскую внешнеполитическую ориентацию, что вполне соответствовало реальному соотношению политических сил в то время (русские были далеко, а английские войска рядом с Афганистаном), он главной своей задачей сделал укрепление центральной власти и пресечение сепаратистских тенденций. Тем временем Россия и Англия в условиях сложных политических интриг решали свои внешнеполитические споры, в том числе в районе Афганистана и близ него. Так, в 1893—1895 гг. была проведена — практически без участия афганских представителей — демаркация англо-афганской (точнее, индо-афганской) границы по так называемой линии Дюранда, а затем и русско-афганской границы в районе Памира.

Начало XX в. прошло в Афганистане под знаком некоторого подъема в сфере политических движений, культурно-просветительской деятельности. Хотя эта страна и была очень отсталой, и до нее дошли

отзвуки тех событий, которые прокатились по соседним азиатским странам (Турция, Иран). Они привели к всплеску так называемых младоафганских реформаторских настроений. Движение младоафганцев было очень слабым, но все-таки это была возникшая на местной почве идеология реформ, модернизации страны. Именно на нее как на свою главную опору сделал ставку пришедший в 1919 г. к власти Аманулла-хан. В поисках поддержки против англичан, от которых он в том же году добился признания полной независимости страны, Аманулла апеллировал к Советской России, тоже признавшей эту независимость и заключившей с Афганистаном договор.

Хотя акт признания независимости вызвал подъем в стране, к решительным структурным реформам она не была готова. Младоафганцы в стремлении осуществить такие реформы взяли слишком крутой курс, что вызвало недовольство крестьянства и исламского духовенства. Опираясь на него, противники реформ добились в 1929 г. отречения Амануллы от власти. Королем страны стал Надир-шах, официально принявший конституцию (1931), которая закрепляла режим умеренного характера, учитывавший и силу духовенства, и отсталость крестьянства, и значение племенных связей в Афганистане. В 1933 г. королем стал Закир-шах, ведший политику осторожного внешнеполитического лавирования, особенно накануне Второй мировой войны, когда заметно усилилась активность агентов Германии в Афганистане. Эти агенты с началом войны были изгнаны, а ситуация в послевоенном Афганистане, когда Англия лишилась своих колоний и перестала быть важным фактором во внешнеполитической ориентации страны, привела к усилению связей Афганистана с Советским Союзом. В 1973 г. в результате государственного переворота Афганистан стал республикой, в итоге следующего переворота 1978 г. была провозглашена Демократическая Республика Афганистан, которую возглавил Революционный совет, ориентирующий на сотрудничество с СССР.

Глава 12

Мир ислама: традиционная структура и ее трансформация в период колониализма

Общность группы стран Ближнего и Среднего Востока, включенных в третий блок, вполне очевидна и легко может быть продемонстрирована в нескольких важных для анализа отношениях. Во-первых, это вполне определенный историко-географический регион, в основном с древними культурными традициями. Во-вторых, это ядро ара-

бо-мусульманского мира, обогащенного за счет соседних исламизированных народов, в первую очередь иранцев и тюрок. В-третьих, для большинства стран этой группы была характерна в период колониализма лишь большая или меньшая зависимость от держав — при сохранении формальной политической независимости и внутреннего самоуправления. Все эти особенности, формирующие общность судеб интересующей нас группы стран, органически связаны между собой. Даже больше того, они создают определенную метатрадицию, густо окрашенную в религиозно-цивилизационный цвет — в зеленый цвет ислама.

Конечно, мир ислама не ограничивался лишь группой стран Ближнего и Среднего Востока, о которых сейчас идет речь. Сильное влияние ислама ощущалось на протяжении многих веков и в тех странах Южной и Юго-Восточной Азии, а также Африки, которые рассматривались выше, в рамках первых двух блоков колонизованных европейцами стран. Но здесь все же есть некоторая разница, о которой необходимо еще раз сказать.

В Индии, как о том специально говорилось, исламу противостоял индуизм, что и помешало ему, несмотря на политическое господство, обрести ту всеобъемлющую силу и создать такую структуру, которые были нормой на мусульманском Ближнем Востоке. В Индонезии или Малайе, тем более на юге Филиппин и вообще везде, где в юго-восточноазиатском регионе со временем стал играть значительную роль и даже абсолютно преобладать ислам, он в принципе был все же далеко не столь сильной и всеобъемлющей религией, как в местах расселения арабов, персов или тюрок. Местные религиозно-цивилизационные традиции в немалой мере ограничивали и ослабляли его воздействие, что с особой наглядностью видно на примере Индонезии. Тем более то же самое характерно для исламизированных районов и народов Тропической Африки, включая ее суданский пояс. Пожалуй, только для северной арабской Африки, для стран Магриба и особенно Египта следует сделать исключение. Именно потому, что это страны с арабо-исламским населением и что исламский религиозно-цивилизационный фундамент здесь, как и в Западной Азии, опирается на мощные пласты древних культур (от долины Нила до Карфагена), наблюдается определенное сходство в исторических судьбах Магриба, Египта с судьбами западноазиатского исламского региона.

Учитывая сказанное, мы имеем все основания включить в предстоящий анализ мира ислама арабо-исламские страны Северной Африки и воспринимать их вместе с составляющей третий блок группой стран Ближнего и Среднего Востока как нечто единое и цельное в религиозно-культурном плане. Разумеется, при этом должны быть учтены и различия между северо-африканскими и западно-азиатскими мусульманскими странами и народами — различия, которые наиболее оче-

видны при оценке степени колониальной зависимости той или иной группы стран.

Итак, перед нами мир ислама. Что являла собой традиционная исламская структура и какое воздействие на нее, на ее способности и потенции трансформации оказал мусульманский религиозно-цивилизационный фундамент? Как сказалось это на судьбах соответствующих стран в период колониализма?

Ислам: религия и общество

Об условиях и обстоятельствах, сопутствовавших возникновению и распространению ислама среди арабов, а затем и во всей Передней и Средней Азии, а также на северо-африканских территориях (Арабский халифат и его северная периферия), уже шла речь во второй части работы, где специально упоминалось и о некоторых генеральных принципах социальной политики мусульман (формы земельных владений и налогообложения, слитность религии и политической власти и др.). Говорилось вскользь и о специфике шиитского ислама. Теперь в центре внимания будет рассмотрение более глубоких признаков и характеристик ислама, которые во многом определяли на протяжении веков (и продолжают это и в наши дни) не только верования и мировоззрение мусульманского населения, но также, что существеннее, образ и принципы жизни, систему ценностей и соответствующие социально-нравственные установки мусульман, т.е. то, что можно было бы назвать исламским менталитетом.

Так что же такое ислам? Сформировавшись сравнительно поздно, доктринально эта монотеистическая религия восходит к ее предшественникам, иудаизму и христианству, к библейским идеям, образам и легендам. Обогатившись за счет влияния иранского зороастризма, а также впитав в себя многое из древних традиций и культурных достижений древневосточных цивилизаций и греко-античного мира (вспомним эпоху эллинизма), ислам оказался в определенном смысле весьма богатым в духовно-идейном плане наследником многих цивилизаций. Но выгодно и умело распорядиться этим богатым наследием ему в немалой степени помешал реальный уровень развития того народа, который волею судеб оказался творцом и основным носителем новой религии, — арабов. Едва вышедшие за пределы первобытности арабы (речь идет о передовых племенных группах их; более отсталые бедуинские кочевые племена остаются на полупервобытном уровне и в наши дни) не были в состоянии активно освоить весь высокоинтеллектуальный потенциал религиозно-доктринального наследия, доставшегося им через основавшего новую религию пророка Мухаммеда. Впрочем, они не очень-то в этом и нуждались. Хорошо известно, что

многое из высших достижений арабской культуры на рубеже I — II тысячелетий охотнее заимствовали европейцы (включая арабские переводы античных авторов), чем сами арабы. Что же касается арабов — разумеется, той части их, которая была причастна к грамоте и получала образование, — то они были более склонны, не вдаваясь в глубины интеллектуальных поисков, ориентироваться главным образом на жесткую религиозную догму ислама, на сформулированные им принципы жизни.

Здесь следует оговориться: арабская культура, прославленная именами аль-Газали, Аверроэса, Авиценны и многих других, немало внесла в сокровищницу мировой цивилизации. Но все это мало отразилось на жизненном стандарте и интеллектуальном потенциале мусульман, веками воспитывавшихся в русле арабо-мусульманского знания. Мало потому, что в основе стандартизированного исламского знания лежали не вершины арабской средневековой мысли, а священная книга мусульман Коран, хадисы устного предания Сунны и заповеди мусульманского права шариата. Именно Коран, Сунна и шариат веками формировали сознание, поведение, образ жизни, систему ценностей, генеральные установки среднего мусульманина, полноправного члена великой исламской общности-уммы. Речь идет поэтому об исламе как религии, оказавшей огромное воздействие на общество и во многом изменившей облик тех стран, где ислам оказался господствующим, особенно в пределах Ближнего и Среднего Востока, африканского Средиземноморья.

Религиозные догматы ислама до примитивности просты и весьма жестко фиксированы. Генеральная установка здесь — на покорность человека воле Аллаха, его посредника-пророка и замещающих пророка лиц, от халифа либо имама до обладателей власти на местах. Полное повиновение власть имущему объясняется как сакрально авторизованным принципом божественного источника высшей власти («Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммед пророк Его») при упоминавшемся уже полном слиянии политической администрации с религиозным авторитетом, так и сознательно культивируемым фатализмом («на все воля Аллаха») и приниженностью личности, этой жалкой песчинки по сравнению со все тем же всемогущим Аллахом. Приниженность конформной личности, всецело преданной воле Аллаха, фатализм и покорность судьбе — вот источники не только религиозного фанатизма, коим отличались и по сей день отличаются многие преданные вере воины ислама (федаи, фидайи, федианы), но и того самого «поголовного рабства» как принципа социальной структуры, о котором писали в свое время Гегель и Маркс.

Ислам подчеркнуто эгалитарен: перед Аллахом все равны. Причастность к истинной вере, всеобщей умме много важнее деления на расы, народы, племена и языковые группы. Поэтому классическая арабо-исламская и вообще мусульманская традиция практически не

признает социальную замкнутость сословий, наследственное социальное неравенство. Напротив, религиозно освящен и практически всегда реализовывался принцип социальной мобильности: сила, способности, случай открывают двери наверх перед каждым, достойным того. Раб мог стать эмиром и султаном, бедняк-крестьянин — уважаемым знатоком ислама, высокопоставленным улемом, солдат — военачальником. Речь идет не о равенстве статуса и тем более прав: в обществе «поголовного рабства» все было как раз наоборот — низший всегда бесправен перед вышестоящим и легко может стать жертвой его произвола. Речь о равенстве возможностей, о равенстве жребия, реализации чего никогда не мешали ни покорность, ни фатализм мусульманина: честолюбивый и энергичный всегда в своих стремлениях и претензиях опирался на то и на другое, причем именно покорность его воле Аллаха и позволяла реализовать уготованную ему судьбу.

Но что существенно: генеральная установка и реальные общественно значимые и престижные целеустремления мусульманина всегда ограничивались продвижением его вверх по лестнице власти или религиозного знания. Других престижных путей обычно не было. И хотя в мире ислама всегда были богатые купцы, практически условия для активной частнопредпринимательной деятельности были крайне неблагоприятны. Отсутствие надежных правовых гарантий индивиду-предпринимателя и, главное, полный произвол власти, всегда ревниво следившей за богатеющим торговцем, существенно ограничивали возможности частного лица, не облеченного властью (впрочем, подчас не помогала и причастность к власти: более крупные акулы без стеснения заглатывали тех, кто поменьше). Поголовное рабство и бесправие — это оборотная сторона эгалитаризма. Все равны и все одинаково бесправны. Право у тех, кто обладает силой, а овладевший силой и захвативший власть вместе с нею приобретает и сакральный авторитет. Исключение — и весьма существенное — являют собой шииты, признающие законной высшей властью лишь правление прямых потомков Мухаммеда, святых имамов или их родственников по боковым линиям (алиды, фатимиды, сеиды, шерифы).

Слабая социальная защищенность индивида и даже целой корпорации (семьи, общины, клана, цеха и т.п.) в мусульманских обществах лишь усиливала мощь власти. Неудивительно, что мусульманские государства были, как правило, весьма могущественными. Несложная их внутренняя административная структура обычно отличалась простотой и стройностью. Эффективность центральной власти, опиравшейся на принцип власти-собственности, господство государственного аппарата власти и взимание в казну ренты-налога с последующей ее редистрибуцией, подкреплялась, как не раз уже упоминалось, сакральностью власти и покорностью подданных. Впрочем, исламские государства тоже нередко распадались, уступая место более мелким. Однако характерно, что и приходившие на смену крупным мелкие государства

(например, султанаты и эмираты распавшегося халифата) тоже были централизованными государствами, хотя и меньшего масштаба. Эффекта феодальной раздробленности мир ислама — по крайней мере в описываемом регионе — практически не знал, что вполне соответствует особенностям исламского социума.

Впрочем, здесь нужна оговорка. В тех нередких случаях, когда речь идет о зависимых полуавтономных странах (например, о странах Магриба, включая Египет, подчиненных Османской империи), ситуация усложнялась за счет того, что правители этих стран, обладая немалой автономией и реальной властью, все же были скованы в своих действиях. Это вело к относительной слабости власти в соответствующих странах, что, как говорилось, сыграло свою роль в процессе их колонизации. Но стоит заметить, что и в этой ситуации, как о том свидетельствуют годы правления Мухаммеда Али Египетского, многое зависело от конкретных условий, в частности от личности правителя. Можно сформулировать некую закономерность, смысл которой сводился бы к тому, что исламская система власти в принципе благоприятствует существованию сильного централизованного государства, хотя при некоторых обстоятельствах благоприятные факторы могут и не сработать.

Ислам нетерпим. Нетерпимость его проявляется не в том, что правоверные стремятся обратить в ислам всех неверных под угрозой их уничтожения. Не в том он, что правоверные всегда готовы начать священную войну — джихад — против неверных. То и другое не раз случалось в истории, но не в этом суть. Суть в том, что правоверные всегда отчетливо ощущают свое превосходство над неверными, что это превосходство с самого возникновения ислама фиксировалось на государственном уровне (мусульманин платит более легкие налоги и освобожден от подушной подати, джизии), что выше всего ценится принадлежность человека к умме, что неверный всегда рассматривается в мусульманском государстве как не вполне равноправный, причем это особенно заметно на примере тех судебных казусов, когда перед мусульманским судьей-кади предстают в качестве тяжущихся сторон мусульманин и немусульманин. Впитанное веками и опирающееся на всю толщу религиозно-культурной традиции, такого рода высокомерное чувство превосходства и нетерпимости к неверным — одна из важнейших и наиболее значимых характерных черт ислама. Это чувство совершенства образа жизни в сочетании с всеобщностью и всесторонностью ислама, опутывавшего общество наподобие густой паутины, всегда было залогом крайнего консерватизма и конформизма мусульман, чуть ли не ежечасно (вспомним об обязательной ежедневной пятикратной молитве!) призванных подтверждать свое религиозное рвение. Естественно, что все это не могло не отразиться не только на нормах поведения и ценностных ориентациях всех тех, кто с гордостью

всегда причислял себя к умме, но и в конечном счете на психике людей, точнее, на их социальной психологии.

Ощущая себя членом наиболее совершенно организованного социума, подданным исламского государства, во главе которого стоит сакрализованный правитель, мусульманин был не только надежным слугой Аллаха и ревностным правоверным, но и той силой, на которую Аллах и правитель всегда могут положиться. Отсюда — неслыханная внутренняя прочность и сила ислама и мусульманских государств. Если не считать Ирана, то во всем остальном исламском мире массовые движения обычно никогда не были направлены против власти, власть имущих; они, как правило, принимали характер сектантских движений. Это и понятно: восставшие выступали не против ислама и исламского правителя, но за то понимание ислама, которое представлялось им наиболее верным и за которое они готовы были поэтому сражаться со всем присущим воинам ислама фанатизмом. Авторитет же сакрализованной власти как принцип оставался при этом незыблемым, что, помимо прочего, было гарантом внутренней силы исламских государств, залогом их внутренней прочности.

Особый случай — шиитский Иран. Сакральность правителя здесь была минимальной именно в силу того, что, не будучи потомком пророка, этот правитель по строгой норме доктрины шиитов вообще не имел права возглавлять правоверных, быть их религиозным вождем. Соответственно в Иране сформировалась несколько иная структура власти. Духовно-религиозный авторитет, представляемый группой наиболее уважаемых шиитских богословов-улемов (высший их разряд — аятоллы), обычно нарочито противопоставлялся светской власти. Это противопоставление вело к тому, что шиитское духовенство не только часто выступало в качестве оппозиции, но и нередко возглавляло те самые народные выступления, обилием которых Иран резко отличался среди других исламских стран. Это существенно ослабляло силу и эффективность администрации иранских шахов, делало шахский Иран — по сравнению, скажем, с султанской Турцией — более легкой добычей колониальных держав. Однако такая ситуация ни в коей мере не ослабляла внутреннюю структуру страны, которая цементировалась шиитским исламом не менее прочно, чем в других мусульманских государствах, а в некоторых отношениях, видимо, и более крепко. Во всяком случае фанатизм воинов ислама у шиитов всегда отличался наиболее крайними формами, что хорошо видно на примере секты исмаилитов.

И еще одно, что необходимо иметь в виду, коль скоро заходит речь о мире ислама, о вселенской умме и ее ревностных представителях. Мусульманин, строго воспитанный в жестком русле немногих, но обязательных правил и принципов жизни, редко сетует на свою долю. Не то чтобы он всегда был доволен состоянием своих дел или равнодушен к хорошо сознаваемой им социальной справедливости. Напро-

тив, то и другое заботило его и нередко было причиной массовых движений, чаще всего под религиозно-сектантскими лозунгами, за выправление нарушенной привычной нормы жизни. Но, если норма соблюдается, он спокоен. В неторопливом ритме делает свое привычное дело и редко стремится к чему-то большему, тем более к новому и неизведанному, чуждому привычной норме и грозящему ее разрушить. Конечно, крестьянин консервативен везде, особенно на Востоке. Но в исламских обществах он консервативен вдвойне, ибо на консерватизм земледельца здесь накладывается жесткая норма ислама с его предельной нетерпимостью к отклонениям. Консерватизм и конформизм ислама, фатализм и фанатизм его ревнителей, сакрализованный статус правителей и сила возглавляемого ими аппарата власти, внутренняя мощь и огромная сопротивляемость социума, мусульманской уммы, — все это реально действующие факторы, с которыми нельзя не считаться при анализе процесса трансформации исламских обществ в период колониализма.

Спротивление и приспособление традиционных исламских обществ в период колониализма

Спротивление и приспособление к изменяющимся обстоятельствам было общей нормой поведения Востока в годы активной колониальной экспансии. Однако характер и сила сопротивления, равно как адаптационные способности, т.е. умение и желание приспособиться к изменившимся обстоятельствам и извлечь из этого максимальную пользу для себя, были в разных странах Востока очень различными. Во многом это зависело от исторических судеб, от внешних факторов, от уровня развития, но более всего — при прочих сравнительно равных условиях — от религиозно-цивилизационного фундамента, т.е. от тех норм, принципов жизни, ценностных ориентаций и стереотипов поведения, которые формировались на базе упомянутого фундамента, отливались по его матрицам.

Так, англичане довольно легко и при минимальных для себя потерях укрепились в Индии не столько благодаря испытанной тактике «разделяй и властвуй», но едва ли не в первую очередь потому, что задававшая тон в стране индуистская традиция была безразлична к политической власти и весьма терпима к инакомыслию. В Тропической Африке или на островах Юго-Восточной Азии колонизаторы сравнительно легко подчиняли себе слабые полупервобытные социально-политические образования, опиравшиеся на очень тонкий пласт религиозно-цивилизационного фундамента, к тому же разнородного по типу, плюралистического по характеру. Иное дело — мир ислама. Здесь европейцы столкнулись с более или менее сильными государствами и

с мощным, активно функционирующим в весьма определенном ключе религиозно-цивилизационным фундаментом. Привычная тактика «разделяй и властвуй» в этих условиях почти не срабатывала. Неудивительно, что и формы колониальной зависимости оказались в большинстве случаев иными, хотя они и варьировали в зависимости от обстоятельств.

Как о том уже шла речь, даже в тех странах, которые по статусу были близки к колониям, считались протекторатами, далеко не вся власть принадлежала представителям колониальной державы. Колонизаторы были вынуждены считаться с традициями и действовать преимущественно иными, экономическими методами. Таким было, в частности, поведение русской колониальной администрации в Средней Азии. Лишь там, где население было малочисленным и власть сравнительно слабой, играла определенную роль военная сила держав (это касается и завоеванного Россией Кавказа, и содержания войск типа Арабского легиона, и военных экспедиций вроде суданской в конце XIX в.). Ну и, конечно, по мере укрепления держав в той или иной стране многое начинало зависеть от хода событий. Здесь можно было бы выделить несколько различных моделей-вариантов развития.

Первый из них — египетский. Будучи при Мухаммеде Али едва ли не наиболее могущественной и экономически развитой страной ислама, Египет во второй половине XIX в. был вынужден расплачиваться за чрезмерное экономическое напряжение, позволявшее Мухаммеду Али поддерживать мощь страны. Банкротство Египта в 1876 г. дало возможность англичанам резко усилить свои экономические позиции в этой стране, интерес к которой стимулировался еще и стратегически важным для Англии Суэцким каналом. Вскоре в связи с мятежом Ораби англичане ввели в Египет свои войска, которые надолго там остались (не говоря уже об охранявшейся ими зоне канала). Но, хотя англичане и вели себя в стране как хозяева, в полном смысле слова колонией Египет все же не стал, да англичане и не могли лишить эту страну независимости, ибо формально она была частью Османской империи. В то же время с автономией хедива и его властью колонизаторы считались.

Египетский вариант в некотором смысле можно считать оптимальным — с точки зрения успеха исламской страны, приспособляющейся к изменившимся обстоятельствам. Несмотря на стойкое сопротивление традиционной структуры и считаясь с этим сопротивлением, англичане, не слишком форсируя перемены, все же способствовали развитию страны. На смену экономической неэффективной государственной экономике Мухаммеда Али пришла частнопредпринимательская деятельность, причем не только сами предприниматели, но и половина занятых на производстве рабочих были иностранцами, преимущественно европейскими колонистами. Колонизация Египта сопровождалась его европеизацией и модернизацией также и в сфере

политических институтов, образования и культуры, городского строительства, даже быта городского населения. Став к 1923 г. независимой конституционной монархией, Египет к этому времени достиг на пути трансформации традиционной структуры достаточно многого, хотя сопротивление нововведениям не утихло. И все же, несмотря на сопротивление, традиционные институты постепенно сдавали свои позиции, а европеизированные нормы жизни завоевывали их.

Казалось бы, процесс внутренней трансформации и приспособления внутренней структуры к изменившимся обстоятельствам необратим. Однако все не так просто. Уход англичан из Египта (вывод войск в 1936 г. и национализация Суэцкого канала в 1956 г.) создал здесь новую обстановку. На передний план вышли силы, отнюдь не безразличные к традиции, после деколонизации вновь начавшей активно стремиться к восстановлению утраченных ею позиций. Усиленный курс на огосударствление экономики, а затем явственно проявившиеся тенденции к ограничению частнопредпринимательской деятельности и к усилению роли государства и вообще аппарата власти в жизни страны и общества — весьма осязаемое проявление силы приспособившейся, но отнюдь не ушедшей в прошлое традиции. Силу традиции демонстрируют и многочисленные группы исламских фундаменталистов («братья-мусульмане» и др.), выступающие против преобразований и даже в наши дни не теряющие, порой увеличивающие свое влияние.

Турция — второй вариант развития, в чем-то близкий египетскому. Близость в том, что Турция, длительное время находившаяся под энергичным воздействием со стороны европейских стандартов и прошедшая через серию реформ, революций и радикальных преобразований, за последние два века сильно изменилась. В стране наряду с сильным государственным сектором в экономике заметно развивается частнопредпринимательская деятельность. Укрепились, особенно после преобразований Кемаля, правовые нормы гражданского общества. Как ни в одной из других исламских стран, здесь потеснен со своих привычных позиций ислам как религия, ставший теперь отделенным от государства, частным делом граждан. Но отличие Турции от Египта не только в том, что эта страна никогда не была ни колонией, ни протекторатом, ни даже политически зависимой. Более важное отличие, пожалуй, состоит в том, что, не будучи колонией и не имея соответствующего экономического давления, Турция в аналогичных условиях постепенных преобразований в чем-то оказалась более зависимой от традиции. С исламом как религией Кемаль поступил круто. Но ислам как традиция остался. И в этом смысле исламская традиция сильно сказывается. По уровню промышленного развития Турция не уступает Египту, даже превосходит его, но тип развития отличен и вплоть до недавнего времени был более близок к нормам традиционной структуры с ее ведущей ролью государства, со всеми ее проблемами,

от экономической неэффективности до политической нестабильности. Впрочем, события последних одного-двух десятилетий в чем-то, похоже, существенно изменили турецкий вариант развития, о чем будет сказано в последней части книги.

Третий вариант — Иран. Будучи, как Турция и Египет, крупной исламской страной с большим населением и древними культурными традициями, с немалыми политическими амбициями, Иран в то же время отличается от остальных мусульманских стран прежде всего тем, что здесь абсолютно господствует шиитский ислам, т.е. ислам в его наиболее крайней, активной, сектантской форме. Влияние шиизма на структуру общества двояко. С одной стороны, он десакрализует власть и тем как бы ослабляет политическую администрацию, силу государства. Но, с другой — это ослабление (чем-то похожее на ситуацию с кастами и общинами в Индии) с лихвой компенсируется мощными социальными интегрирующими силами, сплачивающими шиитское население страны в нечто единое и цельное, возглавляемое духовенством. Роль воинствующего шиитского духовенства — это то, что отличает иранский социум от индийского. Непримируемость шиитского духовенства и ведомого им народа к переменам и нововведениям, угрожающим позициям ислама, — наиболее сильный импульс в Иране. Слабость власти, неспособной последовательно и успешно провести необходимые реформы, причем сделать это в нужном для страны темпе, — еще один сильный импульс, объективно умножающий мощь первого, т.е. ислама. Консервация отсталости, связанная с силой обоих импульсов и восходящая к мощи исламской традиции в ее шиитском варианте, воинственность духовенства и слабость той опоры, которая в иных обстоятельствах могла бы служить базой для развития и формирования новых социальных, экономических и политических сил в стране, — вот в самых общих чертах те факторы, которые предопределили судьбы современного Ирана, а косвенно также и ислама в его наиболее реакционной фундаментальной модификации.

Вариант четвертый — периферийные арабские страны. Это страны Магриба (кроме Ливии) и Западной Азии (кроме тех, кто имеет выход к нефтеносным промыслам Персидского залива). Общее для всех них — существенная роль вмешательства колониальных держав и их капитала при ограниченности внутренних ресурсов (как природных, так и людских), сравнительно невысоком уровне развития и стратегически важном, как правило, расположении. Во всем остальном это достаточно пестрая группа небольших государств, весьма отличных друг от друга даже в пределах своего региона (Марокко, Тунис и Алжир в Магрибе; Ливан и Сирия, а также Палестина в Леванте; Иордания и Йемен в Аравии). Колониальная политика держав и европейский капитал способствовали некоторому развитию указанных стран, хотя сопротивление их иностранному вторжению ощущалось постоянно. Формально ни одна из перечисленных стран не была лишена незави-

симости, ибо и не имела ее — все они являлись частью Османской империи. Но фактически колониальное вторжение воспринималось как болезненная ломка привычных условий жизни и вызывало яростное сопротивление.

После крушения Османской империи все страны активно стремились к независимости и деколонизации, освобождению от иностранной опеки. Впрочем, колониализм содействовал модернизации и трансформации этих государств, правда, в различной степени. Наиболее заметно экономическое развитие и модернизация реализовывались в Леванте. Но и в других странах имели место европеизация политических институтов (включая нормы демократической процедуры), изменения в сфере культуры, быта, инфраструктуры и т.п. Что касается влияния исламской традиции, то она совершенно очевидно уступала свои позиции в более развитых из этих стран, хотя это и не был однозначный процесс: сложная религиозная обстановка в Ливане и Палестине привела со временем, как известно, не только к возрождению силы ислама, но и к превращению религиозной розни в один из главных элементов внутривосточной нестабильности на Ближнем Востоке.

Вариант пятый — Ливия и страны района Персидского залива с его нефтересурсами. Как правило, это едва ли не самые отсталые в прошлом страны арабо-исламского мира. Вмешательство колониализма здесь, кроме разве что Ливии, было ограничено политическими интригами и экономическими проектами, направленными на разработку ресурсов, организацию добычи и первичной обработки нефти. Как известно, именно нефть сказочно обогатила эти страны после их деколонизации. Экономика стран этой группы развивается ныне весьма ускоренными темпами, соответственно быстро идет и городское строительство, создание инфраструктуры (включая грандиозные проекты, связанные с опреснением воды и озеленением прежде безжизненных территорий Аравийской пустыни), современной системы образования, подготовки кадров и т. п. Но в том, что касается развития политических институтов, элементов гражданского общества и всего с этим связанного, в том числе и культуры повседневного труда (т. е. именно того, формирование чего требует длительных и напряженных усилий, немалого времени и постоянного воздействия со стороны внешних цивилизационных факторов), эти страны отстают. Характерно, что не собственными силами создают они и современную экономику и инфраструктуру: это делается руками многочисленных иммигрантов, стекающих сюда в поисках высоких заработков, живущих здесь, но, как правило, лишенных полных гражданских прав, которые являются привилегией лишь местных жителей. Что касается силы исламских традиций, то именно в этой группе стран она наибольшая из всех. Можно вспомнить об исламских теориях ливийского

руководителя Каддафи, напомнить о роли ислама в современной Саудовской Аравии, в Кувейте, да и во всех остальных малых странах Персидского залива.

Шестой вариант — Кавказ и Средняя Азия. Будучи периферией исламского мира, эти завоеванные Россией страны и населяющие их народы не слишком ревностно соблюдали все нормы религии. Большую роль в их жизни играли национальные традиции, нормы обычного права. Нельзя сбрасывать со счетов и специфику их колониального статуса. Оказавшись присоединенными к огромной империи и став фактически окраинной частью ее, Кавказ и Средняя Азия (включая обширные земли Казахстана) были весьма заметно освоены казачками и русскими переселенцами, за счет социально-экономической и административно-культурной активности которых в основном и развивались эти территории. Ислам, оказавшийся в рамках огромной империи, принадлежавшей к иной религиозно-культурной традиции, не имел здесь больших возможностей для увеличения своего влияния. И хотя время от времени под мусульманскими лозунгами поднимались восстания, а то и велись длительные войны (как во времена имамата Шамиля на Кавказе), эта религия рано или поздно должна была отступить.

В результате Кавказ и Средняя Азия, сохраняя по мере возможности свои исламские традиции, многое из них утратили за годы советской власти с ее воинствующим официальным атеизмом. Это тоже не могло не сказаться на уровне и качестве влияния ислама среди населения, лишенного необходимого количества религиозных наставников-улемов, не говоря уже о мечетях и медресе, которые призваны поддерживать влияние, активность и чистоту ислама в мусульманских странах. Как видим, это весьма особый регион исламского мира, близость которого к остальным мусульманским странам стала заметна лишь в наши дни, после крушения СССР и появления принципиально новых условий для свободного развития, в частности, для свободы совести.

Наконец, важно особо упомянуть еще об одном, *седьмом*, варианте, об Афганистане. Эта страна по роли в ней ислама, да и по многим иным параметрам, стоит особо. Ресурсами и иными богатствами Афганистан не обделен, но история не способствовала успешному развитию его народов, лишь сравнительно недавно обретших собственную государственность. Едва ли не главное, что отличает афганцев, особенно горцев, — это чувство национальной гордости и готовность сражаться за свою независимость. В XIX в. это было убедительно продемонстрировано на примере двух неудачных для Великобритании англо-афганских войн. Национально-патриотический импульс афганцев явно был более существенен для них — во всяком случае до самого последнего времени, до талибов, — нежели тщательное соблюдение норм ислама и конфликты из-за этого.

Вычлененные варианты свидетельствуют о богатстве конкретных путей развития исламских стран в период колониализма, о различиях в формах и степени сопротивления и приспособления исламской традиции к изменившимся обстоятельствам. Но при всех различиях можно подчеркнуть и нечто общее для стран современного ислама, включая Пакистан и Бангладеш, возникшие уже после деколонизации Востока и близкие по условиям и результатам развития к странам четвертого варианта. Это общее сводится к нескольким пунктам, вытекающим из вышеприведенной характеристики исламской традиции.

Прежде всего стоит напомнить, что, за исключением шиитского Ирана, исторические корни которого непосредственно восходят к глубокой и высококультурной древности (империя Ахеменидов), подавляющее большинство остальных народов и этнических общностей, которые составляют основу в изучаемых странах (арабы, турки, кавказцы, афганцы; в меньшей степени это касается исламизированного населения Пакистана и Бангладеш), относятся к числу вышедших на историческую арену сравнительно поздно и потому в массе своей достаточно отсталых. Ислам жестко и искусно законсервировал эту отсталость, во всяком случае на уровне подавляющего большинства населения. А так как в странах ислама не существовало наследственных замкнутых сословий правящих верхов, то неудивительно, что высшие слои общества по уровню мало отличались от низов, а выделявшиеся на этом общем фоне образованные интеллектуалы ислама опять-таки в основном, за редкими исключениями, были знатоками только все того же ислама. Кроме того, приниженность и строгая консервативность, конформность исламского социума, состоявшего из мусульман, привычно ориентированных на удовлетворенность жесткой нормой, на фанатичную преданность идее, нетерпимость и покорность судьбе, гарантировали устойчивость традиции. На страже этой стабильности стояло и сильное государство.

Все перечисленные факторы действовали в одном направлении — в пользу сопротивления переменам, особенно навязанным извне, со стороны неверных. Нужно было немалое время и сочетание благоприятных для колониализма обстоятельств, чтобы сила упомянутых факторов была хоть сколько-нибудь нейтрализована. Вот для того, чтобы оценить наличие такого рода обстоятельств, их силу и вызванные ими процессы, и были вычленены разные варианты развития и приспособления исламских обществ. В конечном счете эти варианты, суммируя близкие из них и воспринимая их в качестве модификаций примерно одного типа развития, можно свести к двум основным моделям.

Первая из них — модель длительного взаимодействия колониального капитала и исламской традиции. Суть ее в том, что традиционная исламская структура в процессе интенсивного воздействия на нее извне

вынуждена приспособливаться, преодолевая естественный и столь свойственный ей мощный импульс сопротивления, отторжения всего чуждого. Сюда следует отнести близкие друг к другу первый и второй варианты (Египет и Турцию), большинство стран четвертого варианта (в первую очередь страны Магриба и Леванта), кроме разве что очень уж отсталого Йемена, а также Пакистан и Бангладеш, т.е. некоторые части Северной Индии времен колониализма. С некоторыми оговорками регионами этого типа можно считать Кавказ и Среднюю Азию. Для стран, причисляемых к первой модели развития, характерен длительный период внутренней, нередко насильственной либо, как в Турции и Леванте, вынужденной трансформации в направлении европеизации политических институтов и элементов культуры, модернизации экономики, к тому же при заметном участии в этом процессе этнически и цивилизационно чуждых компонентов.

Для всех них, включая и саму Турцию, долгое время бывшую центром империи и сюзереном по отношению к окружавшим ее арабским странам, характерно, что процесс внутренней трансформации под воздействием извне был тесно связан с ослаблением государства. В то же время по мере их деколонизации, обретения ими независимости и усиления степени централизации власти (как в Турции после крушения империи) параллельно с некоторым ослаблением импульса извне фиксируется если и не возрождение в полном объеме, то заметное усиление влияния исламской традиции, вплоть до появления различных течений фундаменталистов. Существенно также заметить, что ослабление колониализма и усиление центральной власти в ставших независимыми после деколонизации исламских странах, о которых идет речь (включая Пакистан и Бангладеш), влекло за собой традиционное укрепление сферы государственной системы хозяйства, теперь уже в промышленной современной ее модификации, причем нередко за счет ослабления так и не набравшего силы в период колониализма местного частнопредпринимательского сектора. И все же, при всем том модель первая — это модель энергичной трансформации, европеизации и модернизации традиционных исламских стран.

Модель **вторая** — иная. К ней следует отнести те страны, где сила традиции и в период колониализма продолжала быть безусловно ведущим и определяющим фактором существования и развития соответствующих обществ. Суть ее в том, что традиционная исламская структура, как правило в ее наиболее примитивной форме, легко преодолевая все импульсы извне и как бы вообще не замечая, игнорируя их (бедуинам Аравии это было, например, очень несложно), воспроизводится в почти неизменном виде, независимо не только от силы того или иного государства, но даже и от уровня жизни. К этой модели, тоже представленной рядом неодинаковых модификаций, следует отнести страны, развивавшиеся весьма различно, но в чем-то

весьма сходные (Иран, Афганистан, богатые нефтью арабские страны). Сходство в том, что, независимо от богатства и связанного с ним уровня жизни, ультрасовременной инфраструктуры, эти страны целеустремленно продолжают культивировать свой образ жизни и все привычные нормы ислама, а иногда, как это имело место в шиитском Иране, не останавливаются и перед тем, чтобы осознанно вернуться к фундаментальным нормам и древним порядкам времен раннего, «чистого» ислама. Конечно, многое в странах, развивающихся по этой модели, неодинаково. Но для всех них, будь то Ливия или Ирак, Аравия или Иран, Кувейт или Афганистан, характерно именно однозначное стремление жить по традиционным нормам ислама, что, впрочем, не мешает тем из них, кто для этого достаточно богат, пользоваться услугами и вещами, предоставляемыми модернизацией, купленными — но не самими созданными! — за счет этого богатства.

Итак, перед нами две разные модели, в чем-то заметно противостоящие друг другу. Именно этими различиями, очень важными для понимания процесса трансформации исламских обществ, и отличается ситуация в странах третьего (исламского) блока стран. И хотя обе модели демонстрируют незаурядную силу и консерватизм, способности к возрождению исламской традиции, все-таки различие между ними очень существенно. Первая соответствует общей норме, характерной для трансформации колоний в Африке, Индии, Юго-Восточной Азии, и сама причастна к колониальным и зависимым (в той или иной, но заметной степени) странам. Вторая — выпадает из этой нормы, вне зависимости от того, насколько те или иные страны испытали на себе воздействие колониализма. Конечно, можно найти причины, объясняющие, почему, скажем, в Иране, где влияние колонизаторов было весьма сильным и долгим, развитие пошло не так, как в странах, относимых к первой модели (можно говорить о силе отторжения шиитского ислама, о древних доисламских традициях и т.п.). Но факт остается фактом: Иран оказался в рамках другой модели, типичными обществами которой следует считать отсталые страны, почти не затронутые воздействием колониального капитала и в силу этого весьма воинственные, причем с ориентацией на привычную для ислама нетерпимость (Ливия, Афганистан) либо в любом случае высокомерно довольные собой и своей преданностью все тому же исламу.

Вторая модель в некотором смысле уникальна. Во многом сила ее — от нефтедолларов, придающих соответствующим странам прочность и уверенность, горделивое довольство собой. Но не только от этого. Второй исток силы — сам ислам, особенно в его наиболее простой и «чистой» модификации, хорошо усваиваемой отсталыми социумами и приобретающей поэтому огромную силу.

Блок четвертый

Дальний Восток

Глава 13

Китай

в середине XIX — середине XX в.

Первая опиумная война и открытие Китая для европейской колониальной экспансии означали вступление огромной многотысячелетней империи в новый этап ее существования, в период колониализма. К этому времени маньчжурская династия Цин уже пережила период своего расцвета и явно клонилась к упадку. Собственно, поражение цинского Китая в опиумной войне и было наглядным проявлением этого упадка, а навязанная стране система неравноправных договоров, предоставлявшая иностранному капиталу торговые, таможенные и иные экономические, политические и правовые льготы и привилегии, стала неким символом нового этапа в ее истории. Многие теперь зависело от того, как традиционная структура столь мощной и обширной империи с ее тысячелетними исключительными по силе и значимости традициями будет реагировать на перемены в жизни страны. Реакция эта не могла быть слабой — слишком большие силы пришли в движение. Вопрос был лишь в том, какую форму примет ответ древней империи на вызов эпохи и символизировавшей ее чужеземной системы колониального капитала.

Крестьянская война тайпинов

Эта форма вначале оказалась традиционной для Китая, т.е. такой, в которой почти не была заметной антииностранная, антизападная линия недовольства. Даже напротив, чуждые традиционной структуре западные христианские идеи сыграли чуть ли не решающую роль в формировании той идейной доктрины, под знаменем которой миллионные массы китайского крестьянства выступили против царствующей династии и даже были близки к тому, чтобы одержать над ней верх. Как это могло случиться и как это понимать?

Кризис империи начался, как упоминалось, с увеличения ввоза в Китай опиума, результатом чего было как массовое отравление населения южных провинций страны, так и выкачка из нее серебра и

связанный с этим резкий финансово-экономический дисбаланс (лянь, т.е. унция серебра, в 1830 г. соответствовал примерно 1000 медяков-вэней, в начале 40-х годов — полутора тысячам, в 1848 г. — двум тысячам, а в начале 50-х годов — почти пяти тысячам). Обесценение медяков, в которых вели свои расчеты миллионы крестьянских семей, вело к росту налогов (ставки налога традиционно исчислялись в лянх) и массовому разорению земледельцев, что, в свою очередь, послужило причиной восстаний, вспыхивавших в Китае одно за другим, особенно на юге, в конце 40-х годов. Восстаниями руководили различные тайные общества, идейно-доктринальная основа которых при всем разнообразии восходила примерно к одинаковому набору лозунгов и требований, окрашенных чаще всего в религиозные, преимущественно даосско-буддийские цвета: восстановить социальную справедливость, покарать нерадивых чиновников, отнять излишки у богатых. На этом общем фоне в начале 50-х годов выделилось движение тайпинов.

Идея тайпин (великое равенство) восходит к рубежу нашей эры и в свое время вдохновила участников восстания «Желтых повязок» в Хань. Однако теперь она стала интерпретироваться несколько иначе. Идеолог движения тайпинов Хун Сю-цюань (1814—1864), неудавшийся претендент в конфуцианские сюцаи (он трижды терпел поражение на экзаменах на первую степень), в начале 40-х годов в Гуанчжоу (Кантоне), куда он ездил сдавать экзамены, сблизился с христианскими миссионерами и проникся их идеями. Из христианства Хун взял, во-первых, идею о высшем едином Боге, чьим пророком он вскоре стал себя воспринимать, а во-вторых, столь близкую китайской традиции идею о социальном равенстве и справедливости, которую он идентифицировал с принципом тайпин*.

Хун основал новое «Общество поклонения Богу» с традиционной для китайцев внутренней сплоченностью, железной дисциплиной, полным повиновением младших и низших высшим и старшим. Он резко выступил против привычных для восставшего китайского крестьянства даосско-буддийских лозунгов и изображений, заменив их почитанием высшего христианского Бога, идентифицированного в какой-то мере с конфуцианским Небом, что, однако, на практике вполне сочеталось как с традиционным конфуцианским культом морального совершенства, самодисциплины, ритуального церемониала, так и со столь же традиционными даосско-буддийскими требованиями равенства в его наиболее примитивной уравнилельной форме. Эта смесь

* В китайской лексике знак «пин», как и многие другие иероглифы, полисемантический. Это символ мира, равенства, справедливости, благоденствия. Но прежде всего он символизирует именно социальное равенство.

оказалась достаточно жизнеспособной для того, чтобы увлечь миллионы ставших тайпинами китайских крестьян. Войско тайпинов, хорошо организованное, разбитое на мелкие военно-религиозные ячейки с совместным строго регламентированным бытом (общность имущества и снабжение из общих складов, казарменные условия существования), стало быстро одерживать победу за победой, занимать один южнокитайский город за другим. Сделав своей столицей Нанкин, тайпины вскоре оказались перед необходимостью организовать управление уже достаточно большим государством. Казарменный аскетизм был для этого недостаточен. Пришлось ориентироваться на традиционные китайские формы управления, вплоть до конфуцианских экзаменов на ученую степень. Естественно, это не могло не поколебать прежних устоев и принципов идеологии тайпинов.

Уже в середине 50-х годов движение тайпинов, как это не раз случалось в аналогичной ситуации с крестьянскими восстаниями в Китае, обрело очертания привычной для империи бюрократической структуры. Руководители движения получили княжеские титулы, обзавелись дворами и гаремами, стали ожесточенно соперничать между собой за власть. Тем временем события в Китае и явная неспособность маньчжурской династии справиться с восставшими начали всерьез беспокоить европейские державы, лишь недавно открывшие двери Китая для колониального капитала. Воспользовавшись незначительным инцидентом в качестве предлога, англичане осенью 1856 г. высадили войска в Гуанчжоу. Позже к ним присоединились французы. Гуанчжоу был захвачен, войска стали продвигаться к Шанхаю, затем (в мае 1858 г.) были высажены на севере, близ Пекина и Тяньцзиня. Цинские власти предпочли пойти на переговоры и новые уступки державам (Тяньцзиньский договор 1858 г.). Правда, вскоре после подписания договора чуть оправившиеся от испуга маньчжурские власти решили было частично изменить его условия, но новая серия вооруженных столкновений китайских войск с экспедиционным корпусом держав, завершившаяся поражением Китая и разгромом знаменитого комплекса летних императорских дворцов Юаньминьюань, разграбленных и сожженных колонизаторами, привела к подписанию в 1860 г. Пекинских соглашений. На сей раз последовали еще большие уступки державам — уже не только Англии и Франции, но и России.

Тем временем тайпины, некоторое время находившиеся в состоянии острого внутривнутриполитического кризиса, как бы обрели свое второе дыхание. В 1859 г. в Нанкин прибыл один из близких родственников Хун Сю-цюаня — Хун Жэнь-гань, ряд лет проводивший в Гонконге в общении с христианскими миссионерами. Он принес с собой программу новых реформ, явственно несших отпечаток иноземного влияния. Суть преобразований сводилась к тому, чтобы содействовать частно-

собственному предпринимательству, заимствуя при этом у Запада его опыт, достижения и даже некоторые институты. Но при этом следовало по-прежнему укреплять дисциплину, бороться с суевериями и всемерно укреплять власть государства. Впрочем, нововведения Хун Жэнь-ганя в том, что касается следования западному опыту, не могли быть реализованы. Более того, поладившие с цинским двором державы теперь, с начала 60-х годов, были заинтересованы в том, чтобы покончить с тайпинами (по букве новых договоров с Китаем после разгрома тайпинов они приобретали некоторые привилегии в районе бассейна Янцзы, оплота государства восставших).

Это привело к тому, что державы, с одной стороны, стали вооружать маньчжурское войско, а с другой — сами решили вмешаться в ход военных действий. Была создана бригада во главе с англичанином Уордом (после его смерти ею командовал Гордон), которая нанесла тайпинам ряд существенных поражений. Активизировали военные действия и добились некоторых успехов и цинские армии. Началась блокада Нанкина. И хотя отдельные группировки войск тайпинов (в частности, армии Ши Да-кай) время от времени еще достигали успехов, участь восстания в целом была уже решена. В 1864 г. Нанкин был взят штурмом, Хун Сю-цюань покончил с собой, Хун Жэнь-гань был взят в плен и казнен. Вскоре и оставшиеся войска тайпинов прекратили сопротивление. С последней в истории императорского Китая великой крестьянской войной было покончено. Восставшие потерпели поражение.

Феномен тайпинского восстания поучителен во многих отношениях. Но для нашего анализа важнее всего обратить внимание на его общую политико-идеологическую направленность. Это не была антизападная, антиколониальная акция, не было сопротивление традиционной структуры нежелательным нововведениям. Дело в том, что нововведения как таковые еще не успели сказаться и повлиять на структуру, вызвать с ее стороны сопротивление. А то, что уже успело проявить себя (ввоз опиума, утечка серебра и финансово-экономический кризис), было лишь привычными в истории империи сигналами, свидетельствовавшими о нарушении приемлемой жизненной нормы и о необходимости противостоять такого рода нарушениям. К этому китайская традиционная структура привыкла, на этот случай существовали веками отработанные нормы социально-политической реакции. Именно так и следует расценивать крестьянские движения 40-х годов, приведшие в итоге к восстанию тайпинов. Целью тайпинов, как это явствует из их лозунгов и практики, было стремление восстановить нарушенную норму, добиться социальной справедливости (такой была цель всех китайских, да и не только китайских крестьянских движений). Средством для достижения цели были опять-таки привычные для

традиционного Китая формы, сводившиеся к созданию нового государства, организованного по обычной для Китая модели (альтернативы просто не было), но более непримиримого к отклонениям, наносящим вред стране и народу. Непривычным было идейное наполнение политических программ.

Речь идет как о христианстве, так и о программе реформ Хун Жэнь-ганя с ее попытками провозгласить курс на поддержку частно-предпринимательской деятельности. То и другое оказало сравнительно слабое воздействие на ход и идейное содержание движения тайпинов. Для реализации курса на частное предпринимательство просто не было условий. Что же касается христианских идей, то ориентация на них в политике свелась по сути лишь к борьбе с привычными даосско-буддийскими суевериями (не вполне ясно, дала ли эта борьба желаемые результаты, что сомнительно). В остальном от христианства мало что осталось. Судя по всему, идея Бога была поглощена привычным представлением о конфуцианском Небе, а сакральность пророка Хуна слилась в представлении масс с обычной для них сакральностью верховного правителя, сына Неба. Поэтому вернее вести речь не столько о роли западной религии и западных влияний в идеологии тайпинов, сколько о самом факте, самом феномене. Суть и смысл этого феномена в том, что Запад и его идейный символ — христианство в середине XIX в., на заре колониальной экспансии в Китае, не воспринимались как нечто чуждое, угрожающее, одиозное. Это было что-то новое, необычное и даже в чем-то близкое своему, привычному — именно эти близкие к китайской традиции моменты и были заимствованы из христианства Хун Сю-цюанем. Иными словами, тайпинское восстание не было реакцией традиционной китайской структуры на колониализм. Оно было реакцией на кризис, хотя сам кризис был спровоцирован колониализмом. Что же касается христианства, то о католической его версии, связанной с пребыванием в Китае в XVI—XVII вв. иезуитов, страна уже успела забыть за долгие века ее изоляции от европейцев. Протестантская же версия, с которой и познакомился Хун после открытия Китая для колониальной экспансии, еще не успела стать символом чуждого влияния. Просто то, что было в этом учении созвучным с традицией, оказалось воспринятым идеологами тайпинов.

Поражение тайпинов сняло проблему влияния христианских идей среди крестьян, но поставило немало новых вопросов, важных для страны. Первым из них был вопрос о формах существования Китая в новых условиях. Условия эти характеризовались, с одной стороны, слабостью династии, с трудом восстанавливавшей свои силы после изнурительной войны с тайпинами и энергичного натиска колониальных держав; с другой — проникновением в страну иностранного капитала и связанным с этим постепенным крушением традиционной

структуры, неизбежной и мучительной переоценкой ценностей под воздействием европеизации. Найти выход из сложившейся ситуации оказалось для Китая делом весьма нелегким. Решение проблемы затянулось более, чем на столетие. Но его основные принципы начали отчетливо вырисовываться сразу же после тайпинского восстания. Они сводились к тому же, что было характерно для всего Востока: к сопротивлению и приспособлению. Впрочем, в Китае и то, и другое приняло, естественно, свои, китайские, обусловленные тысячелетней традицией формы.

Политика самоусиления и попытки реформ

Продемонстрированная в годы опиумных войн и тайпинского восстания слабость цинской империи и энергичное укрепление в Китае колониального капитала вызвали к жизни естественную реакцию самосохранения. Проявлением ее стала политика самоусиления, ставшая генеральной линией империи в последней трети XIX века. Поставленные перед очевидным фактом, правители империи, начиная от всецельной императрицы Цыси и ее ближайших помощников типа Ли Хун-чжана и кончая чиновниками на местах, вынуждены были признать превосходство европейского оружия и западной техники. Стремление заимствовать все это и поставить на службу Китаю и явилось основой политики самоусиления. Иными словами, дело модернизации страны руководители цинского Китая решили взять в свои руки, оставив за колониальными державами лишь право на торговые операции и финансирование промышленного и иного строительства. Конечно, колониальный капитал тоже быстро укреплял свои позиции в Китае в конце XIX в., создавая там свои предприятия и расширяя внешнеторговый оборот, но все же основной рост промышленного потенциала и всей инфраструктуры шел преимущественно за счет централизованных усилий китайского государства.

Здесь надлежит сделать существенную оговорку. Речь идет не о хорошо продуманной и официально принятой на высочайшем уровне новой экономической политике. Как раз напротив, верхи империи во главе с Цыси были сравнительно мало озабочены проблемами самоусиления, да и не были готовы для этого. Другое дело — влиятельные деятели империи, фактически державшие в своих руках власть над теми или иными регионами страны и имевшие в своем распоряжении сильные армии и огромные средства. Существовая как бы сами по себе, они в то же время не только не были в оппозиции к центру, но практически действовали от его имени, будучи облечены высокими полномочиями, сохраняя за собой высшие официальные посты. Реги-

анализация Китая по этому принципу не была чем-то новым. Напротив, по меньшей мере с конца Хань это было нормой в тех условиях, когда центральная власть оказывалась не в состоянии сохранить свои позиции либо справиться с крестьянским восстанием. В этих случаях инициативу и брали на себя сильные дома, создававшие собственные армии, вступавшие в борьбу с повстанцами и затем вершившие делами империи. Так было в конце Хань. Нечто похожее стало реальностью и после подавления восстания тайпинов.

Внесшие весомый вклад в это дело высшие сановники империи Ли Хун-чжан, Цзэн Го-фань, Цзо Цзун-тан и некоторые другие уже с начала 60-х годов стали на путь энергичного строительства в своих регионах арсеналов, верфей, механических предприятий с тем, чтобы перевооружить собственные армии и тем усилить вооруженную мощь империи. Частично эта деятельность финансировалась за счет казны, отчасти — за счет поборов с имущих слоев того региона, который находился под контролем данного сановника, в немалой степени — за счет награбленного в ходе войны с тайпинами. Компании, строившие арсеналы и заводы, верфи и шахты, не останавливались и перед тем, чтобы привлечь частный капитал — средства купцов, шэньши, земледельцев. Но вносившие его собственники, как правило, не имели голоса при решении проблем, связанных с производством и финансами компании; в лучшем случае они регулярно получали свою долю дохода в виде процентов на вложенный капитал. Практически это означало, что заимствованный у иностранцев принцип капиталистического производства в китайской реалии конца XIX в. обрел форму государственного капитализма. Теоретически это было обосновано в классическом тезисе самоусиления: «Китайская наука — основа, западная — (нечто) прикладное». Смысл его состоит в том, что китайская конфуцианская основа во всех отношениях не ставится под сомнение, тогда как все заимствованное с Запада перенимается для того, чтобы дополнить основу. К этому стоит добавить, что в Китае стали появляться многочисленные сочинения, разрабатывавшие этот постулат в том смысле, что вообще-то все великие изобретения и достижения Запада не что иное, как результат заимствованных в свое время из Китая идей, так что нет ничего удивительного в том, что теперь все эти несколько видоизмененные идеи китайцы вправе взять на вооружение.

Рост иностранной торговли в Китае вел к накоплению в стране немалых средств за счет таможенных сборов. Эти средства, как и иностранные займы, тоже шли на форсирование политики самоусиления, в первую очередь на создание индустрии вооружения. Впрочем, немалая доля их прилипала к рукам гигантского аппарата власти, вплоть до императрицы, которая предпочитала строить дворцы на деньги, предназначавшиеся для перевооружения армии. Регионализация страны и продажность аппарата власти сильно ослабляли империю

и во многом нейтрализовывали возможные успехи политики самоусиления. Протекционизм и коррупция вели к назначению на важные посты бездарных протеже высших сановников — и это тоже делало свое дело. Отсюда — недостаточная эффективность политики самоусиления, что стало очевидным при первых же серьезных испытаниях, какими явились война Китая с Францией за Индокитай в 1884—1885 гг. и японо-китайская война 1894—1895 гг. Обе войны, в ходе которых империя столкнулась с хорошо вооруженными и умело руководимыми армиями, привели Китай к поражению и немалым потерям: Вьетнам, а затем Корея и Тайвань перестали быть вассальными по отношению к Китаю территориями, частями империи.

Военные поражения логически привели к очередному натиску на Китай колониальных держав, усиливавших свои экономические и политические позиции в дряхлеющей империи. Основной финансово-экономической силой в Китае стали иностранные банки; в ходе так называемой битвы за концессии державы получили в свои руки контроль над быстроразвивающимся железнодорожным строительством; немалые деньги иностранный капитал вложил также в судоходство, хлопчатобумажную и некоторые иные отрасли промышленности. Правда, параллельно с этим продолжалось и создание казенных предприятий — горно-рудных, металлургических, текстильных. Но все они, как правило, были экономически неэффективными, технически отсталыми.

Первые шаги в конце века начала делать и китайская национальная частная промышленность, хотя частные фабрики и иные предприятия были еще, как правило, мелкими и экономически слабыми. В целом капиталистическое развитие Китая наращивало свои темпы, но формы его были типичными для традиционных восточных структур: преобладали предприятия иностранного капитала и казенные, государственные. Для развития национального капитала в стране еще не были созданы необходимые условия, в частности правовые, экономические. И это несоответствие вполне ощущалось в конце XIX в. Передовые умы Китая, уже немало заимствовавшие из европейского опыта и многое узнавшие о Западе, все более настойчиво пропагандировали необходимость серьезных внутренних реформ, которые были бы способны освободить страну от сковывавших ее оков традиционной структуры и открыть двери для активных преобразований.

Движение за реформы связано прежде всего с именем выдающегося китайского мыслителя Кан Ю-вэя (1858—1927), пытавшегося сочетать блестящее традиционное конфуцианское образование с глубоким анализом современной ему эпохи. В своем знаменитом сочинении «Датун шу» Кан Ю-вэй на базе древних китайских учений о социальной справедливости, а также заимствованных им у европейских философов утопических доктрин пытался создать генеральную теорию всеобщего благоденствия в условиях столь привычного для Китая отсутствия

охраняемой законом частной собственности и умело организованного общественного хозяйства. В этой теории было немало и от тех эгалитарных устремлений, которыми вдохновлялись восставшие китайские крестьяне со времен ханьских «Желтых повязок» до тайпинов. Но заслугой Кана было то, что он не ограничился теоретическими утопиями, а весьма ревностно взялся за практические дела, обличая в своих меморандумах трону царящие в стране произвол, коррупцию, выступая в защиту угнетенного народа. Конечно, и это все не было новым в истории Китая: еще сравнительно недавно, несколько веков назад, минские конфуцианцы столь же страстно обличали пороки временщиков и звали к восстановлению утраченных конфуцианских порядков. Но Кан не стал повторять их призывы. В отличие от своих предшественников, тоже выступавших за реформы, он призвал к преобразованиям, направленным на изменение всей системы государственного устройства. Опираясь на авторитет Конфуция, Кан Ю-вэй потребовал введения в стране конституционной монархии на парламентской основе, демократизации, активного заимствования западных стандартов, включая введение новых законов, поддержку частного предпринимательства, решительных преобразований в сфере экономики, администрации, просвещения, культуры и т.п.

Меморандумы Кан Ю-вэй и его сторонников с середины 90-х годов приобрели достаточно широкую поддержку. В 1895 г. была создана «Ассоциация усиления государства», члены которой выступали за реформы. С сочувствием отнесся к предложениям Кан Ю-вэй и молодой император Гуансюй*. По всей стране стали возникать организации Ассоциации, издаваться газеты и журналы, в которых пропагандировались идеи реформаторов. Борьба за реформы вспыхнула с особой силой после знаменитого инцидента 1898 г., когда в ответ на убийство двух немецких миссионеров Германия оккупировала район бухты Цзяочжоу с городом Циндао на полуострове Шаньдун, а вслед за ней изрядные куски китайской территории захватили Англия (Колун), Франция (побережье Гуанчжоувань) и Россия (Порт-Артур и Дальний).

Эти захваты, означавшие по сути переход к разделу Китая колониальными державами, были весьма болезненным сигналом для империи и не могли не вызвать в стране взрыв негодования. Сторонники реформ стали создавать «Союзы защиты государства», а летом того же 1898 г. Гуансюй решил на проведение реформ. Кан Ю-вэй и его сторонники (наиболее известны из них Лян Ци-чао, Тань Сы-тун) разработали

* После смерти императора Тунчжи его мать Цыси, исполнявшая функции регента, возвела на престол Гуансюя, приходившегося ей племянником. Поскольку это было сделано в нарушение принятой в стране традиции престолонаследия, позиции Гуансюя на троне были достаточно слабыми, что и сыграло немалую роль в стремлении молодого императора обрести политическую опору и вырваться из-под тиранической опеки Цыси.

обстоятельную программу, включавшую содействие развитию промышленности, отмену ряда старых и введение новых административных институтов, открытие новых школ и вузов, издание книг и журналов, реорганизацию армии, поощрение современной науки и т.д. Однако как реформаторы, так и сам Гуансюй имели мало реальной власти для того, чтобы осуществить эту программу. Высшие должности в стране занимали их открытые противники, явно саботировавшие нововведения. А за спиной оппозиции и самого Гуансюя стояла выжидавшая развития событий всесильная Цыси. Было очевидно, что без решительных акций успеха реформаторам не добиться.

Наиболее радикальные из лидеров реформаторов предложили Гуансюю убрать Цыси и ее сторонников. Переворот был намечен на октябрь 1898 г., когда должны были состояться большие маневры войск. Однако привлеченный реформаторами для осуществления этого плана генерал Юань Ши-кай выдал их планы, после чего Цыси, опередив события, приказала арестовать Гуансюя и вождей реформаторов. Тань Сы-тун и многие другие реформаторы были казнены. Гуансюй лишился трона. Кан Ю-вэй и Лян Ци-чао, которым удалось бежать, опираясь на помощь Англии и Японии, сумели спастись, но дело их оказалось проигранным. Сто дней реформ не дали результата, породили мощную ответную волну репрессий, вызвавших сочувственную поддержку со стороны масс китайского населения. Китай увидел в попытке реформ козни иностранцев. После казни группы реформаторов в Пекине начались открытые антииностранские выступления, для подавления которых были вызваны войска охраны. В то же время цинские власти во главе с Цыси не спешили с наведением порядка, опять-таки выжидая, как пойдут события дальше.

Восстание ихэтуаней

Взрыв ненависти по отношению к иностранцам подспудно вызревал уже давно. Недовольство «заморскими дьяволами», «иностранцами варварами» становилось весьма широким, причем проявлялось оно прежде всего на местном уровне, главным образом в антимиссионерских выступлениях. Миссионеры активно действовали в Китае; именно они прежде всего контактировали с китайским крестьянством. Естественно, что они первыми испытали на себе мощь традиционной структуры и силу сопротивления Китая всему чуждому, что как раз и олицетворяли в конце XIX в. миссионеры. С лета 1898 г. и особенно после провала реформ антимиссионерское движение все нарастало и в ряде мест начинало принимать организованные формы. Под лозунгом «Поддержим Цин, уничтожим иностранцев!» повстанцы в различных провинциях страны разрушали христианские церкви и дома миссио-

неров, преследовали принявших христианство китайцев (их было весьма немного), а заодно громили лавки иностранных торговцев, помещения иностранных консульств в торговых центрах. Открытая поддержка державами курса на реформы расставила все на свои места. Страна после ста дней реформ оказалась накануне мощного народного взрыва, взрыва ярости, направленного против хозяйничавших в стране иностранцев, против вторгшегося в Китай колониального капитала, против всех тех новых порядков, которые противостояли старому, привычному, нормативному, опиравшемуся на мощные пласты тысячелетий, на окрашенный в конфуцианские и даосско-буддийские тона цивилизационный фундамент.

Ощущая поддержку населения, правительство Китая в конце 1898 г. встало на более жесткие позиции по отношению к иностранцам, отказывая им в просьбах о концессиях либо аренде территорий. Обстановка в Пекине становилась все более накаленной. Иностранные миссии ввели в город вооруженные отряды для своей охраны. В Пекине и по всей стране распространились слухи о предстоящей расправе с иностранцами, а также листовки, в которых высмеивались европейцы, особенно миссионеры. Возглавило антииностранное движение общество «Ихэтуань» («Отряды справедливости и мира»), доктринальная основа которого восходила к даосско-буддийским верованиям, суевериям, традиционным приемам китайской гимнастики и кулачного боя (за что восставшие позже получили в европейской прессе наименование «боксеров»), не говоря уже о ритуалах, амулетах, заклинаниях и т.п.

Выступления ихэтуаней начались в провинции Шаньдун еще в 1898 г. и были направлены против немецких миссионеров, солдат и специалистов, намечавших трассу железной дороги. Местные власти пытались навести порядок, но движение, несмотря на это, все ширилось. В 1899—1900 гг. оно переместилось в столичную провинцию Чжили. Многочисленные отряды расположились близ Пекина и Тяньцзиня. Обеспокоенные иностранные дипломаты настаивали на принятии решительных мер против повстанцев, но цинское правительство не спешило с этим. Обстановка тем временем становилась все более угрожающей. В конце мая 1900 г. на совещании посланников держав было принято решение направить в Пекин дополнительный контингент войск для охраны миссий. Кроме того, в адрес цинского правительства были направлены заявления угрожающего характера, которые 17 июня были подкреплены захватом крепости Дагу близ Тяньцзиня сводным отрядом иностранных войск, что фактически означало объявление войны.

Цыси колебалась, не зная, что предпринять. Большинство ее советников склонялось к поддержке ихэтуаней и использованию подходящего момента для того, чтобы дать отпор державам. Именно эта

точка зрения и возобладавала. Императрица открыла ворота Пекина перед ихэтуанями, а также ввела в город регулярную армию, солдаты которой тоже были резко настроены против иностранцев. 11 июня в Пекине солдаты убили на улице советника японского посольства Сугияму, 20 июня — немецкого посланника Кеттелера. Это означало объявление войны, что и было официально подтверждено императорским указом от 21 июня (в ответ на ультиматум держав от 19 июня). Указ официально санкционировал восстание ихэтуаней, хотя и стремился поставить их действия под контроль властей.

Следует заметить, что и после официального объявления военных действий цинское правительство продолжало колебаться и стремилось сохранить за собой пути к отступлению. В принципе это можно понять: несмотря на официальную защиту ихэтуаней, власти отчетливо сознавали, что они имеют дело с неуправляемой стихией, которой следовало опасаться. И хотя стихия пока что шла в русле лозунга «Защитим Цин, уничтожим иностранцев», ручаться за будущее не представлялось возможным. Державы же реагировали на ситуацию бурно и действовали весьма активно. В короткий срок была создана 20-тысячная союзная армия восьми держав, 3 августа она выступила на Пекин. Хорошо вооруженные дисциплинированные войска интервентов легко одолели сопротивление повстанцев и 14 августа заняли столицу. Бежавшая в Сиань Цыси, быстро оценив обстановку, взвалила всю вину за поражение на ихэтуаней. Указ от 7 сентября обвинил именно их в создавшемся положении, после чего цинские войска выступили против ихэтуаней. Восстание было подавлено, потоплено в крови, а год спустя, 7 сентября 1901 г., Ли Хун-чжан от имени цинского правительства подписал с державами так называемый Заключительный протокол, по условиям которого Китай извинялся за причиненный державам ущерб, обеспечивал им ряд новых льгот и привилегий и к тому же обязывался выплатить в качестве контрибуции 450 млн. лянов серебра.

Восстание ихэтуаней было, по сути, последней вспышкой агонии старого Китая. Оно не было обычным крестьянским движением, ибо острое его не было направлено — как то было во времена тайпинов — на защиту социальной справедливости, против произвола властей, за восстановление желанной нормы. Это было отчаянное выступление рушившейся старой традиционной структуры в свою защиту, за сохранение привычной нормы, против вмешательства чужаков, против колониализма. Именно поэтому и стал возможным пусть временный, но все же союз восставших с властями — тех и других объединяли общие интересы. Почему же их союз не привел к победе?

Традиционный Китай оказался слаб не потому, что восставшие были плохо вооружены, хотя это сыграло свою роль. Слабость его определялась совокупностью многих причин и не в последнюю очередь тем, что империя находилась на нисходящем витке своего цикла, что

внутренняя коррупция и произвол в стране достигли предела, что уже не было единого стержня, единой политики, вокруг которой могли бы сплотиться все. Страну раздирали противоречия, верхи боялись низов и не доверяли им, а низы, в свою очередь, презирали верхи за разложение и приспособленчество, за их готовность сотрудничать с колонизаторами. Конечно, подобные ситуации не раз бывали в истории Китая на аналогичном витке циклического династийного развития империи. И они, как о том говорилось, решались за счет мощных народных движений либо внешних вторжений, игравших очистительную роль, восстанавливавших порушенную злоупотреблениями норму. Собственно, тайпинское восстание и было такого рода движением, но оно не преуспело, причем в значительной мере из-за вмешательства тех же держав. Восстание ихэтуаней было иным по духу, по направленности, что и естественно: в этот момент главным, что угрожало привычной норме, было вмешательство чуждых ей сил — не просто иностранцев, которые со временем могли бы китаизироваться, как то случилось с теми же маньчжурами, но структурно иных сил, грозивших всей системе как таковой. Как знать, при ином стечении обстоятельств события, быть может, могли бы повернуться иначе. Но в самом начале XX в. Китай был еще не готов к организованному сопротивлению. Оно началось стихийно, запуталось в противоречиях и не имело времени для стабилизации. Все это и предопределило сравнительно легкую победу небольшого войска держав над беспомощным одряхлевшим гигантом. И победу эту не следует считать неожиданной: она была логичной в ряду других поражений Китая, например в войнах с Францией и Японией.

Вслед за победой держав Цыси предприняла, теперь уже от своего имени, вторую попытку реформ. Целью ее «новой политики» было стремление как-то приспособиться к изменившимся обстоятельствам, модернизировать экономику страны, аппарат административного управления. Были проведены реформы армии, судопроизводства, создано министерство по делам торговли. В 1905 г. была отменена система государственных экзаменов, альтернативой которой стала сеть начальных, средних и высших учебных заведений. В Китай вернулись бежавшие из него несколько лет назад реформаторы, причем основное знамя преобразований поднял теперь Лян Ци-чао, призвавший страну к осознанию чувства национальной общности, к пробуждению в народе гражданских чувств. И эти призывы находили свой отклик. Китай стремительно радикализировался. Образованная молодежь, немалая часть которой обучалась за границей, прежде всего в быстро развивавшейся Японии, была настроена весьма патриотично, ее буквально переполняли гражданские чувства, звавшие на борьбу за возрождение родины, за ее будущее. Страна была накануне новых важных событий.

Сунь Ят-сен и Синьхайская революция

Южные районы Китая, где ранее всего закрепились колонизаторы и были созданы наиболее благоприятные условия для модернизации и европеизации, включая миссионерские школы и колледжи, постепенно становились центром формирования радикально настроенной молодежи, будущих китайских революционеров. Одним из наиболее известных среди них был Сунь Ят-сен (1866—1925), учившийся в молодости в Гонолулу, где проживал его брат-эмигрант, а затем получивший образование в миссионерских школах и медицинском колледже Гуанчжоу и Гонконга. Хорошо образованный, широко эрудированный, повидавший мир, Сунь Ят-сен, как и в свое время Кан Ю-вэй, попытался соединить в своем лице и своем учении традиции классического Китая и необходимые нововведения, заимствованные с Запада. Созданный им еще на Гавайях и затем воссозданный в Гуанчжоу «Союз возрождения Китая» в конце XIX в. объединял в своих рядах сотни членов; он ставил своей целью свержение цинской династии, создание в стране демократического правительства и проведение в Китае радикальных реформ. Попытки сблизиться с реформаторами встретили непонимание со стороны Кан Ю-вэя и только после поражения и бегства реформаторов, уже в Японии, в эмиграции (Сунь Ят-сен был вынужден эмигрировать после неудавшейся попытки восстания в 1895 г.), эти попытки дали некоторые результаты (соглашение Сунь Ят-сена с Лян Ци-чао), но ненадолго. Вскоре пути реформаторов и возглавляемых Сунь Ят-сеном революционеров окончательно разошлись.

Еще одна попытка поднять восстание — в разгар движения ихэтуаней, в 1900 г., — снова потерпела поражение. Но после разгрома восстания ихэтуаней и второй попытки реформ ситуация в стране, как упоминалось, стала изменяться. В Китае и вокруг него, в центрах эмиграции китайских студентов и иных лиц, начали один за другим возникать союзы и организации, ставившие своей целью радикальные перемены в стране. Организации издавали газеты и журналы, в которых излагались программы их действий, печатались лозунги и призывы, порой также серьезные аналитические статьи. В 1902—1903 гг. Сунь оживил деятельность своего союза и создал ряд его новых филиалов. Именно к этому времени относятся и окончательное формирование основ его доктрины — знаменитых «трех принципов»: национализм (свержение династии маньчжуров), народовластие (республиканско-демократический строй) и народное благоденствие. Вслед за тем Сунь Ят-сен посетил ряд стран и провел большую работу по сплочению единомышленников, прежде всего среди активных эмигрантов. В 1905 г. он созвал в Японии учредительный съезд членов разных организаций, создавший «Объединенный союз» (Тунмэнхуэй). Став во главе союза и начав издавать журнал «Миньбао», Сунь Ят-сен присту-

пил к пропаганде своих идей (трех принципов) и программных документов организации, включая проекты конституционного устройства будущего Китая (в значительной степени по европейской модели) и ликвидации социального неравенства.

Призывы к конституционным реформам не миновали и ушей цинского правительства, которое сочло за благо опередить события и, в свою очередь, поставить вопрос о конституционной монархии с парламентарной системой. Обещания на этот счет, вначале смутные, были затем, под нажимом со стороны реформаторов и под влиянием мощной — в духе классической конфуцианской нормы — петиционной кампании 1907—1908 гг., выражены в форме проекта, предлагавшего созвать парламент и ввести в действие еще не разработанную конституцию в 1916 г. Этот проект мало кого устроил, а смерть всеильной Цыси в 1908 г. резко ускорила ход событий. Спор теперь в открытую шел о том, вести дело к революции или нет: реформаторы считали, что революционный взрыв спровоцирует державы и приведет к разделу Китая; революционеры же полагали, что революция как раз спасет Китай от гибели и сплотит его народ.

Тунмэнхуэй взял курс на подготовку вооруженного восстания, рассчитывая при этом на поддержку многочисленных в Китае тайных обществ, издавна в кризисное время поставлявших отряды восставших. Расчет был достаточно верен: кризисные явления в стране все сильнее давали о себе знать и крестьяне то здесь, то там брались за оружие. В ответ на это цинские власти попытались было проводить более жесткую политику. Был, в частности, снят с должности и уволен сделавший карьеру после предательства 1898 г., но продолжавший считаться достаточно либеральным генерал Юань Ши-кай, пользовавшийся поддержкой держав. Жесткая политика вызвала еще большее недовольство и привела к новой волне массовых выступлений. Началось также брожение в войсках, где активно действовали агитаторы Тунмэнхуэя.

Словом, в стране назревал революционный взрыв. В январе 1911 г. в Гонконге был создан штаб восстания во главе с помощником Сунь Ят-сена Хуан Сином. И хотя попытка поднять восстание в апреле 1911 г. в Гуанчжоу потерпела провал, а Хуан Син едва спасся, революция была уже неотвратима. Попытки предотвратить ее путем предоставления взбодораженной общественности новых уступок, в частности, в форме провинциальных Сопроводительных комитетов с ограниченными полномочиями (1908—1909), в виде формирования нового — по европейскому образцу — кабинета министров (май 1911 г.), уже не могли помочь. Восстание 10 октября 1911 г. распропагандированных революционерами солдат и офицеров в Учане оказалось толчком, который привел к свержению императорской власти. Маньчжурская династия рухнула, как карточный домик. Власть в стране оказалась у руководителей на местах. На севере страны она постепенно стала консолидироваться в руках Юань Ши-кай, ставшего в ноябре премьер-министром

и объявившего о созыве всекитайского парламента. 12 февраля 1912 г., в день «синь-хай» по китайскому календарю, монархия была официально упразднена*. На юге страны вернувшийся в Китай Сунь Ят-сен был избран временным президентом Китайской республики со столицей в Нанкине, но после низвержения монархии и во имя единства страны он согласился отказаться от поста президента в пользу Юань Ши-кай. Премьером при Юань Ши-кае был назначен по условиям соглашения с революционным югом член Тунмэнхуэя Тан Шао-и.

В апреле 1912 г. в Пекине из членов Нанкинского собрания и депутатов от провинций был создан временный парламент. Но добиться создания ответственного перед ним правительства этот парламент так и не сумел. Больше того, бэйянские (представители северной группы армий) генералы принудили депутатов парламента проголосовать за министров, избранных Юань Ши-каем. Становилось очевидным, что Юань Ши-кай предпочитал править без санкции парламента и вел дело к созданию сильной центральной власти, даже диктатуры. Сунь Ят-сен, вначале было смирившийся с этим, осенью приступил к созданию на основе Тунмэнхуэя новой политической партии Гоминьдан, что было необходимо в связи с намечавшимися на конец 1912 — начало 1913 г. выборами в постоянный парламент. Но Юань Ши-кай, игнорируя созданный в апреле 1913 г. парламент, начал готовиться к борьбе с Гоминьданом, к вооруженному походу на революционный республиканский юг страны. Гоминьдановцы, составлявшие в парламенте большинство, мешали ему, и в ноябре 1913 г. он распустил парламент, а в начале 1914 г. также провинциальные и местные демократические учреждения. В марте того же года он открыто выступил против суньятсеновской временной конституции, принятой в Нанкине в 1912 г., а 1 мая 1914 г. опубликовал проект новой конституции, согласно которому президенту предоставлялись почти неограниченные права, а также восстанавливались многие должности, звания и титулы только что свергнутой монархии. В декабре 1914 г. облаченный в императорские регалии президент совершил торжественный обряд в храме Неба, что должно было символизировать верность имперским порядкам.

В январе 1915 г. Япония овладела захваченными Германией в 1898 г. территориями в Шаньдуне и, укрепившись на китайской земле, предъявила Китаю 21 требование, суть которых сводилась к превращению Китая в зависимое от нее государство. Поторговавшись, Юань Ши-кай вынужден был принять значительную часть этих требований, что заметно усилило позиции Японии в Китае. Стремясь сыграть на этом, Юань Ши-кай сетовал на слабость власти в новом Китае, а усиление ее он видел в отказе от республиканского строя, в возвращении к

* Это и послужило причиной наименования начатой учанским гарнизоном революции «синьхайской»

монархии. Выдав свою дочь замуж за последнего китайского императора Пу И, он уже готовился к тому, чтобы провозгласить себя новым императором Китая. Но кампания за восстановление монархии вызвала сильное сопротивление в стране. Вновь заявил о себе регионализм: генералы, бывшие хозяевами в той или иной провинции, не хотели подчиняться центру. Юань Ши-кай вынужден был отказаться от своих планов восстановления монархии и вскоре после этого летом 1916 г. умер.

Смерть Юань Ши-кай сняла на время проблему восстановления монархии в Китае (в 1917 г. к ней попытался было вновь вернуться преемник Юаня Дуань Ци-жуй, планировавший посадить на трон Пу И, но его замысел потерпел неудачу), а главным следствием этого было ослабление власти в Пекине и постепенный переход ее, как упоминалось, к местным генералам-милитаристам. Как то не раз бывало в кризисные периоды в истории Китая в прошлом, на первый план в политической жизни страны вновь и надолго вышли военные. Парламент разгоняли и собирали вновь то в Пекине, то в Нанкине, но роль его была уже второстепенной: он мог лишь санкционировать свершавшиеся помимо его воли события, будь то назначение того или иного президента, изменение или восстановление конституции. В аналогичном положении находился и лидер китайской революции Сунь Ят-сен: то его избирали президентом, то он вновь терял этот пост, причем практически все зависело от воли милитаристов, обладавших реальной властью в том или ином регионе на юге страны. На севере на протяжении ряда лет президентом был Дуань Ци-жуй, опиравшийся на военную клику Аньфу, с которой соперничала чжилийская клика во главе с У Пэй-фу. Именно Дуань Ци-жуй настоял на том, чтобы в 1917 г. Китай официально объявил войну Германии.

Гоминьдан и борьба за единый независимый Китай

Версальский мирный договор, санкционировавший право Японии на германские владения в Шаньдуне, вызвал бурю возмущения в Китае, где надеялись на иные итоги войны, в которой и Китай принял некоторое участие, послав в Европу на тыловые работы своих кули. Возмущение вылилось в так называемое движение «четвертого мая» — в этот день в 1919 г. студенты вышли на демонстрацию протеста с требованием аннулировать уступки Японии (ее «21 требование»). Выступление пекинских студентов было поддержано широкими слоями китайской молодежи и интеллигенции и сопровождалось движением за «новую культуру», результатом которого было введение в политиче-

скую публицистику, а затем и в литературу нового письменного языка байхуа, соответствовавшего разговорному. Это была подлинная культурная и литературная революция, позволившая приобщить к грамотности и облегчить образование для многих миллионов китайцев. Движение выдвинуло в гущу революционной борьбы новый мощный отряд китайской молодежи, немалая часть которой затем влилась в ряды суньятсеновской партии и оформившейся в 1921 г. Коммунистической партии Китая (КПК). Движение «четвертого мая» способствовало также консолидации молодого китайского рабочего класса, что нашло проявление в его первых организованных выступлениях, в забастовках. Словом, это стало началом нового этапа в революционном процессе Китая, причем революция 1917 г. в России оказала немалое воздействие на те формы, которые это движение в Китае стало обретать.

В первую очередь это сказалось на оформлении партии Гоминьдан. Сунь Ят-сену с каждым годом становилось все очевиднее, что без собственных вооруженных сил революционная партия в Китае обречена на неудачи; в 1923 г., когда он вновь оказался у власти в Гуанчжоу, он начал вести работу по созданию новой партии и собственной армии. На I конгрессе Гоминьдана в 1924 г., в котором приняли участие и коммунисты, была провозглашена политика единого фронта, ядром которого должна была стать спаянная дисциплиной и строго централизованная по советской модели группа революционеров радикального толка. С помощью советских военных советников — М.М. Бородин, П.А. Павлова, В.К. Блюхера — была налажена работа военной школы в Вампу, ставшей кузницей кадров революционных командиров и комиссаров. Авторитет правительства Сунь Ят-сена в Гуанчжоу возрастал. Гоминьдановцев стали поддерживать и некоторые милитаристы Северного Китая, как, например, Фэн Юй-сян. Гоминьдановцы, как и бывшие с ними в союзе коммунисты, вели активную работу в различных общественных организациях — студенческих, рабочих, крестьянских, особенно на юге страны. Постепенно закладывались основы для дальнейшего усиления власти революционного гоминьдановского юга. Смерть Сунь Ят-сена в марте 1925 г. была большой утратой для революции, но не приостановила уже наметившегося процесса. Создались условия для выступлений в поход на север, причем первым из них была крепкая революционная армия.

1 июля 1925 г. гуанчжоуское правительство объявило себя Национальным правительством Китая и начало борьбу за объединение страны. Вначале это была борьба за укрепление позиций на юге. После II конгресса Гоминьдана весной 1926 г. наметилась определенная перегруппировка сил в партии, в результате которой фактическая власть оказалась в руках Чан Кай-ши, ставшего главнокомандующим. В июле гоминьдановские войска выступили в свой знаменитый Север-

ный поход, план которого был разработан при участии советских специалистов, в частности Блюхера. Результатом похода было присоединение к территориям, контролируемым Чан Кай-ши, Шанхая, Нанкина, Ухани и ряда других больших городов и многонаселенных провинций Китая. По мере продвижения и новых захватов в гоминьдановскую армию вливались переформированные отряды разгромленных армий генералов-милитаристов, так что к весне 1927 г. численность ее возросла едва ли не втрое. Естественно, изменялся и состав армии, и ее настроения: революционный дух постепенно выветривался, а традиционные нормы все ошутимее давали о себе знать. К этому следует добавить, что армия становилась опорой новой власти в завоеванных провинциях, где происходило сращивание военной и административно-политической функций, партийного и государственного аппарата, что всегда было нормой для конфуцианского Китая (конфуцианство как идейное течение и бюрократия как аппарат власти были в старом Китае синонимами).

Все эти процессы усиливали позиции главнокомандующего Чан Кай-ши, который весной 1927 г. провозгласил в Шанхае собственное Национальное правительство. Лидеры гоминьдановцев во главе с Ван Цзин-вэем в Ухани, куда еще раньше переместилась столица прежнего Национального правительства из Гуанчжоу, вначале пытались сопротивляться этому перевороту, но осенью того же года Чан Кай-ши занял Ухань. Фэн Юй-сян и еще несколько северных милитаристов признали власть правительства в Нанкине, где отныне обосновался Чан Кай-ши. Объединение Китая на этом фактически было завершено. Все политические силы в стране, кроме коммунистов, резко осудивших переворот и начавших собственную революционную борьбу, признали правительство Чан Кай-ши. В конце 1928 г. ЦИК Гоминьдана принял официальное решение о завершении военного этапа революции и о начале политических преобразований.

Конечно, и в последующее десятилетие было немало военных столкновений. Но в целом это был все-таки период более или менее мирной политической консолидации, сложения новой государственности и формирования новых форм жизни. Какими же они были? Что принесли с собой гоминьдановцы? Что было характерным для их политики?

Первая четверть XX в., несмотря на сотрясавшие Китай революционные войны, была временем достаточно быстрого экономического развития страны, немалых изменений в образе жизни людей, особенно в городах, перемен в сфере образования, культуры и т.п. В экономике страны по-прежнему лидирующее положение занимал английский капитал, но по уровню инвестиций к нему быстро приближался японский. Доля национальной буржуазии была невелика и концент-

рировалась преимущественно в сфере торгового капитала, в мелких предприятиях. Зато все большее значение приобретала доля казенных предприятий. Унаследовав владение ими, гоминьдановское правительство центром своей социально-экономической политики сделало дальнейшее укрепление государственного сектора экономики. Оно взяло под свой контроль систему финансов страны — банки, страховые общества, налоговые и таможенные сборы, — а также создало сильный механизм государственного контроля над экономикой, государственного планирования экономического развития. Видные чиновники и ответственные лица правительства поощряли и частные вложения в экономику, сами вносили вклады в нее, но в смешанных государственно-частных предприятиях явно задавало тон государство, что вполне соответствовало китайской традиции. При этом существенно, что подобная экономическая политика сильного правительства, к тому же склонного ограничить прежние привилегии иностранного капитала, вела к быстрому возрастанию в экономике Китая доли национального (государственного и смешанного государственно-частного) капитала и к уменьшению влияния капитала колониального.

Гоминьдановское правительство в годы так называемого Нанкинского десятилетия (1928—1937) приняло ряд законов о труде, создало систему официальных государственных профсоюзов, установило минимальный уровень зарплаты. Был принят и ряд других законов, призванных гарантировать определенные права граждан, и в особенно право собственности, что поощряло развитие частного предпринимательства. Был принят аграрный закон (1930), который ограничил размеры арендной платы, установил потолок для земельных владений, выступил в защиту арендатора. Этот закон был призван погасить социальные конфликты в деревне. И хотя большого эффекта программа реформ не дала, ибо для проведения ее в жизнь у гоминьдановского правительства не хватило ни сил, ни времени, общий принцип был очевиден: сильное централизованное правительство в новом Китае опиралось в целом на привычные для китайской традиции методы регулирования социальных и экономических отношений в стране. Пусть стали шире открываться двери для новых веяний, методов и процессов, но страна в целом, особенно крестьянство, еще не очень-то готовое к переменам, управлялись в принципе теми же методами, что и прежде. Более того, сращивание политических, экономических и иных интересов на высшем уровне правящей группы вело к укреплению привычной для традиционного Китая (да и всего Востока) государственной системы управления хозяйством, той самой древней системы, в рамках которой государство выступает в функции верховного собственника и высшего субъекта власти, а олицетворяют государство и вершат дела его именем те, кто причастен к власти, кто составляет

руководящий слой общества. Именно такая система администрации доминировала в качестве главной и ведущей в годы гоминьдановского правления Китаем, хотя справедливости ради следует сказать, что в эти же годы было немало сделано и для развития частнопредпринимательского сектора экономики и в принципе дело шло к постепенному превращению именно этого сектора в ведущий, как то и было продемонстрировано Гоминьданом во главе с тем же Чан Кай-ши после революции 1949 г. на Тайване, куда эмигрировали гоминьдановцы, до того стоявшие у власти в континентальном Китае.

Японо-китайская война и победа КПК

Укрепившись на континенте (Корея, Маньчжурия) и все усиливая свои экономические позиции в самом Китае, Япония в середине 30-х годов начала готовиться к завоеванию этой страны. В июле 1937 г., не встретив серьезного сопротивления, японцы оккупировали значительную часть восточного побережья, включая Пекин, Тяньцзинь, Шанхай. В 1938 г. под власть японского командования попали Ухань и Гуанчжоу. Практически это означало, что все важнейшие экономические районы Китая, все его крупнейшие города были оккупированы. Ограничившись этим, японцы пригласили «новый Китай» принять участие в совместном с Японией и Маньчжурией (где во главе с Пу И было создано марионеточное государство Маньчжоу-го) установлении «нового порядка в Восточной Азии». В оккупированном японцами Нанкине было создано новое правительство во главе с бывшим лидером гоминьдановцев Ван Цзин-вэем, тоже ставшим марионеткой японцев.

Чан Кай-ши, переместившийся вместе с Национальным гоминьдановским правительством на запад, в Чунцин, с помощью союзников, которая резко увеличилась с началом Второй мировой войны, возглавил сопротивление Японии, пригласив включиться в антияпонскую борьбу вооруженные силы КПК. Но единству в этой борьбе мешали политические разногласия. Дело в том, что КПК выступила против гоминьдановской политики сразу после переворота Чан Кай-ши. Ею было организовано несколько восстаний еще в конце 1927 г., но они не имели успеха. VI съезд КПК, состоявшийся под Москвой в 1928 г., выдвинул задачу борьбы за массы и укрепление революционных вооруженных сил. В 1928—1930 гг. в ряде районов страны были созданы контролируемые коммунистами территории, где формировались Советы. В 1931 г. в Жуйцзине был даже создан съезд Советов, образовавший Китайскую советскую республику, просуществовавшую, однако, недолго. В середине 30-х годов КПК и ее вооруженные силы, правда, поставили вопрос о создании Единого фронта с гоминьдановцами в связи с японской агрессией, но с приходом к руководству КПК Мао

Цзэ-дуна (1935) эта линия стала пересматриваться. После начала открытой агрессии Японии в 1937 г. она была вновь выдвинута на передний план в качестве первоочередной задачи. Однако борьбу с японцами коммунисты предпочитали вести обособленно, сами по себе.

КПК закрепила за собой власть в контролируемых ею районах (северо-западные провинции Китая), где в начале 40-х годов проживало, по разным данным, около 50—100 млн. человек. Две армии, восьмая и четвертая, численность которых, включая отряды местной самообороны, достигала 500 тыс. бойцов, были немалой частью китайских вооруженных сил, противопоставленных японской агрессии. Существенно, впрочем, заметить, что рост контролируемых территорий и населения, увеличение численности армии и самой партии сопровождалось естественным процессом растворения немногочисленных идеологически ориентированных членов КПК в массе традиционно настроенного китайского крестьянства, которое видело в КПК не столько марксистскую партию, сколько сильную и сплоченную, спаянную дисциплиной и имевшую немалую реальную власть организацию, которая ставит своей целью восстановление социальной справедливости. Для традиционно ориентированного китайского крестьянства в годы кризиса и безвластия этого было вполне достаточно, чтобы активно поддержать КПК.

1941—1943 годы были достаточно тяжелыми для КПК. Стабилизация фронтовой линии и некоторые успехи гоминьдановцев в анти-японской войне позволили Чан Кай-ши ослабить позиции китайских коммунистов. С конца 1943 г. в связи с общими изменениями в ходе Второй мировой войны КПК и ее армии вновь перешли в наступление, стремясь потеснить японцев в Северном Китае. А когда в августе 1945 г. СССР вступил в войну с Японией и оккупировал Маньчжурию, захваченные им военные трофеи способствовали укреплению базы КПК в Северном Китае. 1945—1949 годы прошли под знаком наращивания сил КПК и военных действий между ее вооруженными армиями и армиями гоминьдановского правительства. Как известно, эта борьба завершилась победой китайских коммунистов и образованием КНР. Гоминьдановцы во главе с Чан Кай-ши эвакуировались на остров Тайвань. Как для континентального Китая, так и для Тайваня этот момент явился отправной точкой, началом нового отсчета их истории. Гоминьдановцы на Тайване довели до успешного конца преобразование, позволившие населению острова быстрыми темпами развиваться по капиталистическому пути и добиться немалого экономического эффекта. Континентальный Китай, КНР, оказался на долгие годы ареной гигантских социальных экспериментов Мао Цзэ-дуна, явно не способствовавших экономическому развитию страны. Только со смертью Мао в 1976 г. началась в КНР эпоха энергичных реформ, давшая за короткий срок немалые результаты и положившая начало преобразованию континентального Китая.

Трансформация и модернизация пореформенной Японии (1868—1945)

Япония была едва ли не единственной страной Востока, в чьем развитии период колониализма совпал не с состоянием общего, порой весьма острого внутреннего кризиса, а, наоборот, с моментом бурного внутривнутриполитического подъема, связанного с преодолением кризисных тенденций в ходе так называемой реставрации Мэйдзи и последовавшей за тем серии важных конструктивных реформ. В те самые десятилетия, когда в одних странах Востока на передний план вышла клерикальная реакция, в других одряхлевшие династии не были в состоянии дать должный отпор колонизаторам, а в третьих политическая администрация, как и экономика, оказались под контролем иностранцев, японцы практически безо всякого заметного вмешательства извне, но с привлечением необходимых для быстрой модернизации страны заимствований наращивали темпы экономического роста, модернизировали принципы и методы промышленного производства, энергично и умело добивались необходимых для этого нововведений в политических институтах, правовых нормах, в сфере гражданских свобод, образования, культуры и т. д. Причем все это происходило без радикальной ломки устоявшихся традиций, без болезненного отказа от привычного образа жизни, но на основе гармонического усвоения и логической трансформации принципов и ценностей прошлого, богатейшего синтеза своего и чужого, старого и нового. В этом отношении Япония оказалась уникальным феноменом Востока, и эту уникальность она продолжает демонстрировать в наши дни.

Загадка феномена Японии еще далеко не разгадана, в том числе и самими японцами. Подробней об этом будет идти речь в следующей главе. Пока же очертим те вехи, через которые прошла страна после реставрации власти императора до Второй мировой войны. При этом постараясь отказать от привычных стереотипов, вовсе не объясняющих японский феномен. Одним из них является представление о том, что так называемая токугавская мануфактура в XVIII—XIX вв. представляла собой нечто большее, нежели аналогичные явления в других странах, и что, возможно, именно это объясняет причины того, что в Японии сложилась система капитализма. Следует сразу же заметить, что принципиально токугавская мануфактура ничем не отличалась от цинской китайской, а кое в чем и явно уступала ей. Что же касается частнопредпринимательской деятельности как таковой, то и она ни по масштабам, ни по роли в хозяйстве Японии ничем не отличалась от того, что имело место в то же время в цинском Китае. И если Япония в чем-то все же была не такой, как Китай, то об этом «чем-то» следует говорить специально, его нужно вычленять и аналитически исследо-

вать, ибо невооруженным глазом само по себе оно не так уж бросается в глаза. Итак, каким же был путь Японии после 1868 г.?

Как и Китай, Япония была «открыта» для колониальных держав в середине прошлого века. Как и в цинском Китае, купечество Японии было слабым и политически бесправным, тогда как власть имущие (в Японии это были не чиновники-бюрократы, а самураи и князья во главе с сёгуном) не были заинтересованы в усилении связей с колониальными державами. В Японии, как и в Китае времен опиумных войн, насильственно навязанная стране иностранная торговля была экономически невыгодной, ибо выкачивала из страны драгоценный металл и вела к финансовому дисбалансу. Собственно, все эти, равно как и многие другие, факторы предопределили ослабление, а затем и падение режима сёгуната.

Разница в развитии между Китаем и Японией начинает сказываться и становится заметной именно с этого момента. В Китае реакция традиционной структуры на перемены, вызванные вмешательством колониализма, выразилась в форме крестьянской войны тайпинов, а в Японии эквивалентом тайпинам стал революционный переворот 1868 г., приведший к переходу власти в руки 15-летнего императора Муцухито (Мэйдзи). Революционным этот переворот следует считать не столько по форме, сколько по результатам, ибо вслед именно за этим важнейшим изменением в привычной для Японии традиционной структуре (император в истории Японии практически никогда не управлял делами страны; за него это делали сначала регенты, потом сёгуны) последовали все остальные, радикально изменившие облик страны.

Реформы и становление основ японского капитализма

Муцухито и действовавшие от его имени советники начали с того, что радикально реформировали систему социальных связей в стране. С целью ослабить и сделать невозможными в дальнейшем феодальные распри реформа 1871 г. ликвидировала феодальные уделы и наследственные привилегии князей-даймё, а также подорвала социальную и экономическую базу самурайства. Вся Япония была разделена на губернии и префектуры во главе с назначаемыми из центра чиновниками. Кадры чиновников, за неимением альтернативы, комплектовались из числа тех же князей и самураев, но теперь это были уже не независимые аристократы или рыцари, но именно находившиеся на службе у государства и получавшие за это жалованье из казны чиновники. Причем это были чиновники, сформировавшиеся как социальный слой практически заново, не имевшие ни опыта, ни корней, ни

традиций и потому еще не погрязшие в коррупции, не научившиеся практике бюрократических проволочек, взяточничеству и всему остальному, что неизбежно сопутствует бюрократической структуре и что, в частности, было традиционной нормой в Китае. Конечно, связи и протекционизм при этом продолжали сохраняться и играли свою роль, но это зло в условиях всеобщих перемен не было угрожающим для трансформирующегося общества.

Реформа официально отменила сословные различия. Хотя титулы и звания сохранились, лишившиеся владений князья и самураи (те, что не стали чиновниками, в первую очередь) были в социальном плане приравнены ко всем остальным сословиям страны. В качестве средств существования им были назначены выплачивавшиеся из казны пенсии — практика не столь уж необычная для Японии, во всяком случае для самураев. Важной составной частью первой серии социально-сословных преобразований стала реформа 1872 г., вводившая всеобщую воинскую повинность, которая была призвана окончательно подорвать позиции самураев, в лучшем случае теперь имевших основание претендовать на офицерские должности в регулярной армии.

Радикальный характер первой серии реформ очевиден. Пришедшее к власти новое руководство во главе с императором решительно отказывалось от старых принципов, чреватых феодальной раздробленностью и междоусобицами, ведущих к децентрализации и своеволию сильных и независимых, опиравшихся на собственные воинские формирования князей. Взамен этого создавалась стройная административно-бюрократическая система, основанная на равенстве сословий, на усилении роли казны и единой финансовой системы страны, на подчиненных центру регулярных воинских подразделениях. Значение всех упомянутых нововведений едва ли можно переоценить: впервые в истории Японии император и его правительство оказывались не одной из соперничающих политических сил, но единственной, полной и общепризнанной властью.

Серия реформ 1872—1873 гг. уделила внимание также перестройке системы аграрных отношений, весьма радикальной по характеру. Земля, законодательно признанная собственностью тех, кто ею реально владеет, была закреплена за крестьянами. Правда, при этом значительная часть мелких землевладельцев теряла свои участки и, не будучи в силах выплатить выкуп за землю и налоги, переходила в разряд арендаторов и батраков либо переселялась в города. Но это в принципе не изменяло сути дела. Суть же сводилась к тому, что зажиточное крестьянство было освобождено от земельной ренты в пользу князей (собственно, именно за это князья и получили от казны свои крупные пенсии) и получило возможность за не столь уж тяжелый выкуп владеть своей землей и работать на рынок. Иногда эту реформу сопоставляют с прусским путем развития капитализма в сельском хозяйстве. Независимо от того, насколько это сопоставление справедливо, оно разумно

в том смысле, что аграрная реформа внесла свой немалый вклад в становление японского капитализма, обеспечив хотя бы частично необходимый для этого капитал (первоначальный капитал, японский вариант первоначального накопления).

Реформы открыли перед японским купеческим капиталом достаточно широкий простор для частнопредпринимательской деятельности, социально и юридически защищенной и активно поощряемой властями. В стране развернулось достаточно быстрое промышленное строительство. Расцветало банковское дело, чему способствовало решение правительства в 1876 г. капитализировать княжеские пенсии, заменив ежегодные выплаты единовременной компенсацией. Резко увеличившийся в результате этого акта банковский капитал не только обеспечил бывшим князьям их существование в будущем, но и позволил превратить их в предпринимателей, по меньшей мере в рантье, что также содействовало первоначальному накоплению японского капитала.

И наконец, еще одной принципиально важной акцией японского правительства, направленной все в ту же сторону, было решение вначале взять на себя строительство наиболее крупных и экономически неэффективных промышленных предприятий (арсеналы, металлургические заводы, верфи и т. п.), а затем, согласно принятому в 1880 г. закону, за бесценок продать их в руки наиболее крупных и умело действовавших торгово-промышленных компаний, таких, как Мицуи, Мицубиси, Фурукава и др. Тем самым японское правительство не только ясно продемонстрировало твердый курс на поддержку защищенного законом частного предпринимательства, но и избавило Японию как государство от невыносимого груза неэффективной казенной промышленности, тяжесть которого всегда ощущали и ныне ощущают подавляющее большинство развивающихся стран.

Реформы 70-х годов привели к энергичной трансформации японского общества и пробудили к жизни новые социальные и экономические силы, в свою очередь требовавшие для оптимизации условий своей деятельности новых преобразований, на сей раз в сфере политической. С начала 80-х годов в стране развернулось широкое движение за конституцию, в первых рядах которого шли оформлявшиеся в партийные группировки сторонники новых методов ведения хозяйства, т. е. частные предприниматели города и деревни, вписавшиеся в новые условия существования вчерашние самураи, первые поколения получивших европейское образование японских интеллигентов, частично и выходцы из высших слоев японского дворянства, из княжеских семей. Движение за свободу и права народа (оно именовалось «минкэн ундо») привело к обещанию правительства ввести в 1890 г. конституцию, для чего, в частности, в Европу и США была послана специальная миссия Ито, которой следовало ознакомиться с соответствующими нормами, институтами и процедурами за рубежом и выбрать наиболее подходя-

щие из них для Японии. Ито остановился на прусском варианте Бисмарка, что было по-своему весьма логичным итогом поисков: быстро развивавшаяся усилиями Бисмарка полufeодальная Пруссия в конце XIX в. действительно была по многим параметрам наиболее сопоставима с Японией.

В 1889 г. от имени императора был опубликован текст конституции. Создавалась конституционная монархия с большими правами императора, которому по-прежнему принадлежала законодательная инициатива. Хотя парламент контролировал финансы, он был лишен права создавать ответственное перед ним правительство. Зато конституция официально провозглашала демократические свободы и гражданские права для всех граждан страны — условие, без которого успешное развитие капитализма в Японии было бы невозможным. Парламент был созван в 1890 г., причем правом избрания нижней и основной его палаты (верхняя была чем-то вроде палаты лордов) пользовались лишь некоторые из налогоплательщиков, вначале примерно 1 % населения страны, что следует считать нормальным для общества, еще не подоготовленного к парламентским институтам и вообще к нормам демократической процедуры. Первый японский парламент оказался достаточно самостоятельным и строптивым. Правительство несколько раз распускало его за строптивость, в частности за отказ голосовать за те или иные расходы, особенно на военные цели.

Провозглашение и реализация демократических прав и свобод открывало путь для быстрого развития японского капитализма, развязывало руки молодой японской буржуазии, но необычно быстрые для отсталой восточной страны темпы ее социальной, экономической и политической трансформации во многом оплачивались страданиями простых людей — крестьян, лишившихся земли и шедших в города, рабочих, которых нещадно и порой бесконтрольно эксплуатировали. Но это было нормой для всех стран раннего развивающегося капитализма — и рабочий день, длившийся 12 — 14 часов, и нищенские условия существования, и бесправие, и даже плетки надсмотрщиков и десятских. Японию не миновала эта доля, хотя преимуществом ее было то, что она прошла этот путь довольно быстро, чему способствовали, в частности, раннее развитие рабочего движения, появление профсоюзов. Но главное, что сыграло свою роль, — это культивирование патерналистских традиций, стремление предпринимателей наладить прямой контакт со своими рабочими на началах гармонии труда и капитала. Вначале весьма слабые, эти попытки в дальнейшем, с ростом уровня благосостояния страны и народа, стали реализовываться все успешнее, пока не достигли оптимального характера, каким отличаются взаимоотношения труда и капитала в Японии в наши дни. Ведь далеко не случайно бурно развивающаяся капиталистическая Япония вот уже на протяжении ряда десятилетий практически не знает мощных

забастовок, подобных тем, что время от времени сотрясали ведущие капиталистические страны Европы и Америки.

Уже на рубеже XIX—XX вв. сформировались основные черты и характерные особенности японского капитализма. Важно заметить, что с самого начала XX в. он был сильным, динамично эволюционирующим и конкурентноспособным на международном рынке. Японский капитал и созданная им промышленная база послужили прочной основой для всей политики Японии, особенно для ее внешней политики.

Агрессивная внешняя политика Японии

Хотя самураи после 1868 г. перестали быть ведущим сословием Японии, дух самурайства не исчез. Лишенные прежних прав и привилегий потомки вчерашних самураев культивировали свои воинские доблести и воспитывали в соответствующем духе солдат регулярной армии. Разница была лишь в том, что если прежде дух и деятельность самураев реализовывались внутри страны, в междоусобных войнах и феодальных схватках, то теперь воинственность самураев оказалась направленной на внешний мир, на соседние с Японией страны и народы. Строительство сильной армии и особенно флота стало задачей номер один с первых же шагов новой японской администрации. И далеко не случайно государство на первых порах взяло в свои руки создание арсеналов и верфей — без них оно не сумело бы создать сильных вооруженных сил.

Первым из агрессивных шагов внешней политики пореформенной Японии стала борьба за японское влияние в Корее. В 1876 г. высадившийся в Корее японский экспедиционный корпус навязал этой стране неравноправный договор, предоставлявший японцам ряд прав и привилегий. В 1885 г. по японо-китайскому соглашению Китай признал японские интересы и права в Корее практически равными своим (до того Корея официально считалась вассалом Китая). В итоге японо-китайской войны 1894—1895 гг. по Симоносекскому договору Япония получила право владения островами Тайвань и Пэнхуледао и еще более укрепила свои экономические и политические позиции в Корее. Дело дошло до того, что в 1895 г. японские агенты убили антияпонски настроенную корейскую королеву, а король был вынужден искать убежища в русском посольстве. Все эти военные и внешнеполитические успехи Японии привели к тому, что на рубеже XX в. она не только по своему экономическому потенциалу и характеру развития, но и по агрессивности своей политики стала одной из основных колониальных держав в мире. Япония была, в частности, в числе тех восьми держав, чьи миссии организовали интервенцию в Китае в 1900 г. в связи с

восстанием ихэтуаней. Япония в 1902 г. заключила выгодный для нее военный союз с Англией, что помогло ей усилить свои позиции на континенте и выступить в феврале 1904 г. против России.

Русско-японская война, завершившаяся поражением русских войск, привела к тому, что южная Маньчжурия и Корея превратились в протекторат Японии. Японский капитал мощным потоком устремился в эти районы, способствуя их экономическому развитию и превращая их в плацдарм для дальнейшей агрессии на континенте, в основном против Китая. Десятилетие перед Первой мировой войной было периодом быстрого промышленного развития Японии. На первых порах оно сопровождалось ростом активности рабочего движения и распространением социалистических идей в Японии, созданием там социалистического движения во главе с Сен Катаямой, но перед войной это движение пошло на убыль, а вся страна была охвачена националистическим угаром, под знаком которого Япония стала активно действовать в годы войны.

Тонко рассчитав свои ходы, японцы выступили против позиций Германии в Китае, потребовав от нее уступки ее владений на полуострове Шаньдун. Занятая военными действиями в Европе, Германия не могла противостоять натиску японцев, экспедиционный корпус которых в сентябре 1914 г. занял принадлежавшие Германии территории на этом полуострове. Вскоре после этого, как о том уже шла речь, японцы предъявили Юань Ши-каю свои «21 требование», значительную часть которых Китай был вынужден принять. И хотя после войны, в немалой мере из-за энергичных протестов в Китае в ходе движения «четвертого мая», на Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. Япония была вынуждена вернуть Китаю захваченные ею в 1914 г. территории, позиции японского капитала в Китае все укреплялись.

Япония между Первой и Второй мировыми войнами

Итоги Первой мировой войны были выгодны для Японии. Ее экономика развивалась, внешняя торговля завоевывала все новые рынки, особенно в Азии, куда сильно сократился поток товаров из Европы. Хотя в самой Японии вскоре после войны ощущались ее последствия («рисовые бунты», вызванные дороговизной риса, потрясли в 1918 г. страну), в целом страна была на подъеме. За 1914—1919 гг. валовой национальный продукт возрос в пять раз, с 13 до 65 млрд. иен. Неудивительно, что все это уже с начала 20-х годов стало служить надежной экономической базой для поддержания агрессивной внешней политики.

Хорошо известно, что Япония сыграла немалую роль в интервенции держав против молодой Советской России. Пыталась она, как упоминалось, сохранить свои территориальные приобретения и в Китае, не говоря уже о поставленной в колониальную зависимость от нее Кореи. Но в целом 20-е и даже начало 30-х годов были периодом сравнительно умеренной внешнеполитической экспансии Японии. В некотором смысле можно сказать, что это было время накопления ею сил и выжидания благоприятной обстановки. В то же время эти годы были периодом ожесточенной внутрисполитической борьбы, основной смысл которой сводился к стремлению наиболее радикальных слоев японского общества выйти на передний план и сформировать в стране определенное общественное мнение. Речь идет о так называемой группировке «молодых офицеров».

Здесь напрашивается бросающаяся в глаза аналогия с послевоенной Германией. Хотя между потерпевшей поражение в войне Германией и нажившейся на войне Японией была немалая разница, не говоря уже о различиях в культуре, политических и иных традициях, сходство все же есть, пусть даже более функциональное, нежели сущностное. Проявлялось оно прежде всего в воинственном радикализме социальных групп, делавших ставку на силу и агрессию, на культ исключительности и вседозволенности, на войну и уничтожение. «Молодые офицеры», чье влияние в Японии в 20—30-е годы все усиливалось, требовали практически того же, что и нацисты в Германии, — отказа от многопартийной системы и ответственных перед парламентом кабинетов, диктатуры внутри страны и экспансионистской политики вне ее.

Далеко не сразу — как и в Германии — они добились своего. В начале процесс шел скорее в обратную сторону. Капитализм успешно развивался, рос рабочий класс, увеличивались ряды интеллигенции, укреплялись завоеванные в социальных боях права трудящихся. В 1919 г. был снижен имущественный ценз, вследствие чего электорат в стране увеличился до 3 млн. (из 56 млн. населения), а в 1925 г. избирательное право стало всеобщим, правда, только для мужчин. В Японии одна за другой возникали и укрепляли свои позиции новые политические партии, в том числе коммунистическая (с 1922 г.). Парламентские кабинеты стремились, хотя и не всегда удачно, противостоять энергичному натиску «молодых офицеров», чьи представители все чаще включались в кабинет министров. Словом, баланс сил пока сохранялся, хотя и становилось все более очевидным, что энергия воинствующего радикализма берет верх.

В 1927 г. к власти пришел кабинет генерала Танака, настроенного весьма агрессивно. Именно при нем вновь был направлен японский экспедиционный корпус в Китай, в Шаньдун. Вскоре, однако, войска были выведены, что послужило одной из причин падения кабинета Танака. Однако «молодые офицеры» не сдавались. В 1930—1932 гг. они совершили несколько путчей и политических убийств, что приблизило

их к цели. Осенью 1931 г. Япония начала оккупацию Маньчжурии, где в 1932 г. было создано упоминавшееся уже государство Маньчжоу-го во главе с марионеткой Японии Пу И, последним китайским императором.

В 1933 г. Япония, чтобы развязать себе руки, демонстративно вышла из Лиги Наций, отказавшейся признать Маньчжоу-го. Снова был послан японский экспедиционный корпус в Китай, на сей раз в провинцию Жэхэ; с 1935 г. началось военное проникновение японских войск в степи Монголии. Правда, выборы 1936 г. прошли в Японии под знаком несомненного успеха сил, выступавших против агрессии и фашизма. Неудовольствие правительству новый парламент был распущен, но и проведенные вслед за тем выборы в марте 1937 г. дали тот же результат. Правительству и стоявшим за ним правящим кругам, сочувствовавшим «молодым офицерам», становилось все более очевидно, что демократической процедуре следует противопоставить сильный авторитарный режим, что и было сделано. В ноябре 1936 г. Япония подписала с Германией известный антикоминтерновский пакт, чем привязала себя к немецкому фашизму, а летом 1937 г. началась японо-китайская война, под знаком которой прошло почти целое десятилетие. С началом войны экономика Японии была переведена на военные рельсы. С партийной борьбой и парламентской деятельностью практически было покончено. Был взят твердый и решительный курс на расширение военной экспансии и провокаций, в том числе и против СССР. «Молодые офицеры» были довольны: армия и генералитет в Японии не только вышли на передний план, но и стали как бы символизировать силу, мощь, процветание и беспощадность страны, с 1938 г. начавшей открыто претендовать на установление «нового порядка» в Восточной Азии.

Япония во Второй мировой войне

Осенью 1939 г., когда началась война и западно-европейские страны одна за другой стали терпеть поражения и становиться объектом оккупации со стороны гитлеровской Германии, Япония решила, что ее час пробил. Туго закрутив все гайки внутри страны (были ликвидированы партии и профсоюзы, взамен создана Ассоциация помощи трону в качестве военизированной организации фашистского типа, призванной ввести в стране тотальную политико-идеологическую систему жесткого контроля), высшие военные круги во главе с генералами, возглавлявшими кабинет министров, получили неограниченные полномочия для ведения войны. Усилились военные действия в Китае, сопровождавшиеся необычайными жестокостями против мирного населения. Но главное, чего выжидала Япония, — это капитуляции ев-

ропейских держав, в частности Франции и Голландии, перед Гитлером. Как только это стало фактом, японцы приступили к оккупации Индонезии и Индокитая, а затем Малайи, Бирмы, Таиланда и Филиппин. Поставив своей целью создать гигантскую подчиненную Японии колониальную империю, японцы объявили о стремлении к «восточно-азиатскому процветанию».

После бомбардировки американской базы Пёрл-Харбор на Гавайях в декабре 1941 г. Япония оказалась в состоянии войны с США и Англией, что, несмотря на некоторые первые успехи, со временем привело страну к затяжному кризису. Хотя японские монополии немало выгадали, получив бесконтрольный доступ к эксплуатации богатств почти всей Юго-Восточной Азии, положение их, как и японских войск, было непрочным. Население оккупированных стран выступало, нередко с оружием в руках, против оккупантов. Содержание войск одновременно во многих странах, ведение непрекращавшейся и все очевиднее становившейся бесперспективной войны в Китае требовали немалых средств. Все это вело к ухудшению экономического баланса и к обострению внутреннего положения в самой Японии. Это с особой силой проявилось в начале 1944 г., когда в войне на Дальнем Востоке наметился определенный перелом. Американские войска высаживались то в одном, то в другом из островных районов и вытесняли оттуда японцев. Изменялись и отношения Японии с СССР. В апреле 1945 г. СССР денонсировал заключенный в 1941 г. пакт о нейтралитете с Японией, а в августе того же года, вскоре после атомной бомбардировки Японии американцами, советские войска вступили на территорию Маньчжурии и разоружили Квантунскую армию, что означало не только поражение Японии, но и начало революционных преобразований в Маньчжурии, а затем и на остальной территории Китая.

Капитуляция Японии в августе 1945 г. привела к краху замыслов японской военщины, крушению того агрессивного внешнеполитического курса Японии, который на протяжении нескольких десятилетий опирался на экономическое развитие и экспансию японского капитала, на самурайский дух прошлого. Как и самураи в конце XIX в., милитаристы первой половины XX в. потерпели банкротство и вынуждены были сойти с исторической сцены. Япония лишилась всех своих колониальных владений и завоеванных территорий. Встал вопрос о статусе послевоенной Японии. И здесь сказали свое слово оккупировавшие страну американцы.

Смысл преобразований, которые были проведены созданным ими Союзным советом для Японии во главе с генералом Д. Макартуром, сводился к радикальной перестройке всей структуры этой страны. Была осуществлена серия демократических реформ, включая возрождение партий, созыв парламента и принятие новой конституции, оставлявшей за императором весьма ограниченные права и отсекавшей возможность возрождения японского милитаризма в будущем. Был проведен пока-

зательный процесс с осуждением японских военных преступников, не говоря уже об основательной чистке государственного аппарата, полиции и т. п. Была пересмотрена система образования в Японии. Особые меры предусматривали ограничение возможностей крупнейших японских монополий. Наконец, в стране была проведена радикальная аграрная реформа 1948—1949 гг., ликвидировавшая крупное землевладение и тем окончательно подорвавшая экономические позиции остатков самурайства.

Вся эта серия реформ и радикальных преобразований означала еще один важный рывок Японии из мира вчерашнего дня в новые условия существования, соответствовавшие современному уровню. В сочетании с выработанными за пореформенное время навыками капиталистического развития эти новые меры оказались мощным импульсом, способствовавшим быстрому экономическому возрождению побежденной в войне Японии. И не только возрождению, но и дальнейшему развитию страны, ее энергичному процветанию. Раны Второй мировой войны были залечены достаточно быстро. Японский капитал стал в новых и весьма благоприятных для него условиях, когда на развитие его не оказывали своего воздействия внешние силы (в частности, наполненные воинственным духом самурайства «молодые офицеры»), наращивать темпы роста, что и заложило фундамент того самого феномена Японии, который столь хорошо известен в наши дни. Как это ни парадоксально, но именно разгром Японии в войне, ее оккупация и связанные с этим радикальные преобразования в ее структуре окончательно открыли двери для развития этой страны. Были сняты все преграды для такого развития — и результат оказался поразительным...

Важно отметить еще одно существенное обстоятельство. В своем успешном продвижении по пути капитализма Япония полностью воспользовалась всем тем, что может предоставить для такого развития демократизация европейско-американского образца. Однако она не отказалась и от многого из того, что восходит к ее собственным фундаментальным традициям и что тоже сыграло свою позитивную роль в ее успехах. Об этом плодотворном синтезе пойдет речь в следующей главе. Пока же — несколько слов о Корее.

Корея под гнетом японского колониализма

Корея, на долю которой выпало быть в вассальной зависимости от Китая на протяжении многих веков, имеет все же уникальную судьбу для страны Востока в период колониализма: это единственная страна, оказавшаяся под колониальным господством не западной державы, а восточной, т. е. Японии. Это обстоятельство само по себе изменило в

судьбах Кореи не так уж много, но о нем все же стоит напомнить, как и о том, что Япония была единственной восточной державой, имевшей колониальные владения, — не вассальные территории, как Китай, а именно колониальные владения, эксплуатировавшиеся колониальными методами, включая колониальную торговлю, ввоз капитала, разработку ресурсов и промышленное освоение колонии, в том числе создание необходимой для всего этого инфраструктуры.

Хотя Корея была вассальной от Китая территорией (вассалитет этот был, к слову, не очень заметен), в конце XIX в. многие влиятельные слои ее населения ориентировались более на Японию, видя в ее пореформенном развитии образец для своей страны. Реформаторы прояпонской ориентации в начале 80-х годов XIX века попытались было устроить при поддержке японского консула переворот, но он потерпел неудачу. Результатом этого было усиление в стране позиций Китая, но ненадолго: японо-китайская война 1894—1895 гг. покончила с китайским влиянием в Корее. К власти пришли сторонники реформ. И хотя наряду с японским в стране в эти годы усилилось и влияние русского капитала, по условиям русско-японского соглашения 1898 г. Россия официально признала преобладающие экономические интересы Японии в Корее. После же русско-японской войны 1904 г. Корея, как упоминалось, была превращена в протекторат Японии.

Япония, сама почти лишенная природных ресурсов, активно взялась за капиталистическое освоение Кореи. Рудники и леса, железные дороги и легкая промышленность, внешняя торговля Кореи — все оказалось в руках японских компаний, во всяком случае, главным образом в их руках. В 1910 г. была официально провозглашена аннексия Кореи, управление которой от имени японского императора стала осуществлять колониальная администрация во главе с японским генерал-губернатором. В стране были созданы оптимальные условия для развития японского капитала, интересы которого защищала хорошо продуманная система военно-полицейского принуждения. Искусственно насаждался японский язык — в ущерб корейскому. Корейские рабочие на предприятиях подвергались жестокой эксплуатации. Что касается сферы аграрных отношений, то в Корее была провозглашена приватизация земли, причем значительная часть ее оказалась собственностью японских переселенцев, капиталистов или генерал-губернаторства, т. е. японского государства. Как и в самой Японии, аграрная реформа содействовала повышению товарности земледелия, а обезземеленные крестьяне массами шли в города, где они пополняли ряды рабочих на промышленных предприятиях и в рудниках, число которых все время росло.

Мощное народное восстание 1919 г., с трудом подавленное колонизаторами, вынудило их пойти на определенные уступки и отменить военные формы управления. Были введены корейские законосовещательные собрания при японских административных органах. Увеличи-

лось количество корейских и смешанных японо-корейских компаний. В Корее стали создаваться профсоюзы, общественные ассоциации, партии. После вторжения Японии в Китай и создания Маньчжоу-го Корея стала японским военно-промышленным плацдармом на континенте. Промышленное производство здесь, как и в самой Японии, развивалось ускоренными темпами. Строились металлургические заводы, электростанции, химические комбинаты. С конца 30-х годов, после начала японо-китайской войны, японцы пытались привлечь корейцев на свою сторону, выдвинув псевдопатриотический лозунг «японцы и корейцы — братья».

Поражение Японии во Второй мировой войне имело своим следствием появление в Корее советских и американских войск и раздел полуострова на две части. В северной части, как известно, был взят курс на строительство марксистского социализма в его наиболее жесткой модификации. Южная Корея подверглась примерно тем же преобразованиям, что и Япония. Эти преобразования на основе созданной японскими колонизаторами социально-политической и финансово-экономической промышленной базы способствовали развитию страны в том же направлении и теми же быстрыми темпами, что и в Японии. Более низкий стартовый уровень не позволил пока южно-корейскому государству во всех сферах экономики и образа жизни достичь таких же впечатляющих результатов, каких достигла современная Япония. Но все же южно-корейский стандарт в этом отношении достаточно близок к японскому.

Глава 15

Религиозно-цивилизационный фундамент и особенности развития стран Дальнего Востока

Цивилизационным фундаментом всего Дальнего Востока, включая Китай, Японию и Корею, следует считать китайское конфуцианство. Наряду с ним с первых веков нашей эры здесь стал играть активную роль и появившийся из Индии буддизм, который в Японии и Корее порой становился идеологически господствующим. Параллельно существовали здесь также местные религии типа даосизма и синтоизма. Но именно конфуцианство всегда составляло основу. В чем это проявлялось и как это сказалось на развитии стран Дальнего Востока, особенно Китая и Японии?

Конфуцианство в Китае и XX век

Во второй половине XIX и особенно в начале XX в. традиционное китайское конфуцианство постепенно теряло свое значение. Конечно, оно во многом по-прежнему определяло систему ценностей страны и народа, принципы жизни китайцев, основы их мировоззрения и менталитета. В этом смысле каждый китаец оставался, даже если он не сознавал этого, все-таки конфуцианцем. И все же конфуцианство как господствующая доктрина, как генеральный принцип жизни под ударами извне давало трещины, сквозь которые в империю проникали новые веяния — от христианства, под знаком которого формировались идеи тайпинов, до различных европейских социально-политических идей, как либерально-демократических, так и радикальных, включая различные формы социализма, анархизма и коммунизма. Проблема, таким образом, сводилась к тому, чтобы оптимально сочетать традиционные и заимствованные идеи и институты и на этой синтетической основе создать определенный фундамент для строительства на нем нового Китая.

Что же внесла в создание этого фундамента традиция, прежде всего конфуцианская, и что в нем появилось нового? Собственно, к ответу на этот весьма важный вопрос и должен привести предлагаемый анализ.

Сначала несколько слов о традиции, о религиозно-цивилизационном фундаменте старого Китая, о его ценностях, ориентированных, как упоминалось, прежде всего на ценности конфуцианства. В самом сжатом виде это можно изложить в форме нескольких тезисов:

— Китай в принципе нерелигиозен и, в отличие от индо-буддийской либо исламской цивилизаций, считает наивысшим смыслом существования людей достижение социальной гармонии в рамках мудро управляемого государства, к чему призывали Конфуций и конфуцианцы и что было основной заботой великих правителей доконфуцианского прошлого (от легендарных Яо, Шуня и Юя до вполне реальных Вэнь-вана и Чжоу-гуна), на мудрость которых не уставал ссылаться Конфуций.

— Мудрость разумного правления, обеспечивающего социальную гармонию, отрабатывалась веками и закреплялась в социальном гено-типе, на страже которого и стояли конфуцианцы. Неудивительно, что единственно стоящей мудростью в Китае всегда считалась именно она, так как только она способна научить людей жить по правилам, как то и подобает цивилизованному человеку, т. е. китайцу. Отсюда логичный вывод: лишенные этой мудрости народы суть жалкие варвары, у которых китайцам нечему учиться и которые, войдя в соприкосновение с китайцами, сами рано или поздно китаизируются и конфуцианизируются, чему немало примеров дает история взаимоотношений Китая с его соседями, включая и завоевывавшие Китай народы.

— Но коль скоро мудрость известна и истина познана, причем именно китайскими мудрецами, то любое новое слово заслуживает внимания лишь постольку, поскольку оно сочетается с конфуцианской традицией и камуфлируется в ее одежды. Разумеется, новизна его от этого тускнеет, а сущность может всерьез трансформироваться, но зато традиционная мудрость за этот счет лишь выгадывает, крепнет, обрывается новыми идеями, которые позволяют ей выжить и даже расцвести в новых условиях существования. И для этого конфуцианская мудрость имеет надежный механизм самосохранения и самосовершенствования, сводящийся прежде всего к мобилизации умных и способных, т. е. к концентрации мозговых усилий всех тех, кто на это способен (речь идет прежде всего о тройном сите конкурсного отбора, в результате которого к власти в бюрократической иерархии империи приходят лучшие знатоки конфуцианства).

— Система в целом бдительно следит за престижем мудрости и священного канона, в котором она запечатлена, за стандартом конфуцианского ученого-чиновника, в котором она воплощена. Конечно, чиновник — не идеал цзюнь-цзы. Но он обязан ориентироваться на этот идеал, и именно потому публичное уличение его во взятке, в коррупции важно не столько с точки зрения правосудия и правовой нормы, сколько с позиций этической нормы: «потеря лица» в традиционном Китае всегда означала гражданскую смерть для чиновника, образованного интеллектуала.

— Стремление к постоянному постижению мудрости древних, к самоусовершенствованию на основе выработанных ими предначертаний, к примату высокой морали, с которой не идет ни в какое сравнение низменная материальная выгода (хотя при этом всегда имеется в виду, что высокая мораль в статусе чиновника очень неплохо материально вознаграждается), — таков эталон поведения в Китае, воспетый в литературе, всегда высоко почитавшийся в реальной жизни и приносивший немалую практическую пользу каждому, кто добивался успеха на этом пути. Не богатый и знатный, но исполненный мудрости древних конфуцианский ученый-чиновник всегда стоял на вершине престижных ценностей в старом Китае. Залог же любого успеха — труд, постоянный и упорный. Культура и высокая дисциплина труда, как умственного, так и физического, — важнейший элемент конфуцианской цивилизации.

— Форма, ритуал, церемониал — основные способы закрепления и сохранения нормы, консервации социального порядка, обеспечения строгой организации общества, дисциплины и послушания. Общество в целом, как и его части, социальные корпорации (включая семью), всегда стояли на страже формы, главной сутью которой был строгий принцип патернализма. Долг как социальная категория намного выше чувства, особенно личностного, диктуемого неконтролируемыми эмоциями, включая низменные суеверия.

В этом пункте конфуцианство всегда соприкасалось с противоположным ему полюсом в биполярной структуре идейно-доктринального фундамента китайской традиции — с мистикой и метафизикой даосов и буддистов, во многом ориентированными на чувства крестьянской массы, особенно в критические периоды истории страны. Биполярная структура, о которой идет речь, находилась в состоянии неустойчивого баланса: в длительные периоды функционирования крепкой центральной власти конфуцианский полюс преобладал, порой абсолютно; в сравнительно краткие, но бурные периоды кризиса на передний план выходил даосско-буддийский полюс с его бунтарскими эгалитарно-утопическими идеями, магией и мистикой. Впрочем, за эгалитаризмом всегда легко просматривалась все та же конфуцианская в основе идея: восставшие стремились к регенерации нарушенной кризисом нормы, т. е. в конечном счете к возрождению сильного централизованного государства, в котором традиционно управляли бы все те же ученые-конфуцианцы, знатоки великой мудрости древних, отстаивавшие генеральный для китайской цивилизации принцип социальной гармонии и справедливости с равенством жребия для каждого, кто обладает соответствующими потенциями и стремлениями.

Охарактеризованный выше конфуцианский в своей основе религиозно-цивилизационный фундамент старого Китая во многом определял судьбы этой страны в XIX и XX вв. Открытая для заимствований и даже достаточно охотно перенимавшая чужие идеи традиционная китайская мудрость имела тем не менее определенный предел, потолок заимствований, не говоря уже о практике переработки чужих идей до неузнаваемости. Выработанная веками, эта практика трансформации чуждого интеллектуального потенциала создала определенные стереотипы, сущность которых сводилась к тому, что перенимается прежде всего то, что как-то созвучно своему, привычному, и что может поэтому укрепить хорошо известное свое, придав ему новые возможности. Именно это было продемонстрировано в случае с тайпинами, а позже стало лозунгом в официальной политике самоусиления. Это же определило собой отношение к европейским идеям и институтам, от демократии и либерализма до социализма и коммунизма, после крушения империи.

Идеи равенства и справедливости, поиск социальной гармонии и ориентация на стремящегося к ней, ищущего его авторитетного лидера-мудреца — в крови китайской традиции. Отсюда — с легкостью воспринятая Китаем идея революции с ее ориентацией на лозунги Сунь Ят-сена; отсюда же и взлет влияния компартии во главе с Мао. Идея о ведущей роли государства и аппарата власти с его бюрократической иерархией — опять-таки в крови китайской традиции с ее неизменной ставкой на централизованное регулирование хозяйства. Именно это проявило себя во времена самоусиления, в годы успешных экспериментов гоминьдановского правительства до Второй мировой войны, и,

наконец, в период экспериментов Мао в КНР. Привычное отношение к частному предпринимательству как к поискам низменной выгоды, наносящим в конечном счете вред обществу в целом, определило и жалкое положение частного китайского капитала в годы самоусиления, и немногим лучший его статус в период власти гоминьдановцев, и тем более его ликвидацию при Мао. И еще одно: Китаем должны править мудрые правители, опирающиеся на хорошо знающих господствующую доктрину помощников. В свое время это были императоры с конфуцианскими чиновниками, рекрутировавшимися посредством системы экзаменов, а также многочисленными шэньши, составлявшими их опору на местах. При гоминьдановцах во главе страны встали лидеры этой партии, опиравшиеся на хорошо знакомых с теорией Сунь Ят-сена функционеров, включая и военных. При Мао их место заняли активисты КПК, получившие сводное наименование «ганьбу» (кадровые работники-профессионалы).

В этой генеральной схеме, как то легко заметить, практически не было места тем институтам, которые не вписывались в традицию либо решительно противоречили ей. Нет слов, колониальный капитал немало сделал для того, чтобы разложить изнутри традиционную хозяйственную, а затем и социально-политическую структуру империи. Промышленное и торгово-экономическое развитие Китая в XX в. создало благоприятные условия для становления частного предпринимательства и проникновения в Китай соответствующих западных принципов и институтов. Однако приспособление мощной традиционной структуры к этим новшествам шло столь замедленными темпами и встречало столь яростное сопротивление (речь не только о восстаниях ихэтуаней, хотя оно говорит само за себя), что успехов в этом направлении было немного, даже несмотря на порой официальное поощрение со стороны государства, особенно гоминьдановского. Парадокс, но факт: те самые китайцы (хуацяо), которые во всей Юго-Восточной Азии, да и во многих других районах мира, вплоть до Америки, столь успешно проявляли себя на протяжении веков в качестве весьма динамичной и активной группы торговцев, а затем и удачливых предпринимателей, у себя дома оказывались совсем иными. И если задаться вопросом, что же им мешало, то ответ будет один: мощная государственная машина, т. е. бюрократический аппарат, опиравшийся на веками апробированную конфуцианскую традицию.

Формально эта традиция в XX в. уже как бы не признавалась, а китайский парламент вскоре после синьхайской революции даже принял на этот счет (правда, крайне мизерным большинством) официальное решение, отвергнув конфуцианство как государственную идеологию. Но реально традиция продолжала функционировать, время от времени даже весьма активно и демонстративно. Именно она лежала в основе поведения китайского крестьянства — того самого, которое накладывало наиболее заметный отпечаток на весь ход событий в Китае

в первой половине XX в. и привело, в частности, к победе КПК. И когда весь мир с удивлением следил за гигантскими социальными экспериментами Мао, стремившегося вогнать огромную страну в коммунистическую казарму, в самом Китае все это воспринималось несколько иначе, ибо пусть не во всем, но в целом вписывалось в привычные нормы поиска социальной справедливости, государства высшей гармонии, управляемого обладающим харизматическим авторитетом великим мудрецом... Иными словами, традиция и здесь если формально и не вышла на передний план, то подспудно оказывала свое едва ли не решающее воздействие, причем традиция в ее полном объеме, включая не только конфуцианство, но и даосско-буддийский ее полюс со всей свойственной ему мистикой и магией, столь хорошо заметными на примере культа самого Мао.

И все-таки, учитывая все сказанное, нельзя не видеть и другого: в ходе длительного и болезненного приспособления старого Китая к новым условиям существования в стране многое менялось. Новые, в том числе заимствованные извне институты, нормы, стереотипы поведения постепенно усваивались, пусть порой в весьма трансформированном виде. Менялась традиционная система образования, ориентированная теперь на европейские стандарты. Это влекло за собой изменения в образе жизни и мышления новых поколений грамотного и образованного слоя людей, по-прежнему традиционно управлявших страной. Развивались города, превращаясь в центры современной промышленности и культуры. Экономика Китая, несмотря на все потрясавшие ее войны и революции, деструктивные социальные катаклизмы и эксперименты, не только не разваливалась, но даже постепенно укреплялась, что во многом достигалось за счет упорства и трудолюбия, организованности и дисциплины, традиционной культуры труда населения. Развивалась инфраструктура современного типа. Словом, традиционно практичный и прагматичный Китай как бы интуитивно, порой вопреки его признанным лидерам, усваивал все то полезное, что могло пригодиться для последующего процветания страны. И пусть этот процесс усвоения был непоследовательным и противоречивым, пусть он то и дело встречал яростное сопротивление как со стороны традиции, так и в лице экспериментаторов вроде Мао, тенденция все же ощущалась.

Словом, традиционный Китай не был, начиная с середины XIX века, закрыт для перемен. Напротив, он, несмотря на мощный пласт традиционного фундамента, был открыт для трансформации, которая и составляла едва ли не главное внутреннее содержание развития страны за последние теперь уже почти полтора века. Но, в отличие от Японии, Китай был не столько даже более сильно скован традицией, сколько просто по-другому ориентирован и ограничен ею. Сила государства и бюрократической власти, помноженная на веками отработанную технику управления, опирающаяся на многотысячелетнюю общепризнанную традицию, не могла быть сломлена с легкостью, тем

более что речь шла не столько о ломке одряхлевших институтов, сколько о крушении привычных стандартов бытия, о радикальной трансформации столетиями воспитывавшегося социального сознания. Неудивительно поэтому, что прагматичный Китай воспринимал, причем весьма избирательно, из потока нахлынувшего в страну нового именно то, что было ему наиболее близко и понятно, что хоть как-то вписывалось в хорошо знакомые ему нормы, порядки и ценности. Неудивительно и то, что все новое в китайских условиях привычно трансформировалось и приспособлялось, обретая несколько иные формы, а порой и иное содержание, будь то промышленное развитие или идеи социализма.

Существенно и еще одно важное обстоятельство. Китай не стал, да и не мог стать легкой добычей колониального капитала. Вовсе не случайно также и то, что в отличие от Индии эта страна оказалась не по зубам державам, включая и агрессивную Японию. Здесь вновь сказалась сила традиции: можно, иногда даже сравнительно легко, завоевать империю, но практически невозможно быстро и с легкостью трансформировать ее. Китай не раз бывал завоеван — но при этом всегда оставался Китаем, тогда как завоеватели неизменно окитаивались. Практически это значит, что колониальные державы не могли рассчитывать на превращение Китая в колонию, в чем с наибольшей определенностью убедились японцы в 30—40-е годы XX века. Но при всем том столетие колониальной экспансии не обошлось Китаю дешево. Конечно, страна многое получила за счет навязанных ей едва ли не силой идей и институтов и в конечном счете сама стала ориентироваться на европейские стандарты в экономическом и социально-политическом развитии. Однако все это шло не просто на фоне яростного внутреннего сопротивления традиционной структуры, а в условиях почти непрерывной борьбы, в том числе вооруженной, ослаблявшей Китай и то и дело вновь ввергавшей его в состояние глубокого кризиса.

Все вышесказанное — от состояния перманентного кризиса, длившегося едва ли не столетие, до потрясших страну гигантских экспериментов Мао, стоивших ей столь дорого, — было в некотором смысле той весьма высокой ценой, которую Китай был вынужден заплатить за процесс структурной трансформации и приспособления, болезненный, но жизненно необходимый ради самосохранения страны и народа в новых условиях существования. Что же касается внутренних потенций для подобного рода трансформации, то именно в Китае, как и во всей зоне ориентированной на Китай дальневосточной цивилизации, они реально существовали едва ли не в большей степени, чем в любом из других неевропейских регионов, не исключая, пожалуй, и Латинской Америки. Подробнее об их сути речь пойдет в следующей главе. Пока же весьма целесообразно продемонстрировать аналогичные и во многом родственные им потенции на примере соседней с Китаем и дочерней по отношению к нему в цивилизационном плане Японии.

Феномен Японии

То, что обошлось Китаю так дорого, Японией было достигнуто с завидной легкостью, причем оказалось для нее лишь неким стартовым уровнем, в довольно скором времени не просто превзойденным, но и оставленным далеко позади. Япония — единственная из неевропейских стран, чье развитие уже к рубежу XIX—XX вв. позволило ей не просто сравняться с ведущими европейскими державами, но и стать одной из наиболее влиятельных и успешно развивающихся капиталистических стран мира. Так в чем же разгадка феномена Японии?

Конечно же, речь должна идти о сложном комплексе причин, об уникальном стечении благоприятных условий и обстоятельств, определивших успех Японии в те весьма неблагоприятные для развития неевропейского мира десятилетия активной экспансии европейских держав, которые ознаменовали собой колониальный раздел мира и насильственное втягивание внутренне не готовых к этому стран в жесткие сети мирового капиталистического хозяйства. Внешне, по сути своей, ситуация была в принципе одинаковой для всех, хотя каждая из стран Востока переносила ее по-своему и имела собственную судьбу, как правило, весьма незавидную. Исключением оказалась Япония, так что неудивительно, что ее судьба заслуживает особого, специального анализа.

Япония, как и Китай, «открывалась» капиталистической Европой дважды. Первый раз это было в XVI в. и сопровождалось знакомством с христианской (католической, преимущественно в ее иезуитской модификации) религиозной культурой и с достижениями европейской науки и техники того времени. Второй раз — после длительных веков «закрытия» страны и официальных ограничений на сношения с Западом. Интенсивные контакты начались лишь в середине XIX века. Однако, в отличие от Китая, изоляция Японии от европейского мира не только не была абсолютной (абсолютной она не была и в Китае), но и не сопровождалась высокочисленным официальным отторжением всего иноземного, демонстративным пренебрежением по отношению к нему. Напротив, японцы, привыкшие перенимать у других народов (прежде всего из Китая) все полезное и пригодное для собственного развития и не видевшие в том ничего для себя зазорного либо унижительного, активно продолжали следовать этому весьма благоприятному для себя принципу и в период формального закрытия страны от влияний Запада. Более того, именно на протяжении веков «закрытия» продолжались энергичные контакты японцев с господствовавшими в юго-восточно-азиатском регионе голландцами, а результатом подобных контактов оказалось достаточно широкое и энергичное распространение в Японии достижений западной науки и техники, получившей наименование «голландской науки» (рангаку). Можно, таким образом, сформулировать первое из благоприятных обстоя-

тельств, способствовавших формированию феномена Японии: это веками воспитанная склонность к активным полезным заимствованиям извне при отсутствии столь характерного для Китая почитания собственной мудрости и пренебрежения к представителям иных культур.

Островное положение Японии, обусловившее периферийность статуса этой страны в системе дальневосточной цивилизации и вызвавшее к жизни только что упомянутую склонность к полезным заимствованиям, имело своим следствием и еще одно немаловажное обстоятельство, а именно — особую роль торговли и мореплавания (вспомним о той роли, которую то и другое в свое время сыграло в судьбах финикийцев и древних греков). Вообще-то формально торговцы в Японии, как и в Китае, занимали приниженное положение: среди официально признанных сословий (самураи — крестьяне — ремесленники — торговцы) им принадлежало последнее место. Но тем не менее реальный статус торговцев был более предпочтительным, нежели в Китае, так как их поддерживали заинтересованные в развитии своих княжеств всесильные даймё. Эти последние не только предоставляли соответствующие льготы своим городам и их торговому люду, но и заботились о развитии морской торговли. Слабость же централизованной власти и специфика сёгуната как системы, ориентированной прежде всего на поддержание военной силы и сохранение статус-кво во взаимоотношениях с влиятельными даймё, объективно способствовали тому, что торговля и мореплавание в позднесредневековой Японии были чем-то вроде частного предпринимательства, находившегося под верховной опекой заинтересованных в этом князей. Еще раз можно напомнить, что нечто похожее было в эти же века и во взаимоотношениях Китая со странами южных морей, где активно действовали китайские торговцы. Но если китайцы были при этом формально не связаны с властями империи и даже как бы официально исключались из сферы их внимания, то с японцами дело обстояло иначе. Менее многочисленные и более тесно связанные с родными местами, они находились под покровительством своих даймё, что уже в XVII в. привело к возникновению в Японии богатых торговых домов, в том числе знаменитых впоследствии Мицуи и Сумитомо.

Именно через посредство связей такого рода торговцев с внешним миром осуществлялись, в частности, и контакты с голландцами, проникали и заимствовались достижения европейской науки и техники. Этот важный фактор, сыгравший свою серьезную роль в появлении феномена Японии, следовало бы в общих чертах охарактеризовать примерно так: торговля и мореплавание японцев, имевшие — как и в случае с китайцами в те же века и в том же регионе — характер частнопредпринимательской деятельности, опирались в своем развитии на активную поддержку со стороны власти имущих в Японии, что

не могло не сыграть определенной роли в укреплении формального и, главное, реального статуса торговцев в этой стране.

Итак, японские торговцы и покровительствовавшие им князья вели частнопредпринимательскую по характеру активную внешнюю торговлю и заимствовали достижения западной (голландской) науки и техники — прежде всего те из них, которые способствовали развитию все той же торгово-предпринимательской хозяйственно-экономической деятельности, включая плантационное хозяйство, горнодобывающие промыслы и металлургию, судостроение, изготовление оружия. Те же отрасли экономики развивались и усилиями централизованной власти, сёгуната, т. е. были объектом внимания со стороны государства и являли собой неотъемлемую часть государственной экономики, хорошо известной в традиционной Японии, как и на всем Востоке. Однако существенная разница была в том, что, по сравнению с Китаем, государство в Японии было несколько иным, причем эта разница в конечном счете была в пользу частнопредпринимательского начала.

Как о том уже шла речь, в Японии по ряду причин не сформировалась гражданско-бюрократическая система власти с соответствующим аппаратом чиновников, который рекрутировался бы по китайской модели с помощью системы экзаменов. Альтернативой здесь оказалась система военной власти в форме сёгуната, где функции чиновников исполняли в основном самураи, воины-рыцари с характерным для них кодексом воинской доблести и рыцарского долга (бусидо). Восходя по основным параметрам к китайской традиции (верность долгу чести, преданность господину, почтение к старшему, культ добропорядочности и готовность отдать жизнь во имя соблюдения священных принципов и норм поведения), кодекс самураев бусидо лишь внешне соответствовал требованиям конфуцианства. По сути же он уводил самураев в сторону выполнения ими военной и военно-феодальной функции, что вполне соответствовало реалиям Японии, но кардинально отличало ее в этом смысле от Китая. Практически это означает, что в Японии не сложилось всеобъемлющего государства с его тотальным контролем над населением — того самого государства, которое в Китае сковывало китайских торговцев и позволяло им развешивать их возможности лишь там и тогда, где и когда сильной опеки государства не ощущалось, т. е. вне Китая, в тех же странах южных морей. Отсутствие такого государства в Японии сыграло важную роль в успехах этой страны, особенно после реставрации Мэйдзи, когда молодое, буквально на глазах создававшееся государство во главе с императором не только не было обременено многовековыми традициями бюрократизма со всеми свойственными ему пороками, включая косность и коррупцию, но напротив, было широко открыто для полезных заимствований. Именно эти заимствования, хлынувшие потоком в конце XIX в., во многом способствовали созданию государственного аппарата на принципиально новых началах, включая европейские принципы конститу-

ционной монархии, гражданского общества, демократической процедуры и т. п.

Как о том уже говорилось, Япония в годы энергичного натиска колониализма оказалась в условиях национального подъема, быстрого роста и внутреннего развития, что выгодно отличало ее от подавляющего большинства других стран Востока, которые находились в эту пору в состоянии упадка, столь облегчившего колонизаторам осуществление их целей. Если прибавить к этому, что скудные природные ресурсы не делали в глазах колониальных держав Японию привлекательной, то на поверхность выступит еще один важный фактор, сыгравший свою роль в феномене Японии: эта страна в силу ряда причин оказалась как бы вне пристального внимания колонизаторов. Разумеется, со временем европейские государства приобрели свои позиции в экономике Японии, но не их усилиями здесь осуществлялся процесс энергичной внутренней трансформации традиционной структуры. Он осуществлялся усилиями молодого ориентировавшегося на европейские стандарты государства, проводившего ряд радикальных реформ, а также стараниями весьма подготовленных к упомянутой трансформации торгово-промышленных кругов, немалое место в ряду которых заняли и вчерашние даймё, и самураи.

Что же касается нового японского государства, пришедшего на смену многовековому сёгунату, то о нем тоже стоит сказать несколько слов. Это было для Востока действительно необычное государство. Не имевшее в прошлом собственных традиций и готовое идти на разрыв с этим прошлым (с системой сёгуна), японское государство сознательно ориентировалось на иные стандарты, на заимствования с Запада. Это, в частности, проявилось в его отношениях с частнопредпринимательским сектором народного хозяйства. Если во всех без исключения странах Востока традиционное государство стремилось сосредоточить в своих руках контроль над трансформирующейся экономикой, строить новые промышленные предприятия и вообще управлять хозяйством страны, то в Японии дело обстояло совершенно иначе. Распродажа государственных предприятий в руки частных фирм была важным сигналом, свидетельствующим о том, что японская империя вполне сознает преимущества и экономическую эффективность именно частнокапиталистической формы управления экономикой и что государство не только легко смирилось с потерей им контроля над бурно развивающейся экономикой страны, но даже и весьма удовлетворено этим процессом, готово активно ему содействовать. Главными же функциями японского государства с конца XIX века стали те, что характерны именно для государства западного типа — функции политические, т. е. осуществление политики, в которой заинтересованы прежде всего господствующие классы и социальные слои новой Японии. И в этом пункте пора перейти к еще одному важному фактору, определившему не только феномен Японии как таковой, но и облик

японской империи, ее агрессивную политику в первой половине XX в., да и в конце XIX в.

Речь пойдет все о той же военной функции, о которой уже упоминалось в связи с оценкой статуса и позиций самураев в традиционной Японии. Откуда в Японии столь сильная и развитая военная традиция? Почему конфуцианство именно в этом важнейшем для себя пункте — принцип строго централизованной бюрократической гражданской администрации — оказалось вынужденным отступить? Можно было бы представить дело таким образом, что здесь сыграл свою роль основной идейный соперник конфуцианства в Японии — буддизм, на протяжении ряда веков бывший официальной идеологией сёгуната. И в этом есть определенный резон, ибо хорошо известно, что буддизм в его специфически-японской форме дзэн-буддизма (вариант китайского чань-буддизма) сыграл весьма существенную роль в воспитании поколений самураев, проходивших выучку в дзэнских монастырях с их суровой ориентацией на дисциплину и повиновение наставнику. Но если даже так, то нельзя отделаться от мысли, что сам буддизм, столь невоинственный по своей сути, по доктринальной его основе, стал воинственным именно в условиях Японии. Почему же?

Видимо, здесь решающую роль сыграли исторические условия становления Японии как государства, расчлененность страны на острова и постоянная политическая вражда влиятельных сил при общей слабости власти центра. Как бы то ни было, но все это способствовало выходу на передний план военной функции в ее столь специфической для Японии военно-феодальной форме, во многом сходной с Китаем времен Чуньцю или со средневековьем в Европе. Принципы воинской доблести веками оттачивались, достигнув совершенства в виде упоминавшегося уже кодекса бусидо, свода норм поведения самурая (вплоть до харакири). Не исчезли они и после реставрации Мэйдзи.

Конечно, ликвидация сёгуната и реформы японской армии сыграли свою роль. Однако дух бусидо не ушел в прошлое. Напротив, с выходом на передний план находившейся до того в состоянии упадка национальной японской религии — синтоизма (вариант китайского даосизма) — с ее культом императора как потомка богини Аматерасу воинский дух японцев как бы обрел новое содержание: все воины страны, в том числе вчерашние самураи и их потомки, ставшие офицерским корпусом новой армии, должны были быть готовы умереть во имя величия новой Японии и ее императора. Отсюда — тот самый дух милитаризма, та откровенная агрессивность, которые стали проявляться во внешней политике Японии по мере развития экономической и прежде всего военно-экономической базы этой страны в конце XIX века.

Выйдя на просторы континентальной Азии, капиталистическая Япония с конца XIX в. и особенно в первой половине XX в. стала

откровенно демонстрировать не столько свои экономические успехи, хотя они были весьма заметными, и даже не столько свои заимствованные у европейцев формы организации государства и общества — хотя именно это в первую очередь привлекало симпатии многих реформаторов и революционеров разных стран Азии, в первую очередь китайских, — сколько средневековую по уровню жестокости воинскую традицию, нормы которой сводились к безжалостному уничтожению не только побежденных воинов, но и гражданского населения в завоеванных странах, как то было особенно заметно на примере Китая. Неизвестно, сколь далеко завел бы Японию этот ее питавшийся традицией агрессивно-милитаристский дух и соответствующая внешняя политика, если бы не поражение страны во Второй мировой войне, которое послужило исходным пунктом трансформации страны и своего рода завершающим ключевым аккордом в том процессе, который можно назвать феноменом Японии.

Поражение Японии привело, как упоминалось, к коренной ломке внутренней структуры общества. Окупационные власти США во главе с генералом Макартуром и его командой немало сделали для того, чтобы привить японцам буржуазно-демократические нормы поведения и заодно вытравить тот милитаристский дух, который сыграл свою роль в предшествующие поражению десятилетия. Результатом этих преобразований явился выход на передний план тех стандартов и характерных черт японского образа жизни, которые в итоге и обусловили бурное процветание страны во второй половине XX в. Речь идет о возрождении традиций, гармонично сочетавшихся с теми необходимыми заимствованиями, без которых эффективное функционирование капитализма невозможно.

В отличие от Китая, длительное время относившегося к заимствованиям осторожно и весьма отрицательно, Япония решительно взяла те из них, которые были для нее в новых условиях жизненно необходимы и способствовали дальнейшему развитию либерально-демократических правовых и политических норм, процедур и гарантий существования собственника. Развитие в этом направлении в конечном счете — уже в наши дни — привело к индивидуализации молодого поколения страны (феномен, вызывающий немалую озабоченность в современной Японии), а его возможные деструктивные последствия были в немалой степени компенсированы традиционной коллективистской этикой, конфуцианским патернализмом. Сочетание заимствованного и своего в японских условиях оказалось достаточно гармоничным: японская фирма действует на рынке как собственник, но в то же время представляет собой нечто вроде традиционной социальной корпорации, построенной на принципе патернализма и взаимной поддержки низших и высших во имя успеха общего дела, т. е. процветания фирмы.

Японское государство, будучи вынужденным решительно отказаться от агрессивной внешней политики, энергично переключило свою активность на поддержку экономической деятельности фирм, в свою очередь выступая по отношению к ним все в той же привычной функции всеобщего отца в рамках патерналистских взаимосвязей. И это опять-таки оказалось не только гармоничным, но и экономически весьма эффективным: не вмешиваясь в экономику непосредственно, государство всемерно содействует ее процветанию, разумно перераспределяя при этом в интересах общества в целом получаемые от упомянутого процветания огромные доходы. Демилитаризованные потомки японских самураев, приобретая необходимую подготовку и навыки, заняли свое место в рядах служащих все тех же фирм («самураи с портфелями», как их нередко называют) и соответственно переключили свою активность в производящее конструктивное русло. Во многом восходящее к традиционной конфуцианской дисциплине, культуре и этике труда поведение рабочих, гораздо более склонных к искреннему сотрудничеству с фирмой, нежели к борьбе с ее верхушкой во имя отстаивания своих прав, тоже вносит немалый вклад в процветание страны. Словом, радикальная переориентация японской активности в мирное русло дала бесценные плоды, превратив современную Японию в передовую по многим параметрам страну, включая самые престижные и наукоемкие современные отрасли производства, новейшую технологию, социально-психологический комфорт.

Разумеется, у современной Японии есть свои проблемы. Но феномен Японии важен в том отношении, что он как бы высвечивает внутренние потенции эволюции, которые были в определенной степени свойственны всей дальневосточной цивилизации и обязаны своим существованием специфической мировоззренческой и социально-этической ориентации, сложившейся еще в древнем Китае и развитой затем конфуцианством. В том, что дело обстоит именно так, убеждают сами японцы с их опытом, навыками, дисциплиной, с их заимствованной от конфуцианства (и не деформированной буддизмом или синтоизмом) этикой труда и быта, практикой патернализма. В этом же убеждают современные темпы и особенности развития ряда других стран конфуцианского культурного круга, от Сингапура до Кореи, да и неслыханные темпы преобразований и развития в современном Китае. Ничего похожего не в состоянии продемонстрировать другие регионы неевропейского мира, включая и Латинскую Америку. Не представляют исключения в этом смысле и страны, разбогатевшие на нефтедолларах, чьи успехи во многом основаны на труде наемников из других регионов, в том числе и с Дальнего Востока (имеются в виду, в частности, корейцы).

Трансформация Востока в период колониализма (теоретический анализ и сравнительное сопоставление)

Глава 16

Колониальный капитал и традиционный Восток

Сильное экономическое, а затем и политическое давление колониальных держав, включая и прямые военные захваты, сыграли роковую и решающую роль в судьбах Востока. Практически каждая из стран Азии и Африки (это в той или иной мере коснулось и всего остального неевропейского мира) оказалась втянутой в мировой рынок, поставленный на службу капиталу, и уже хотя бы в силу этого подверглась заметной внутренней трансформации. Изменялось многое: и характер производства, и его объем, и связанные с ним привычные трудовые навыки, и образ жизни значительной части населения, особенно городского, и веками считавшиеся незыблемыми духовные ценности, в том числе отношение человека к обществу, природе, миру в целом, к жизни. Но как именно все это изменялось? Как традиционная структура, в силу необходимости приспособлявшаяся к новым условиям существования, реагировала на вынужденные перемены, сочеталась с теми чуждыми ей структурными элементами, которые были связаны с европейской традицией и без которых колониальный капитал в странах Востока не мог эффективно функционировать?

Для ответа на эти вопросы нужно прежде всего выявить и проанализировать параметры и элементы обеих сопоставляемых структур, европейской и традиционной восточной, а также обратить внимание на связывающие эти структурные элементы типовые связи и на иерархию упомянутых связей.

Европа и Восток: структурный анализ

Как о том уже шла речь в первой части работы, европейская (античная) модель общества сложилась на основе ранней модификации восточной, бывшей в то отдаленное время единственной исходной структурой для развития цивилизации и государственности. Можно спорить на тему о том, были ли в Греции до реформ Солона структуры,

в чем-то близкие к ней (например, крито-микенская), но несомненно, что эти предшественники гораздо ближе к типичной для ранних восточных обществ структуре, нежели к античности. Иными словами, античная Греция складывалась на фундаменте, подготовленном ранними политическими структурами восточного типа. Общность исходного фундамента — даже при условии радикальных изменений, которые имели характер социальной мутации и вызвали к жизни феномен античности, — означает существование какого-то минимума общих исходных элементов структуры. Попробуем вычленировать их.

Прежде всего, это производительное хозяйство на базе достижений неолитической революции и ранней металлургии, знакомое с избыточным продуктом и, как следствие этого, с разделением труда, обменом общественно полезной и необходимой для общества деятельностью, с восходящими к реципрокным связям первобытности принципами обязательного взаимообмена продуктами, товарами и услугами в натуральной либо товарно-денежной форме. Формами организации социума являлись община с традиционными свойственными ей элементами самоуправления и политическая организация (надобщинная структура) с тенденцией к превращению ее в более или менее развитое государство, как централизованное, так и децентрализованное, вплоть до города-государства, полиса. Оба типа социума были знакомы с неравноправием различных категорий населения, вплоть до бесправия чужаков-рабов, и, следовательно, с эксплуатацией чужого подневольного труда, хотя степень и формы неравноправия и эксплуатации во многом зависели именно от типа социума. Для каждой из сравниваемых структур была характерна определенная система общественных отношений, соответствующая уровню, образу и принципам жизни коллектива, регулирующая жизнедеятельность общества и контролирующая все стороны его жизни, включая брачно-семейные отношения. Имелась также система жестко фиксированных нормативных установок, санкционированная религией и ставящая своей целью легитимизировать всю систему связей и статус каждого слоя населения.

Общих элементов, как видим, не так уж мало. К тому же они фундаментальны по характеру и значению — обстоятельство, во многом объясняющее привычку не придавать большого значения различиям между Востоком и Западом и связанное с этим стремление втискивать восточные общества и их историю в жесткие рамки европейского стандарта. Однако, при всей своей фундаментальности, эти общие элементы явственно отступают на второй план, как только заходит речь о различиях. Обратим внимание именно на них.

Производительное хозяйство античного общества, связанное с торговлей и мореплаванием, ориентировалось на рынок, было товарным и находилось в руках частных собственников, коллектив которых и составлял гражданскую общину. Она состояла из равноправных, но в имущественном плане неодинаковых граждан, тогда как остальная

(как правило, меньшая) часть населения общины-полиса принадлежала к неполноправным, включая и рабов. На базе традиций общинного самоуправления сложилась политическая организация, государство, считавшееся органом власти коллектива, делом всего общества (лат. *res publica*). Причастность к власти не давала ни материальных выгод, ни привилегий; скорее напротив, это была обременительная, хотя и престижная обязанность. Демократическая процедура выборов обеспечивала регулярную сменяемость стоявших у власти, а правовые гарантии способствовали гражданской защищенности члена общины от посягательств со стороны властей. И хотя античный мир знал не только демократию, но и олигархию, даже тиранию, элементы античной структуры с древности оказались теми несущими конструкциями, на которые опирался каркас общества: понятия и представления о правах, свободах, гарантиях, демократических процедурах, достоинстве гражданина и прерогативах собственника формировали нормы жизни, мировоззрение и всю духовную культуру. Общество безусловно доминировало над государством, а государство было его слугой (или, по Марксу, орудием в руках господствующего класса) — при всем том что на практике бывало разное, особенно в период упадка Римской империи, при господстве императоров типа Нерона или Калигулы.

Структура античного типа подверглась существенной деформации после падения Рима. Германская Европа раннефеодального типа была структурно чуждой ей. Правда, христианизация способствовала усвоению цивилизационного наследия античности, но процесс шел медленно. Только с начала II тысячелетия н. э. во многом благодаря развитию городской жизни и городских республик (Венеция, Флоренция, Генуя, Ганза и пр.), где в силу необходимости элементы античной структуры с их правами и гарантиями частного собственника, покровительством торговле и мореплаванию стали выходить на передний план, наследие античности начало усваиваться более быстрыми темпами, которые еще возросли в эпоху Возрождения и в последующие столетия, когда на смену германскому феодализму пришли абсолютистские государства с поднимающим голову третьим сословием, т.е. зарождающимся классом буржуазии. Капитализм в интересующем нас плане структурного анализа — наследник, детище античности, проявивший свои потенции в условиях преодоления феномена феодализма, чуждого ей. Именно он не только возродил основные элементы античной структуры (господство частного собственника, ведущего ориентированное на рынок товарное хозяйство; защищающие этого собственника-гражданина права, свободы и гарантии; конституционное государство с демократическими процедурами и нормами; свобода мысли, развитие наук, искусств и т. п.), но и, опираясь на них, достиг небывалых темпов развития буквально во всех сферах экономики, что к эпохе колониализма создало ему выгодные позиции, особенно по сравнению с Востоком, куда и была устремлена его экспансия.

Восток структурно был во многом противоположен антично-капиталистической Европе, о чем было уже немало сказано. Альтернативой частной собственности здесь была власть-собственность, альтернативой гражданской общины-полиса и демократии, прав и свобод были всемогущее государство с административным аппаратом власти и приниженность, «поголовное рабство» подданных, не имевших представления о свободах и гарантиях частноправового характера, но живших по нормам санкционированного религией обычного права и объединенных при этом в рамки социальных корпораций, растворявших в себе все индивидуально-личностное. Конечно, в обществах Востока, как об этом тоже шла речь, на определенном этапе их развития возникали и частная собственность, и товарно-денежные отношения, и эксплуатация зависимых. Все это, однако, существовало как бы на другом уровне, вне сферы взаимоотношений между государством и его подданными, вносившими ренту-налог в казну. Кроме того, государство, как правило, бывало недовольным, если частный сектор чрезмерно развивался. Для подавления частного собственника использовались, причем весьма успешно, рычаги власти, что превращало частнособственнические отношения не просто во вторичный, но в подконтрольный власти и всецело зависимый от нее сектор народного хозяйства. Собственно, обо всем этом уже шла речь в первой и второй частях работы. Но напоминание об этом имеет свой смысл, как то сейчас станет очевидным.

Дело в том, что было бы неверным недооценивать роль и место, даже жизненно важную значимость сектора частной экономики, о вторичности, зависимости и несамостоятельности которого только что шла речь. Восточная структура как гигантская саморегулирующаяся система отнюдь не случайно всегда сохраняла этот сектор, хотя и держала его под контролем. Здесь нет противоречия. С точки зрения самосохранения структуры, частный сектор нельзя было выпустить из-под контроля, ибо стихия частнособственнического предпринимательства в этом случае грозила не просто немалыми экономическими и социальными потрясениями. Она была в состоянии подорвать структурные основы и тем поставить под сомнение стабильность, даже само существование социума и государства — речь не о создании иной структуры, скажем, капиталистической, а именно об ослаблении существующей и о крушении ее, о гибели соответствующего социума, а то и вообще данного народа. В то же время с точки зрения устойчивости и стабильности сложного и развитого социума и государства частнопредпринимательская активность, этот второй и, в отличие от первого, государственный, необычайно активный, тесно связанный с рынком и товарно-денежными отношениями сектор хозяйства всегда был жизненно важным, необходимым. Почему?

Потому что это своего рода антично-капиталистический механизм в миниатюре. Без прав и свобод, без демократии и конституции, без гарантий и даже в условиях жесткого контроля и повседневного надзора властей частный сектор и в условиях традиционного Востока делал примерно то, что он с несравненно большим успехом делал и делает в античной и капиталистической Европе. Он способствовал нормальному функционированию экономически развитого гигантского социального организма, наполнял его разветвленные кровеносные сосуды, всю систему кровообращения свежей, незастоявшейся кровью. Конечно, чрезмерная активность этого сектора могла привести, как только что упоминалось, к кризису и гибели традиционной структуры — своего рода апоплексическому удару. Примеры тому в немалом количестве даются самой историей, и об этом уже шла речь, особенно в связи с династийными циклами в Китае. Но чрезмерное ослабление рыночного сектора и тем более насильственная его ликвидация чреватые не менее серьезными кризисами и последствиями, что опять-таки показала история на примере того же Китая, правда, в несколько иные времена и при других обстоятельствах, но тем не менее в структурно аналогичной ситуации (речь об экспериментах Мао, попытавшегося было в годы «большого скачка» отменить товарно-денежные отношения).

Сказанное означает, что, помимо общности фундамента, есть и еще нечто общее в структуре Востока и Запада — частный сектор в экономике. Но, если этот сектор на традиционном Востоке исполнял функции, аналогичные тем, которые он осуществлял в Европе со времен античности и до капитализма, то в чем же разница? Разница есть, и принципиальная. Однако она заключена не столько в структуре, хотя в ней несходство кардинальное, сколько в характере и иерархии типовых связей, соединяющих между собой различные элементы и тем придающих структуре тот или иной облик.

Типовыми связями господствующего типа для антично-капиталистической Европы являются рыночные, которые соединяют основные элементы структуры (собственников и производителей, свободных и зависимых, общество и государство) при наличии соответствующих прав, свобод и гарантий как фундамента этих связей, явно господствующих. Есть, конечно, и иные — семейные, клановые, сословные, властные связи, причем временами, особенно на первом этапе феодализма в Европе, они весьма давали о себе знать, порой даже выходя на передний план. И все же в целом для антично-капиталистической Европы была всегда характерна именно только что описанная иерархия связей: на первом плане рыночные, опосредованные частной собственностью, на втором — все остальные.

Совершенно иная иерархия связей на традиционном Востоке. Связи рыночные, опосредованные не только и даже не столько частной собственностью в ее привычной для Европы форме (недаром Маркс считал отсутствие таковой «ключом к восточному небу»), сколько

многочисленными иными нормами привычных взаимоотношений, на Востоке в любом случае вторичны и второстепенны, при всей их жизненной важности для структуры в целом. На первом месте в иерархии типовых связей здесь находятся иные — те, что опосредованы государством, властью-собственностью и просто властью, господством административного аппарата или аналогичного ему аппарата военно-административного, т. е. системой централизованной редиистрибуции. Речь идет о традиционных типовых связях между социальными низами (производителями) и правящими верхами, независимо от конкретных форм их, вплоть до таких, которые имеют облик варново-кастовых. Второй важный тип связи, характерный для традиционного Востока, это связи корпоративные, сила которых вполне ощутима на протяжении всей его истории, вплоть до наших дней. Сущность таких связей сводится прежде всего к вертикальным патронажно-клиентным связям, необходимым для выживания небольших социумов в условиях произвола власти и отсутствия прав, свобод и гарантий. Этот тип связей тесно переплетается как с первым (официальным, государственным, административным), так и с третьим, опосредованным частнособственническими отношениями. Таким образом, на традиционном Востоке можно зафиксировать определенную иерархию переплетающихся типовых связей. Высшее место занимают официальные, государственные, второе — корпоративные патронажно-клиентные, тесно переплетенные с официальными, а третье — рыночные, тоже, к слову, далеко не свободные, как на Западе, но, напротив, опутанные связями двух других типов.

При всей кажущейся усложненности общая схема здесь предельно проста, как и в Европе. Только там она ясна и сравнительно чиста, стройна, ибо рыночные связи лишь в очень незначительной степени сплетаются и тем более обуславливаются чем-то привходящим, будь то связи других типов (семейно-клановые, сословные, властные, патронажно-клиентные) или вообще любые формализованные и неформальные контакты. Решения диктуются обычно или, во всяком случае, прежде всего жестким законом прибыли, перед которым любые иные расчеты, связи, контакты, интересы и т. п. отходят на задний план, а то и исключаются вовсе. Что же касается традиционного Востока, то именно рынок и прибыль здесь не то чтобы мало ценятся, но в любом случае иерархически подчинены иным ценностям и веками складывавшимся типовым связям, от официально-административных, властных, командных до патронажно-клиентных, семейно-клановых, формализованных и неформальных. Едва ли не все типы связей на Востоке предпочтительнее, нежели товарный рынок и прибыль, как бы отстраненные от людей, от общества, от привычек, интересов и традиций коллектива. Словом, здесь господствует иная, чем на Западе, система общепризнанных ценностей.

Дело, таким образом, не только в отношении к частной собственности и тем более к прибыли, которая, как известно, является признаком прежде всего развитого капитализма. Вопрос следует поставить шире и провести грань между ориентацией на материальную выгоду индивида-собственника в одной структуре и корпоративными связями, коллективизмом, свойственными другой. И речь здесь отнюдь не о предпочтениях либо склонностях. Имеется в виду жесткий закон жизни: либо он на стороне собственника, либо на стороне коллектива, завершающей и высшей формой организации которого является всемогущее государство. Закон, о котором идет речь, — это не только и даже не столько материальные условия бытия, формы организации хозяйства или соответствующие им правовые нормы, права, свободы и гарантии. Это нечто гораздо большее. Это весь стиль жизни, санкционированный веками складывавшейся нормативной практикой, за спиной которой стоит тот самый религиозно-цивилизационный фундамент, которому было уделено специальное внимание в предшествующем изложении. Это именно тот порядок, который гарантирует незыблемость и стабильность данной структуры, того или иного традиционного государства и общества. Поколебать такой порядок крайне рискованно, ибо это грозит структуре кризисом и крушением, не говоря уже о том, что внутри самих традиционных структур практически нет сил, которые были бы столь мощны и опирались на достаточно надежную опору для того, чтобы изнутри взломать традицию. Для этого необходимо было вмешательство извне.

Колониализм на Востоке

Но не всякое вмешательство имеется в виду. Вспомним еще раз тысячелетний период эллинизации, романизации и христианизации Ближнего Востока. Медленно и крайне неэффективно шел здесь процесс преодоления восточных традиций — там, где он все-таки шел. Но что поразительно: стоило исламу начать свое победоносное шествие, как на протяжении жизни одного поколения ситуация решительно изменилась. От западных влияний почти ничего не осталось, если не считать немногочисленных элементов античной духовной культуры, запечатленных на арабском языке и переданных в таком виде европейскому средневековью (в самом мире ислама, как о том уже упоминалось, эти элементы не закрепились).

Пример весьма убедительный. Он наглядно демонстрирует силу традиции на Востоке. Силу эту практически можно было преодолеть только еще большей силой. Поэтому нет ничего удивительного в том, что структурная трансформация Востока началась лишь с эпохи колониализма, да и то не сразу, но только после того, как торговая

колониальная экспансия была заменена промышленной, капиталистической, настоятельно требовавшей для своих нужд расширения рынков сбыта, превращения всего мира в гигантский рынок. Именно сила частнособственнической стихии, безудержно растущей, хорошо организованной и надежно защищенной всей мощью европейских государств, оказалась необходимой и достаточной для того, чтобы взломать защитный панцирь восточной традиции и заставить восточные общества приспособляться к изменившимся обстоятельствам. Выше было показано, как конкретно происходило это в разных регионах Востока. Теперь необходимо дать теоретический анализ этого процесса.

Что происходит с традиционной структурой, когда она подвергается воздействию со стороны колониального капитала? На первых порах, если не поставить преград активности торгового капитала (как то было сделано, в частности, в странах Дальнего Востока в XVI — XIX вв.), идет процесс постепенного усиления того вида типовых связей, который по нашей типологии находился на последнем месте, т. е. связей рыночных. Постепенно, как это происходило наиболее заметно в юго-восточно-азиатском регионе, а затем также в Индии, на Цейлоне, на побережье Африки, чуть позже и в других странах Востока, рыночные связи укреплялись и развивались, причем происходило это не только за счет усиления позиций местных торговцев и подключения к торговым операциям все новых слоев населения, от крестьян до правителей (стоит напомнить, что именно вожди и правители прото- и раннегосударственных образований были чуть ли не главными поставщиками живого товара, как это особенно характерно было для Африки), но и вследствие создания многочисленных торговых форпостов европейцев. Форпосты, о которых идет речь, становились не просто анклавами чужой структуры; сосредоточивая в своих пределах едва ли не всю предназначавшуюся на экспорт торговую массу (а также соответственно импорт, т. е. европейские товары, как ни мало их было), эти центры оказывались гигантскими рынками, причем рынками нового, капиталистического типа.

Практически это означало, что торговые связи на территории форпостов, как и вообще стимулированные колониальным капиталом предприятия, в том числе выращивавшие пряности и иные продукты плантации, реализовывались на иных основах, нежели то было принято в мире восточных традиций. Законы раннекапиталистического рынка со всеми их жесткими нормами, с их откровенным культом удачливого собственника постепенно обретали права гражданства и в некотором смысле, в частности, в сфере торговли, начинали задавать тон. Речь не о том, что нравы на Востоке были мягче или человеческая жизнь стоила дороже. Имеется в виду нечто иное: традиционный Восток столкнулся с незнакомым ему жестким индивидуалистическим поведением собственника (пусть собственники объединялись в компании — все равно они оставались именно частными собственниками, а компании лишь

усиливали их позиции). К этому столкновению он не был готов; от такого контакта он многое терял, причем не столько в материальном плане, сколько во всем остальном, включая ослабление традиционной структуры. Неудивительно, что те государства, что были сильнее, пытались ставить процессу проникновения определенные преграды. Одни закрывали свою территорию для иностранной торговли, другие всячески ограничивали эту торговлю. Однако рано или поздно, путем введения льготных режимов капитуляций либо прямо военными экспедициями типа «опиумных войн» все восточные рынки были открыты для колониальной торговли. Что за этим следовало?

Как упоминалось, вначале торговля носила несколько односторонний характер: восточный экспорт в значительной степени покрывался ввозом европейского (а точнее — американского) серебра. И коль скоро торговля шла однобоко, затрагивая лишь небольшие зоны производства, специально работавшие на экспорт, рынок в странах Востока не был единым. Было как бы два рынка: один по-прежнему обслуживал нужды местного общества традиционными для него товарами и в традиционных формах, тогда как другой, все развивающийся и связанный с европейскими форпостами, был элементом внесенной на Восток и укрепившейся там колониальной капиталистической структуры. Конечно, связь между обоими рынками существовала, причем один из них — капиталистический — все более очевидно питался за счет соков другого, или, иначе, через посредство местного рынка питался соками колонизованного общества в целом. Позже, однако, ситуация стала изменяться.

Капиталистическая Европа все активнее завоевывала восточные рынки за счет экспорта своих товаров, проникавших на местные рынки Востока. Это вело к сближению колониальных рынков-форпостов с традиционными рынками восточных обществ, к постепенному втягиванию части традиционного рынка в операции с капиталистическими товарами. А это, в свою очередь, означало, что законы капиталистического рынка все ощутимее проявляли себя уже не только на территории форпостов, но и на всей территории восточных государств, прежде всего в городах. В тех странах, которые были превращены в колонии ранее других (Индонезия, Индия), такому процессу весьма активно способствовала колониальная администрация, которая на первых порах даже организована была в торговые компании, т. е. вполне откровенно ставила своей целью завоевать рынки. Такая же судьба, безусловно, постигла бы и Африку в XVII — XVIII вв., если бы Африка не была Африкой и тем самым не ограничивала бы реальные возможности колонизаторов тех времен.

На той стадии колониализма, о которой пока что шла речь (торговый колониализм XVI—XVIII вв.), традиционная структура в обществах Востока еще почти не была поколеблена, даже в тех странах, что были превращены в колонии. Правда, в колониях, и прежде всего в

Индии, давление колониализма было уже весьма заметным, а рыночные связи с метрополией вели ко все усиливавшемуся выкачиванию материальных ценностей. Колонизаторы, стремясь укрепиться в колониях и будучи заинтересованными в последующей их рыночной эксплуатации, начинали все более очевидно заботиться о налаживании оптимальной администрации, что и привело, как известно, к ликвидации Ост-Индских компаний. Процесс такого рода был тесно связан с изменением характера колониализма, что в свою очередь было обусловлено становлением в метрополиях развитого промышленного капитализма, заинтересованного в рынках сбыта и источниках сырья. Собственно, именно с этого момента, как о том шла речь в начале третьей части работы, и начинается период колониализма на Востоке в собственном (полном) смысле этого слова.

Промышленный капитализм по-прежнему был заинтересован в развитии восточных рынков, в продаже там промышленных товаров и закупке во все возрастающих количествах сырья. Но для того, чтобы обеспечить удовлетворение бурными темпами возрастающих потребностей в том и другом, следовало столь же быстро наращивать в странах Востока производство сырья (хлопка, каучука, минеральных ресурсов или чего-либо иного) и, главное, превращать все произведенное в товар, т. е. создавать все новые рынки, а точнее — единый всеохватывающий мировой рынок, организованный по капиталистическим стандартам и служащий интересам колониального капитала. А для того, чтобы такой рынок на всем Востоке был создан и достаточно эффективно функционировал, следовало, во-первых, поставить страны Востока в политическую зависимость от европейских капиталистических держав, а во-вторых, создать в этих странах ту инфраструктуру, от банков и предприятий до железных дорог, портов, баз и т. п., без которой рынок нормально существовать не может. К этому следует добавить необходимое количество грамотных и образованных людей, кадровых администраторов, работников банков и предприятий, без которых необходимая новая инфраструктура не в состоянии функционировать. Важно также поставить по-европейски образованных людей, проникнутых европейскими ценностными ориентациями, во главе стран Востока или хотя бы на ключевые социальные, экономические и политические позиции в этих странах.

Как легко заметить из материала предшествующих глав, именно все это и стремились осуществить колонизаторы и в захваченных ими колониях, и в тех странах Востока, от Индии до Средней Азии и от Турции до Китая, которые хоть в какой-либо степени находились от них в зависимости. Но как реагировал на это Восток?

Первой и естественной реакцией побежденной или, во всяком случае, потесненной со своих привычных позиций стороны было стремление приспособиться к новым условиям существования. Для традиционной структуры это означало многое, даже очень многое.

Прежде всего переоценку привычных ценностей при сравнении их с теми, что несли с собой колонизаторы, будь то торговцы или бизнесмены, солдаты или колонисты, миссионеры или администраторы. А сравнивать, конечно, было что. Европейская наука и техника, включая в первую очередь военную, говорила сама за себя. Быстро растущий западный стандарт уровня жизни, непривычные и все завоевывавшие новые позиции конституционно-демократические права, свободы, гарантии, защищавшие не только интересы собственника, но и достоинство гражданина, наконец, плюрализм политической жизни, ограниченная роль религии и санкционированных ею традиций — все это оказало немалое воздействие на социальные верхи Востока. Они были готовы активно сотрудничать с европейцами, жадно перенимали достижения науки и культуры, получали европейское образование и, пользуясь столь же активной поддержкой со стороны колониальной администрации, стремились сотрудничать с ней. Симптомом и проявлением такой позиции были и реформы соответствующего плана как в колониях, так и в иных странах Востока. Реформы XIX в., если взять их в целом, были именно отражением стремления Востока вырваться чуть ли не единым резким рывком из состояния отсталости и в чем-то главным сравняться с демонстрировавшими свое превосходство европейцами.

Европейский эталон в то время был если и не знаменем, то во всяком случае надежным ориентиром для власти имущих. И хотя структура в целом обычно сопротивлялась реформам (олицетворением сопротивления были, как правило, религиозные круги, опиравшиеся на консервативную массу крестьянства), это сопротивление сравнительно легко преодолевалось, особенно в колониях, где политическая власть находилась в руках колонизаторов. Как в колониях, так и в других странах Востока осуществлялись конституционно-демократические преобразования по европейскому образцу, создавались законосовещательные советы или парламенты, начинала реализовываться процедура демократических выборов. Словом, вторая половина XIX в. была в некотором смысле временем надежд на то, что с традиционной структурой Востока справиться сравнительно легко и что в результате ряда реформ и умелой администрации Восток впишется в европейские стандарты или, во всяком случае, легко смирится с той ролью, которую он издавна играл в масштабах мирового рынка, а может быть и добьется большего на пути экономического развития. Иллюзия такого рода во многом объясняется тем, что в XIX в. Восток еще не был пробужден, что от его имени выступали немногочисленные слои социальных верхов, находившие общий язык с колониальными властями.

Ситуация стала изменяться к концу XIX в. и особенно в начале XX в. Меньше всего это было заметно в колониях, где шел непрерывный процесс преобразований, а административная власть была в руках колонизаторов. Правда, и здесь преобразования сопровождалась со-

противлением пробуждавшейся традиционной структуры, все острее ощущавшей свое кризисное состояние и мобилизовавшей силы для самосохранения. Однако, лишенная реальной политической власти традиционная структура в колониях оказывала преимущественно пассивное сопротивление. Зато в тех странах, где политическая власть находилась в руках местных правителей и где вмешательство колониального капитала рассматривалось как вторжение чуждых сил, угрожающих привычному существованию, обстановка накалялась. Не превращенные еще в колонии страны Востока быстрыми темпами пробуждались. Но каков был характер этого пробуждения, наиболее яркое выражение которого олицетворено младотурецкой, иранской и китайской революциями?

Снова обратимся к экономической сути процесса взаимодействия колониального капитала и традиционных восточных структур. В колониях создание промышленных предприятий, банков и всей инфраструктуры шло за счет соответствующей активности колониального, т. е. европейского капитала, и лишь сравнительно небольшая доля частнособственнической активности приходилась на местное население, причем и среди его представителей ведущую роль часто играли представители не коренного населения, а мигранты, как, например, китайцы-хуацяо в Юго-Восточной Азии. Связанная с рынком частнопредпринимательская деятельность, хотя в принципе она и была знакома традиционному Востоку, по-прежнему стояла как бы особняком по отношению к привычной структуре и в гораздо большей степени была элементом капиталистической (т. е. чужой) структуры в данной колонии. В аналогичном положении была и вся созданная колонизаторами и приспособленная для нужд предпринимательской деятельности и мирового рынка система администрации. Хотя и опиравшаяся на местное население, вписывавшаяся в местные реалии, эта администрация тоже была как бы чуждой для большинства населения. Возникал феномен своего рода симбиоза, вынужденного сосуществования. На нижнем уровне (в Индии в общине, в Африке — тоже в общине, но несколько иной по характеру и уровню развития; примерно то же и в других колониях) господствовала традиция с характерными для нее типовыми связями семейно-кланового и корпорационного типа, с патронажно-клиентными отношениями, опутывавшими все другие, в том числе и рыночные, товарно-денежные. На верхнем — колониальная администрация и капиталистические предприятия, работавшие по законам мирового рынка. Где-то посередине одно с другим сосуществовало, традиционные связи сочетались с рыночно-капиталистическими, но ситуация в целом напоминала именно симбиоз, пусть не всегда в чистом виде.

Иначе обстояло дело в политически самостоятельных странах (к их числу следует отнести и те, что формально не были самостоятельными, но обладали весомой автономией, как многочисленные вассальные от

Османской империи арабские государства). Здесь наряду с двумя только что описанными чуждыми друг другу секторами экономики, жившими по различным законам, существовало и нечто третье, как бы соединявшее признаки обоих. Это третье, синтетическое по характеру, — государственное хозяйство. Остережемся именовать описываемое явление госкапитализмом и обратим внимание на суть его. В политически самостоятельных структурах власть и связанная с нею верховная собственность (власть-собственность) традиционно была атрибутом государства, выступавшего в функции совокупного хозяина по отношению к платившим ренту-налог в казну подданным. Функции хозяина сводились к праву на избыточный продукт производителя с последующей его редистрибуцией в интересах структуры в целом и государства как аппарата власти в первую очередь. В условиях, когда в трансформировавшейся под воздействием колониального капитала традиционной структуре появился новый сектор экономики, связанный с мировым рынком и быстро прогрессирующий во многих направлениях, государство от имени общества и во имя сохранения и укрепления существующей и приспособляющейся к новым условиям структуры берет на себя функции совокупного частного предпринимателя и создает государственный сектор ориентированной на рынок промышленной экономики.

Этот третий, протокапиталистический по типу сектор в трансформирующемся восточном обществе (или, если угодно, третий уклад в его хозяйстве) генетически восходит к первым двум, но не похож ни на один из них. Это принципиально новый сектор экономики Востока, возникающий в конце XIX в. и усиливающийся в XX в. По-разному выглядит он в Турции, Иране, Китае или Японии, но везде суть его одинакова: государство традиционно берет на себя функции генерального субъекта в системе производства, выступает в качестве предпринимателя и в то же время представителя общества, гарантирующего стабильность структуре в целом. Риск неудачи тем самым сводится до минимума (момент конкуренции — одно из наиболее уязвимых мест для тех, кто к ней не привык), но соответственно резко уменьшается и средняя экономическая эффективность сектора в целом и всех его предприятий в частности. Неэффективность государственного протокапиталистического хозяйства объясняется многими факторами и причинами (незаинтересованность обеспеченной гарантированным окладом государственного жалования администрации, неповоротливость на рынке, отставание в темпах модернизации и т. п.), но прежде всего тем, что это хозяйство опутано теми самыми типовыми связями традиционного восточного общества, о которых уже шла речь, т. е. связями первых двух типов — официальными государственными и патронажно-клиентными. Эти связи не просто искажают рыночно-капиталистический тип отношений, они делают государственную экономику современного типа не только неконкурентноспособной, но

обреченной на отставание от капиталистической. Какую же роль сыграл сектор государственного протокапиталистического хозяйства в судьбах традиционного Востока?

Восток после пробуждения (XX в.)

В первом-втором десятилетиях нашего века, по свежим следам революций в ряде неколониальных стран Востока, многое казалось в иной перспективе. Революционеры, стоявшие у истока соответствующих революций, предпринимали очередное отчаянное усилие с тем, чтобы вырвать свою страну из пут отсталости и традиционной косности, чтобы резким рывком изменить характер власти, всю систему администрации, веками господствовавшие социальные и политические связи и, заимствуя у развитого капиталистического Запада многие из его идей и институтов, не просто резко ускорить, но и кардинально изменить характер и направление развития. Как известно, иранская революция потерпела поражение, а младотурецкая и синьхайская победили. Но парадоксален тот факт, что далеко идущих и различных по значению последствий эта разница не имела, ибо и победившие революции к подлинному пробуждению (если иметь в виду под этим термином преобразование традиционных порядков быстрыми темпами, да к тому же с ориентацией на европейские стандарты, идеи и институты) не привели. Правда, победившие революции вызвали к жизни следующие (кемалистскую — в Турции, гоминьдановскую — в Китае), несколько более радикальные и результативные, но и в этом случае следует говорить не столько о пробуждении всей страны, всего народа, сколько об определенной поляризации сил, характерной для всего Востока в XX в.

Дело в том, что реформы и революционные преобразования шли в основном сверху, порой осуществлялись силами революционной армии, но при этом далеко не всегда встречали понимание и признание со стороны низов. Создавалась парадоксальная ситуация: преобразования будили страну, а разбуженный народ не понимал и не принимал их, что привело в конечном счете в Китае к массовому антирыночному, антикапиталистическому крестьянскому движению, возглавленному КПК, а в Иране — к не менее массовой и такой же по характеру исламской революции 1978 г. В странах, где массовые движения не были характерны, эквивалентом их было пассивное сопротивление преобразованиям или навязываемым колонизаторами порядкам; там, где это было привычной нормой (в частности, в Индокитае), сопротивление принимало характер мощных народных движений. Ситуация совершенно очевидная: крестьянские массы преобразований по бур-

жуазно-демократическому стандарту не желали, причем это было общей нормой.

Подытожим сказанное. Структурно трансформирующийся в период колониальной экспансии европейского капитала и соответствующего ему цивилизационного и частного правового стандарта Восток заметно изменился. Наряду с традиционным сектором его экономики, олицетворенным крестьянством и опутанным привычными типовыми связями, появились два новых — колониально-капиталистический, свободный от традиционных типовых связей и ориентированный на мировой рынок, и государственный, созданный по образцу колониально-капиталистического, но опутанный традиционными типовыми связями. Приспособление трансформирующегося Востока к изменяющимся обстоятельствам шло за счет двух новых сил и связанных с ними секторов хозяйства, т. е. за счет колониального капитала и государства. Основной силой сопротивления были традиционный сектор и связанные с ним крестьянские массы. Постепенное ослабление позиций колониального капитала, во всяком случае его политических позиций в зависимых странах и деколонизация колоний привели в середине XX в. к тому, что основная тяжесть в решении нелегких экономических проблем легла на государство, выступившее в некотором смысле в качестве преемника колониального капитала — преемника не только в смысле политической власти, но во многом и в плане экономическом.

Перед государством и государственным протокапиталистическим сектором экономики в деколонизованном Востоке середины XX в. оказалась сложная задача: как наилучшим образом добиться желаемых преобразований, быстрых темпов развития? Конечно, перед всеми странами Востока был уже эталон, на который можно было бы равняться, т. е. Япония. Но она оказалась эталоном не для всех. Главным препятствием при поисках оптимальных возможностей для развития оказалось все то же несоответствие стандартов или, говоря проще, нежелание и неподготовленность основной части населения большинства стран Востока, особенно Африки, к тем радикальным структурным переменам, которые необходимы для ускорения развития. Естественно, что в этих условиях государство вынуждено было брать на себя основную долю усилий в области промышленного развития и всей экономической модернизации той или иной страны. Но практически это означало, что трансформирующиеся страны Востока оказались лишенными главного фермента, ускоряющего развитие: частно-собственнического (капиталистического) сколько-нибудь развитого сектора экономики и пользующейся всеобщим престижем частнопредпринимательской деятельности. То и другое оставалось неразвитым.

Итак, трансформация пробужденного Востока вынужденно сводилась прежде всего к укреплению позиций традиционного государства. В колониях оно было возрождено после деколонизации, в зависимых странах стало укрепляться в процессе реформ и революционных пре-

образований. И хотя сформировавшиеся таким образом государства в разных странах Востока были весьма различными, хотя каждое из них соответствовало веками складывавшейся традиционной нормативной культуре общества, исконному религиозно-цивилизационному фундаменту, а также обстоятельствам, вызвавшим его к жизни, все они в целом имели и нечто общее, функционально обусловленное. Этим общим была традиционная государственная система хозяйства. Разумеется, государственная протокапиталистическая экономика XX в., о которой идет речь, отличалась от того, что было характерным для доколониального Востока (характеристика традиционной государственной системы контроля над экономикой была дана в первых частях работы, что избавляет от необходимости вновь вести о ней речь). В новых условиях колониализма и тем более после обретения независимости и деколонизации государственное хозяйство стало иным, сохранившим в себе признаки как традиционного, так и рыночно-капиталистического, о чем только что шла речь. Это означает, что наряду с простым симбиозом двух чуждых друг другу секторов хозяйства, что было характерным для колониального мира на ранних этапах его существования, появлялся сектор хозяйства, являющий собой как бы синтез прежде чуждых друг другу структур.

Проблема синтеза, поднимаемая в последние годы специалистами для объяснения феномена современного Востока, отнюдь не проста и не однозначна. Существуют различные трактовки этого феномена, но чаще всего речь идет отнюдь не о полном и тем более не о гармоничном синтезе своего и чужого. Конечно, в ряде случаев, будь то развитые государства дальневосточного региона или процветающие разбогатевшие арабские монархии, синтез более или менее очевиден, порой, как японский, гармоничен. Но в большинстве случаев можно говорить лишь о вынужденном синтезе, неполном и уродливом, т. е. все о тех же попытках традиционного восточного государства взять на себя роль хозяина, собственника, предпринимателя. Государство на Востоке всегда выступало в функции хозяина и собственника. Но одно дело выполнять эти функции в условиях медленно развивающегося или даже почти не развивающегося, ограничивающегося простым воспроизводством традиционного общества и совсем другое — вступить в соревнование с капитализмом и попытаться добиться быстрых темпов развития, сопоставимых с капиталистическими. В невыполнимости этой задачи как раз и заключается уродливость, неполноценность вынужденного синтеза: государство не в силах справиться с бременем, которое на него легло. И это не может не сказаться на результатах, т. е. на процессе развития. Хотя, как о том будет идти речь в следующей главе, и здесь все далеко не однозначно: не все традиционные структуры Востока имели равные тенденции и возможности их реализации в процессе развития.

Факторы и потенции трансформации

Если в предыдущей главе речь шла преимущественно об элементах структуры и соединявших их между собой типовых связях, а также об определенных переменах в характере и иерархии связей в ходе трансформации восточных обществ в период колониализма, то теперь задача будет несколько иной. Какие именно конкретные факторы влияли на процесс трансформации отдельных стран или групп (блоков) стран Востока? Каковы внутренние потенции упомянутой трансформации? Иными словами, теперь речь пойдет о том, как общие принципы проявляли себя в каждом особом случае. Но прежде, чем перейти к сравнительному сопоставлению и соответствующим оценкам, необходимо четко сформулировать, о чем именно пойдет речь.

Факторы и обстоятельства, влиявшие на процесс трансформации

Итак, структурно традиционные общества Востока отличны от европейских; на переднем плане у них — иные типовые связи; в иерархии типовых связей последнее место занимают те (рыночные, товарно-денежные, безличностные), которые доминируют в антично-капиталистической Европе, причем и этот вид связей представлен здесь не в чистом виде, как в Европе, — он опутан связями остальных типов, более весомых и значительных для традиционных структур. Первоначальные контакты колониального капитала с традиционным Востоком не смогли преодолеть структурные различия и привели к феномену симбиоза. Позже, однако, промышленный колониальный капитал, поддержанный политической силой держав, взломал защитный панцирь традиций и принудил Восток к трансформации. Как же трансформировался Восток и от чего именно зависели формы, темпы и конечные результаты его трансформации?

Среди многочисленных факторов и обстоятельств, сыгравших при этом свою роль, можно вычленировать три основные группы их, о которых теперь и пойдет речь.

Группа первая: внешние факторы. К их числу следует отнести природно-климатические, экологические, о значимости которых уже шла речь в связи с оценкой феномена Африки, а также первоначальную экспансию колониального капитала. Имеются в виду как жаркий климат тропической зоны, так и соответствующие условия жизни, в том числе непроходимые джунгли, пустыни. Можно напомнить и о суровых условиях вне тропиков, в том числе о горных долинах Кавказа

и Афганистана. Совершенно очевидно, что образ жизни живущих в суровых природно-климатических условиях этнических общностей зависит от этих условий. Это касается и кочевников, как знаменитых арабских бедуинов, так и представителей иных этноязычных групп Азии и Африки. Именно зона обитания делает кочевников кочевниками, но она же при этом и ставит определенные пределы их развитию — пределы, не выходящие за рамки прото- и раннегосударственных образований, за рамки самой начальной стадии формирования цивилизации и государственности.

Другой аспект природно-климатического фактора — природные ресурсы, как минеральные (нефть и т. п.), так и растительные (пряности, хлопок, кофе, какао, чай, каучук, сахарный тростник, индиго и т. п.). Будучи, как и зона обитания, внешним по отношению к населению фактором, ресурсы в период колониализма не в меньшей степени определяли судьбы соответствующих стран, чем климат или почва.

К числу внешних факторов относятся и те, что связаны с непосредственным вторжением колонизаторов. Во-первых, это колониальный капитал, олицетворенный в торговых связях, в капиталистическом рынке с его жесткими законами частнопредпринимательской экономики. Во-вторых, давление колониальных держав, сила политической и военной мощи европейцев. И наконец, в-третьих, — демонстрационный эффект, т. е. наглядная демонстрация достижений и преимуществ европейской цивилизации и капиталистической экономики, в меньшей мере также образа жизни, прав, свобод и гарантий личности. Все эти факторы можно свести к одному — эффекту колониализма. В таком случае стоит говорить о двух типах внешних факторов — природном и колониальном.

Группа вторая: факторы внутренние. Среди них исходный уровень развития данной этнической общности едва ли не на первом месте. Ведь в конечном счете именно он, обусловленный прежде всего внешним природным фактором, определяет едва ли не все остальное. Первобытность и полупервобытность населения Тропической Африки убедительно доказывает этот тезис. Второй важный внутренний фактор, тесно связанный с первым, — это религиозно-цивилизационный фундамент или, точнее, мощь этого фундамента. От него зависят все остальные внутренние факторы — характер и тип ориентации общества, его мировоззрения и культуры; готовность и интерес к плодотворным заимствованиям; сила традиции и ее готовность к сопротивлению; внутренняя сила общества и государства. Если свести все эти факторы к основному, то на передний план выйдут три: уровень развития, религиозно-цивилизационный фундамент и сила опирающегося на традицию государства.

Группа третья: обстоятельства. Здесь имеются в виду исторические случайности, включая непредсказуемый исход военных столкновений,

нахождение того или иного общества в данный момент (например, в период колонизации) на той или иной фазе его циклического развития. Следует принимать во внимание и расклад внутривосточных сил в тот или иной критический для данной страны момент, и случайно сложившуюся в данном регионе геополитическую конфигурацию (Сиам как барьер между английской и французской зонами колониальных владений в Индокитае). Важную роль в судьбах той или иной страны может сыграть драматическое или, наоборот, счастливое сочетание благоприятных случайностей и обстоятельств. Обобщая, вычленим два основных типа факторов, которые стоит принять во внимание, — случай и стечение обстоятельств. Оба фактора в истории чрезвычайно важны, ибо они могут повернуть ход событий, т. е. являются залогом неоднородности исторического развития.

Выстроим теперь вычлененные факторы в определенную цепь:

природный фактор;

уровень развития (речь о периоде колониализма);

религиозно-цивилизационный фундамент;

сила государства;

эффект колониализма;

случай;

стечение обстоятельств.

Если пропустить сквозь сито вычлененных факторов государства или группы (блоки) государств, о которых шла речь в предшествующем изложении, многое может проясниться и, в частности, можно будет достаточно обоснованно вести речь о потенциях трансформации различных стран Востока. Попытаемся это проделать.

Страны Востока и факторы трансформации

Необходимо оговориться, что в распоряжении исследователей нет строгой шкалы отсчета или каких-либо надежных количественных данных. Разговор может идти только о сопоставлении с единственно нужной для анализа позиции: что содействует трансформации традиционной структуры и что препятствует этому процессу?

Начнем с колониальных стран первого блока.

1. Природные условия *Индии*, несмотря на экваториальную зону и джунгли, в целом удовлетворительны, хотя ни особым количеством пряностей, ни слишком благоприятными условиями для выращивания товарной продукции эта страна не отличается. Уровень развития этого гигантского субконтинента, при всей пестроте его огромного населения, для Востока безусловно выше среднего. Роль религиозно-цивилизационного фундамента огромна, государства как института — незначительна. В этих условиях эффект колониализма в Индии ока-

зался едва ли не наивысшим из вообще возможных: англичане сыграли огромную роль в судьбах этой страны, чему способствовали и неблагоприятные для Индии случайности и обстоятельство.

Резюмируя итоговый расклад всех факторов, заметим, что природные условия, хотя они и были импульсом, привлечшим колонизаторов, решающей роли в последующем не сыграли. Уровень развития был благоприятным для возможной трансформации, традиционная слабость государства также этому способствовала, равно как и эффект колониализма, и исторические случайности. Что касается религиозно-цивилизационного фактора, то это была главная сила, противостоявшая трансформации. Иными словами, вектор силы мощного религиозно-цивилизационного фундамента всегда был направлен в сторону, противоположную усилиям колонизаторов. Примерно так же обстояло дело на Цейлоне, где к двум противостоящим факторам следует добавить и роль природных условий, объективно усиливавшую позиции колониализма (стремление европейцев к пряностям).

2. *Индонезия и Индокитай* (если исключить некоторые острова с их полупервобытным населением), а также близкие к ним по стандарту некоторые районы Северной Бирмы и Лаоса соответствуют среднему уровню развития и считаются весьма богатыми ресурсами. Государство здесь, кроме Вьетнама, не слишком сильно, хотя сильнее, чем в Индии. Но не очень велика и мощь религиозно-цивилизационного фундамента, к тому же многослойного, с взаимно погашающими влияние друг друга разнородными элементами. Случай и стечение обстоятельств здесь работали как в пользу колониализма, так и в пользу традиционного общества (исламизация, в частности, усилила его позиции). Если вывести из анализа, как нейтральные, случай и обстоятельства (они, как упоминалось, сыграли свою роль в Сиаме) и уровень развития, то расклад сил будет выглядеть примерно так: опирающийся на богатые ресурсы эффект колониализма против сравнительно слабых, но действующих воедино религиозно-цивилизационного фундамента и государственности.

3. Второй блок, *Тропическая Африка*. Богатые ресурсами, но крайне неблагоприятные для жизни людей природные условия, равно как и определенный ими уровень жизни здесь — факторы отрицательные. Религиозно-цивилизационный фундамент и государственность крайне слабы. В этих условиях о случае и стечении обстоятельств говорить не приходится, ибо ни то, ни другое ситуации изменить не в состоянии. Остается эффект колониализма, которому противостоит лишь опирающаяся на первобытные нормы отсталая традиция (включая религию и государственность). Исключения типа Эфиопии, увы, лишь подтверждают общее правило.

4. Второй блок, страны *Магриба, Сомали и Судан* (без Египта). Природный фактор и уровень развития можно считать средними, хотя на юге (Судан, Сомали) они ниже среднего. Религиозно-цивилизаци-

онный фундамент (ислам) исключителен по силе и устойчивости, по своей консервативной стабильности и сопротивляемости. Государственность и сила власти выше средней, хотя и ослаблена случайностями и обстоятельствами, которые оказались против нее и в пользу колониализма. Примерный общий расклад сил: эффект колониализма, опирающийся на благоприятные случайности и обстоятельства, против исламской традиции и государственности.

5. Третий блок, мир ислама, *Турция и арабские страны Азии*, а также *Египет, Средняя Азия, Кавказ и Афганистан*. Природные ресурсы (если не считать поздно открытых запасов нефти) средние, даже ниже средних; уровень развития средний, иногда заметно ниже среднего. Сила ислама и исламского государства различна. Случай и стечение обстоятельств тоже. Эффект колониализма заметен, но не одинаков: очень силен в Египте, наиболее слаб в Турции. Общий расклад сил: колониализм против ислама и исламского государства. В случае с *Ираном* расклад тот же, но в еще более жесткой форме противостояния. В случае с *Кавказом и Афганистаном* примерно то же, но при более низком уровне развития стран и народов и более жестких и неблагоприятных природных условиях, что на пользу традиции и объективно против колониализма. Примерно это же касается и отсталых арабских стран *Аравии*. Что касается *Средней Азии*, то здесь мягкие формы колониализма и слабость национальной государственности. Стечение обстоятельств явно в пользу колонизаторов. Эффект колониализма очевиден.

6. Четвертый блок, *Китай*. Природные условия средние, даже выше средних. Уровень развития выше среднего, может быть даже наивысший на фоне всех остальных стран Востока. Здесь — гигантская сила цивилизационной традиции и огромная мощь традиционного государства. Эффект колониализма ниже среднего. Но вот случай и стечение обстоятельств в XIX — XX вв. оказались против традиции и в пользу колониализма. Общий итог: сравнительно слабый эффект колониализма против мощной традиции, олицетворенной высокой цивилизацией и сильной государственностью.

7. Четвертый блок, *Япония*. Природный фактор и уровень развития средние, сила государства невелика, но роль цивилизационного фундамента огромна, причем в его пользу случай и стечение обстоятельств. Эффект колониализма уникален по характеру: сила его крайне незначительна, а влияние колоссально. Здесь фактически нет противостояния (опять-таки нечто уникальное на общем фоне), а общий вектор примерно таков: динамичная традиция, опирающаяся на цивилизационный фундамент и использующая благоприятные для нее случайности и обстоятельства, активно впитывает все полезное и усваиваемое из того, что выше было названо эффектом колониализма, учитывая при этом, что в данном случае этот эффект предстает в наиболее благопри-

ятном варианте, при почти не ощущаемом военно-политическом нажиме держав и колониальной торговле, выгодной для самой Японии.

Итак, семь вариантов. Соединив четвертый и пятый (исламские), получаем шесть основных моделей:

Модель первая, исламская: эффект колониализма или, иначе говоря, Запад против ислама, его мощной религиозной традиции и сильного государства.

Модель вторая, африканская: колониально-капиталистический Запад против первобытности и полупервобытности, опирающихся на примитивную традицию и крайне слабую государственность.

Модель третья, индийская: мощный эффект колониализма против мощной цивилизационной традиции с ослабленной государственностью.

Модель четвертая, юго-восточно-азиатская: мощный эффект колониализма против сравнительно ослабленной цивилизационной традиции и государственности.

Модель пятая, китайская: слабый эффект колониализма против необычайно мощной традиции, цивилизации, государственности.

Модель шестая, японская: динамичная традиция, обогащаемая за счет Запада.

Из этих шести моделей для последующего разбора можно исключить — коль скоро идет речь о возможных потенциях трансформации — модель вторую, африканскую. Совершенно очевидно, что здесь внутренних потенций для трансформации практически нет, что только силовое воздействие извне и в буквальном смысле слова навязывание Тропической Африке европейских капиталистических стандартов оказались практически единственным импульсом, способствовавшим трансформации. Логично сделать из этого вывод, что и в последующем, т. е. после деколонизации, трансформация будет идти преимущественно за счет капиталистических методов, тогда как попытки изменить ее характер за счет усиления роли государства и огосударствленной по марксистско-социалистическому стандарту экономики объективно могут лишь привести к выходу на авансцену той самой первобытной общинной традиции, о которой уже упоминалось.

Можно также объединить в подварианты третью и четвертую самостоятельные модели. В этом случае количество их сведется к четырем: *исламская, индо-юго-восточно-азиатская* (сильные позиции колониализма против слабой местной государственности, но с подвариантами: при сильной и при ослабленной цивилизационной традиции), *китайская* и *японская*. О феномене Японии уже шла речь, так что эту уникальную модель из анализа можно исключить. Остаются три — *исламская, индо-юго-восточно-азиатская* и *китайская*. Собственно, именно эти три охватывают собой практически весь Восток (кроме территориально небольшой Японии и Тропической Африки), именно они соответствуют трем великим цивилизациям Востока —

исламской, индо-буддийской и дальневосточной, конфуцианской. Это означает, что основные факторы и потенции трансформации в конечном счете логично сводятся к цивилизационным в своей глубинной основе моделям.

Индия и Юго-Восточная Азия: потенции трансформации

О факторах, оказывающих воздействие на процесс трансформации, уже говорилось; составлена и генеральная формула модели в двух ее модификациях — для Индии и для Юго-Восточной Азии. Основная характеристика модели — исключительно важная роль колониального капитала и колониальных держав для стран, давно и надолго превращенных в колонии. Само собой разумеется, что государства здесь, если они были, оказывались под высшей властью колониальной администрации, имели мало реальной власти и отличались внутренней слабостью. Как упоминалось, разница между обеими модификациями этой модели сводится к сильной индийской и слабой, сущностно разноречивой юго-восточно-азиатской цивилизационной традиции. Что можно в связи с таким раскладом сказать о потенциях внутренней эволюции и вызванной воздействием колониализма трансформации?

Сначала об Индии. Казалось бы, здесь потенций крайне мало. Мощная сила общинно-кастовой структуры почти не была поколеблена английской администрацией и колониальным капиталом. Но зато ее инертность позволила англичанам практически без особых усилий наращивать промышленный капитал и соответствующую инфраструктуру и тем самым создавать промышленно развитые анклавы. А поскольку работали в сфере промышленности и инфраструктуры не только англичане, но и индийцы, равно как и представители иных религиозно-цивилизационных групп населения (мусульмане, парсы и др.), то феномен симбиоза осуществлялся здесь не в чистом виде. Напротив, английская в своей основе капиталистическая экономика постепенно втягивала в сферу своего воздействия индийцев. Основное большинство населения традиционно жило в общинах и не имело с внешним миром никаких связей, кроме тех, что диктовались законами общины и касты. Меньшинство же, своего рода аутсайдеры, среди которых, особенно на уровне социальных верхов, было немало выходцев из брахманских каст, не то чтобы вовсе разрывали связи с традицией, особенно кастовыми нормами, но как бы ослабляли эти связи (заботливо их сохраняя, как своего рода надежный тыл, опору на родную почву) и включались в сферу воздействия колониального капитала, английской администрации и вообще принципов западной цивилизации.

Это значит, что, несмотря на мощную инерцию индуистской традиции, в Индии были определенные потенции для внутренней эволюции и капиталистической трансформации. Но, во-первых, эти потенции могли быть реализованы только в ходе длительного, постоянного и целенаправленного силового воздействия внешних факторов, эффекта колониализма во всей его полноте. А во-вторых, они были весьма ограниченными, затрагивали лишь меньшинство населения и, главное, формировались строго под воздействием и в русле тех стандартов, что были принесены англичанами. Стоит оговориться, что эти стандарты, прежде всего вестминстерская парламентская демократия, английские принципы судопроизводства и всей администрации, оказались весьма подходящими именно для Индии с ее традиционно незначительной ролью бюрократической государственности, ее терпимостью и склонностью к плюрализму ориентиров и мнений, что и было весьма тщательно учтено руководством Республики Индия после обретения страной независимости. Но все же речь идет именно о чужих, заимствованных извне стандартах буржуазной демократии. Поэтому, в-третьих, потенции эволюции и трансформации были не только ограниченными и сформировавшимися в результате длительного воздействия со стороны западных стандартов, но и как бы результатом взаимодействия своего и чужого. При этом едва ли не вся институциональная основа была чужой (о возникновении в Индии государственной экономики, функционально сблизившей ее с другими развивающимися странами, можно говорить лишь применительно к временам республики), тогда как своими были лишь те традиционные нормы жизни, включая и законы каст, которые со временем наложили столь существенный и заметный отпечаток на заимствованные у англичан институты и процедуры, включая парламент, суд, выборы и т. п.

Другими словами, можно сделать вывод, что потенции, о которых идет речь, не были чем-то спонтанно существующим и лишь ждущим благоприятных обстоятельств для того, чтобы быть вызванным к жизни. Они были буквально созданы англичанами за долгие годы их колониального господства, примерно так же, как это было сделано в Африке, скажем, в Нигерии. Разница лишь в исходной стартовой позиции, т. е. в уровне развития, который давал Индии с ее многотысячелетней цивилизацией несомненные преимущества при сравнении с той же Нигерией. Но, будучи чуть ли не искусственно созданы, эти потенции тем не менее начали активно функционировать и развиваться в достаточно благоприятных условиях, что и вело к успешной трансформации традиционной Индии. Существенно при этом заметить, что, функционируя на генетически чуждой институциональной основе, элементы новой структуры в колониальной Индии отнюдь не были слепком соответствующих английских институтов, о чем уже сколько-то было упомянуто. Совсем напротив, они были достаточно тесно связаны с традицией и не только опирались на нее, но и черпали именно в этой

опоре свою внутреннюю силу — ту самую, что со временем позволила Национальному конгрессу сменить английскую администрацию и возглавить независимую республиканскую Индию. Важно обратить внимание и на то, что традиционная структура Индии и ее цивилизационный фундамент не были благоприятны для поиска радикальных и тем более насильственных способов социального переустройства. И далеко не случайно, как о том в свое время уже шла речь, именно Индийский национальный конгресс с его ненасильственными действиями и заимствованными у англичан буржуазно-демократическими институтами и процедурами оказался признанным выразителем интересов всей Индии.

Что же касается экономики современного типа, то она к моменту деколонизации Индии представляла собой сектор частнособственнического предпринимательства, активно функционировавший усилиями английских и индийских фирм наряду с продолжавшим существовать сектором традиционным, охватывавшим преимущественно сельское хозяйство, промыслы, традиционное ремесло и торговлю. Третьего — государственного — сектора в колониальной Индии практически не было, если не считать предприятия, обслуживавшие нужды колониальной администрации и по характеру отличные от традиционного государственного хозяйства на Востоке.

Юго-восточно-азиатская модификация отличалась от индийской как слабостью и внутренней разноречивостью религиозно-цивилизационного фундамента, так и некоторым отставанием в уровне развития, что, впрочем, кое-где компенсировалось сравнительно большей ролью государства, сосуществовавшего с колониальной администрацией или лишь формально подчинявшегося ей. Здесь тоже был (особенно в Индонезии и Малайе) распространен феномен симбиоза, хотя он со временем терял свою чистоту, ибо в сектор колониальной экономики активно втягивалось местное население или прибывшие из других азиатских стран мигранты. Как и в случае с Индией, длительное воздействие колониализма вело здесь к формированию в недрах традиционных обществ элементов капиталистической структуры, ориентировавшихся на европейский стандарт институтов. Однако более низкий исходный уровень развития в большинстве стран этого региона тормозил этот процесс. Роль катализатора в юго-восточно-азиатском регионе сыграли китайцы-хуацяо.

Феномен хуацяо, в последние десятилетия привлекавший к себе все большее внимание специалистов, имел огромное значение в судьбах Индонезии, Индокитая и Филиппин. Именно китайцы с наибольшей легкостью и умением вписывались в те параметры создававшейся колонизаторами новой экономической структуры, которые оказывались чуждыми для большинства местных жителей. Китайцы-хуацяо, как это ни парадоксально, оказались сущностной основой тех потенциалов эволюции и капиталистической трансформации, которые мы можем

вычленил в странах Юго-Восточной Азии. Что же касается местного населения, особенно мусульманского (но также и католического на Филиппинах или буддийского в странах Индокитая), то оно демонстрировало эти потенциалы в неизмеримо меньшей степени. Трудно даже сказать, как эволюционировали бы страны региона без хуацяо. Во всяком случае о внутренних потенциалах среди местного населения особенно много говорить не приходится: оно и по сей день в этом плане сильно отстает. К слову, именно это обстоятельство сравнительно рано вызвало к жизни феномен государственного протокапиталистического хозяйства в странах региона, особенно в независимом Сиаме, а также в Малайе, Индокитае и Бирме после их деколонизации.

Подводя итоги, можно заметить, что как ни невелики элементы капиталистической структуры в колониальной Индии, в Юго-Восточной Азии они, если не считать хуацяо, еще меньше. И речь идет не столько о спонтанных внутренних потенциалах, которых практически не было, сколько о тех, что могли бы быть сформированы и действительно формировались на протяжении длительного периода активного воздействия колониализма на традиционную структуру Южной и Юго-Восточной Азии. Что же касается хуацяо, решительно изменивших ситуацию в этом смысле, то о них целесообразно вести речь, когда будет говориться о потенциалах дальневосточной группы стран.

Потенции мира ислама

Генеральная формула модели: колониальный капитал и европейские институты против норм и стандартов ислама, его мощной традиции и государственности. Эта модель тоже имеет модификации. Отдельно можно вести речь о Турции, особого слова заслуживают Египет, шиитский Иран, Средняя Азия, не говоря уже о горах Кавказа и Афганистана. Даже арабские страны, длинной полосой протянувшиеся от северо-западной части Африки до Персидского залива, весьма неодинаковы, особенно если иметь в виду нефтедобычу последних десятилетий и связанные с огромными доходами преобразования в богатых нефтью отсталых странах. Учитывая все эти модификации, можно тем не менее выработать общую характеристику потенциалов трансформации исламских стран, включая бывшие до деколонизации частью колониальной Индии Пакистан и Бангладеш.

Мусульманские торговцы всегда были хорошо известны на средневековом Востоке. Именно за счет их усилий далекие товары, а с ними и идеи ислама проникали в Юго-Восточную Азию еще до появления там европейских колонизаторов. Торговле покровительствует и Коран, что вполне естественно, если принять во внимание обстоятельства появления этой книги, происхождение пророка Мухаммеда, выросшего

на торговом пути вдоль Аравии и в молодости бывшего торговцем. Но средневековая торговля, которой арабы активно занимались на всем Востоке, включая Африку, была традиционной и вписывалась в нормы ислама. Большим престижем она не пользовалась, а отсутствие прав и гарантий для богатых собственников делало занятие ею безубыточным лишь на расстоянии от сильного государства. Между тем именно сильное государство было чуть ли не неотъемлемым атрибутом развитого исламского общества.

Упадок исламской государственности (кризис Османской империи, а затем и шиитского Ирана) способствовал колонизации стран Магриба и установлению английского протектората в Египте в XIX в. Он же, наряду с некоторыми другими факторами, как например, соперничество колониальных держав, привел к колонизации арабских государств или превращению этих государств в зависимые в XX в., к завоеванию Кавказа и Средней Азии, а также вмешательству держав в дела Турции и особенно Ирана и Афганистана. Как сказался эффект колониализма на потенциях трансформации мира ислама, включая и мусульман Индии?

В самом общем виде ситуация примерно такова. В отсталых странах, где влияние колониализма было сравнительно недолгим (Аравия, Афганистан, Кавказ, Средняя Азия, часть арабских стран Африки), трансформация была не слишком заметной, если не считать чужеродных колониальных анклавов типа Танжера или Адена. Конечно, проникновение колониальных товаров, создание элементов инфраструктуры, организация промышленных предприятий меняли традиционный облик соответствующих стран. Но при этом большую роль в такого рода переменах играли сами колонизаторы или поселенные в мусульманских странах европейцы-колонисты. Исламское же традиционное большинство продолжало жить по привычным нормам и активно сопротивлялось нововведениям*. Примерно та же картина была и в странах, где влияние колонизаторов или их давление сказывалось долго и где первоначальный уровень развития был более высоким (Турция, Египет, Иран, Пакистан и Бангладеш). Сходство в том, что подавляющее большинство продолжало жить по нормам ислама и сопротивлялось чуждым влияниям, а также в том, что элементы колониально-капиталистической структуры, равно как и институты буржуазной демократии, вносились преимущественно за счет усилий колониалистов, хотя в Турции это происходило иначе и шло от европеизировавшихся руководителей страны (имеются в виду как реформы, так и революционные преобразования). Но разница была в том, что длительное воздействие колониализма (в Египте, в странах

Магриба, Пакистане, Бангладеш) или просто давление извне (в Турции и Иране) вело к постепенному внедрению в традиционную структуру элементов иной, капиталистической. При этом именно в тех странах, где существовало более или менее независимое государство (Турция, Иран, Египет), а также и в остальных после достижения ими независимости наиболее сильным в экономическом плане быстро стал сектор государственный.

Государственная протокапиталистическая экономика была альтернативой частнокапиталистической европейского типа. И тот факт, что во всех странах ислама, где появлялось самостоятельное государство, наиболее быстрыми темпами развивалось именно государственное хозяйство современного типа, убедительно свидетельствует об отсутствии в мире ислама внутренних потенций для активизации частно-предпринимательской деятельности, да и вообще потенций для трансформации по еврокапиталистическому стандарту. Длительное воздействие извне создавало некоторые условия для появления такого рода потенций, но это шло еще более медленно и менее активно, нежели то было в Индии, не говоря уже о Юго-Восточной Азии с ее хаосом. Практически наиболее ощутимые элементы капиталистической структуры фиксируются лишь в Турции и Египте. В Иране они были менее заметны, а попытки шаха искусственно форсировать процесс капиталистической модернизации при ведущей роли государственной экономики привели к революции 1978 г. Пакистан и Бангладеш близки к Турции и Египту по типу развития, но отстают по темпам и уровню (объективно это как раз свидетельство того, о чем только что упоминалось: в рамках колониальной Индии аналогичный процесс шел быстрее, чем в странах ислама, отчего сравнительно отсталая исламская часть Индии типологически наиболее близка к самым развитым странам ислама).

В целом мир ислама с его усилившейся после деколонизации государственностью настроен наиболее непримиримо по отношению к еврокапиталистической структуре и соответствующим институтам, включая элементы цивилизации и буржуазной демократии. Здесь наиболее часты (если не считать Тропическую Африку) военные перевороты, свидетельствующие о слабости и внешней чуждости институтов буржуазной демократии; здесь наиболее воинственно подчеркивают приверженность к собственной религии и санкционированным ею социальным, моральным и духовным ценностям и стандартам (кроме Турции, едва ли не все исламские государства официально провозгласили ислам государственной религией); здесь наибольшее (если не считать Тропическую Африку) значение имеет сектор государственной экономики и, пусть не везде, достаточно слаб сектор частнокапиталистический. Даже приток нефтедолларов не изменил сущность структуры, хотя и резко изменил уровень жизни в богатых исламских странах. Словом, внутренние потенции для трансформации

* Стоит особо оговориться, что с образованием СССР ситуация в республиках Кавказа и Средней Азии заметно изменилась, о чем вкратце уже было сказано.

по еврокапиталистическому стандарту в мире ислама едва ли не наименьшие из трех моделей, о которых идет речь. И не только слабы потенции трансформации, но необычайно сильны противостоящие им силы противодействия, сопротивления трансформации.

Потенции трансформации стран дальневосточной цивилизации

Дальневосточная (конфуцианская) модель характеризуется противостоянием слабых позиций колониализма сильной цивилизационной традиции. Известна она в двух основных модификациях — китайской, с традиционно сильным государством, и японской (вариант — хуацяо), с ослабленной или вовсе, в случае с хуацяо, почти отсутствующей государственностью. Хотя японская модель была выделена типологически особо, причем было оговорено, что о ней речь идти не будет, упоминание о ее существовании в качестве модификации китайской существенно для того, чтобы вычленить феномен хуацяо, стоящий как бы между китайским и японским вариантами некоей общей модели, которую в этом случае можно было бы именовать дальневосточной.

Что характерно для китайской модели в интересующем нас плане? Высокий уровень развития цивилизации и санкционированная конфуцианством еще более высокая культура труда, этика и дисциплина труда. А это частично сближает китайско-конфуцианский стандарт с тем самым пуританско-протестантским образом жизни, в котором М. Вебер видел один из важных истоков капитализма. Ни в мире ислама, ни в индо-буддийской цивилизационной традиции ничего подобного нет — при всем том, что и там люди исправно делают свое дело. Это и есть основа тех внутренних потенций трансформации, которые мы пытаемся выявить на традиционном Востоке.

В чем тут смысл? Из предшествующего изложения очевидно, что права и свободы, гарантии собственности и личности и вообще все буржуазно-демократические институты и процедуры были нужны антично-капиталистическому обществу не сами по себе (хотя их самоценность очевидна, особенно в наши дни), но именно в качестве условий, обеспечивающих эффективную экономику, которая основана на энергии и инициативе предпринимателя, осуществляется на его страх и риск и на его средства. На всем Востоке прав и гарантий не было, но опиравшаяся на высокое качество труда эффективная экономика все же могла существовать, если для этого были необходимые условия.

Именно такие условия создались в системе конфуцианской цивилизации с ее культом посюсторонней ориентации, патернализма, высокой морали, дисциплины и постоянного самоусовершенствования,

даже активной соревновательности во всем, прежде всего в труде. Все это можно в какой-то мере воспринимать в качестве эквивалента отсутствующих прав и гарантий. И правомерность такого подхода лучше всего видна именно на примере хуацяо: попадая в страны с более низким уровнем развития, китайские мигранты несут с собой все основные элементы развитой китайской конфуцианской цивилизации, что дает быстрый экономический эффект.

На вопрос, почему же аналогичного эффекта китайцы не добиваются у себя дома, ответ, как говорилось, известен: в Китае реализации внутренних потенций мешало всесильное государство с его стригущим всех под одну гребенку могущественным бюрократическим аппаратом власти. Вне Китая сильного государства не было. Слабая же государственная администрация не препятствовала проявлению потенций хуацяо, а для защиты себя от зависти и недоброжелательства со стороны местного населения китайские мигранты организовывались в спаянные жесткой дисциплиной социальные корпорации мафиозного типа, функционировавшие на основе хорошо известных всему Востоку патронажно-клиентных связей, к тому же резко усиленных традиционным конфуцианским духом патернализма.

Эффект колониализма на Дальнем Востоке оказался сравнительно слабым, так что традиционная китайская структура, даже в условиях ослабленного неблагоприятными обстоятельствами государства, сумела противостоять его воздействию и во многом нейтрализовать его. После революций (даже и до них, еще в XIX в.) быстрыми темпами развивался сектор государственной протокапиталистической экономики, оказавшийся к середине XX в. много более сильным, чем сектор экономики частнокапиталистической.

Что же касается сектора традиционной экономики, то он в условиях трансформации развивался медленно. Более того, сопротивлялся преобразованиям. Здесь ситуация близка к тому, что имело место в странах ислама. Однако это сходство ситуации не должно заставить нас забыть, что, в отличие от мира ислама, в Китае были внутренние потенции для трансформации. Эти потенции уже были охарактеризованы на примере хуацяо. Они были продемонстрированы Японией. Ждали своего часа они и в Китае, как это стало вполне очевидно в наше время, в 80—90-е годы.

В чем суть потенций, продемонстрированных странами дальневосточной цивилизации? В самом общем виде — в том, что они обеспечивают эффективное экономическое развитие при определенных обстоятельствах.

К числу этих обстоятельств относится отсутствие сильного государства с могущественной бюрократией и соответственно изменение характера традиции. В измененном виде традиция склонна к полезным взаимодействиям, в первую очередь элементов еврокапиталистической структуры, как это было продемонстрировано, в частности, Японией

и хуацяо. Однако при этих заимствованиях сохранялись не менее сильные и значимые элементы культуры традиционной, что и позволяет в случае с Японией говорить о плодотворном гармоничном синтезе.

Менее гармоничным, но делающим свое дело следует считать и тот синтез, который демонстрируют хуацяо с их мафиозными корпорациями. Таким образом, сущность потенциалов в том, что они могут обеспечить плодотворный и гармоничный синтез, принципиально отличный от того уродливого силового синтеза, который являла собой государственная экономика в Китае в конце XIX и на протяжении большей части XX в.

Принципиальная разница здесь в том, что государственная экономика — эквивалент частнокапиталистической в тех обществах, которые не могут трансформироваться по еврокапиталистическому пути и (или) сознательно отвергают такой вариант развития, тогда как гармоничный синтез японского типа или типа хуацяо базируется на капиталистической основе и лишь обогащается (гармонизируется) за счет традиции. Отсюда и принципиально разный экономический эффект, не говоря уже о социально-политических, правовых и прочих институтах.

Часть четвертая

Современный Восток: процессы и проблемы

